

ПОЭЗИЯ

Двадцать первый век от Рождества Христова

2 * 2018



ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

ЛЕВ КОТЮКОВ

ВЛАДИМИР КУЧЕРЬ

ЭДУАРД ХАНДЮКОВ

ВАЛЕРИЙ ШИТЧЕВ

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

литературно-художественный
журнал

ПОЭЗИЯ

Двадцать первый век
от Рождества Христова

№ 2

POETRY

Twenty-first century

Anno Domini

Magazine

Literary edition

Moscow

~ • ~

Москва

2018

Главный редактор – Лев Котюков.

Зам. главного редактора

по орг. вопросам – С.С. Антипов,

Зам. главного редактора

по связям с общественностью – Г.Б. Осипов.

Редколлегия:

С.Ю. Газин (*ответственный секретарь*),

Э.В. Хандюков (*ст. контрольный редактор*),

С.В. Селезнёв (*зам. отв. секретаря*),

В.Н. Прохоров (*контрольный редактор*),

Е.Г. Яковлева (*редактор-корректор*).

Редакционно-издательский совет:

Председатель И.И. Переверзин,

В.И. Гусев, Ю.И. Воротнин, И.Е. Витюк,

Наталья Варлей, И.Ю. Голубничий, В.И. Зайцев,

академик РАН Г.А. Куманёв, Игорь Куринной,

В.К. Лория, академик РАН И.Б. Ушаков,

В.А. Шитуев, И.А. Шевченко, А.Г. Прихожанин,

Л.М. Снитенко, С.К. Соколовский, Татьяна Судец.

«ПОЭЗИЯ. Двадцать первый век от Рождества Христова».

*Литературно-художественный, культурно-просветительский
и образовательный журнал*

Учредитель и издатель:

Международная общественная организация писателей

«Международный Литературный фонд».

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77 – 52056 от 07.12.2012 г.

Адрес редакции и издателя:

123995, г. Москва, ул. Поварская, д. 52/55, стр. 1, комн. № 19

Тел. 8 (495) 691-45-24

e-mail: SergMerisar2@yandex.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Во избежание взаимных обид просьба представлять
компакт-диски CD-R или CD-RW и распечатку текстов.

**ДРУЗЬЯ,
ПРЕКРАСЕН НАШ
СОЮЗ!**



ЖАЖДА БЫТИЯ

I

Что такое Поэзия?! На этот вопрос есть сотни весьма талантливых определений. Одно из них принадлежит мне, многогрешному: поэзия это то, что невозможно выразить в самой поэтичной прозе. Но некоторые великие прозаики являют в своих творениях удивительные поэтические образцы. Например, Иван Тургенев, или Иван Бунин...

Но они родились поэтами, а прозаиками стала, как говорится, волей обстоятельств. Поэтому категорично заявляю: поэтами рождаются, а не становятся. И не нужно хмуро оспаривать меня, туманно намекая, что самое категоричное и точное определение чаще всего бывает самым неверным. Моё определение абсолютно верное, потому что правильное. И ещё раз резко заявляю: поэтами рождаются, а прозаиками становятся, иногда ради гонимых. А чаще всего просто из-за отсутствия искры Божией.

Иван Переверзин родился поэтом, а прозаиком стал, подобно великим своим предшественникам, упомянутым выше, в трудах неустанных и благотворных, поскольку без принуждения с юных лет отдал немало сил северным нивам. Но ни романы, ни повести, ни рассказы не заслоняют его поющую, поэтическую ниву, наоборот, как могучие леса обрамляют и хранят талант поэта для вечности от суховеев бесплодия над тёмной мерзлотой нашего русского безвременья. И это закономерно, поскольку Поэзия для Ивана Переверзина как вера в Бога, никогда не обращается в привычку, ибо Вера и Поэзия – это бесконечное, вечное открытие и постижение Истины.

Творчество друга-поэта всегда в радость. И говорить о нём, как о стихотворце и человеке, с одной стороны, дело весьма приятное, но с другой стороны, – не такое простое, как кому-то кажется... А в нынешней жизни, словно на грани последних времён, иным, с позволения сказать, гражданам нашего многострадального Отечества, кажется такое, что хоть Святых выноси... Ну да ладно, не о них нынче речь моя, не о «гражданах мира», живущих мороком химер, а о друге-поэте, о благородном светлом человеке и творце, которого, как говорится, лучше перехвалить, чем не доругать... Да, да, именно так, ибо бить крышкой рояля по пальцам талантливого пианиста не в моих правилах. чтобы потом, на радость бездарям, ругать было не за что. Ха-ха-ха!!! И да простит меня благосклонный читатель за столь вольный пассаж.

А если серьёзно: как-то почти разучились нынче люди говорить друг другу хорошее, а вот на разную словесную гадость стали падки, как на иностранную валюту. И это прискорбно, если не сказать больше... И, дабы не впасть в греховное уныние, вижу отчётливо ясный осенний день тридцатилетней давности и ладную, спортивную фигуру молодого поэта Ивана Переверзина, с которым меня познакомил некий литературный функционер так, ради вежливости, на всякий случай, а оказалось, на всю оставшуюся жизнь, ибо Господь не ведаёт случайности. *(Отмечу, что Иван – мастер спорта лыжам – и никогда не уступал лыжню в трудных гонках. И не только в гонках... – Прим. Л.К.)*

«Вот, Лев Константинович, поэт из Якутии Иван Переверзин! Надеюсь, найдёте общий язык!» – скороговоркой изрёк функционер и с облегчением растворился в издательском коридоре, ибо для литературного чиновника два поэта это уже многовато... А Иван Переверзин вместо того, чтобы бойко зачитать меня стихами в честь знакомства, деликатно предложил:

– Может, пойдём пообедаем?!

Откровенно говоря, предложение мне пришлось по сердцу – и не оттого, что был с похмелья и без гроша в кармане, а чисто по-человечески, ибо вспомнил историю, произошедшую с моим приятелем по Литинституту, талантливым поэтом Анатолием Передреевым, к сожалению, ныне безжалостно и несправедливо почти забытым.

А история такова. Анатолий Передреев сам сочинял мало, но много переводил ради заработка. И прекрасно переводил, особенно поэтов Кавказа, недаром его женой была уроженка Чечни, красавица Шема. Но как-то в издательстве «Советский писатель» его самонадеянно убедили обратиться к переводам прибалтийских стихотворцев. Дескать, пора тебе, Толя, выходить на Запад, тебя там во как оценят! И Толя доверчиво согласился.

И вот в ЦДЛ состоялась его встреча с видным то ли эстонским, то ли литовским, а может, латвийским классиком. *(Где-то они ныне, эти республиканские классики, лауреаты Ленинских и прочих премий?! Где эти «глиняные великаны» литературы народов СССР, которых слепили мастеровитые переводчики, куда подевались их немислимые гонорары? В каких социалистических республиках страны Забвения они теперь обитают?!.. – Прим. Л.К.)*

Прибалтийский классик величественно вручил Передрееву рукопись своих подстрочников, деловито посмотрел на часы и сухо изрёк с металлическим акцентом:

«Я пока схожу пообедаю,.. В ресторан писателей! А вы за это время ознакомьтесь с моими подстрочниками. Думаю, вам хватит одного часа, чтобы поставить мне вопросы, если что не поймете...».

Но Передреев не стал ставить ни вопросов, ни фингалов гостю с западной окраины СССР, а зашвырнув рукопись оного в ближайшую урну, вернулся в издательство «Советский писатель» и сказал: «Нет, ребята, обойдусь я без Запада. Давайте-ка мне срочно кого-нибудь с Кавказа! И без вопросов!..»

Почему мне вдруг вспомнилась эта история в первые минуты знакомства с Иваном Переверзиным?! Не знаю... Впрочем, не буду лукавить, – знаю, но не скажу! Ибо в недосказанном подчас в сто крат больше истины, чем в пересказанном... «И без вопросов!» И ещё, как говаривал другой мой Литинститутский товарищ, а именно, Николай Рубцов: «У матросов нет вопросов, у поэтов нет ответов!»

А с Иванов Переверзиным мы в первый день знакомства не только тихо пообедали в скромной редакционной столовой, но и сразу поняли друг друга – и как-то без лишних слов и стихов стали друзьями на всю жизнь. И не торопился в тот день никуда всегда стремительный Переверзин, хотя его с нетерпением ждали в журнале «Современник», ого-го какие киты русской поэзии – Станислав Куняев и Юрий Кузнецов, от чего-то не очень жалующие меня во время оное. Впрочем, зла на них не держу, хотя... Ну да ладно, не держу так не держу – и помолчу о сём ради красоты стиля и краткости изложения, ведь я о друге пишу, а не о себе многогрешном.

А об Иване Переверзине как о поэте для столичных изданий я написал одним из первых в журнале «Форум», в котором я заведовал поэзией и который, как ни странно, через пень-колоду, выходит по сию пору. Это было предисловие к лирическому циклу его стихотворений.

Стихи Ивана были опубликованы, а вот короткое моё предисловие из-за редакторского раздолбайства потерялось. Впрочем, дивиться тут нечему, ибо мой земляк и бессменный главный редактор журнала «Форум» Володя Муссалитин умудрялся постоянно как бы терять не только мои предисловия, но и повести с романами. Уверен, что он и поныне верен своей милой привычке – терять всё написанное Котюковым, земляк

как-никак, и остаётся только уважительно склонить голову перед стойкостью его литературного характера. Но правда жизни всегда в Истине! Каким-то невероятным чудом второй экземпляр предисловия уцелел и не сгинул в безднах спецхранов русской смуты глухих, лихих девяностых. И совершенно неожиданно, но, клянусь, не случайно предисловие отыскалось в старых моих рукописях, которые где только не приходилось оставлять в годы скитаний и гонений. И нынче я, наконец, могу опубликовать написанное почти двадцать пять лет тому назад с гранитной надеждой, что это не потеряется уже никогда. Итак, внимание, господа-товарищи хорошие-нехорошие! Ну хоть чуть-чуть внимания, ведь пред вами ожившие мгновения века минувшего!

Свет первородный

Иван Переверзин родом из далёкой, суровой, но светоносной Якутии. Человек нелёгкой судьбы – он не склонялся перед жестокими штормами нашей переломной эпохи – и никогда не предпочтёт сиюминутное вечному. Он – истинный поэт, – и нет для него последних времён, нет последней строчки. Он не из тех, кто приходит в сей мир лишь занять пустое место, он знает, что должен совершить в жизни земной, ибо человек не ведающий грядущих свершений своих, мягко говоря, подозрителен. Он – творец с чистой совестью, – и это главное, ибо совесть есть нравственное осознание в себе образа Божьего. И сила русской литературы, именно, в Со-Вести, т.е. совести Божьей.

Стихи Ивана Переверзина – глубинная исповедь любящей души, исповедь открытая и сокровенная.

Как бы не талдычили не проспавшиеся горе-«рыночники», т.н. «новые русские» о бесполезности и коммерческой убыточности поэзии, Россия без стихов – это уже не Россия, а необитаемый голый остров. И всё явственней в яви земной чудовищная самоубыточность сих околотитературных самозванцев, и все явственней неугасимый свет отчего слова. В сердце родились и откликаются в добрых сердцах вещице строки Ивана Переверзина;

*Но ты звучи и лейся свет, –
Мне легче с музыкой твоею!..*

Иван Переверзин – поэт широкого дыхания, он владеет тайной самоцветного русского письма, звучна и летуча его речь, ярки, объёмны и живописны его жизнеутверждающие образы. Мне думается, что Ивана Переверзина можно по праву назвать одним из ведущих поэтов новой русской волны на рубеже тысячелетий. Недавно его книга стихотворений «Снежные ливни» была отмечена престижной литературной премией «Полярная звезда».

Я уверен, что поэтическая звезда Ивана Переверзина будет всё ярче сиять на небосводе отечественной словесности, ибо поэтами не становятся, а рождаются!

Лев Котюков
Лауреат премии Литературной газеты за 1990 год.

Да, да, именно, лауреат премии той «Литературной газеты», которая впоследствии почти пятнадцать лет неутомимо поливала гнусной клеветой и бездарной ложью меня, многогрешного, а ещё больше моего друга и поэта Ивана Переверзина

за то, что мы в тяжкие, ненастные годы гонений и скитаний остались людьми и не зарыли искру Божью в могильную землю.

Впрочем, не о том нынче речь – и оставим за скобками неласковое прошлое ради краткости изложения и красоты стиля, ибо само время справедливо расставило всё по своим местам.

А что касается моего предисловия к подборке стихотворений Ивана, умело потерянного редакторами-раздолбаями, то оно, как капля океанской воды содержит в себе моё предельно искреннее ощущение генокода поэзии Переверзина, – и по прошествии стольких многострадальных, переменчивых лет я и запятой не могу, да и не хочу в нём поправить.

II

Кто сказал, что истина рождается в споре?! Нет ответа! Но я отвечу: это сказал отец лжи. И люди простодушно поверили. А в споре, большей частью, рождается ненависть и зло, а не истина. И нынче в преддверии последних времён, когда в мире идёт страшная борьба Числа и Слова, это особенно очевидно. И, похоже, власть Числа в планетарном масштабе почти достигла высшей отметки. Число буквально, а не виртуально, правит этой жизнью через ноль. Множит на этот чёртов ноль всё – от единицы до бесконечности и обращает человека в корень квадратный из минус единицы. Но жажда истинного Бытия никогда не иссякнет в душах людских и противостоит земной нежити и неземному безумию.

Именно об этом светлые, родниковые, светящиеся серебром, на первый взгляд, незатейливые строки Ивана Переверзина:

Пойду в леса развеять душу,
Привечу белку или рысь...
Найду метличку, тихо дуну –
И семена подхватит высь

Я разбегусь, раскинув руки,
И – обопрюсь о синеву –
Там крови нет, там нет разлуки,
Там смерти нет, там я живу.

Вот они семена, прорастающие в небо! Вот она вечная жизнь в слове отчем! И обязательно прорастут заветные семена любви, ибо не было Числа в начале, не будет его и в конце. И не Числом, а Словом по воле Божьей останавливали Солнце. Но жёстко понимая свою ущербность, Число мстит человеку выбросами зла, сравнимого со вспышками на Солнце, порождающими чудовищные магнитные бури, в тайне надеясь обратить само Солнце в чёрную дыру.

Я процитировал стихи из книги Ивана Переверзина «Северный гром», о которой в своё время много говорили. Эту книгу отметил, как явление, великий русский художник Илья Глазунов, Царство ему Небесное, и не просто отметил, а публично назвал Переверзина поэтом равновеликим Тютчеву и Рубцову. Это, естественно, вызвало весьма неравновеликую реакцию так называемого «литературно-экспертного сообщества», а вернее, сборища мелковеликих завистников, коим нет и не будет, увы, никогда перевода в Отечестве нашем, коим нет никакого дела до страшной незримой борьбы Числа и Слова, ибо они вне Слова да и, пожалуй, вне Числа.

А вот эти, наполненные громовой энергией, строки Ивана Переверзина беззаветно верны Слову Истины и противостоят Числу во времени ради вечности земной и небесной.

Стою с врагом глаза в глаза,
И грудь к груди, вплотную!
И на грозу идёт гроза
В атаку лобовую.

Сломает, может быть, меня
Не время, так житуха, –
Но мы для вечного огня –
Ведь рождены, братуха!

Пройдусь брусом по топору,
Пришпорю иноходца!
Я сам собою не умру, –
Меня убить придётся.

И травы ржавы, и заря,
как ржавая кольчуга,
где рать прошла и где не зря
Мы верили друг в друга!

Я думаю, комментарии здесь излишни, но всё-таки не удержусь и добавлю: с таким другом-поэтом как Иван Переверзин можно без страха идти и в разведку, и ... в контрразведку с надеждой, да чего там с надеждой, с твёрдой верой, что с честью вернёшься в родные пределы.

Истинный светоносный талант всегда открыт чистым сердцам, только Истинный грешники и безумцы таят от друзей искру Божью. «Не может укрыться город, стоящий на верху горы». – сказано в Евангелие от Матфея, Гл. 5, ст. 14.

Этот город стихов Ивана Переверзина увидел великий Илья Глазунов, увидел выдающийся Валентин Распутин, увидел и я, многогрешный... Да и как его не увидеть после таких проникновенных строк, обжигающих до глубины всю твою душу:

Домой пора! Хочу домой! Но дома
Никто не ждёт в рассветной мгле, увы...
Но та же на дворе звенящая солома,
И тот же запах полевой травы.

И те же петухи горланят песни,
Особенно в час вешний – поутру.
Я там – умру! Я там весной – воскресну!
И никогда, быть может, не умру!

Я прочитал эти стихи одному как бы известному поэту – и в ответ услышал железобетонное, равнодушное молчание. Но что делать: не всем дано в мире

Божьем сопереживающее понимание очевидного. Некоторые как бы пишущие, а больше завидующие «коллеги» упорно «не замечают» этот неповторимый город в силу своей духовной слепоты и глухоты душевной. А некоторые действительно, а не притворно, не видят явного. Но коль дано, значит, не дано, а значит, не надо... И нечего метать бисер перед известно кем... И остается только тяжело вздохнуть по поводу этих «непонимающих», которые в «миростроительстве» подобны гвоздям без шляпок, или шляпкам без гвоздей, *(Это уж как кому угодно! – Прим. Л.К.)* а, стало быть бесполезны в слове и деле. Но, как ни странно, эти гвозди без шляпок страшно любят поучать настоящих поэтов, тех, кто по праву является солью земли нашей, с фарисейским высокомерием наставляя: «Жить надо честно, писать надо талантливо!» Я уж не говорю, что с честностью, а тем более с талантливостью у этих субъектов весьма смутные родственные отношения. Но наглость и спесивость сей публики не устаёт меня поражать вот уж которое десятилетие. Даже сейчас, когда багаж лет и трудов литературных позволяет мне посылать подобных учителей жизни куда надо, я по инерции вступаю с ними в разговоры... О, как они жаждут этих пустых разговоров, как они силятся переговорить собеседника, доказывая, может быть, самим себе, что они умнее, честнее и талантливее, чем ты, читая как бы наизусть, взхлёб километрами угловато-истеричные вирши горемычной Цветаевой, цитируя сомнительные высказывания г. Набокова и Ницше... Льва Толстого и Сталина на них нет! И доказывают совершенно обратное, к сожалению, не самим себе...

В своё время, на заре туманной юности, внимая поверхностным словоблудам от Поэзии, не скрою, сам поддался на гнилую прелесть учительства и подсознательно решил не высовываться в «умные», а учиться у дураков. Ха-ха-ха! Но что было, то было! Как говорится, без песни слов не выкинешь... Сначала я решил узнать, как не надо писать, а потом во всей полноте познать, как надо писать. Нынче я не знаю ни первого, ни второго, обхожусь без третьего – и счастлив, словно Дон Жуан, прощённый всеми обманутыми женщинами и бабами. И тысячекратно прав великий Маяковский, сказавший: «Поэзия – это езда в незнаемое!»

«Эк, однако, куды Котюкова занесло... Обещал о друге-поэте рассказать, а сам о себе, любимом, талдычит...Эгоист! А ещё других разоблачает...» – насучится какой-нибудь деклассированный стихобрёх, наискосяк читая вышеизложенное.

«А вот и не туды попали! Не в яблочко! Промахнулись! Не суждено вам стать Робин Гудом, господин стихобрёх!.. – отвечаю я, – Я знаю, куда иду – и грядущий мой путь и мои раздумья о друге-поэте не отнимет никто!»

Ивана Переверзина тоже, подобно мне для пользы дела пытались наставлять «как надо и как не надо» жить и работать в литературе. И порой совершенно искренне и почти дружески, как бы с благими намерениями. И в ледовитой Якутии, и в ядовитой Москве.

Не буду называть фамилий матёрых северных литаппаратчиков, которые самонадеянно пытались отрихтовать по своим убогим идеологическим лекалам оригинальный талант молодого поэта, слишком много чести, да и ничего не скажут их должности и прозвища ныне. А вот имена настоящих поэтов, классиков якутской литературы, Ивана Гоголева и Алексея Михайлова назвать надо обязательно.

Иван Гоголев, которому с тетрадкой стихов пришёл двадцати двухлетний паренёк из сельской глубинки, не только с доброй улыбкой принял Ивана Переверзина, но с радостью написал предисловие к подборке его стихов и рекомендовал их в журнал «Полярная звезда», где они были незамедлительно опубликованы. Поэт Алексей Михайлов не отстал от Ивана Гоголева и со своим доброжелательным напутствием

направил стихи молодого поэта в газету «Социалистическая Якутия», где их сразу же напечатали. Ну, как тут в сердцах не воскликнуть: «Да, были люди в наше время!»

А в Москве над Переверзиным взяли опеку аж четыре «К» – тогдашние главари журнала «Наш современник»: Станислав Куняев, Юрий Кузнецов, Геннадий Касмынин и, формально примкнувший к ним властитель поэтических умов того времени Вадим Кожинов.

(Однако, ныне обращаясь к литературоведским трудам Вадима Валерьяновича Кожинова, в частности, к его, как считалось, тузовой книге «Стихи и поэзия», с огорчением отмечаешь некоторую заданность, ограниченность и предвзятость в оценках художественных достоинств и недостатков русских поэтов. Кожинов, например, категорически не принимал очень самобытного поэта и человека Владимира Фирсова. И когда коллеги с подначкой указывали на это Фирсову, тот совершенно спокойно и справедливо отвечивал: «А что мне его признание?! Мои стихи любил Юрий Гагарин, Сергей Королёв и сам Брежнев! А предисловие к моей первой книге написал Михаил Александрович Шолохов! Больше никому не написал, только мне одному. Вот так-то...» Кстати, Иван Переверзин, будучи большим поклонником Владимира Фирсова, издал двухтомник его избранных стихотворений. Но это я так, к слову, не покушаясь ни на чьи авторитеты.

И всё-таки скромно добавлю, что сам был чуть не затоптан и низведён в поэтическую пыль в лихие годы литературными авторитетами, то есть «К». Но своевременная помощь друга-поэта Ивана Переверзина в издании моей книги стихотворений «Страх любви», да и просто его человеческая поддержка помогли мне не потерять себя, кстати, именно за эту книгу я был отмечен Святейшим Патриархом Алексием Вторым, Царствие ему Небесное! – и стал первым поэтом в истории России, удостоенным Патриаршей премии. – Прим. Л.К.)

Достойнейшие люди и литераторы взяли над Переверзиным шефство в столице, к сожалению, последние трое ныне покойные. Но, да простится мне вольнодумное предположение, что они, как и якутские литаппаратчики, практически и метафизически не оказали никакого влияния на энергетическую, первоизданную самость Ивана Переверзина, ни в поэтической учёбе, ни в жизни.

Я сам, как говорится, на своей шкуре, испытал неукротимый системный напор этих талантливых людей, но, не совпав с ними в понимании и непонимании существующего и несуществующего, отошёл в сторону, дабы сберечь запасы творческой воли для времён иных. Но Иван Переверзин, в отличие от меня, в сторону не отошёл – и не от того, что не захотел терять дружбу маститых деятелей и соблюдать приличия литературной дисциплины, а в силу твёрдости характера. И молодец! – говорю я по прошествии десятилетий. Молодец, ибо там, где воцаряется дисциплина и порядок, там кончается литература и начинается полный бардак. Иван Переверзин в полной мере знает это как общественный деятель и как творческий человек. И не удержусь, может, к месту, а может, не к месту, процитирую стихотворение Ивана:

С тобою мы в одном окопе
И враг один палит по нам.
Мы держим фронт, мы силы копим,
Но хлеб не делим пополам.

Когда хлебнём свинцовой каши
И выдержим, и – устоим, –
Какими будут речи наши,
О чём тот час заговорим?

Бывает грустно мне порою,
Что нас с тобою ссорит ложь:
Сегодня я тебя – прикрою,
Но завтра ты меня – убьёшь!

И закрою на сём тему литературного наставничества – и если кто-то чего-то не понял, то я не виноват. И вообще, если сказанное невозможно объяснить, то лучше всего воспользоваться необъяснимым во благо несказанного и здравого смысла, с коим нынче большие-большие проблемы и в жизни, и в литературе. А здравый смысл бытия предельно прост: не ставь предела своему совершенству – и Истина, по воле Божией откроется тебе!

III

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая и кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви: то я никто. И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею: нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...

Достигайте любви...

(Первое послание к коринфянам Святого апостола Павла, гл.13-14)

Этот вдохновенный гимн любви, написанный почти две тысячи лет назад, во всей полноте открывает нам Божью истину.

Все дары служения земного ничто перед Богом, если их не полнит всецело и не движет всевластно любовь, ибо истинная любовь по природе своей не частична, а целостна – и потому переживёт всё и пребудет во веки.

Без любви нет поэта и поэзия без любви – ничто! Попробуйте представить без любовной лирики Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Фета, Блока и Есенина, Маяковского и Пастернака, наконец! Невообразимо?! Да, невообразимо, ибо все великие не мыслили себя без любви – и потому их стихи навек в душах наших. Поэт без любовной лирики, даже очень, как говорится, раскрученный во времени, после смерти как-то быстро начинает тускнеть, теряться и обращаться в мнимую величину. Яркий и, увы, прискорбный тому пример – Александр Твардовский, который из «советского Пушкина», как величало его тогдашнее литературное холоуинство, легко и без ущерба большой литературе обратился в рядового стихотворца 20-го века.

Кстати, не случайно, будучи главным редактором журнала «Новый мир» он побарски отказал в публикации Николаю Рубцову. Да что там горемычный Рубцов, он и гениального Есенина не жаловал, величая, сквозь прокуренные зубы, неряшливым поэтом. Впрочем, я подробно говорил об этом в своей книге «Демоны и бесы Николая Рубцова», изданной не без поддержки Ивана Переверзина. За эту книгу меня, естественно, облили мелкой, дежурной литгрязью Станислав Куняев в журнале «Наш Современник» и В. Бондаренко в «Дне литературы», намекнув, что я не так уж и хорошо знал Рубцова, как рассказываю в своих воспоминаниях. Видимо, в отличии от них, неутомимых... Но, насколько мне известно, Станислав Куняев встречался с Рубцовым

пять или шесть раз, а вот В. Бондаренко вообще в глаза не видел поэта, с которым я одновременно закончил Литературный институт.

Уверен, что какой-нибудь озверевший недоброжелатель мой с негодованием прогнусавит: «Опять о себе, любимом, талдычит!» А я даже возражать не стану, ибо, если говорить начистоту, то у Ивана Переверзина стихов о любви больше, чем у меня раза в три, а может, и в четыре. И, уверен, вышеупомянутый А. Твардовский ну ни в какую его не напечатал бы, как не напечатал Рубцова. И пусть в меня бросают камни из стремительно редеющей кучки поклонников «советского А.С. Пушкина», то бишь А.Т. Твардовского! Пусть! В песок обратятся угрюмые камни ваши, не долетев до меня, многогрешного. А я в ответ недругам процитирую стихотворение, нет, не Ивана Переверзина, а своё, посвященное другу-поэту. И тряситесь, бездарные уроды: не от старости помрете, а от зависти!

Певцу любви

*Моему другу-поэту
Ивану Переверзину*

Всех соблазнить в подлунном мире
Готов антихрист в тёмный час.
Но ты, поэт, внимая лире,
Пой о любви, как в первый раз.

Пусть соблазняет нас лукавый,
Ведь он когда-то жил в раю.
Но ты, поэт, – сын Божьей славы –
Пой Богу про любовь свою.

Пусть не спасёт любовь от жизни,
Но вот от смерит – может быть...
И в страстный час прозреют выси,
Что нам дано ещё любить.

Пусть зло почти всеильно в мире,
Пусть Бог почти забыл про нас.
Но ты, поэт, внимая лире –
Пой о любви, как в смертный час!

Стихотворение опубликовано в моей книге «Пепел тьмы», вышедшей в 2015 году, но написано было где-то в году 2012. К сожалению, оно вылетело из небольшой подборки моих стихотворений, напечатанных в журнале «Наш современник». Может, его по «привычке потеряли» неведомые мне доброхоты, а, может, выдающийся мастер литературной интриги Станислав Юрьевич Куняев, главред журнала по каким-то непостижимым для меня соображениям решил его придержать. Может, до лучших времён последних?..

Кто знает?!

Впрочем, журнал «Наш современник» никогда меня особо не жаловал, печатал редко и скупно, в отличие от сладкоголосых певуний-поэтесс, для которых журнального места не жалели и которые дружно предали в трудный час великодушного главного редактора, как человека, как поэта, как благодетеля, дабы усладить тайное тщеславие своё. Но ожидать иного от подобной публики могут только те, кто ничего не смыслит по женской части. И забудем о них ради красоты стиля и краткости моего неловкого сочинения. Да, именно

неловкого!.. Потому что начинаю писать о друге-поэте и тотчас, как на автомате, вспоминаю свои житейские и литературные перипетии, и, наоборот... Но что делать, видно, так жаростно, так плотно свела меня Судьба с Иваном Переверзиным, что по иному не получается. И хорошо, что не получается, зато остаётся правда жизни, а не морок и ложь поэтических фантазий. А не желающие знать правду могут меня не читать, на сей счёт читыва предостаточно.

А на их жалкое признание я плевал с колокольни! Достаточно того, что мои сочинения благожелательно приняли такие выдающиеся творцы и подвижники великой эпохи, как Сергей Наровчатов, Арсений Тарковский, Виктор Астафьев, Михаил Лобанов, Василий Белов, Анатолий Иванов, Булат Окуджава, Юрий Любимов, Владимир Высоцкий, Геннадий Шпаликов, Александр Вампилов, Иосиф Бродский, Николай Рубцов, Виктор Боков, Николай Тряпкин, Владимир Соколов, Анатолий Эфрос, Виктор Пеленягрэ, Игорь Золотусский, Зоя Богуславская, Юлия Друнина, Белла Ахмадулина, Светлана Кузнецова, Наташа Варлей, Олег Даль, Леонид Филатов, Марина Кудимова и даже прикнувшийся к ним, после мелких колебаний, «многострадальный» Евгений Евтушенко... И, конечно, Святейший Патриарх Алексей Второй и незабвенный патриарх отечественной словесности Сергей Владимирович Михалков... Кстати, он также очень ценил Ивана Переверзина, который благодарно учредил Международную литературную премию имени С.В. Михалкова, лауреатом которой, естественно, является автор этих строк. И мне просто грех, наконец, не дать слово моему замечательному другу-поэту, ибо своевременно освободиться от собственного тщеславия всегда дело доброе. Итак, Песнь любви Ивана Переверзина!

Пронзительные, интонационные вибрации этих трагических, но неизбежных для истинной любви строк поистине потрясают. Любовь всегда поединок! Именно поединок, а не борьба хорошего и плохого, ибо в сей борьбе почему-то чаще всего побеждает нехорошее. Любовь – это поединок высоких, вечных чувств, а не временных смутных страстей.

* * *

Нет, не зови, чтобы пришёл...
Я никому теперь не нужен,
ведь выжжена душа, как дол,
а, может, и намного хуже.

Вокруг ни света, ни огня,
весна, а кажется, что осень...
Как будто сам Господь меня
без оправданья в бездну бросил.

В огромном скопище домов,
людей, трамваев, остановок –
не нахожу заветных слов,
чтобы уйти от злых уловок...

Вот и попал в одну душой,
причём, по собственной промашке.
Да, среди мёртвых я живой,
а вот среди живых мне тяжко...

Всё холоднее сыпет дождь,
и вряд ли стихнет до могилы.
Меня ты, думаю, поймёшь!
Уверен, коль не разлюбила...

* * *

Нет, жизнь не кончилась навек,
и я так верю – мне осталось
не только зреть летящий снег
и утренних рассветов алость,
но, и, о, счастья горних дней!
Любить захлёб, страдать до плача,
чтобы любить ещё сильнее!
И в жизни нет другой удачи,
с которой можно всё забыть...
Но если вспомнить лишь о добром,
то как мне время победить,
во имя той, заре подобной –
и блеском глаз, и силой чувств,
в которых грусть дотла сгорает,
ведь дней моих терновый куст,
как перед стужей опадает.

Я с этим вряд ли примирюсь,
и думать о печальном жалко...
И вновь безудержно сдаюсь
весь обоюдной страсти жаркой.

* * *

Боль о пощаде не просила,
не плакал о спасенье грех...
Я всё забыл, что можно было
забыть однажды, но навек.

Лишь одного – твоей измены
забыть не смог, как ни желал.
И набухали гневом вены,
и я душою в крик кричал!

Мне расхотелось жить на свете...
Но со слезами на глазах –
я был за нашу жизнь в ответе –
и обратил страданья в прах.

И только горевая жалость,
что ничего не изменить,
со мною вместе убивалась,
самим собой мешая быть...

Я всё забыл, что можно было,
забыл – однажды и навек!
Но боль пощады не просила,
не плакал о спасенье грех...

Мой путь

Я так устал, что мне сегодня
не до покоя, милый друг...
Но высоки слова Господни, –
и синь бескрайняя вокруг.

И мне открыта даль морская
и высота небес ночных,
когда летит звезда, сгорая,
над миром мёртвых и живых.

И я вовек не успокоюсь,
пока в словах пылает свет, –
ворвусь в грядущее, как поезд, –
как Богом призванный поэт.

И ты прости меня, подруга...
Да мало ли за что прости!..
Вон снова злом исходит вьюга,
пытаясь сбить меня с пути.

Можно было бы цитировать и цитировать дальше Ивана Переверзина, тем более, мне ставят в упрёк, что, размышляя о жизни и творчестве своего друга, больше цитирую самого себя. Объясняюсь по сему поводу. Я прочитал практически всё, написанное критикой об Иване, в том числе и несправедливое. И откровенно скажу, что кроме трёх-четырёх статей, а именно, Льва Аннинского, Виктора Пеленягрэ, Ивана Савельева ничего в душу не запало. Критически и с некоторой досадой за неровность стиля воспринимаю и свою собственную статью о поэте «Единственный путь» (2010год, издательство «Слово»), опубликованную в качестве предисловия к его однотомнику «Грозные крылья». И вообще считаю, что творчество Ивана Переверзина пока не получило должной и заслуженной оценки наших литературоведов. Да и с широкой публикацией его стихов и прозы тоже напряжёнка.

А то, что я мало цитирую поэта – ложь, я цитирую достаточно и то, что нужно. Например, вот это прелестное и как бы простодушное стихотворение, посвящённое любимой жене – красавице Светлане, женщине со светоносным именем, истинной Музе поэта, Музе неповторимой, нежной, но и ох, какой подчас грозовой!.. Потому и не случайны названия книг Ивана Переверзина: «Северный гром», «Грозные крылья», «Дыхание любви»...

Дай Бог мне так любить жену,
Что я и в смерти не забуду
её вишнёвых губ весну

и глаз горящих изумруды.
Она – мой свет, она – мой снег!
Она – мой мир святой, небесный...
Лишь с ней единственной навек
Останусь я в стихах и песнях.

Ну а пока плечо к плечу
идём вперёд тропой суровой...
И вновь подобен я – лучу,
что счастьем полнит свето-слово...

Эти строки – торжество прямого стиля, кстати, самого-самого трудного в поэзии, невыразимой тайной которого владели Блок, Есенин, Исаковский и Рубцов, и которым обладает и, может быть, уже владеет Иван Переверзин.

Я мог бы привести ещё десятки и десятки примеров, но это не мой метод: подбирать нужные цитаты из книг автора, а потом засыпать промежутки между ними шлаком банальностей и псевдоразмышлений, которыми, увы, грешит 99 процентов нашей критики. Впрочем, это уже другая тема, не имеющая к любви никакого отношения, – и опустим её ради красоты стиля и краткости изложения. Не будем сводить счёты к нулю в неверном литературном времени. Будем побеждать несправедливость – добротой, подлых людей – даром своим, а лжецов – истиной. Будем снисходительны и великодушны! Кто сеет щедро, тот и щедро жнёт. Вот главный жизненный и творческий завет Ивана Переверзина. Он всегда в трудах неустанных, а не в праздном возбуждении от торжества справедливости в неблагоприятном течение жизни, коим страдают, а, вернее, грешат иные суетливые литераторы нынешних предпоследних времён.

Неповторима и светоносна его песнь любви! И что-то поистине завораживающее в его стремительной фамилии – Переверзин! Завораживающее, как огнекрылый всполох северного сияния над заполярными снегами. Вот так завораживающе для сердца русского звучит фамилия – Есенин! Нет, Боже упаси, я не ставлю знак равенства между великим классиком и моим другом, но знаки преемственности вижу отчётливо, явственно слыша поющую в снегах золотую струну Ивана Переверзина... И да услышат её все, кому дорого самородное отчее слово.

И если некая усохшая, бездарная околотитературная фекалия, кривясь от зависти и дыша перегаром от дурного вина, угрюмо прокаркает, что, дескать, слишком комплементарное эссе сочинил Лев Котюков о своём друге-поэте Иване Переверзине, то не собираюсь оспаривать злого глупца. Да, комплементарное! И мне оно очень нравится... И поучись, дурак, как надо писать! Но, боюсь, не в коня корм. Завистникам не дана благодать Божья.

В наши звериные времена большой поэт и большой человек, как правило, почти не совпадают. Иван Переверзин – счастливое исключение из этого горького правила. Вся жизнь Ивана Переверзина словом и делом незыблемо подтверждает, что в мироустройстве Божьем поэтами рождаются, а не становятся, что для русской поэзии нет, и никогда не будет времён последних.

И что сказал, то сказал!..

*Лауреат Патриаршей премии
Имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
Заслуженный работник культуры России*

Иван ПЕРЕВЕРЗИН



ГОРЬКАЯ ЛЮБОВЬ

Сюда, где и зимой в лад
птицы строят гнёзда,
приехал отдыхать,
сил набирать для песен.
На самом деле пью
и, выпив, очень весел,
когда бреду назад
под небосводом звёздным.

Ты смотришь на меня
с тоской и осуждением,
поскольку не поймешь,
зачем так часто пью...
Увы, лишь потому, что в жизни за семью
устал бороться я с тобой,
как с горькой тенью.

Конечно, было бы честней уйти из дома,
но, что ни говори, мне без тебя не жить...
Ах, как горит рассвет, как хочется любить –
и пьяным в доску быть,
но от цветов черёмух...

* * *

Закрыв глаза, как будто сразу умер –
настолько стало сердцу всё равно
жить на земле такой навек угрюмой
и тёмной, словно старое кино...

Мне б это чувство сохранить подольше,
чтоб, если смерть моя нагрянет вдруг –
от страха не рыдать душою горше
чем ты порой, мой сокровенный друг.

Ну, а покамест, дай-ка я жизнь эту
что стала нестерпимой, крепким сном
засплю, не поднимаясь до рассвета –
пусть в поднебесье бьётся яркий гром.

Проснусь с башкою ясной, и кто знает,
как отнесусь я к смерти вообще.
Возьму, да и за то, что не страдает,
враз задушу её без слёз в душе...

* * *

Грустишь, как будто не сумеешь
ответить в схватке подлецам,
иль всё-таки добро посеешь –
не по делам, а по словам?

Отстань... мне грусть – второе зреньё,
и потому впрок вижу жизнь
так глубоко, с таким значеньем,
что в душу верую, как в высь...

* * *

Чувство тоски мне присуще,
хотя был рождён я в любви.
Или в душе так гнетуще
мир этот слёзный в крови?..

Об этом мне ведомо только
по горьким рассказам отца,
кто так и скончался с осколком,
пройдя всю войну до конца.

Гадать – это дело цыганок...
Тоска, так тоска! И с ней –
я, словно герой, долгожданно,
дойду к вечной цели моей...

А то, что случится в дороге,
узнаю без страха сполна!
Но пусть в грозовом итоге –
ни ад, ни потоп, ни война.

И бьётся неистово сердце,
дыханье грохочет, как жесть.
И некуда счастьем деться
во мне богоданная весть!

ЗВЁЗДНАЯ БАЛЛАДА.

Наши звёзды сошлись, это точно.
Только знай, разойдутся навек.
Вот с того и вздыхаю я ночью,
как усталый, больной человек.
Но, встав утром, я сил не жалею,
чтобы здесь, на земле, продолжать
все, что в счастье покамест имею,
до конца для небес сохранять...
Ты, забывшись, вскричишь окаянно,
я, сдержавшись, в ответ промолчу...
Будто в небо взойду покаянно
по сверкнувшему ночью лучу!
Если сам, не потворствуя фальши,
враз тебя вдруг обижу без зла,
то сто раз повинюсь, чтобы дальше
наша жизнь пребывала светла.
Понимаю, что я, как мальчишка,
строю карточный домик из грёз...
Только, думаю, было бы слишком
глупо в счастье жалеть моих слёз.
А когда сил не хватает бороться,
за любовь без души, то скажу:
«Отпылала не жизнь, само солнце,
а во тьме я и впрямь задрожу...
Но не дрогну, поскольку, страдая,
я в мечтах, но вернусь в милый май.
До свиданья, любовь дорогая!
Ах, прости, я забылся, прощай!..»

* * *

Хотя бы дожить до вечера,
коль повезёт, до утра...
Ну словно платить мне нечем
за полную меру добра.
Сурова печальная участь!
Но раз до сих пор живой,
то значит, рыдая и мучась,
забуду тяжёлый покой.
И к чёрту оковы страха,
которые выдумал сам.
Звени на ветру рубаха,
душа, взлетай к облакам!

* * *

Вдруг рвануло мозги гранатой
от всего, что погасит жизнь...
И душой, как башка, лохматой,
я сорвался нежданно вниз...

Только, видно, ещё я нужен
на земле, где без счёта
и пред бездной чёрной, как ужас,
я за куст ухватиться сумел!

Он с такими шипами, что сразу
кровь залила ладони мои!
Но светлел все сильнее горний разум,
как в сознании вечной любви.

И душа, вдохновенная птица! –
успокоилась, крылья сложив...
Я подумал: мне это снится?!
Или я, в самом деле, жив?!

Ну конечно, жив! И на свете
наконец-то я тот человек,
для кого жизнь – попутный ветер,
и огонь жажды славы навек!

* * *

На струнах слова ветер заиграл,
но звон колоколов упрямо слышен,
и, кажется, жар-птицу я поймал
и к сути вечности стал ближе...

Листва, росой омытая, блестит
в живых лучах пылающего солнца.
Как будто я навек вошёл в зенит
и нить судьбы вовеки не прервётся.

И ничего, что неземная грусть
накатывает, как волна на берег,
я, может, ещё только жить учусь,
и мне седые горы не в потерю...

* * *

Четвёртый снег! и тот растаял, –
такое вдруг пришло тепло.
Но снова галок шумных стая
встаёт утрами на крыло.

Крича простужено над парком,
мелькает в волглых небесах.
И снега мне совсем не жалко,
как ни грущу я о санях...

Зима ещё, считай, в начале,
успею накататься всласть,
чтоб позабыть навек печали,
всерьёз томящих сердца страсть...

Ну а пока в раздумье светлом
озоном я прочищу грудь.
И пусть душа звенящим ветром
опробует свой вечный путь...

* * *

Все спутал к чёртовой матери:
и радость, и грусть, и весну!..
Как будто на быстром катере
влетел в грозовую волну.

Забылся? Иль лишнюю рюмку
я взял на широкую грудь?
Да просто с тоской в обнимку
проспал к вечным звёздам путь.

Как дальше мне жить, не знаю...
Не проще ли будет назад
поближе к морозному краю
вернуться в густой листопад?

И так поступлю, поскольку
лишь в страхе земном за жизнь
живётся настолько звонко,
что слышит мой голос высь...

* * *

Воркует голубь сизокрылый,
голубку окрыляя взглядом,
она в ответ с душевной силой:
«И я тебе всем сердцем рада».

И птицы реют в поднебесье
с любовной песнью светлой ранью,
чтоб, если умирать, то вместе,
сорвавшись с высоты на камни.

Родная, в жизни проходящей,
о, как мы с голубями схожи! –
той радостью животворящей,
что истины любой дороже...

И пусть мы в небе не летаем,
но в нас небесное стремленье –
в любви надежду обретаем
для солнечного вдохновенья...

* * *

Я не желаю верить в Божью
милость...
Пусть даже есть она, и что с того?
Как моё сердце в горе тяжко билось,
так продолжает биться нелегко!

Но буду верить я в себя до гроба!
По крайней мере, если что случись,
там, за чертой ни яростная злоба,
ни радость ясная не скажут:
«Повинись...»

* * *

Сегодня выспался, как в детстве,
ведь были сны светлы, легки.
И вдохновенно билось сердце,
привыкшее ходить в штыки...

Ура! – я наконец-то снова,
пусть понемногу, по чуть-чуть,
но наполняю вещим словом,
как будто свежим ветром, грудь.

А что мне только в дикой боли
в башку не лезло вновь и вновь!..
Нет, допашу я жизни поле,
чтоб выше звёзд росла любовь...

Та самая, с которой в радость
слагать стихи назло судьбе,
хотя душе в страданьях надо –
искать бессмертный путь к себе...

Так это, так! Но не осталось
ни сил, ни воли в полный рост!
И всё же правит мной не жалость,
а вера в помощь вечных звёзд...

* * *

В лесу, хоть ветра нету, стыло,
на камнях гулок каждый шаг.
Ты, наконец, меня простила...
Зачем же так болит душа?

Как будто жизни всей страданья
разорвались в моей груди,
похоронив навек желанья
свет-счастье встретить впереди.

Всё от того, что наша ссора
не вдруг открыла мне глаза,
что нет в тебе навек упора,
с которым горько жить нельзя.

Но в этом ты не виновата,
и вряд ли я в чём виноват...
Любовь на страсть зело богата,
но нету в ней путей назад...

* * *

Как же сердце билось одиноко,
то и дело зло грозило роком...
Чтоб не плакать, я слагал стихи.
Получалось вроде бы неплохо,
коль мой труд отметила эпоха,
а потом простила все грехи.

Господи! Когда же это было?!
Откровенно не ответить с пыла,
но давно, по крайней мере, я
из юнца с горящим ярко взором
превратился в старика, который
мудрый, словно горная змея...

И теперь вдруг захотел на прозу
перейти я в злобные морозы...
Только как же изменить стихам?
Очень просто, ибо своё дело
удалось свершить им так умело,
что душой взлетел я к облакам!

* * *

Стучись, стучись кровь огневая
в виски, как в золотую дверь!
Давно промчалась жизнь лихая
тяжёлых мук и злых потерь.

Дыханье, знаю, перехватит,
когда взбегу на самый верх
горы, где солнце на закате
как вечный, огнекрылый стерх.

Но продышусь, и вновь от счастья
вскричу заветно: «Я живой!
Пускай без упоенной страсти,
но с силой верной, огневой».

Со мной, конечно, драться можно,
но лучше крепко жить в ладу,
ведь я, где всё ничтожно-ложно,
ни в чём вовек не подведу!

Умру? Наверно... Только всё же
в стихах останусь молодым,
что вдохновенно сердце сложит –
во славу мёртвых и живых!

* * *

Вечер истаивает, словно свечка.
Но не проходит совсем духота.
Хотел бы сказать о любви словечко,
да снова душа одиноко пуста.

Как будто ветер в душе пронёсся –
и выдул все чувства до дикой боли.
Это ещё хорошо, что нашёлся
я в деле своём на вспаханном поле.

Вот и тружусь на нём, как заклятый,
с утра до ночи, а много позже –
во сне забываюсь, луной объятый, –
и дышится мне, как в чистый дождик.

Но всё же, есть настоящий отдых!
Это когда я мятежной душою
в стихах улетаю к горячим звёздам,
звонящим светом, словно струною.

Огромное счастье! А может, мука?
Каждая строчка взывает к людям...
Они же порой так глухи, близоруки,
но жизнь без них, как любовь без чуда.

Вечер истаивает, словно иней,
но не проходит совсем духота.
Но если любовь меня не покинет,
то нипочём мне души пустота!..

* * *

С утра пораньше небо синее –
и в дымке розовой зенит...
Сверкает в серебристом инее
листва у молодых раки.

И птицы, правда, с перерывами,
но свищут всё-таки в лесу,
куда сердечную, надрывную
всё чаще я печаль несу...

Сурова жизнь: бьёт не от случая
до случая, а каждый день.
Как это ей всё не наскучит,
не надоест, да и не лень...

Но лес по Божьему велению
в ответ на грусть-тоску мою
подарит сердцу вдохновение –
и вновь я солнечно пою!

А жизнь за мною занимательно,
как бы со стороны следит,
но что добрее обязательно,
я не скажу, любви открыт...

Темнеет... и кристаллы инея
заметно тают, будто дым.
С утра сегодня небо синее,
но с солнцем будет золотым...

* * *

Свищет ветер, крепчает остуда
и курится туман в устье рек...
Ты меня никогда не забудешь,
я тебя буду помнить вовек.

Слово сказано, будто заклятье,
ведь иначе не можем с тобой,
чтоб сгорать вдохновенно в объятьях,
чтоб пылать одной страстью душой.

А бессмертный огонь поцелуя, –
сладость солнечную в любви –
не забудешь, клянусь, и, ревнуя
от излишней печали в крови.

И течёт наша жизнь золотая,
словно речка в крутых берегах.
И рождается песнь неземная,
может, в первый раз не за страх.

Будет всё: и стужа, и вьюга,
будет «да» меняться на «нет»!
Но мы всё-таки друг для друга
вдвое больше, чем время и свет.

* * *

Вновь одинок в своей юдоли,
ни друг, ни враг не навестит.
Пустых небес ночное поле
двурогий месяц бороздит.

Тоска и глушь, покой и дрёма –
осенней правят стороной...
Но сердцу тяжело больному,
не спится в полночи глухой.

Прошедших чувств, погибших мыслей
в душе проходит полоса, –
и самых близких, верных жизни
слышны всё чётче голоса...

Они звучат, рассветно манят, –
и всей душой, о, как я рад
тропинками воспоминаний
вернуться навсегда назад.

Я там, у совести во власти,
когда рождает чувство мысль,
какие там пылали страсти,
какая там вершилась жизнь!

И там, среди друзей заветных,
я не последний был герой
и в песнях молодых, заветных,
и в подвигах любви земной...

А нынче что? Да вроде то же...
Но я другой уж человек!..
И нет счастливей и дороже,
что было в первый раз навек.

СОКРОВЕННЫЙ ДАР

Почти двести лет назад Евгений Боратынский писал опальному Пушкину в Михайловское: «Нам очень нужна философия...». А чуть позже поэты-любомудры Веневитинов, Хомяков, Шевырёв, Тютчев даже предложили своеобразную программу новой философской поэзии. И ещё не раз делались попытки подобного рода, например, Заболоцким в начале XX-го века. Поистине – ничто не ново под поэтической Луной... Очередную попытку в этом направлении в наше время сделал Игорь Ушаков в своей второй книге стихотворений, и, похоже, она удалась.

Для неискущённого читателя название книги «Сретенский вертоград», то есть Райский сад, где происходят главные судьбоносные встречи, может вызвать вопросы. Хотя, возможны и другие трактовки названия, которое перекликается с одной из первых русских поэтических книг «Вертоград многоцветный» (1678 г.) Симеона Полоцкого. Но не будем увлекаться трактовками, ибо, на мой взгляд, «Сретенский вертоград» звучит прекрасно, а посему вернёмся к Боратынскому, а значит, к поэту Игорю Ушакову.

Увлечение Игоря Ушакова стихами Боратынского отчётливо заметно – и отчётливо положительно сказывается на его творчестве, ибо ему, как большому учёному, ведомо что раствориться в чужой гениальности легко, а остаться самим собой во сто крат сложнее. Мне кажется, что именно последнее поэту Игорю Ушакову как раз и удаётся. В преодолении он не только не теряет своё самостояние, а, наоборот, полнит его. Пожалуй, своеобразным эпиграфом к новой книге могли бы являться великолепные самоироничные строки Евгения Боратынского:

«Мой дар убог и голос мой не громок,
Но я живу, и на земле моё
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдёт далёкий мой потомок...»
(1828)

И неслучайно некоторое разочарование автора «Сретенского вертограда» в нравственности столпов современной науки (заметим, что Игорь Борисович Ушаков – профессиональный учёный, генерал-майор медицинской службы, академик РАН) приводит его к поиску ответов на главные вопросы бытия, которые по большому счёту безответны. В этой безответности всегда есть некие направления, как сейчас говорят «тренды», то есть постижимое в непостижимом.

Эти вопросы наиболее чётко сформулированы поэтом в стихотворении «Вопросы Создателю»:

1.
Незримая вечность – всевидящий Бог,
Ты ведаешь тайны, грядущее знаешь,
Скажи мне скорее, в чём главный итог?
Ведь ты никогда ничего не скрываешь!
2.
Скажи и про зло, ведь оно сплошь и рядом,
Неужто победы над ним не узнать?
Неужто мирское пронизано адом,
И можно ли грех нам простить и понять?

Складывается впечатление, что автор всё время стремится двигаться к «поэзии мысли», которую он, безусловно, считает главным своим творческим делом. Оно усиливается и уплотняется после прочтения его «стихов в прозе», составляющих весомую часть новой книги.

Автора в каком-то смысле «прорвало» от обилия научно-поэтических аналогий и он порою «срывается» в психологический анализ природы и человека, забывая – кто же он по большому счёту: учёный или поэт? Допускаю, что эта счастливая противоречивость поможет Игорю Ушакову в будущем создать новые яркие произведения. Но осмелюсь сделать прогноз: она будет одновременно препятствовать ему в поисках новых поэтических глубин бытия земного.

Отметим, что увлечение российских учёных поэзией было исторически традиционным. Вспомним хотя бы великого Михаила Ломоносова с его почти формульными обобщениями трудных научных понятий в поэтических образах, например Космоса:

«...Открылась бездна звёзд полна;
Звездам числа нет, бездне дна».
(1743)

Так что поздравим поэта и учёного Ушакова с его поступательным мыслительно-поэтическим процессом. Впрочем, Страна Поэзия это не только пир мысли, но и праздник чувств. А вот праздника порой и не хватает в стихах Игоря. Хотя можно упомянуть и «За стойкость мечты и стояние мачт...» и ряд других лирических произведений раздела «Любовь – это вечность». Один только пример из стихотворения «Любовь – мой добрый ангел...»:

Любовь, любовь – земное счастье,
В нечистом свете падших грёз,
Рассей на миг души ненастье,
Убереги от горьких слёз.
Любовь, о, если б только знала,
Как ты меня в огне спасала!

Хочется надеяться, что в грядущем аскетическое служение поиску истины у талантливого автора «Сретенского вертограда» не обратится в самоцель.

Напомним поэту и про известное философско-религиозное противоречие. Ведь в библейской истории вкушение плодов от древа познания добра и зла – это первое её событие, и событие это связано с грехопадением! Впрочем, познание познанию рознь! И Ушаков-учёный, и Ушаков-поэт, похоже, не путают эти вещи. Это ярко проявилось в страстных, откровенных строчках стихотворения «Се человек!»:

Бог, царь, палач и жертва –
Всё это человек,
Настигнет смерти жатва,
Как короток твой век!
Ты управляешь миром,
Судьба творит тебя,
Являешься кумиром –
Вселенское дитя.

Рождаешь мир открытий
И маешься грехом...
Круг каверзных событий
Во времени лихом.
Ты в будущее смотришь –
И прожитым живёшь.
Чего ты всё же стоишь
Средь лицемерных рож?

Тема Веры в высший Промысел, в справедливость неминуемого Страшного Суда и общую будущую победу добра над злом очень важна в поэтике Ушакова. Исходная картина рисуется им в стихотворении «Сцена жизни»:

А сцена эта – наша жизнь,
Темна дорога – ложь и лужи,
Мечты красивые отринь –
Ты никому сейчас не нужен.

Каков же неизбежный результат «греховных игр» на этой сцене, по мнению поэта? Он вполне очевиден и закономерен в философской миниатюре «Цена мудрости»:

Начнётся жизнь совсем другая,
Узнаем, что творили мы,
В несчастиях сполна страдая,
Мы станем мудрости полны.

Проблема взаимоотношения науки и поэзии является чрезвычайно интересной и традиционной в русской литературе. Вспомним В.Г. Белинского: «Поэзия и наука тождественны, если под наукою должно разуметь не одни схемы знаний, но сознание кроющейся в них мысли. Поэзия и наука тождественны, как постигаемые не одною какою-нибудь из способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовного существа, выражаемого словом “разум”»¹. Весьма кратко, но ёмко сказал об этом и крупный теоретик словесности А.А. Потебня: «Поэзия есть одна из двух форм познания при помощи слова»².

Завершим представление новой книги Игоря Ушакова точными и сегодня словами его мудрого предшественника академика и генерала Е.Н. Павловского из его прекрасной книги «Поэзия, наука и учёные» (М.–Л.: АН СССР, 1958. С. 89): «Связь научной деятельности учёного с поэтическим творчеством в нашу эпоху является сугубо интимной. Характер этой связи определяется талантом или степенью способности учёного слагать стихи, вне зависимости от его специальности. Это прежде всего “лирика для себя”. Поэтому многие из таких учёных, врачей-поэтов не стремятся к опубликованию своих стихов...».

¹В.Г. Белинский. Стихотворения М. Лермонтова // Сочинения, часть IV, издание 5-е. М., 1891. С. 247.

²А.А. Потебня. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1914. С. 99.

Можно искренне порадоваться, что Игорь Ушаков, наконец, начал «доставать из стола» некоторые свои ненаучные творения и стал понемногу публиковать оригинальные поэтические мысли. Пожелаем ему успехов в этом нелёгком деле. Конечно, поступая так, он «снимает забрало» и оказывается под критическим прицелом ортодоксальных учёных, с одной стороны, и армии стихотворцев и поэтов – с другой. Но это не страшно! Тем более не страшно для представителя экстремальной физиологии и медицины, которой он занимается уже пятое десятилетие! Что такое риск в жизни – он знает не понаслышке. Думаю, ему поможет на этой тернистой дороге и та «Неведомая Сила», которую он уже ощутил и о которой прекрасно написал в конце XIX века профессор зоологии и сравнительной анатомии Военно-медицинской академии Николай Александрович Холодковский. Это был известный лингвист и признанный переводчик Шекспира, Шиллера, Байрона и Гёте (Российская Академия наук в октябре 1917 года за перевод «Фауста» присудила ему главную премию А.С. Пушкина при наличии в конкурсе двадцати других текстов!). Вот его замечательные слова:

«Благодарю тебя, Неведомая Сила,
Что песен чудный дар ты в душу мне вложила,
Что сокровенные мелодии души
Умеет выразить мой стих, живой и ясный,
Что мысли тайные, рождённые в тиши,
Я передать могу в гармонии согласной».
(«Ночь», 1880).

На этом и завершаю представление необычной книги необычного поэта. Вертоград состоялся... Это воистину Сретенский вертоград, он в душе моей – и никакие жестокие вихри наших смутных времён не смогут заглушить его сокровенные, чистые песни.

И что сказал, то сказал!

*Секретарь правления Союза писателей России,
Председатель правления Московской
областной организации Союза писателей России,
Заслуженный работник культуры России,
Лауреат Международной премии имени
Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия*

Лев Котюков

Игорь УШАКОВ

Родился в 1954 году в Таллине. Среднюю школу и Военно-медицинскую академию закончил в Ленинграде. Увлёкся шахматами и альпинизмом. С 1977 г. живёт и работает в Москве, занимается научно-исследовательской работой. Доктор медицинских наук, профессор, академик РАН. Лауреат премии Совета Министров СССР и двух премий Правительства РФ. Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Награждён орденом и многими медалями, в том числе «За спасение погибавших». Заслуженный врач России. Генерал-майор медицинской службы запаса. Один из потомков рода Ф.Ф. Ушакова.

Автор книги «Святой адмирал Федор Ушаков о нравственном и физическом здоровье», выдержавшей три издания. В жанре литературной документалистики его перу принадлежит ряд художественных исследований о Константине Циолковском,

Владимире Яздовском, Олеге Газенко, Всеволоде Антипове, Борисе Давыдове, Станиславе Бугрове, Александре Демченко, Владимире Самойлове, Анатолии Григорьеве и др. Автор книг стихов «Рождественский свет» и «Сретенский вертоград» и ряда поэтических публикаций в периодических изданиях. Награжден медалями А.А.Брусилова и А.Т.Твардовского. Лауреат премии имени Ярослава Смелякова в области литературы за 2016 год, премии «Золотое перо Московии». Награждён орденом РПЦ святого благоверного великого князя Димитрия Донского третьей степени. Член правления Московской областной организации Союза писателей России.

НЕСТРОГАЯ ЛЮБОВЬ

Памяти Ярослава Смелякова

Любовь не хочет строгой быть,
Она стремится к гладким формам,
Ведь невозможно нам любить
Бездушным отдаваясь нормам.

Любовь определить не сможем
Отдельным словом, фразой, книгой,
Но нам она всего дороже, –
Не в тягость нам её вериги!

Любовь – основа человека, –
А не случайное мгновенье,
И с нами до скончанья века,
Она как святооткровенье!

РОДИТЕЛЯМ И ДЕТЯМ

Любовь к родительским гробам
Порою нас переполняет...
Прижаться б раньше нашим лбам
К тем, кто зачал нас и рождает.

Но в жизни нам не осознать
Простую мысль – люби сегодня!
И поздно нам дано понять,
Что воля всем одна – Господня.

Любовь к родительским крестам
Нам суждена и нет иного,
И детским вопреки мечтам
Пути не видно неземного.

* * *

Давайте повитаем в эмпиреях,
Как грезили когда-то в детских снах,
В картинных погуляем галереях,
И чистым снегом налюбуюемся в горах.

Всё это нашу душу очищает
От гнёта ежедневной маеты,
Влечёт вперёд и верить помогает,
И даже видеть райские сады.

Давайте посидим у тихой речки,
Подумаем о вечном хоть чуть-чуть,
И вечность сердце от тоски излечит,
Поможет сбросить бесовскую муть.

А после навестим больного друга,
Пригубим вместе красного вина,
Любовь и верность нам зачтут в заслугу,
Да сгинут в бездне злые времена!

* * *

В рождественскую ночь
Мы ожидаем чуда:
Злу твёрдо скажем – прочь!
И счастье с нами будет.

Я счастлив – вместе мы
Душою, реже телом...
Но дальний свет весны,
Мы прозреваем смело.

Нет жизни без тебя, –
Весь мир необитаем...
Все ночи января –
Мы вместе сосчитаем.

У нас всё впереди –
Рассветы и ненастье,
Любимая, свети –
Мы не упустим счастья!

СНЕЖНАЯ ЛЮБОВЬ

Пробежаться б по снежному полю,
Загребая руками пушинки,
Извальяться б в сугробах мне вволю,
И смеяться, глотая снежинки.

И бежать, и лететь вихрем к лесу,
Что чернеет вдали за пригорком,
И назло вездесущему стрессу
Напевать про любовь ненароком.

Там вдали от дорог и уюта
Помечтать о тебе, дорогая,
Что есть жизнь? Только счастья минута,
Но она, как мгновение рая.

ПИТЕРСКОЕ ДЕФИЛЕ

В феврале и под дождём
Мы по Питеру идём,
Ничего мы не хотим,
В лужи стылые глядим.

Мы глядим, чтоб не упасть,
Налюбиться бы нам всласть.
Наши души где-то рядом,
Мы нашли любовь-отраду.

Нам нужны лишь мы и Питер –
Сладкий северный кондитер.
А кругом бушует праздник,
Эх, февраль, ты безобразник.

В веке жёстком под дождём
Мы по Питеру идём,
Сто чудес влюблённых ждёт,
Сказка в нас и не уйдёт.

Под дождём и в феврале
Славно наше дефиле,
Пусть конца ему не будет,
Утром ангел нас разбудит!..

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДОЖДЬ

Февральский дождь, какое чудо!
Понять не можем, как нам жить?
В покоях зимнего этюда
Печаль не можем заглушить.

Раз дождь пришёл вместо снега,
То значит летом снег возможен,
И сногшибательная нега
Нам путь укажет в непогожем.

Февральский дождь, зачем всё это?
Где верх, где низ и что зачем?
В пустынях вечного банкета
Один стою я, став никем.

Один в огне, кругом пустыня,
И только дождь в ушах звенит,
Судьба – несчастная рабыня,
А финиш – торжество коррид.

РИМ

Фонтаны Рима торжествуют,
Историй много повидав,
И толпы радостно ликуют:
Здесь тот, Ъ кто любит, тот и прав.

Великий Рим – ты счастье мира,
В тебе сосредоточье грёз,
Здесь каждый – радостный транжира
И чуточку любимчик звёзд.

Тут все сбываются мечтанья,
На старых плитах площадей
Мы сердцем чувствуем слиянье
В великий вечный Колизей.

Все семь холмов святого Рима
Нам шепчут ласково "Живи!"
Любовь вовек непобедима,
И Рим немислим без любви!

В ВЕНЕЦИИ

Чайки Венеции плачут ночами,
Грешные жизни в себе сохраняя,
Души людей в них ютятся веками,
Время свободы не ожидая.

Крики крылатых доходят до сердца,
Тайны веков нам на миг раскрывая,
Будто мелодия древнего танца
Вдруг зазвучит, в небеса улета.

Мудрые чайки, вы ночью поспите,
Город великий не должен грустить,
В небо любви поскорее летите,
Чтобы любовь навсегда сохранить.

УФФИЦИ

Флоренция, счастье Уффици –
Мечта спустя годы сбылась,
Пусть всё это снова приснится,
Ведь звёздочка в небе зажглась.

Любви бесконечность, Уффици –
В глазах твоих радость и свет,
Веков мы листаем страницы,
Нам небо подскажет ответ.

Нам кажется, сердце Уффици,
Осталось и в нас насовсем,
Мы вместе свободные птицы,
Уффици – наш личный Эдем.

* * *

Мы придумали нашу любовь,
Мы с тобою её нагадали,
И теперь у нас поле цветов,
В это поле мы с неба упали.

Мы лежим и не в силах расстаться,
Мы безумные вещи творим,
И не жаждем в свой век возвращаться,
О бессмертной любви говорим.

Нам не нужен никто в целом свете,
Пусть планета без нас поживёт,
Мы навек друг за друга в ответе
И в цветах наше поле поёт...

РАДОСТЬ МОЯ

Радость моя ты пречистая!
Нежно целую тебя,
Ты вся из солнца, лучистая,
Можно ли жить не любя?

Взгляд флорентийски загадочный,
Словно луч солнца в ноябрь,
Взять бы билет нам посадочный
Всем на небесный корабль.

Девочка с белыми ножками
В волжском прибрежном песке,
Солнечными дорожками
Нам бы уплыть по реке.

Дева моя долгожданная,
Как без тебя мне прожить?
Неповторимо желанная –
Так, что нельзя не любить!

* * *

По кленовому ковру ступаю
Всё ж красива осень как и ты,
Я иду, о Суздале мечтаю,
Вспоминаю придорожные цветы.

Те цветы давно уже истлели,
Но остался аромат в душе,
Промелькнули годы как метели,
И почти растаяли уже.

Всё прошло, но всё осталось. Радость
Не исчезнет даже после нас:
Волга, Нерль и дождевая сладость,
Что я пил со щёк твоих не раз.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Ты ускользаешь от меня,
Любовь, постигнутая поздно,
В дыму погасшего огня
Тьма неземная дышит грозно.

Зачем так жить скажи-ка мне –
И прятать в сердце лик любви?
Я знаю – истина в вине,
И мрак безумия в крови.

Я встречи все стихом раскрашу,
Сжигая прошлые года,
Конец пути уже не страшен,
Что было раньше – ерунда!

Вот нет тебя и словно смерть
Уже подглядывает "Как там?"
А прошлой жизни злая твердь –
Вот-вот взорвётся, словно атом.

Уходишь каждый вечер ты
К тому, с кем жизнь тебя связала,
И тают милые черты
У Белорусского вокзала.

НЕБО И ТЫ

Снег струится на сад,
Снег струится на лес,
Затуманился взгляд
От посланий небес.

Снег заносит следы,
Снег заносит все беды,
Только небо и ты
Мне нужны для победы.

Снег ноябрьский растает,
Снег ноябрьский лишь гость,
И без снега светает,
Загадай, чтоб сбылось.

А сбылось всё, что снилось,
И забылась беда ...
Что навек народилось,
Не умрёт никогда.

* * *

Любовь – мой добрый ангел жизни,
И что тебе рассудка проза,
Ты счастья лучиками вспыхни,
Спаси в жару и от мороза.

Спаси, ведь нет надежды боле
В огне борьбы добра и зла:
Стою один в осеннем поле,
И скоро мне уйти пора.

Любовь, любовь – земное счастье
В нечистом свете падших грёз,
Рассей на миг души ненастье,
Убереги от горьких слёз.

Любовь! О, если б только знала,
Как ты меня в огне спасала.

СРЕТЕНСКИЙ ВЕРТОГРАД

Я вижу чудный вертоград,
Он полон нежности целебной,
Прекрасен словно райский сад,
Наполнен музыкой волшебной.

Здесь все живут, добро творя,
Навек повержены пороки,
Здесь в Божьем царстве Бытия –
Нет скуки и пустой мороки.

Здесь в душах сретенье царит,
Здесь восхитительные грёзы,
Здесь смерть вовек не победит
Бессмертья пламенные розы!

Зову всех жить в том вертограде,
Где хватит места всем сердцам,
Любовь и разум в каждом взгляде
И гений счастья вводит в храм.

ПИРАМИДА ДУШИ

В жестоком мире царствует закон,
Суля всем грешным кары за грехи,
А их у нас почти что миллион,
И все не уместить в сии стихи.

Мы знаем меру выше, это – правда,
Её не исказить юристам и царям,
Она строга, пряма как песни барда,
Не кланяется деньгам и властям.

Есть сила помощнее – справедливость,
Та истина, которая важней,
Чем чистая правдивая ретивость,
Она по сути каждому нужней.

Но есть и выше справедливости явление,
Зовётся милосердием оно,
Божественное грешнику спасенье,
Как яркий свет, когда кругом темно.

А высший элемент духовной пирамиды,
Который нас возносит к небесам,
Залечит все несчастья и обиды –
Любовь великая, что Бог дарует нам!

* * *

«Любовь – это вечность,
а вечность – любовь...», –
Мне шепчет порывистый ветер,
Потерянный рай и забытую боль
Мы вспомним в октябрьский вечер.

Любившие помнят, что счастье дано
Лишь раз в этой жизни унылой,
Мы любим друг друга как в старом кино
И связаны нитью незримой.

Душа бесконечна как вечные сны!
Но нет ей ни сна, ни покоя...
И вечны лишь те, кто любимым верны,
В страданиях верность утра.

Любовь это вечность, а вечность – любовь,
Так мир наш с рожденья устроен,
А если не так, душу к аду готовь,
Поскольку бессрочно виновен!

НЕБЕСНОЕ МОРЕ

Смотрю на небесное дивное море
И вижу на нём – корабли
Стремятся в тот край, где не ведая горя,
Душа уплывёт от Земли.

Небесное море мне шепчет тихонько,
Что в путь собираться пора,
Ему отвечаю, волнуясь легонько:
«Позволь мне пожить до утра?»

Оно отвечает: «Зачем тебе время,
Ведь целая жизнь за спиной?»
Ему говорю: «Рассчитался со всеми,
Нуждаюсь лишь в ночи одной.

Я ночью последней с любимой побуду,
Слова все любви повторю,
И ночь обратится в последнее чудо,
И встречу, как чудо, зарю.

Небесное море, небесное море,
Прими, унеси от земли!..
Забудется счастье, забудется горе,
Останутся ночи любви!»

ОБРЕТЕНИЕ ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ

Настоящая женщина сама до конца не знает себя, да и не может знать. Ибо женщина – всегда тайна. Может быть, последняя тайна бытия, а, может быть, самая первая. И жаждет тайны вечный человек, но первую и последнюю тайну знает лишь Господь.

Любовь, добро и согласие – ключ к пониманию поэзии Людмилы Снитенко. Романтизм женщины, познавшей счастье любви – это понятие, запечатлённое в её книгах.

*...И не любовь, пока её желанье
Твой отвоюет взгляд у темноты,
И в тишине прозрачного молчанья
Распустятся полночные цветы.*

*...Приветливым участием надежды
Согласье в сердце свой приют найдёт
И на груди под складками одежды
Лучи святые крестиком сведёт.*

«Предчувствие чуда»

Не случайно слово Поэзия – женского рода, как, впрочем, и проза, и живопись, и архитектура, да и всё остальное, причастное к красоте земной и неземной. Истинная поэзия – одно из условий бессмертия души. Поэзия с первого мгновения сотворения – в душе человека, а человек – в душе Божьего Слова, ибо настоящее стихотворение – живое дерево вечности. Бессилен человеческий разум перед любовью. И не страшит человека последняя любовь, ибо любовь никогда не бывает последней. Истинная любовь сродни привидению: все о ней говорят, но никто не зрел воочию. И, может быть, Господь за это даровал человеку любовь. Даровал не просто так, но ради одоления несовершенства. И не мы спасаем любовь нашу, а она нас, многогрешных. И нет для нас иного спасения. Никто не уверен в своей жизни, как и в своей смерти. А в любви?! В любви остается только вера, без веры мертва любовь. В любви – и только в любви – человек жертвует истинной свободой – и, быть может, это и есть истинное освобождение.

Женщина, единожды познавшая истинную любовь, пронесёт её в своём сердце и в жизни этой, и в неведомой жизни иной, обретая вечно ускользающее от человека счастье.

*Храню я бережно дыханье,
Что подарила мне весна,
Какие только испытанья
Преодолеть в себе должна!*

*Вокруг – всё соткано из света,
Горит свеченьем неземным...
За что мне откровенье это –
Навек с отчаяньем немым?!..*

«Храню я бережно дыханье»

На рубеже веков и тысячелетий всё явственней ощущение, что наша жизнь – это Земля, уплывающая на тающей льдине в бескрайний ночной океан, где в лёд обращается последний огонь надежды. Быть может, – безнадежность, как вера в бессмертие, – есть истинное испытание таланта, ибо не в суетных надеждах рождаются вечные шедевры.

*Безмолвия тайного звуки услышал
И пение света в слова обратил,
Наполнил всё сущее красками свыше
Лучами сошедших на землю светил...*

*...Нет в слове, как в любящем сердце, предела,
Послушного силам земным естества,
Ключами кипящими не оскудела
Земля – и навечно живые слова.*

«Живые слова»

Гудит холодный ветер в деревьях и уносит облака – и само время вместе с нами, с облаками и листьями. Знобко и тревожно нашим душам. Мы все – пришельцы из мира иного, но и в мире ином мы – вечные пришельцы. Мы – вечные странники! Но наши души, наша общая душа, сотворенная любовью, – родина Земли. Без нас, без нашей жизни и любви Земля перестанет быть Землей и обратится в безымянное пространственное ничто, не существующее во времени и вечности.

*Когда закон гармонии нарушен
И тайный хаос сотрясает дни,
Стихии необузданной сродни,
Дух потрясённый – вечности послушен...*

*...Любовь незримо слов ясноречивей
Оберегает благостно уют
И в дни междоусобных смут
Покоем награждает молчаливо...*

«Когда закон гармонии нарушен»

Опадают, летят жёлтые, оранжевые, лиловые листья в диких садах под обрывами, тяжело ползут, перекатываются в сторону бездны потускневшие, медленные камни в подземных, каменных садах, низвергаются гигантскими огнями Вселенские листопады; но неутолимо жаждут живые души любви, и не страшится любовь печали и увядания, – и безоглядно спешит любовь навстречу бессмертию.

*...Ветер дымку утреннюю сбросил –
В ранних росах истина проста –
Это значит, очень скоро осень
Пресной каплей скатится с листа...*

«Пробуждение»

Благодать тишины русской природы! Одиночество Божье, где воистину: всё в поэте – и поэт во всём. Это пронзительное ощущение человеческого со-бытия в Боге, невозможности одиночества вечного, возможного в невозможном, повторимого в неповторимом многого стоит. Такое не придумаешь, это истинное.

А от истинной поэзии в душе всегда остается нечто невыразимое в словах. Это нечто и есть частица Божьего бессмертия, которое мы обретаем в жизни земной, то незримое, о котором грезим, не понимая порой, что оно в нас. Поэзия есть одно из непреходящих условий сего обретения, ибо человек – сотворец Бога в мире земном и небесном.

*...И всё покажется возможным
От дуновения весны
И напряженья тишины
В небесном гомоне тревожном.
И в затянувшемся ненастье –
Мелькнёт луч солнца золотой,
Как исцеляющий покой,
Как неожиданное счастье.*

«Порою, только на мгновенье»

Вечность в наших душах. Она не убывает и не прибывает, но время безжалостно полнит и полнит наше сознание. Тысячелетие за тысячелетием надвигается, обрушивается на нас время – и каждая человеческая жизнь, прожитая и непрожитая, противостоит его чудовищной энергии.

Но, о, как тяжело давление времени, как хрупок и ненадежен скафандр человеческого сознания! Гасит холодный ветер одуванчики свеч, с каждым мигом мы все глубже погружаемся в бездонные, огненосные глубины жизни. От любви не надо требовать добра, нужно самому отвечать за свою любовь перед жизнью и смертью.

*Который день уже не видно неба,
Вокруг ни зги, занесены пути.
Всё снег и снег. И всё во власти снега
И никуда от снега не уйти...
...Снежинки тихо падают и тают,
Касаясь губ моих едва-едва,
И кажется, со мною повторяют –
Никем неповторимые слова.*

«Снегопад»

Болит душа! Родиной болит... Но почему, почему все свое время земное душа должна болеть Родиной? Родина – это что?! Да ведь душа-то и есть Родина чело-века, и творец сей Родины, и властитель ее – Вседержитель.

Да, душа должна болеть, но первоочередно она жить должна. Жить вечной любовью, ибо настоящая любовь вовсе не болезнь. Любовь – это счастье Божье! И не хворостями должно жить человеку, а счастьем.

Счастье есть отсутствие греха, – и не испытавший греха не способен познать всю полноту Божьей любви и прощения.

*Лишь солнце разольётся над полями,
Как детвора, толкаясь на бегу,
Веснушками мелькает, как огнями,
И шапки оставляет на снегу.
А я смотрю и радуюсь чему-то,
Поёт душа – от поля до небес,
Ко мне весна уже пришла как будто...
И светом озарила звонкий лес.*

«Предвесеннее»

Тайна любви – это тайна вечности. Через любовь обретается бессмертие – и нет душе человеческой иного. Мы рождаемся и умираем для любви.

*Не устремится стебель из зерна,
Не обретёт он для себя свободы,
Пока не приоткроет глубина
Своей любви Божественные своды...
...Душе моей жизнь как зерну дана,
И не измерить путь её годами,
Живёт любовью светлую она,
И колосится зрелыми хлебами.*

«Путь зерна»

Не испытавший себя в любви, обречён на смерть вечную. И не познать рас-
судком Божью красоту, и не спастись без любви от одиночества и забвения...

Тем и ценна эта книга стихотворений, что в ней Людмила Снитенко и сама
обрела спасение, и открыла читателю мир Божьей красоты и любви.

*Лауреат Международной премии
святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
Заслуженный работник культуры России,
Лев Котюков*

Знакомые звуки
 слетают с деревьев к душе –
И облако в сини
 лучится сияньем жемчужин.

Трава пробирается к свету
 сквозь сумрак густой,
И ветер волнует листву
 хлопотливой осины,
Блестит под заботами леса
 серебряный ствол,
И в кружево листьев
 вплетаются кисти калины.

Сквозь липы столетние
 церковь видна вдалеке,
И парк засыпает под
 неповторимые трели,
Смятенье видится
 в спокойном уголке,
И сколько тихой радости
 в волненье.

ПЕВЕЦ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Года легли – поэзией на плечи,
И семижильным сделала война,
Дорогой жизни шёл солдат навстречу
Победе главной. И пришла весна!

И длился день, и не кончался вечер
Над Клязьмой тихим шелестом берёз,
Кипел родник и пел, он пел о вечном
Протяжным ливнем самых светлых слёз.

Воспел родной богатый край свободный
От нивы до бескрайней вышины,
И ширь просторов гладью полноводной –
Качала колыбель его души.

Дышали страстью нот потоки света,
И тишину озвучивал восторг,
За этот миг творящего рассвета
Прошёл Фатьянов тысячи дорог.

И стал душой он своего народа,
Его напевом чистым и живым...
Неповторима русская природа –
Певец родной земли – неповторим.

РОДНЫЕ МЕСТА

Вхожу я в сад давно заброшенный,
Вот дом, не знавший бед тогда,
Где кот, заботами взьерошенный,
Из школы ждал меня всегда.

Как наяву явилось прошлое
Из светлых и далёких дней,
Бушует сад быльём непрошено,
Сжимает памятью своей.

Сирень забыть не получается,
Клубники вкус на языке...
Душа не с юностью прощается,
Уходит в зрелость налегке.

И в новый день, в его излучины,
Беру родимые места,
Где для отца мы были лучшими,
С ним рядом жизнь была проста.

КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ*

Как у вина свой шлейф, бегущий с круч,
Напоминает солнечное лето,
Так у пера – живой Кастальский ключ
Сбегает вдохновением поэта.

Играет ветер в ворохах стола
По нотам рифм на клавишах метафор,
Соединяет ритмами слова,
Симфонию озвучивает тактов.

Как нас друг к другу тянет, так перо –
Бумаге доверяется всецело,
Так откровеньем сердца дал Пророк
Рифмованной строке подстрочник белый.

*Кастальский ключ – родник на горе Парнас, символ вдохновения поэтов и музыкантов.

МОЯ МОЛИТВА

Очень часто молюсь я так:
Господи, будь со мной!
И ловлю тот особенный знак,
Когда наступает покой
За скрытой туманом стеной.

В моих мыслях, Господь, оставайся,
Чтобы радовал солнца восход,
Лёгким шелестом слуха касайся
До того, как роса упадёт,
Смыть последних сомнений щепоть.

Будь со мной, мой Господь, навеки,
До последней самой черты,
Даже, если высохнут реки,
Даже, если завянут цветы,
В небесах будь со мною Ты.

И прости, не увидев дороги,
Иногда я ропщу на судьбу,
От прилива нависшей тревоги –
Дух мой робко вступает в борьбу;
Иль, когда обувь жмёт на ходу.

Не пою для Тебя жаворонком
Поднебесные песни свои –
Голос стал не таким уже звонким,
Соль попала на раны мои,
И душа непрестанно болит.

Словно куст, перед бурей склонённый,
Я молю, мир душе привнести,
С верой, чтобы во мне зарождённой,
Я смогла бы к кресту подойти
И излиться: Господь мой, прости...

РУСЬ НЕИСТРЕБИМАЯ



Лидия ЖАРОВА



Жарова Лидия Павловна – поэт, прозаик, публицист, член Правления МОО СПР; лауреат многочисленных литературных премий (в том числе – Московской областной премии им. М. Пришвина и "Наше Подмосковье"). Автор 10 изданий прозы и поэзии, а также 3-х – в соавторстве. Печатается за рубежом (Германия).

Руководитель молодежной студии "Орфей". Член Президиума Совета ветеранов городского округа Шатура. Почётный гражданин Шатурского муниципального района, Почётный ветеран Подмосковья. Имеет множество ведомственных наград и званий.

НЕ ВЕЛЕНО

Трава вскипела зеленыю,
Деревья соком полнятся,
А мне, молодой, не велено
Встречаться с добрым молодцем.

А мне, молодой, не велено
Любиться с добрым молодцем:
Монашкам жизнь отмерена,
Как по уставу водится.

Но стены монастырские
Весною расступаются...
Весна-красна, прости меня,
Что я ещё красавица!

* * *

Добро и зло – как реверс, аверс,
Двойной стандарт, обман, игра:
Углы меняют подло градус –
Не жди от доброго добра.

Жизнь завершая, жребий брошу –
Монетка встанет на ребро...
Мы все мечтаем о хорошем,
И жребий выпадет: добро.

НАЧАЛО

Любые помыслы чисты
Июньским тёплым утром ранним.
Купались сонные цветы
В лиловом сумраке тумана.

Ещё царил окрест покой,
И не зажглись под солнцем росы...
И камня праздную рукой
Ещё никто в пруды не бросил.

Ещё дремал жасминный куст,
Чуть брезжил свет в оконной раме...
Вспорхнуло где-то с детских уст
В дремоте сладкой слово "мама"...

Но плакал ангел здешних мест
В тоске, что будет мир разрушен.
Вот первый взрыв! И слово "Брест".
И залп огня сквозь наши души.

ДУМУ ДУМАЕТ МУЖИК

"Поле надо бы вспахать?
Надо бы, вестимо!"
Но лежит без дел соха,
Дни проходят мимо.

Думу думает мужик,
Зарастает поле.
Пока думал – и отвык
От крестьянской доли.

Опустели закрома,
Денег – медный грошик.
А заплечная сума
На судьбу похожа.

Хочешь – плачь, а хочешь – брось,
И живи, как прежде.
Лишь на русское "авось"
Есть ещё надежда.

МУЗА

Моя муза – одиночество
(Но легко её дыхание!):
И колдунья, и пророчица –
И с молитвой, и с грехами.

Ныне ночью обнаружила
(То ли грустно, то ли больно?):
Музой я была разбужена,
Словно узник подневольный.

Будто я кому обязана,
Будто быть должна полезной...
Всё описано и сказано,
Но остались высь и бездны.

* * *

От добра добра не ищут.
Но даёт пословье пищу
Нам для грустных размышлений:
Люди ищут, к сожаленью,
Жадно рыская по свету.
Вся история - об этом!
Кто от блага благ не ищет?
Лишь ленивый. Или нищий.

ОСТРОВК ПОД СНЕГОМ

Всё обыденно и просто –
Ты спокоен и свободен.
У тебя есть личный остров,
Самый малый из угодий.

Островок под снегом белым –
То ли явь, а то ли небыль.
Всё остыло, отгорело
Под пустым огромным небом.

Островок... И болью острой
Память снова сердце ранит.
Ранним утром на погосте
Я сегодня гостьей ранней.

Всё обыденно и просто -
Не бывает свыше сбоя.
Прохожу я по погосту,
Уношу твой взгляд с собою.

ЗВОНИТ ЗВОНАРЬ

Звонит звонарь.
Но души всё пустеют,
И ангелов всё меньше в небесах.
А те, что есть, спасти нас не сумеют,
Поскольку зла в избытке на весах.

Поют колокола. Скорее, плачут,
Не в силах боль небесную избыть,
Не в силах мир глухой переиначить,
Где разучились ближнего любить...

Где вновь вражда войне дорогу
метит,
Где вновь встаёт, спеша на бойню рать...
И страшно, что которое столетье
Нас учат убивать и умирать.

И, взором мысленно весь мир окинув,
Взываем мы: "Прости, Господь, за всё!"
Звонит звонарь... И осквернённый Киев

Сергей ГАЗИН



Сергей Юрьевич Газин родился в 1953 г. в городе Казани в семье военнослужащего. Вырос под Киевом в городе Белая Церковь. В 1974 году в городе Опочка Псковской области закончил Опочечкое Зенитно-Ракетное училище ПВО. В 1987 году закончил Военную Инженерную Радиотехническую Академию ПВО им. Маршала Советского Союза Говорова Л.А.

Служил в войсках ПВО под Тернополем в г. Борщёве, в Днепропетровске, Харькове и Москве.

Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Член Союза писателей России.

Автор 10 книг стихотворений. Лауреат московских областных литературных премий им. Ярослава Смелякова и Евгения Зубова, премии МОО Союза писателей России «Золотое перо Московии» и др. Кавалер Золотой Есенинской медали. Член-корреспондент Академии Российской словесности.

* * *

Если лето знойное,
Жизнь везде привольная –
Запахи полынные
В Русь зовут былинную.

Ветер клонит лютики,
Рядом – утки в прудике...
Где берёзки тонкие,
Там и птички звонкие.

И вода колышется,
Небом не надышится, –
Русский мир – естественный,
Истинно Божественный!

КОЛЁСА ВРЕМЕНИ

Скрипят колёса скифские,
Зовут в края неблизкие...
Извечный путь вневременный –
Ведёт нас в рай утерянный.

И сердце в упоении
Живёт в предвосхищении
Рожденья снов невиданных
И слов родных, неслыханных.

Дурманит обольщение
В порыве вдохновения
Под скрип колёс несмазанных –
Мы счастьем жить обязаны.

И вот уж колокольчики
Для нас звенят сквозь ноченьки –
В небесном откровении
Поют колёса времени!..

ТРУД, ХЛЕБ, ЛЮБОВЬ И МЕЧТА

Хлеб насущный не мечтами
Добывается в быту,
А крестьянскими руками,
Претворяя в жизнь мечту.

Та мечта – белее снега,
И живёт годами в нас...
И пускай скрипит телега –
Впереди наш звёздный час!

Труд с мечтой даёт возможность
Ежедневно вновь и вновь
Одолеть житейскую нервность
И почувствовать любовь.

И обыденность мирская
Золотится на свету –
С хлебом кровь жива людская,
А любовь – зовёт в мечту!

КАМЕННАЯ БАБА

Прокудахтала курочка Ряба –
Мол, в степи на высоком холме
Ожила половецкая баба –
Та, что в камне страдала во тьме.

Будто грянул с небес ясный пламень,
Озарив на мгновенье восток,
И не выдержал тягостный камень,
И осыпался с девы песок.

И яичко золотое разбилось...
Ковылём зазвенели поля...
И царица степей пробудилась,
Озарилась родная земля.

И пошёл я по травам высоким,
По просторам с открытой душой,
Поклониться очам синеоким
И напиться водицы живой.

* * *

Многие знания – многие печали.
Книга Экклезиаста

Есть дураки – что счастливы всегда,
Они не думают, не размышляют...
Безумие – им вовсе не беда, –
Вот потому печали и не знают.

Адам хотел познать добро и зло,
И изгнан был из светлого Эдема...
Зато освоил жизни ремесло
И сам решал насущные проблемы.

Томленье духа – это не печаль,
Но радость поиска и новых знаний,
И я вперёд иду, и мне не жаль
Приложенных к познанию стараний.

В КАМЕННЫХ ДЖУНГЛЯХ

Следом змеиным идём через джунгли,
В зарослях жизни плутая порой...,
Глядя ночами на красные угли,
Истину ищем, забыв про покой.

В переплетениях дымных раздумий,
Слушаем сердце в тиши у костра.
Не дожидаясь пророчеств колдуний,
Грезим любовью подчас до утра.

Путь прорубаем в колючей чащобе,
Верим в удачу свою по судьбе...
Жизнь трудоёмка, и это не хобби –
Быть человеком в опасной борьбе.

Следом змеи мы проходим сквозь джунгли,
Заросли рубим пытливым умом.
Чтоб орхидеи любви не пожухли,
Истину ищем, и дом свой найдём.

* * *

Воспринимаю мир дискретно –
Хочу мозаику сложить.
Уходит время незаметно,
Всю жизнь учусь – как надо жить.

Бегу по радуге лучистой,
Пытаюсь истину найти –
Испить любви из речки чистой,
Что поит жаждущих в пути.

Как быстро время истекает,
И надо главное успеть!
Любовь мне душу озаряет,
Чтоб сердце радугой согреть.

Каким я был? Каким я стану?
Хочу в грядущее взглянуть.
Идти за правдой не устану –
В сиянье радуги мой путь.

Я перейду на берег чудный
По струнам радуги цветной,
И смысл исканий многотрудных
Предстанет Истиной живой.

* * *

Жалею о несделанном,
Коль день прошёл впустую...
О времени потерянном
Отчаянно тоскую.

А было много славного
В той жизни, что промчалась...
Не упустить бы главного
За время, что осталось!

Найти слова заветные
И воплотить их в дело,
Чтоб пело сердце светлое
И в песне веселело.

Я чувствую прекрасное
До головокруженья...
Так здравствуй, счастье ясное –
Любви и восхищенья!

СЧАСТЬЕ ЖИТЬ

Счастье жить царит в душе,
Что на звёздном вираже
Начинает новый круг –
При поддержке Божьих рук.

Кто взлетел, не упадёт,
Если ввысь идёт полёт,
Если ширится спираль,
Если светом дышит даль.

В наших крыльях счастье жить,
Чтоб детей в любви растить.
Жизнь прекрасна на лету, –
В небе – видишь красоту!

Не взлететь превыше звёзд,
Но поднявшись в полный рост –
Сможешь всё! Ведь жизнь дана,
Чтоб прожить её сполна!

НОЧНЫЕ ДОЖДИ

Дожди напоят тех, кто алчет, –
Стихи родятся из души
И успокоят тех, кто плачет,
И снимут боль в ночной тиши.

Возникнет чувство облегченья,
И перспективу сердцу даст,
В огне живого вдохновенья,
Дождей встревоженная страсть.

Стихи ночные не случайны,
И слёзы горькие не зря.
Они покров снимают с тайны –
Без них немислима заря...

* * *

Перебранки с осенью
Кончатся зимою,
Вьюжными заносами,
Новую мечтою.

Время не задержится...
Постучит в окошко
Белою медведицей –
Снежная ладошка.

И узоры ёлочкой,
На стекле оставив,
Вдруг – кольнёт иголочкой
Дед Мороз лукавый!..

Редакция журнала «ПОЭЗИЯ. Двадцать первый век от Рождества Христова» сердечно поздравляет нашего постоянного автора, известного русского поэта Сергея Газина с 65-летием, желает ему крепкого здоровья и творческого долголетия.

Валерий ШИТУЕВ

Родился в г. Переяславле -Залесском Ярославской обл. Полковник запаса. Депутат Государственной Думы III созыва. Член Союза писателей и Союза журналистов России, вице-президент Международной академии русской словесности, народный поэт России, член-корреспондент Академии поэзии.

Вышли в свет пять поэтических сборников.

Награждён Золотой Есенинской медалью МОО СПРФ, орденом М.Б. Лермонтова МГО СПРФ, медалью Твардовского Министерства культуры РФ, значительными литературными премиями и дипломами: им. Ярослава Смелякова, Николая Рубцова, а также – "Золотое перо Московии", "За верное служение отечественной

литературе", "За заслуги перед профессиональным сообществом" Союза журналистов РФ, "Недаром помнит вся Россия" им. М. Ю. Лермонтова МГО СП РФ и др.

Неоднократно печатался в различных журналах, альманахах, литературных антологиях, в том числе и за рубежом. Имеет государственные награды. Живёт и работает в Москве.

ПРОЩАНИЕ ПО-АНГЛИЙСКИ

Над кроватью снежинки кружатся,
И сквозняк от распахнутой двери.
Ты не стала со мною прощаться, –
Ведь душе твоей чужды потери.

Снайпер режет насечки на ложе
У своей безотказной винтовки.
Ты рубцы оставляешь под кожей –
На сердцах из забытой «массовки».

Вся постель запорошена снегом, –
Время будто бы – остановилось...
Твои ласки и грудь с оберегом, –
Неужели мне это приснилось?

В кухне запах сбежавшего кофе
И окурков разбросанных кучи,
Недопитый коньяк в полуштофе,
И... смущенные звёзды за тучей...

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

Уходят снова в ад, сбежавшие из ада,
Вкусив заветный плод, зовут в свои круги.

Грехи не отмолив, из Золотого сада,
Мне яблоко дают с протянутой руки.

Струится сладкий сок
искусом и желаньем
И доводы мои нелепы и смешны.
Запретный плод манит
неведомым познаьем,
Когда соблазн велик, не чувствуешь вины.

И тихо шепчет клён, и клёну вторит ясень,
Что яблоням в цвету не стоит доверять,
Запретные плоды: их смысл любому ясен –
Чем ярче и сочнее,
тем проще грех принять.

Эх! ясень дорогой и клён ты мой опавший,
Я столько нагрешил за свой недолгий век.
В созвездии Любви,
без меры страсть познавший, –
Я просто раб любви! Я просто человек!

Уходят снова в ад, сбежавшие из ада,
Вкусив заветный плод,
познав весь пыл утех –
Вкусив запретный плод из Золотого сада,
Я господу молю простить меня за всех!

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

Пришли нам грачей поскорее Саврасов
Пришли нам отраду весенних лучей,
Без зимних прощальных

и злых выкрутасов
И талые воды в оживший ручей.

Соскучились люди, зверьё подустало
Без яркой палитры лесов и полей.
Нам белых оттенков зимы уже мало –
Нам краски любви на планете разлей.

Пришли нам надежды с пернатой волною,
В поля разбросай желтоклювых бойцов.
Дохни по утрам настоящей весной –
Душа заждалась соловьиных гонцов.

* * *

Стою в Третьяковке у старой картины,
Смотрю на деревья и церковь в дали,
И сквозь кракелюровый блеск паутины –
Я вижу грачей! Зима позади...

НЕРАЗРЫВНОСТЬ

Как чёрствый хлеб в засохшем горле,
Слова застряли навсегда.
Течёт вода по чьей-то кровле,
Стихи уходят, как вода.

И мучит жажда неземная
И рвётся слог как страшный сон,
Лишь колыбельная родная –
С душою бьётся в унисон.

Когда перо моё живое,
Начнёт кромсать бумажный хлам,
Я вдруг пойму с душой нас двое,
И за неё я всё отдам...

Поэт с Душою неразрывны,
Едины до преклонных лет,
И если ждёт котёл нас дымный –
Вперёд души, сгорит Поэт!..

МОДИЛЬЯНИ*

Ах! Модельяновские шеи –
В них благородный стиль иной,
О! Как прекрасно их в постели –
Ласкать в прохладе под луной.

Висит портрет графини знатной
И плечи прячет палантин...
А вот автопортрет невнятный,
Но почерк гения един.

Ах! Модельяновские руки –
Его мазок и стиля стать...
Ты пережил такие муки
А нам: смотреть, любить, мечтать!..

**Модильяни* – итальянский живописец,
скульптор, тяготевший к удлинённым про-
порциям, геометризации форм.

НОЧЬ. АЛЛЕЯ...

Ночь. Аллея. Заснувший фонарь.
Я сижу в голове полный бред.
Где-то бродит по свету бунтарь –
Ищет падшей звезды, падший свет.

На до мною больной, старый клён
Глухо стонет в морозном ветру.
Он устал, да и я истомлён,
Думы мёрзнут в застылом плену...

Ночь тиха. Да и я как фонарь,
Отключаю все тяготы дня.
Но мой Ангел прозрев эту хмарь,
Милосердно глядит на меня.

Тяжкий сон. Порошит мелкий снег.
Я почти превратился в сугроб...
И судьбы, надорвавшийся бег –
Мне готовит забвенье и гроб...

ПОД ЗВЁЗДНЫМ ПЕРЕПАДОМ

Нас создали, чтоб мы смотрели в небо –
Всё остальное суета сует...
Не для пустого пиршества и хлеба
И зрелищ гладиаторских побед.

Вновь моросит под звёздным перепадом
И тучи закрывают всё в ночи.
Грехов я накопил почти для ада –
Не смоешь лавром в бане на печи.

Иду в ту ширь где сыплются рассветы,
Где звёздочка спустилась на плечо.
Где так желанно получить ответы,
Где лёд в груди, но в сердце – горячо...

Нас создали, чтоб мы смотрели в небо
Найдёшь ли там свой правильный ответ?
Я обойдусь одной водой и хлебом –
Всё остальное суета сует...

ТЫ МЕНЯ РАЗЫЩИ

Ты меня разыщи
 среди живых или мертвых,
Я безмерно устал, и творить и любить.
На границах ристалищ,
 обозначенных чёртом,
Мне так хочется петь, и так хочется жить!

Покопайся в архивах
 и списках расстрельных,
Не найдёшь –
 так возрадуйся нашей судьбе.
Значит жив я пока,
 и в краях запредельных,
Я иду напролом через годы к тебе.

Не кручинься, не плачь
 о доставшейся доле,
Нас поддержит по жизни святая любовь.
Как в пустыне оазис, засохший в неволе,
Вновь распустит листву,
 обновит свою кровь.

Ты не жди сообщений
 в застывшем Фейсбуке.
Не беги к телефону на каждый звонок...
Вспоминай каждый день
 мои верные руки,
Нашу вечную клятву и слова между строк.

Только вера спасёт, только вера поможет
–
Душам вновь обрести
 свой любовный покой.
А на самом краю, кто-то там подытожит –
Открывать нам врата,
 иль закрыть, ангел мой!

РЕКА

Сухой песок. Седой валун.
 Всё та же гладь.
На берегу моей реки сажу опять.
И время медленно течёт во всех веках.

И русло также в неизменных берегах.
Шлифую старый свой валун и просто
жду,
Когда вода ты унесёшь мою беду,
И проплывут враги, которым счёта
нет,
И душу озарит печальный нежный свет.

Смотрю в огонь, что пляшет
 искрами всю ночь,
На берега, в которых гонит воды прочь,
На россыпь близких звёзд
 мерцающих вдали –
В них философия и жизни, и любви.

Сухой песок. Седой валун.
 Всё та же гладь.
Бесшумно тащит свой поток река опять.
Молюсь за тех,
 что скрыл давно водоворот,
И чтоб мне посуху дойти бы до ворот.

СОН

Разбуди меня скорее, разбуди,
Прогони остатки сна в глухую ночь,
Прогони что мне приснилось – до зари
Прогони кошмар судьбы навеки прочь.

Колыхались занавески на ветру,
Одинокий крест я на холме узрел...
Не хочу на нем остаться по утру,
Я свои баллады не допел.

Разбуди меня быстрее до крика «Пли!..»,
Поцелуем долгим, словно ночь.
И во сне мой крест со мною раздели –
И тогда кошмар навеки сгинет прочь.

Оттирая пот ночной со лба,
Обнимая верную жену
Понимаю смерть еще слаба,
Понимаю – я ещё живу!

РЫЖАЯ БЕСТИЯ

Ты жива моя рыжая бестия, –
Жив и я твой стареющий друг...
И давно не доходят известия –
От далёких, туманных подруг.

Помнишь, как нас кружило над речкою,
А потом разделило в полях...
Получал каждый год твою весточку,
С ярко-красной рябиной в ветвях.

Передай, как созрела по осени,
Также дочка с тобою живёт?
Как вкусна ты, на выпавшей мороси –
Неспроста её любит народ!

Выше крыши наш клён уже вымахал,
И тебя я как прежде люблю!..
Сам Есенин вчера к тебе выехал,
Завезёт тебе ветку мою...

РОМАНС НАДЕЖДЫ

И как долго терпеть
И как долго не спать?
Сколько должен ночей
Я в надежде страдать?

Время лечит людей
И врачует мозги,
А душа всё черней,
И не видно не зги.

Где же солнечный свет,
Запах скошенных трав,
Где же ранний рассвет
У речных переправ.

Сколько должен ночей
Без надежды страдать?
И как долго терпеть
И как долго не спать?

Доживу до рассвета,
Дождь струится ручьём.
Но не знаю ответа,
Когда будем вдвоём.

И как долго терпеть
И как долго не спать?
Ведь так хочется петь
И любить, и страдать!..

ЧУЖОЙ

Под моросью заснеженного леса,

Я выхожу к поляне ледяной...
Тропинка – нештоптана, белеса,
Ведёт к избе забытой, но родной.
Я наглotalся наста, словно почек свежих,
Я путь торил в неведомый простор.
Я жил с зимой
в объятьях снежно-нежных,
Но ждал весны и ощущал её напор.

Я не хочу идти опять в пустую вечность,
Там где командует слепая, злая власть.
Как много-много сил
уходят в бесконечность,
Но мне ведь надо налюбоваться властью!

Скорей, скорей, к своей
невиданной невесте,
И кажется встречает дом родной.
Но мой румянец – он давно не местный,
Остыла печь – здесь я – мужик чужой!

ПРОЩЕНИЕ ПРЕДКОВ

Как я здесь? Безысходно и скучно...
От тоски помираю, лишь книги –
Не дают окончательно спиться.
Забавляют порой интриги...
Когда мало народа, то пришлый –
Вдруг становится даром небесным.
Что в душе у людишек творится -
Старожилам всегда интересно...
Мужиков перепил я как надо,
Женский пол «не увлек «импотента»...
Потерял интерес – и забыли
Даже бармены «РАШЕН» клиента...
Незнакомый рассвет и закат.
Незнакомые звезды блуждают.
Первозданная ночь свой сонет,
До утра где-то в джунглях слагает.
Далеко я от дома ушел,
Может путь мой навеки оборван,
Но не верю, никак я не верю -
Что последний акт жизнью дарован.
Как-то благостно здесь на душе,
Где-то в генах проклюнулось пламя,
Будто вещие старцы во мне –
Пробудили вселенскую память.
Не могу я воззвать к праотцам,

Хоть и прошлое с будущим в связке.
 И молю я, любовь приезжай, -
 Будь со мной в неразгаданной сказке.
 Покажу Гималайские пики,
 И нырнем в мой заветный ручей,
 Вон замшелый валун в старом плёсе –
 Он навеки здесь просто ничей.
 И такой же, как наш муравей
 Тычет усиком в пыльный ботинок.
 И коровы как наши мычат,
 Жаль что нет здесь бабулиных кринок.
 А какой здесь лиловый закат,
 А вода чистоты небывалой –
 На своё отраженье смотрю -
 И молчу я с улыбкой усталой.
 Я прошу, поскорей приезжай,
 В местном баре я праздник назначил.
 Приезжай и проведай мой край,
 О, как воздух здесь горный прозрачен.
 Я не всю тебе правду сказал -
 В эти долгие черные ночи.
 Я годами мечтал без тебя -
 Заглянуть нашим прадедам в очи.
 Приезжай поплескаться в ручье
 И отведать все местные яства,
 У меня сколько дней на душе -
 Без тебя лишь глухое ненастье...
 А потом, как захочешь назад
 Возвратиться на Русь золотую,
 Встанут предки арийские в ряд
 И простят нам любовь неземную.

ВЕСЕННЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Свеча восковая погасла к утру,
 Истлела фитильная нитка.
 Ничто не тревожит мою тишину,
 Лишь только вздыхает калитка.

Лучи пробиваются к тёплой земле,

Сквозь тучи вскрывая прорехи.
 Старик заворочался в тягостном сне
 Прикрыв чуть припухшие веки.
 Трава и цветы, до последних глотков,
 Вбирают росистую влагу.
 Появится солнце из под облаков –
 Несладко придётся беднякам.

И старый, поживший на свете петух,
 Хрипит как маэстро на сцене.
 Прочистив все связки и вновь во весь дух –
 Даст сольный концерт на арене.

Вот стадо выходит из старых дворов,
 Пастух бьёт кнутом что есть мочи.
 Весна наступила и бедных коров
 Кормить будут долго, до ночи.

ГОРБАТЫЙ МОСТ

Я настроил рояль и тапёрам отдал –
 На горбате мосту им площадку создал.
 И теперь не услышишь в ночных кабаках,
 Пошлых песен за стольник
 в барыжных руках.

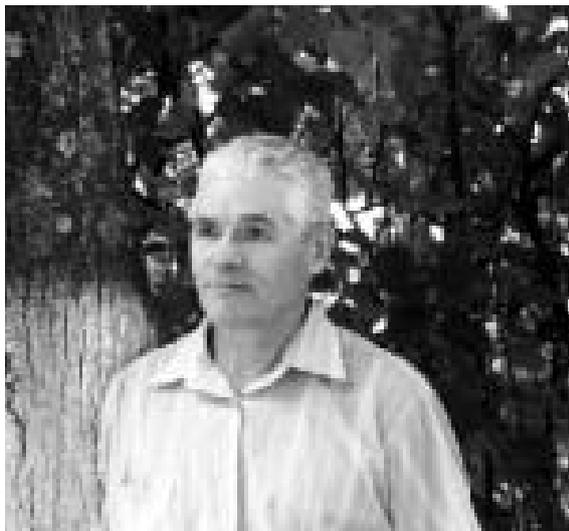
Поначалу туристы, сдвигая маршрут,
 Приходили послушать – о чём тут поют.
 А потом целый город забыв суету
 Шёл на дивные песни на старом мосту.

Старички-виртуозы вечерней порой,
 Новый клуб открывали,
 смешавшись с толпой.
 И неслись над рекой
 тихий вальс или блюз,
 И пускал пузыри на траве карагуз.

Меньше в городе стало ненастных дней
 Все забыли почти о сезоне дождей...
 Даже звёзды искрились с другой теплотой
 И бросали на город свой свет золотой.

Замирая, внимал чудным песням народ
 И в едином порыве смотрел на восход...

Вячеслав ПОСТНИКОВ



Член Союза писателей России с 2008 г. Издал книги стихотворений: «Светлый ливень» – 2002 г., «Среди ветров» – 2008 г., «Зелёная даль» – 2010 г., «Наедине с вечностью» – 2012 г., «Земное притяжение» – 2015 г.

Лауреат премий МГО и МОО СП России имени А.С. Грибоедова, А.П. Чехова, Золотое перо Московии, имени В.В. Маяковского.

Награждён Золотой Есенинской медалью и Большой Серебряной медалью Гумилёва. Живёт в г. Зарайске Московской области.

ИСТИНА

Льву Котюкову

Храни, Господь, поэтов настоящих!
Дай им свободу в страждущей толпе.
Благослови на стойкость уходящих
По неизвестной, горестной тропе.

И в руку посох – верное подспорье,
В другую – книгу, главную из книг.
Войти светло в пределы лукоморья
И прикоснуться к святости на миг.

И прорастёт в душе святое Слово,
И чистою окажется слеза.
Душа замри! Ты к истине готова?
Вот истина: Господь глядит в глаза!

* * *

Мне почудилось бабье лето, –
Тишина и земное тепло.
Может память далёким согрета?
Может в детство мечтой увело?

На пригорке утихли обиды,
Звон цикад и полёт мотыльков.
И по сердцу – далёкие виды,
Рой высоких седых облаков.

И легко здесь сродниться с Природой.
Здесь и Вечность висит у виска.
И горжусь я рязанской породой,
Хоть любая другая – близка.

СЕРДЕЧНЫЙ УГОЛОК

Прощай любовь, – была ты не навеки.
Кружить судьбе средь звёзд не суждено,
Но есть душа в разумном человеке, –
Не всё при жизни, значит, сожжено.

Есть уголок проверенный, но хрупкий,
В него нельзя ломиться, словно тать.
Там есть цветы – лесные незабудки
И память детства – душу согреть.

Я берегу тот уголок сердечный,
Где не достанет зависть и туга
И будут дни, рождённые навечно,
И неземные сниться берега.

ВЕРЮ В РОССИЮ

Ухожу. Ничего нету проще –
Взял котомку и тронулся в путь.
Ветер синью упруго полощет,
Наполняя упрямую грудь.

Распахнулись широкие дали,
Горизонты плывут не спеша.
Русь великая! Русь страдальная!
Ты любая и всё ж хороша.

Потрясают тебя катаклизмы –
Ты жива среди надуманных грёз.
Я смотрю на морщины Отчизны –
Не могу удержаться от слёз.

Сколько ж времени ходишь вслепую.
Как молитву твержу в забытии:
Дай берёзы твои расцелую,
Да не высохнут соки твои.

Не иссякнет родник в круговерти,
Есть Россия и странники есть.
Ухожу. Я вернусь и, поверьте,
Принесу вам хорошую весть.

РЕКА ЖИЗНИ

Время – песок, утекающий тонко
В реку забвенья незримой струёй.
Сможет ли выплыть моя плоскодонка
В Лету, гонимая поздней зарёй.

Лодку направлю против течения,
Может, увижу рассветный восток?
Душу больную тревожат сомнения, –
Не бесконечен в сосуде песок.

ГОРА ЮНОСТИ

Отшумели весенние воды,
Отошла грозовая пора.
Далеки бесшабашные годы,
И в тумане родная гора.

Та гора моей юности дальней,
Та гора, где пахучий левкой.
Где любовь не казалась печальной,
Где душа обретала покой.

А теперь там седые туманы, –
Не видать путеводной звезды...
Но поют по весне неустанно –
О любви в нашей роще дрозды.

ДАВНЕЕ

Дальний, давний полустанок,
Полон странствий давний год.
Шёл я полем спозаранок
Без поклажи и забот.

На душе светло и чисто,
Ветерок прохладный льнул.
Птиц маня весёлым свистом,
В свою душу заглянул.

Заглянул и удивился:
Это я, или другой?
Не упал, не удавился
Тёмной стынувшей порой.

Обнимал и хороводил.
Зрели яблоки в саду.
Никого не предал вроде,
И со всеми был в ладу.

Весела была тальянка,
Завлекала всех невест.
А теперь вот спозаранку
Ухожу от этих мест.

На душе светло и чисто,
Будто небо после гроз.
И храню твоё монисто
С тонким запахом волос.

АВГУСТ – 19 ЧИСЛО

О, высота, где неподкупны души!
Равнины дальние – убогая тоска.
А где же Русь – одна шестая суши?
На площади с названием – Москва.

Сегодня Спас – церковный праздник всё же,
Но не звонят, молчат колокола.
Повергли власть – народную, о Боже –
И пелена рассвет заволокла.

Опять вражда, погром, братоубийство?
Когда же Русь воспрянет наконец?
От лиходейства, рабства и бесчинства
Спаси Всевышний любящий Отец.

* * *

Мы живём мечтами и надеждами,
Не солгу – хочу тебя обнять.
После зим холодных и заснеженных
Нам весной бы встретиться опять.

Встретимся, распустятся сирени.
Ты пойми – всё движется в любви.
Позабудь, что были мы, как тени,
И меня тихонько позови.

Я приду с мечтами и надеждами,
У дверей ты радостно встречай.
Встрепенётся сердце, как и прежде,
Наливай, подруга, крепкий чай!

ВОСПОМИНАНИЕ О 90-х ГОДАХ

Ещё удар – и разум человеческий
Покинет нас – прорежутся клыки.
Поставьте нам пылающие свечи
В большие громовые кулаки.

Мы виноваты: лозунги – не пашни,
Доверчивость обманна и слепа.
И девяностый, словно год вчерашний
Сломал зубцы крестьянского серпа!

И нет крестьян. Прискорбно дуновенье.
Сметёт ли пыль ущербный ураган?
Мне Русь нужна! Свобода! Вдохновенье!
А не Кремлёвский царственный курган.

Чьё поле здесь? – Польша да злые слёзы.
Истока нет. И не видать конца.
И лишь в грозу шумят, шумят берёзы
Над тихою могилою отца.

* * *

Мне повезло – такая вот досталась,
Не броская, но видная из всех.
В глазах домашняя и школьная усталость,
И на висках едва заметен снег.

Чуть ёжится от ветреной погоды,
Но солнышком в прихожую вошла.
Ах, эти годы! Звончатые годы!
По-прежнему улыбка хороша.

Глаза – луга с небесной поволокой.
Я всякий раз на том себя ловлю:
Люблю ли я тебя? Конечно же – люблю,
И я целую выбившийся локон.

КОГО ИСТОРИЯ НЕ УЧИТ

Нет, я не был на Майдане,
Не бросал булыжники в ОМОН.
Но свежо высвечивают грани
До смерти враждующих сторон.

Там одна – народная – за совесть,
За язык – и русский, и другой,
Чтоб писалась дружеская повесть
Про Донбасс с Россией дорогой.

А другая – хваткая, с нахрапом,
На смертях обретшая всю власть.
Рыскает по Западу «на лапках», –
Где б ещё нажиться и украсть.

И Донецк с Луганском – ей не нужен,
Их бы ей стереть с лица земли.
Смертоносным рушили оружием,
Города же – выстоять смогли...

Где народ, сплотившись в одночасье,
За Святое бьётся, не страшась.
Он достоин, он добьётся счастья
Видно позже, видно не сейчас.

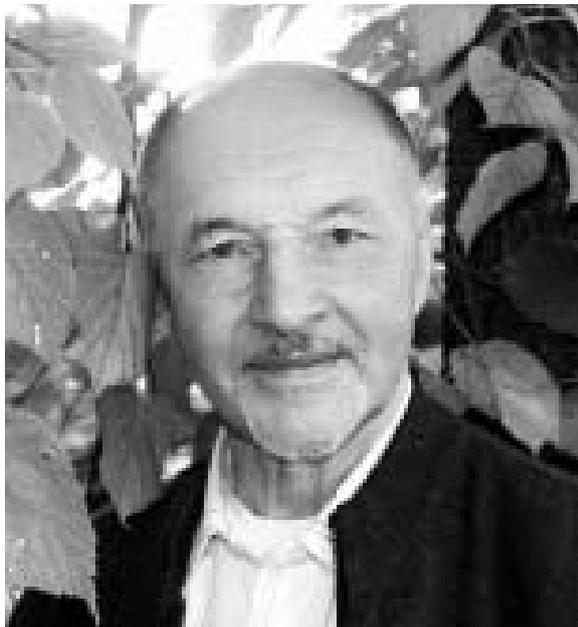
* * *

Не скрипнет калитка,
Не вздрогнет душа.
Когда-то девчонка
Была хороша.

Волнистые травы
И локон – волной.
Под ласковым небом
Встречались с тобой.

Мечтали ночами,
В сердцах – непокой.
Казалось, что звёзды
Достанем рукой.

Куда это делось? –
Скажите о том...
Как раньше нам пелось, –
Не пелось потом.

Андрей ДЕБАБОВ

Заслуженный поэт Московии, лауреат премии имени Ярослава Смелякова 2015 года В 17-м перешёл на восьмой десяток. Жизненное время делит между столицей и Чеховским Подмосковьем.

БЕЗ РАЗЛИЧИЙ

Мы, дети страшных лет России
Забуть не в силах ничего.
Александр Блок, «Возмездие»

В гости к Богу не бывает опозданий.
Владимир Высоцкий

Трансвестита из Таиланда
Я воспринял толерантно...
Но сегодня был во власти сна:
Коридорами лесными
Победившая Россия
«Фрау Шикльгрубера» спасла!..*

Лучше бы меня на дыбу...
Лысина вставала дыбом!
Пацанёнок (крестик на груди)
Вывел изверга в платочке!..
А потом он стал Высоцким,
И Господь его не пощадил...

Я не тронулся рассудком
В виртуальном мире жутком.
Это в самый долгий день в году,
В день зачатия Победы
Я во Ржев с рассветом еду
И с вокзала к кладбищу бреду.

Эпопея всепрощенья
Ставшего Ягой Кощея!
Это ржевцы выкопали ров
И – обитых тканью красной
(по двенадцать павших – в каждый!) –
По настилу вносят сто гробов.

Это ангелы лесные,
Внуки *страшных лет России*
Выгребают кости каждый год
Из оврагов-буераков –
В артобстрелах, контратаках
Молодой полегший здесь народ.

Их тут больше миллиона...
Не при каждом – медальоны:
Перед боем – «чтобы выжил» – снять
(в нарушение Устава)
Молодёжь предпочитала,
И теперь имён их не узнать.

Но нетленно-поимённы
Оловянные жетоны
Тех, кто на чужой земле погиб, –
И с могилой братской рядом
В исключительном порядке –
Чёткий строй ухоженных могил.

Я издателем работал
И печатал (в переводах)
Мемуары: Баденский юнец
Голодал в двадцать девятом, –
Потому пошёл в солдаты
И в «Дорогу жизни» слал свинец...

В гости к Богу, Кто создал их –
На две жизни опоздали,
Ждав билетов, групповых и разовых...
В глинозёме места павшим

Хватит – и чужим, и нашим,
Без различий гендерных и расовых.

* *Шикльгрубер* – фамилия Гитлера при рождении.

МОЛОДИНО

Есть дорога с названием «КРЫМ».
Если ехать по ней в «Третий Рим»
Меж Окой и Москвою-рекой, –
Переедешь Лопасню с Пахрой,
А меж ними – Рожайку, что встарь
Называлась короче: *РОЖАЙ*.

Железнодорожная также есть мелодия:
Станция «Колхозная»
нынче стала «*Молоди*».

В этом месте, в серёдке России
Свои лыжи я в лес устремил.
Снег блестит – «*обалденно красиво!*» –
Трепет русского сердца струны...

Вот село, с куполами над речкой –
На другой задрожало струне
Перебитое горем сердечко
(как полплемечка на войне)...

Мне навстречу мужик в камуфляже.
За спиной замерцали стволы...
Учит четвероногого стража
Смесью ругани и похвалы.

– На кого нынче можно?
– Хоть зайца,
Хоть лису...
Повезёт – кабана...

– А село это как называется?
– Да Юсупово...
– Вот тебе на!

Богатейшего князя династия...

*Уживанье славян с «татарвой», –
Так великая Русь начинается...
Выживает, кто подчиняется,
Кто не жертвует головой...*

– А речушка?
– Река тут Злодейка.
Не поверил. За картой бегу –

Извивается, хитрая змейка...
Вдоль неё, мелким шрифтом:
Злодейка...

И – в Рожайку...
Как *Вобля* – в Оку!

**Одна тысяча пятьсот семьдесят второй –
На Рожаете был в тот год Молодинский бой.**

*Наше тюрко-славянское «братство»
На лихой замесилось крови...*

Не бывать бы Московскому царству
Без «эпохи большой нелюбви».

Приносили ордынские жёны
Мир в уделы недружных князей.

Но мириться с Казанью крещённой
Не желал Крымско-ханский Гирей!

В результате: сто тысяч убитых
На Рожаете, при Молодях
Половецко-турецких наймитов...
И вожак их, – родное дитя!..
И почти все парни Крыма
Не вернулись в край родимый...

Память *ракушка* хранит,
В ней морской прибой шумит.

Море Чёрное с Азовом –
перевёрнутое сердце...
Грубо Крым в него вонзился
наконечником стрелы...

**Одна тысяча пятьсот семьдесят второй –
Спас Московию в тот год
Молодинский бой.**

Не имела жалости к жизням **тех парней**
Реченька Рожаяшка, – ШИРИ нет у ней!
Приняла Злодеюшку, правый свой приток,
Памятью мелеющей подводя итог.

(Ей под стать Злодеюшка, –
из плотин браслет...
С рыболовов – денежка...
С неба – как скелет!..)

Три эпохи *минули* с давней той поры.
Под дубами вырыли звери три норы.
Носят память жёлуди про сраженья жар
У селенья Молоди на реке Рожай:

Куликово полюшко дремлет двести лет,
Но – жива неволюшка, *незалежъя* нет.
Ждут послы Гиреевы у ворот Кремля.
Откупом немереным мучится земля.

Поднялись в отчаянье вилы да топор,
В битве с янычарами выдержав напор...

Воды кровью красные у Москвы с Окой,
У Пахры с Лопаснею да с Рожай-рекой.
Речка – как тропиночка: вброд бы перейти...

Но – на серединочке, ровно полпути! –
Полпути не близкого: непролазный лес...

Так, от Бородинского полпути... –
в Смоленск!

Встало войско дружное
Тут, на полпути,
Русскому оружию славу возвестив,
Будто к краю пропасти недруга прижав
У селенья Молоди на реке Рожай!

Этой нотой гордою должно б кончить речь.

Но в томах Истории нет с Рожайкой встреч,
У селенья Молоди монументов нет.

В раболепном шёпote меркнет правды свет.

Выдолблен до доньшка Грозненский этап,
–

Будто выскреб ножичком чрево эскулап.
Заглушили melody, вытерли скрижаль,

–
Где про бой близ Молоди на реке
Рожай...

Вот бы было здорово цепь **викторий** длить!..
Но дела позорные рвут событий нить,
И перо Ключевского, слог Карамзина –
Не почтили честию эти времена.

Царские историки скрыли правды сбой, –
И не учат школьники Молодинский бой,

Где, до Рима Третьего рысью – три часа –
Басурмана встретили русичей сердца;

Где с проклятой вражиной
Воротынский, князь,
Михаил отважный
Бился не боясь,

А Иван Васильевич,
Государь страны –
Убоялся силищи, наложил в штаны, –

В Новгороде прятался, оголив
Москву,
Дьяволовой пакостью грезя наяву,

И в полном шорохе, прорезавшем тьму,
Внутренние **вороги** чудились ему.

Нечисть жгла наветами
(не знаком ей стыд!) –
И на дыбу вешали, слали в монастырь...

Как ребёнок в ванночку, окунулся в грязь
Михаил Иванович Воротынский, князь,
Воевода воинства, малого числом,
Крупного достоинства, – кто не бьёт челом.

Бич доноса ложного воеводу гнал
В Белозерье – *прошлого Беломорканал*.

Опочил дорогою, с участью смирясь,
Чистый перед Богом Воротынский, князь...

Воды, гневом красные у Москвы с Окой,

Михаил РУУШАН



Поэт, коренной москвич. По образованию инженер-технолог.

Много ездил по Советскому Союзу. Писать стихи начал ещё в техникуме. Первая публикация в 1967г.

Член МГО СП России. Лауреат ряда литературных конкурсов.

Награждён крестом «За увековечение памяти победы России в Отечественной войне 1812г.».

Автор трёх стихотворных сборников. В своём творчестве – патриот, романтик, во многом ироничен.

ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ

Поэма

*«Никто не забыт,
ничто не забыто»*

1
Холодно было в Рязани.
К битве готовился хан.
Здесь пригодились бы сани.
Снег обволакивал стан.

Грозный, всегда многоликий,
Из мировых тираний –
Внук Ченгизхана великий,
Ужас вселявший – Батый.

В ставку к татарам посольство
Едет о мире просить.
В этом, не видя геройства,
Кто их посмеет побить.

Сына рязанского князя
Вместе с посольством убьют.
Воинов хана, что грязи.
Поднят над русскими кнут.

2
Пала Рязань под Батыем,
Кровью набухли снега.
Срублены гордые выи,
Алою стала Ока.

Храбрый князь Юрий Рязанский
Насмерть был ранен в бою.
Штурм, отражая татарский,
Землю, спасая свою.

Ратников всех изрубили,
Женщин забрали в полон.
Даже детей не щадили,
Жёсток ченгизов закон.

Воин, боярин Евпатий,
Зван был людьми Коловрат,
Послан в Чернигов он «к братьям»,
Чтоб там ударить в набат.

Грозно звучали удары,
Помощь получит Рязань.
Будут смеяться татары:
«Ишь безлошадная рвань».

Город сожжён и разграблен.
Ворога, как воронья.
Русскими город оставлен.
Вот ваши распри, князья!

3
Хмур воевода Евпатий,
Скорбная тень на лице.
Руки лежат на булате,
Взгляд что-то ищет во мгле.

Кто он? Добрыня Никитич,
Муромец – старый казак?
Да, он Руси всей хранитель
Бойся его злобный враг.

Воин немереной силы,
Словно былинный герой.
Землю, дома и могилы –
Край защищал он родной.

Лет тридцать семь ему было –
Всё, что лишь знаем о нём.
Патиной время покрыло,
Смыло холодным дождём.

Сердцем не мог он смириться –
Мёртвых нельзя оживить.
Русские вольные птицы,
В клетках славянам не жить.

Должно воздать за убитых
Жён, сыновей, дочерей.
Слёзы сирот не избыты,
Слышны стенанья людей.

4

Люди из схронов выходят,
Общий порыв, как он свят.
Место в строю всем находят.
Все жаждой мщенья горят.

С тысячу войска собралось,
Много Чернигов не дал.
Насмерть с татарами дрались,
Весь арьергард вражий пал.

Меч устаёт от работы,
Воину он словно брат.
Только с ним были заботы,
Дважды менял Коловрат.

Взял потом меч он татарский,
Им он поганых косил.
Лёгкий морозец январский
Словно придал ему сил.

Родственник грозного хана
Вызов Евпатию шлёт.
Съехались – смерть басурману!
Вот что врагов наших ждёт.

Меч сёк от шеи до луки:
Латы, кольчугу, седло.
Будет батырам наука –
Русь победить нелегко.

Нет у монголов той силы
Русскую рать одолеть.
Много легло их в могилы,
Многим из них здесь истлеть.

5

Только и наши устали,
Таёт славянская рать.
Трупы щитами их стали.
Дальше нельзя отступать.

Чёрные птицы слетались.
Белый покров да ковыль.
Русские храбро сражались.
Застила белая пыль.

Хан вновь послов засылает:
«Что вы хотели бы впредь?»
Им Коловрат отвечает:
«Честно в бою умереть».

Хитрость враги учинили,
С пороков* стали метать.
Глыбами рать задавили –
Так вот пришлось погибать.

Пал богатырь-воевода!
Даже Батый процедил:
«Всем, кто живой, дать свободу,
Смелых у сердца храним».

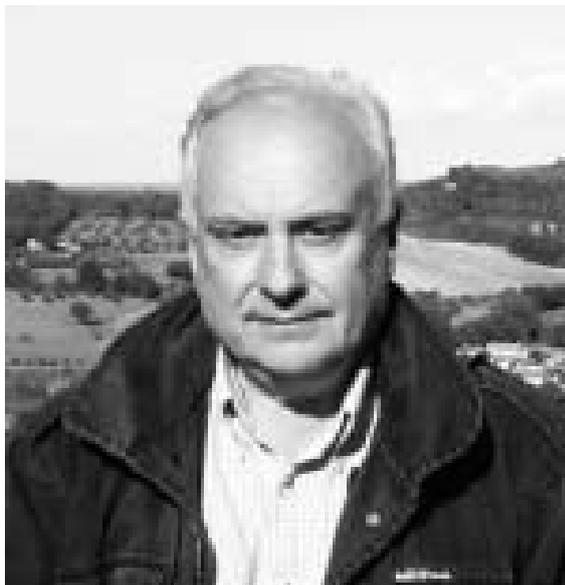
6

Где воеводы могила?
Знает один только Бог.
Дремлет могучая сила
Там в перекрестье дорог.

На Куликовом – исконно...,
В сонме великих святых
Память народа бездонна,
Помнит героев своих.

Русские дивные реки:
Трубеж и Лыбедь, Ока.
Наша земля здесь навеки,
В рамах из березняка.

*Порок – общее название метательных машин на Руси.

Владимир ЛОРИЯ

Владимир Карлович Лория – поэт, член Союза писателей России. Лауреат Московских областных литературных премий: имени Ярослава Смелякова за 2010 г. и Евгения Зубова за 2014 г.

БУРЯ

Я помню надвигались тучи,
Как в море грозные валы,
Неся в себе огонь гремучий
И дождевые космы мглы.

По склонам гор ложились быля.
Сорвался ястреб со скалы.
И ветер золотые крылья
Сломал у крохотной пчелы.

Листву кружил безумный ветер –
Стихии сумасшедший бог...
И в полыхавшем белом свете
Качался аленький цветок.

* * *

Над Валаамом меркнувший закат.
Плывёт над куполами величаво
Тягучей бронзы низкая октава –
О, этот чудный колокола лад!

У храма двух старушек болтовня,
Звучащая занудливо и хрупко...
Воркует голубь, а его голубка
Клюёт с ладони крошки у меня.

Нырять луч форелью в толщу вод,
На медленной волне едва лоснится,
Потом, рассыпав по листве крупички,
Как рыжий пёс ложится у ворот.

Но крылья Солнца сожжены до тла.
И вот поблекли краски оперенья,
О золотом мгновении горенья
Неслышно бредит алая зола.

* * *

Степь немая, Дона низовье –
Как мне любо твоё волнение!
Горицвета карминной кровью
Ты поишь моё вдохновение.

Над златым, над полдненным лугом
Иногда низвергались грозы...
Прадед мой здесь шагал за плугом.
От жары колебался воздух.

Ну, а после – грозы стальные –
Дед мой пережил эти годы,
Сквозь дожди он шёл ледяные,
В знаменитом степном походе.

Дорога ты мне, степь родная,
Это чувство в моём геноме.
Я стою – росинка живая
На твоём благодатном лоне.

СЕЛЕКЦИОНЕР

Утопал в сирени старый дом,
А в окно стучала груши ветка.
Плавал ястреб в небе голубом,
Поднимала дикий гвалт наседка.

Вечером сидели у ворот
Бабки, озирая незнакомца...
Доставал упавший небосвод
Дед, ведром помятым из колодца.

Не попавший в свой «галантный век»,
По природе с многими не схожий,
Шёл с работы честный человек,
Пожилой, на Рериха похожий.

Человек от замысла Творца
В городе один не отлучённый...
На газонах рдели деревца,
На закате пламенели кроны....

Шёл с работы... Ясный, тёплый взгляд.
Из паплина плащ его бывалый...
Выживший, прошедший через ад,
Родственник святого генерала.

Генерал тот Русь хотел спасти,
Но погиб от рук солдатской пьяни.
Родственник же создал и растил
Новый сорт пшеницы на Кубани.

УЛАН

...И нашей крови страшный грунт
Засеяв ложью, шут нарядный –
Увьёт цветами русский бунт
Бессмысленный и беспощадный.
*Иван Савин**

Русь, пусть рассудит нас Вечность!
Сторож всех тайн и темнот.
Я – безответный ответчик
Разума горних высот.

Люд твой в пылу сумасбродства
Веровал в рай на земле,
Я же – улан белгородский
Рифмы искал и в седле.

В адском огне Перекопа
Выжил я, русский поэт.
Стих мой признала Европа,
Родина плюнула вслед.

Сердце моё не для мести,
А для земной красоты,
Не заступить моё место
Драмы моей и тщеты.

Страшной судьбы моей росчерк,
Бедное имя моё...
Память людская не хочет
Дать ему свет и жильё.

**Иван Савин – поэт, эмигрант*

ТУТОВНИК

Бурей ночью повержено дерево,
Кроной роскошной коснулось травы.
Ягод зрачками глазееет потерянно,
Веки обмякли зелёной листвы.

Ночью оно коченеет, как пугало,
Свет фонаря озаряет его.
Скольких детей оно тихо баюкало,
Было живое оно существо.

А в непогоду шумело неистово,
Ветки гоняли злых духов вокруг.
Дивное убранство, чудо тенистое –
Добрый кормилец и преданный друг.

Свадьбы и тризны
под кроной раскидистой –
Плакала, пела, смеялась зурна...
Всё в этом мире конечно, прерывисто,
Жизни и смерти дорога одна.

* * *

Солнце-ракушка и мгlistый закат,
Сизые тучки в небе висят...
Лодка вспорола ударом весла
Воду, что вспышками астр зацвела.

И, раздражая воды забытьё,
Солнечно-пёстро платье твоё,
Будто плывёт из глубин юных дней
К берегу памяти светлой моей.

* * *

Утра свет и пенье пташки.
Май в душе моей вершится.
Тучи, словно волн барашки,
Я плыву по ним – мне снится...

И другое снится море,
 Что мерцает бирюзою.
 И рубиновые зори
 Над росистой лозою.

И ещё – речные броды,
 Где мальки играют в струях,
 Где весёлый зимородок
 Ежевики цвет целует.

ИЗ ПРОШЛОГО

Поезд ночной отошёл от вокзала,
 И расстоянье лицо твоё стёрло...
 Слово «Прощай» – и сжимается горло –
 Это судьба нас с тобой разлучала.

Рощи, река и пахучие травы...
 Поезд спешит... Не восполнить утраты.
 К берегу памяти принесена ты
 В ночи сиреневой пятнышком яви.

СЛЕПОЙ

Памяти Эдуарда Асадова

Весны дыханье полнит грудь,
 Вся в огоньках пушистых верба...

Он цену превозмог ущерба
 И проторил к вершине путь.
 Был нити бытия надрыв,
 Кто напорожил, кто назначил?
 Когда в боях, в долине Качи
 Был мины неминуемый взрыв.
 Непостижимо, но воскрес,
 Как дух волшебный из реторты!
 И, побывав в гостях у мёртвых,
 По жизни нёс свой тяжкий крест.
 А время ускоряло бег
 По галактической дороге,
 И наш Гомер прозрел в итоге,
 Душой, как легендарный грек.
 У врат Эдема, одинок,
 Стоял он... Пётр с ключами вышел,
 Молитву он его услышал
 И произнёс: «Входи, сынок!»

 Он в Доме творчества прожил
 (Литературный заповедник)
 Остаток дней... Я с ним дружил, –
 Поэт блистательный он был,
 И был душевный собеседник.

Владимир ЗАЙЦЕВ

Поэт. Член правления Московской Областной организации СП России. Лауреат Областных премий имени Ярослава Смелякова и Евгения Зубова. Лауреат премии Губернатора Московской области имени Роберта Рождественского.

ПЛАМЯ

Колыхаюсь с пламенем свечи,
И дрожу над каждой нежной строчкой.
Прилетят опять весной грачи,
Тишину порвут, как время, в клочья.

Вот стоит мальчишка на горе,
Смотрит вниз, где щиплют кони траву.
И туман съедает на заре
Полям, окружённую дубраву.

Эх, мальчишка, знал бы ты тогда,
Что покинешь деревенский омут,
И начнёшь по страшным городам
Свои годы тратить по дурному.

Жарко дышит время за спиной,
Снег пушистый, обращая градом,
Обметая душу сединой...
И спешить ему уже не надо...

КЛУБОК

Где в клубок мотала мама нитку,
Время улеглось за рядом ряд.
Брошу я клубок тот за калитку
И пойду, куда глаза глядят.
Что искать? До сей поры не знаю.
Где лежит? Ещё сложнее вопрос.
Может, скажет осень золотая,
Что взлетает птицею с берёз.
Или принесёт на крыльях ветер
Восточку с неведомых полей...
Просвистела жизнь – я не заметил,
С клином, опоздавших журавлей.
И пускай в руках немало силы,
И готов я многое свершить...
Но моих ровесников могилы –
Шепчут тихо – некуда спешить...

СЛОВО

Незримое касание,
Всего лишь пара слов,
И снова зависание
Как бы в провалах снов.

Но что за вечер томный?
Безлюдно за окном.
И я, и Мир огромный –
Объяты серым сном.

Болезненные руки,
Прохладность милых щёк,
И долгие разлуки,
И радость нежных строк.

Подводит часто память,
Берут своё года...
Но слово, словно пламя,
С душою навсегда...

ЗВЕЗДА НИКОЛАЯ РУБЦОВА

От слёз душа
Немеет и седеет.
Но осуждать виновных не берусь.
Из-под земли

Вдруг холодом повеет,
Из-под небес
Польётся тихо грусть.
Он обречён
На боль был изначально,
Но чистым словом
Сокрушая зло.
Писал как жил,
И кончил жизнь печально,
Другой судьбы
Случиться не могло.
«Звезда полей»
Отметила могилу,
Но чем тревожней
Наступают дни,
Слова простые
Набирают силу:
«Россия, Русь,
Храни себя, храни!»

РОДОВОЕ

Откуда строки? Господи прости!
Почти всегда они приходят свыше.
И всё считают на своём пути –
Когда пишу, я никого не слышу.

Из ниоткуда – вдруг нахлынет грусть,
Из ничего появятся сомненья,
И не отпустят, разрывая грудь,
И боль в душе, а жизнь без измененья.

И обнимая жёлтые цветы,
Бегут назад забытые минуты.
На белый свет спешат из темноты
И улетают в детство парашюты.

Я здесь родился. Я из этих мест.
Средь сорных трав душе моей отрадно.
Гулять в лугах под синевой небес,
Дышать всей грудью – большего не надо!

ТУМАН

Клубится над маленькой речкой
Вечерний белесый туман,
То ластится нежной овечкой,
То лезет в овраг, как баран.

Размытые быстрым теченьем,
Ныряют в туман берега.
И в этом неясном круженье –
Мелькают вдоль поймы стога.

Мелькают вдоль берега хаты
И волны колхозных полей.
А дальше – короткая жатва,
И тихий отлёт журавлей.

И сверстников ноги босые
Мелькают в дорожной пыли...
И «предки» совсем молодые
Навек из земли проросли.

БОЖЬЯ СВОБОДА

Зачем сочинять
Про берёзы и ели.
Что солнце встаёт
И желтеет трава.
Что мы родились,
Пили, пели и ели,
А жизнь – пролетела,
Начавшись едва.

Зачем вспоминать,
Что кого-то любили,
Кого-то годами
забыть не могли.
Судьба заставляла
Решать: или – или?!
Остаться иль сгинуть –
В дыму и в пыли.

И нынче в словесной
Руде без вопроса –
Почти безнадежно
Найти самоцвет.
Но если заметишь –
Хозяйствуй без спроса,
И в том ничего
Непотребного нет.

И если не продал
Ты Божьей свободы,
И спину не гнул
Как ненужный пятак.

Тогда ты по жизни,
Талант от природы
И пусть кто-то думает:
"Полный чудак".

ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ

1.

Веранда. Лето. Радиола.
Горячий чай, варенье, мёд.
Наш разговор на грани фолы,
Пока что сдержанно идёт.
Открыты окна. Тёплый ветер.
В саду страдают соловьи.
И нет прекраснее на свете
Смущённых глаз и слов любви.

2.

Уклон. По высохшей грунтовке
Уводит к речке нежный взгляд,
И по цветастой, жёлтой бровке
К твоим глазам скользит назад.
Веранда. Радиола. Лето.
И мы – счастливые сидим,
И друг от друга нет секретов...
Пьём чай и свежий мёд едим.

* * *

Боюсь накаркать я, ей Богу.
В мозгах чиновников замкнёт:
Не обложить ли им налогом
Литературный наш народ.

Пусть пишут чаще, пишут много,
Мы новый выпустим закон,
И будет смысл от рифм в итоге,
Полезен станет строкогон!

Хотя бы тоненькою струйкой
В бюджет налоги потекут,
А за простои – неустойка,
За неуплату – штраф и суд.

И только испытай мытарства,
Авось писатели поймут,
Насколько ценит государство
Литературный честный труд!

БЕЗОТВЕТНОЕ ПИСЬМО

Авось ненастье не нарушит
Моих стихов простую трель.
В них, как снежинки, мою душу
Гоняет по полю метель.

Тому виною не природа:
Ни дождь, ни солнце, ни мороз.
Моя печаль другого рода,
Любовь без ревности и слёз.

Как грустно верным, неприметным
Быть наяву или во сне,
Я расскажу в письме ответном
На неотправленное мне.

Надеюсь, Вы о самом главном –
Легко прочтёте между строк,
Ведь Вы ответили недавно –
На мой не набранный звонок.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Не мани меня лес, не хочу я
Растрясти по кустам свою грусть.
И неладное что-то почуяв,
С полдороги обратно вернусь.

Снова небо запахло тревогой,
Ходят тучи в окрестностях лет,
И крадётся тропинкой убогой
Меж деревьев тускнеющий свет.

Ты прости меня нынче, сорока!
Как непрошенный гость городской,
Покидаю твой лес без мороки,
Забираю тревогу с собой.

На востоке туман серебрится,
А на западе в красную тень,
Запоздалое солнце садится,
Закругляя стреноженный день.

СВОБОДНЫЙ ПОЛЁТ

Сама летает только птица,
У самолёта есть пилот.
А человеку часто снится
Свободный в воздухе полёт.

Когда без крыльев, рук движеньем,
Парит легко он над землёй.
И нет земного притяженья,
А только счастье и покой!

И век тревожный где-то сзади,
И только радость бытия...
Тогда скажите, Бога ради:
Зачем проснуться должен я?

НАСТРОЕНИЕ

Снег на траве, на лужах льдинки,
А солнце брызгает огнём.
И только тёплые ботинки
Помогут мне осенним днём.

Под стать погоде настроенье,
Что переменчиво весьма:
То будто праздник, потепленье,
То вдруг метельная зима.

Хожу неспешно – не летаю.
Пишу, читаю, говорю.
Но, как снежинка, не растаю,
И словно свечка, не сгорю.

Но жизнь то карнавал, то кара,
Как лист, трепещет на ветру.
Я знаю, что не очень старый,
Но всё ж когда-нибудь умру.

АВГУСТ

Август сделал не то,
Но выходит всё мудро:
Лето поздних цветов,
Прелесть раннего утра.

Изумрудным листьям
Жемчужные росы
Август бросил цветам
И в траву по откосам.
И лучей мягкий свет
Обнимает за плечи.
Шепчет осень – привет!
Плачет август – до встречи!

СНЕЖНАЯ ЛИРА

Очень мягким, красивым, пушистым
Скрыла нежно зима Клишеву.
Я дышу этим воздухом чистым –
Хорошо, что в деревне живу!

Нас опять от реального Мира
Белым снегом до глаз замело.
Но зато моя снежная лира
Воспевает родное село.

СКВОРЕЦ

Сверкают юркие ручки
Блестящим серебром,
И солнца яркие лучи
Пора черпать ведром.

Вот-вот исчезнет средь теней –
Под ивой тёмный лёд.
И в чистом кружеве ветвей
Уже скворец поёт.

ПОЭТ В ЗАКОНЕ И В КОРОНЕ

Тени чужих слов душным снегом окутывают душу, – и чудится, будто стою я под деревьями вечности, вслушиваюсь в неведомое. Наполняют моё сознание слова и остаются во мне, остаются тяжело, неизбежно, навсегда. И обращаюсь я в серый тающий снег дурной оттепели, обращаюсь в звонкую талую воду, впитываю чужие слова и живу словами чужими, ибо у Господа ни одно слово не остаётся неслышанным, – человеку не надо знать, что такое человек.

Но всемирный человек упорно пытается постичь непостижимое и слышит:

– Дед, а дед, почему всё на свете заканчивается?!

– А святая вода в вашей церкви сегодня свежая?

Возможно, этот человек – я, но, как с Луны, я вижу себя ни с той стороны России, но слышу, как с Луны, слова чужие и о чём-то ещё говорю, как во сне говорю, что умрёт на Луне мой правнук.

Правда – одна на всех и одна у Бога. И ложь тоже одна на всех, но она у сатаны как групповое изнасилование сознания и подсознания.

Ничего не хочу сочинять! Ничего! Всё уже есть без меня! Я жить хочу не сочинительством, а любовью! Жить без оглядки! Жить – и всё!..

Но вот приходит поэт Владимир Кучерь, дарит мне книгу, избранное, название «От первого лица» – стихи, поэмы, пьесы. Меня грешного ни чем не удивишь, но просматриваю книгу, читаю «Эхо времени» (корона сонетов). Что такое сонет и веночек сонетов, знаю с юных времён, ещё до учёбы в незабвенном литературном институте.

И сам написал веночек сонетов, но корона! Вспомнилось, что поэт Илья Сельвинский, пытался написать корону сонетов...

Сонет – стихотворение, состоящее из четырнадцати строк. Изобретён сонет на Сицилии, в эпоху Возрождения. Более подробно, прочитайте статью «Сонет» и «Веночек сонетов» в поэтическом словаре А. П. Квятковского. Статьи – «Корона сонетов» в словаре нет. Но и без статьи понятно, что корона это пятнадцать веночков пишется по принципу венка сонетов, основа магистральный веночек.

Ловлю себя на мысли – тоже мне король нашёлся. Данное произведение требует мастерства и естественно высокого поэтического уровня. А содержание?

Начинаю читать «Эхо времени» Владимира Кучеря и понимаю, что автор подошёл серьёзно к своей работе. Сохранена классическая форма сонета, стихотворный размер, катрены и терцеты, точная и правильная рифмовка. Тематически данное произведение несёт социальную, религиозную, философскую и лирическую нагрузку.

Поэма прочитана, меняется настроение, отступает грусть, и снова продолжаю жить в мире своего творчества.

«Эхо времени» (корону сонетов), редколлегия решила напечатать в нашем журнале «Поэзия», для более широкого круга читателей.

Напрашивается вывод, короновать поэта Владимира Кучеря – поэт в законе! Но, если говорить более серьёзно, то я рад за русскую поэзию, за наш Союз писателей России, и за поэта нашего времени...

И что сказал, то сказал!

Заслуженный работник культуры России Лев Котюков

Владимир КУЧЕРЬ

Владимир Иванович Кучерь – поэт, драматург, публицист. Член Союза писателей России. Участник VI съезда писателей СССР (1976 года) и VII Всесоюзного совещания молодых писателей (1978 года). Родился и живёт в Москве.

Опубликовал более десятка книг, основные из них: «Осторожно цветы» (стихи и поэмы), «Дочь Дантеса» (драмы), «Разглядите себя» (стихи и поэмы), «И всё же мир устроен хорошо» (стихи и поэмы), «От первого лица» (стихи, поэмы, пьесы), «Цвета побежалости» (стихи, поэмы, пьесы), «Неповторимые пути» (стихи, поэмы, пьесы), «Эхо времени» – корона сонетов (отдельной книгой).

Печатался в литературно-художественных журналах «Молодая гвардия», «Поэзия», «Московский вестник», «Воин России», «Наш Современник», в альманахе «Академия поэзии» и различных газетах.

Награждён медалью Александра Васильевича Суворова «За вклад в культурное наследие России», медалью Алексея Алексеевича Брусилова «За верность творческим традициям и жизнеутверждающему мужеству, честную гражданскую позицию».

Удостоен званий «Почётный поэт Московии», «Заслуженный поэт России», «Мастер русской словесности».

ЭХО ВРЕМЁН *Корона сонетов*

PER ASPERA AD ASTRA.
(лат).

И обратился я и увидел всякие угнетения,
какие делаются под солнцем:
и вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет;
и в руке угнетающих их сила, а утешителя у них нет.
И ублажил я мертвых, которые давно умерли,
более живых, которые живут доселе,
а блаженнее их обеих тот, кто ещё не существовал,
кто не видел злых дел, какие делаются солнцем.
Экклезиаст глава 4; 1,

Венок первый

-1-

Сгорает всё – от Солнца до микроба,
До самых удивительных частиц;
От взрыва первородного до гроба,
До тления таинственных страниц.

Привольно себя чувствует хвороба, –
Болезням нет ни меры, ни границ,
При насморке, тем боле при синкопе,* –
То навзничь упадём, то ляжем ниц...

Жизнь коротка. Кто с правдой не согласен?
И новый шаг всегда, везде опасен,
Так можно в один миг пропасть зазря.

И, в целом, рассуждая о природе;
Она на нет, во многих формах сходит –
Пересыхают реки и моря.

-2-

Пересыхают реки и моря
И разрастаются песчаные пустыни,
Как на растенья нападает тля,
Приумножаясь в липкой паутине.

Меняет вид классический Земля –
Всё больше черноты, всё меньше сини...
Мы по степным пушистым ковылям,
Как наши предки не поскачем ныне.

Чуть больше ста всего минуло лет –
Забрезжил электрический рассвет
Он показался испеченной сдобой.

Но поступь техногенных катастроф
Шатает мир до вековых основ,
И возникают новые потопы.

-3-

И возникают новые потопы.
Готовы защититься города?
Как ярость порождает чувство злобы,
Так назревает с климатом вражда.

Природных задач быть не могло бы,
Но всплескам атмосферным нет суда, –
И наводнение скроет пол-Европы,
И в Африку нагрянут холода.

Пытаясь необъятное объять,
Цивилизация умеет только взять –
Здоровой пищи, тёплого жилья...

И потому-то, как закон распада,
Вдруг восстаёт вселенская громада,
Роль техники снижая до нуля.

-4-

Роль техники снижая до нуля,
Я шёл своей дорожкой пригожей
И всё ж не отказался от руля
На нашем всероссийском бездорожье.

Прекрасны при кюветах тополя,
Когда летишь на скорости, дай Боже.
И, время с расстоянием деля,
Бежит морозец радости по коже.

Вступает сердце в трепетный азарт!
Уступит в состязании гепард,
Мой аргумент не равносильен трёпу.

Естественно, животный мир хорош,
Слоны, дельфины, львы... как не итож,
Но люди не простейшие амёбы.

-5-

Но люди не простейшие амёбы,
Напротив первородные венцы.
Охотники, ступившие на тропы, –
В сафари заповедном «храбрецы».

Покроют деньги преступления стопы,
Отмоют кровь богатые стрельцы.
Век не насытит хищные утробы,
Но на ловцов находятся ловцы...

Не всё в деяньях человека плохо,
В судьбе его другая есть дорога –
На вервях он наладит стапеля.

Создать ковчег фотонный, здоровенный
И устремится в глубину Вселенной,
Хоть труден путь любого корабля.

-6-

Хоть труден путь любого корабля,
А полный штиль – предвестник бури...
Благие помыслы отца и короля
Две дочери легко перечеркнули.

Слепой любовью сердце веселя,
Неволью опускаемся до дури,
И музыка души звучит на «ля!»,
Согласно окрылённой партитуре.

Нежнейших чувств захватывает тайна,
Но если отторженье не случайно,
То нервам уготовлена раздроба.

Другой пример играет в жизни роль,
Достойный он мечтам, любви – Ассоль
И моряков встречают Пенелопы.

-7-

И моряков встречают Пенелопы –
Великолепен радости родник,
Переодев просоленные робы,
Супружниц обнимают дорогих.

Прекрасны в долгожданной встрече оба,
Что просто глаз не отвести от них,
А поцелуи сладостней сиропа –
И слёзы светлые, и сердцу милый лик...

Потом отцы рассказывают детям,
Как звёздные миры сквозь время светят,
Небесные просторы серебра.

Как на восходе тишина минорна,
Как ощущение света благотворно, –
И улыбается им ранняя заря.

-8-

И улыбается им ранняя заря,
Я восхищался ею не однажды,
Особенно в преддверье октября,
И утолял призыв духовной жажды.

Как начинается путь дневной с нуля
Большое солнце, взвесив лучик каждый,
Вдруг озаряет в белизне поля,
Просторы, увеличивая в дважды.

Как затихает на реке вода,
Когда зимой нагрянут холода,
А с ними вьюги буйные, лихие.

Как опьянен я воздухом лесным!
Но выхлопные газы, гарь и дым
Безумнее разгневанной стихии.

-9-

Безумнее разгневанной стихии –
Бред терроризма, ставший на поток,

Опять в безмерном трауре Россия.
Как допустил насилие Пророк?

Исчадьё ада, вурдалаки Вия,
Ваш разум ограничен и убог.
Детей вы убивали твари злые!
Кому вы подготовили урок?

Тупые осквернители Корана,
Стенания, рыдания Беслана,* –
Пронзают сердце крики ножевые.

Да будет проклят криминальный сброд,
Что приумножил подлостью в народ
Междоусобные раздоры вековые.

-10-

Междоусобные раздоры вековые
Воистину нечистый сотворил,
В бой рвутся, словно псы сторожевые,
Наемники с диагнозом – дебил.

Подумать, разве деньги трудовые –
Убить ребёнка, старика без сил.
Как голову выдерживает выя?
Какой подлец «зелёными» платил?

Вошли жестокость и насилие в моду –
За денежную чёрную угоду
И ангел будет снайпером убит.

Исламским фанатизмом ядовиты,
Циничны кровожадные бандиты,
Ввергающие мир в позор и стыд.

-11-

Ввергающие мир в позор и стыд,
Любители тупого секс-процесса,
Животный проявляя аппетит,
Развратом откровенным тешат беса.

В дыру цивилизация летит,
К всемирному трагическому стрессу.
В начале переломного пути
Духовность потеряла чувство веса.

И попадает, первая, под ложь
Невинная, по сути, молодёжь;
На иглы натываясь, как на вилы.

Погрязло человечество в грехах,
Из хаоса не выбраться никак,
И вырастают свежие могилы.

-12-

И вырастают свежие могилы,
До времени уходят в рубежи,
Кто не был сроду в статусе ловчицы,
В труде не уповал на барыши.

Кому родные стены были милы.
Мой горек плач из глубины души;
На древе жизни смерть вершит пропилы, –
Остры её кровавые ножи...

Я подошёл к печальному вопросу –
Звенит коса, ложится жизнь под косу;
От малого ребёнка до громицы...

Закон природы – он ещё не грех,
Бесславно погибает человек
От взрывов бомб невероятной силы.

-13-

От взрывов бомб невероятной силы
Двадцатый век был на краю веков –
Хотели мир завоевать громицы,
И наломали на планете дров...

Земля кругом в ракетах ярkokрылых,
Восток и запад в качестве врагов –
Напряжено сознание, нервы, жилы...
Распад урана вырваться готов.

Японский ужас обозначил чётко,
Что радиация быстрее, чем чахотка,
Не пожалеет молодых ланит.

И не однажды сон кошмарный снится, –
Как погибают люди, звери, птицы,
В пылинки рассыпается гранит.

-14-

В пылинки рассыпается гранит,
И звёздные взрываются системы,
Планеты сходят с заданных орбит...
Большой сюжет трагической поэмы.

И душу лихорадочно знобит
От мыслей на космические темы,
Земле дан относительный лимит;
У времени не может быть дилеммы.

Я снова возвращаюсь на круги,
Чтобы продолжить составлять венки,
Только они не атрибуты гроба.

Ещё тринадцать следует сплести,
Когда завянут, внук мой не грусти,
Сгорает всё – от Солнца до микроба.

-15-

Сгорает всё – от Солнца до микроба,
Пересыхают реки и моря
И возникают новые потопа,
Роль техники, снижая до нуля.

Но люди не простейшие амёбы,
Хоть труден путь любого корабля.
И моряков встречают Пенелопы,
И улыбается им ранняя заря.

Безумнее разгневанной стихии
Междоусобные раздоры вековые,
Ввергающие мир в позор и стыд.

И вырастают свежие могилы...
От взрывов бомб невероятной силы
В пылинки рассыпается гранит.

Венок второй

-16-

В пылинки рассыпается гранит,
Дряхлеют от коррозии металлы,
Осенней красотою лес звенит,
Великолепьем, осыпаясь алым.

Сияет небо, словно лазурит,
Стемнеет и покажется усталым...,
Но по весне природа зашумит,
Зазеленеет вслед за снегом талым.

Обворожительна земная жизнь,
Пока есть силы, за неё держись,
Вспять не текут ни ручейки, ни реки.

«Проходит всё», – сказал Экклезиаст,
Ему не возразит энтузиаст –
И белый свет придёт к своей Омеге.

-17-

И белый свет придёт к своей Омеге –
Всевышнего услышал Иоанн,
И повторил: «Порочны человеки –
В греховный погружаются туман».

Но человечество участвует в забеге,
Под флагами разно племенных стран.
Технические новшества, успехи,
Склоняют род людской в самообман.

За белый свет, что запятнали ложью,
Семь ангелов исполнят волю Божью,
Тут нет вопроса – Быть или не быть?

Мирыне дальше в страсти обречённой,
Цвет белый перекрашивают в чёрный –
Меняются понятия, нравы, быт.

-18-

Меняются понятия, нравы, быт
И вызывает тяжкую тревогу
Разбойничий, безмерный аппетит –
Наживы, грабежа, идущих в ногу.

Кто был богатством в полной мере сыт?
Лидийский Царь не обошёл порока,
За жажду к злату в мифе не забыт,
Рабы забыты – истина жестока...

Из века в век мир существует так
И мчится на коммерческих парах,
Стяжатель грезит о своём успехе...

«Умейте ладить с другом и врагом,
Тогда вы на коне всегда верхом», –
Как уверял в своих эссе Карнеги.

-19-

Как уверял в своих эссе Карнеги,
Не каждому по нраву. Посуди –
И правдолюб получит на орехи...,
Только любовь способна мир спасти.

Хотя на современной дискотеке
Она, по меньшей мере, не в чести,
А встречи скоротечные, утехи
Не лучше воспалённой глупости.

Я не ханжа, но удручает серость
И безобразье до печёнок въелось,
Хороших перспектив не посулит.

В загоне чуткость и удел не светел,
Непостоянство, как промозглый ветер,
Лишь вечен материнства монолит.

-20-

Лишь вечен материнства монолит
В рожденье долгожданного ребенка,
Что первым своим криком восхитит
Мир окружающий легко и звонко.

Помолимся, чтоб не был он убит,
Придавлен наркотической гонкой.
И чтоб его душевный колорит
В оттенках чувств формировался тонко...

Не малых он потребует забот,
Так род людской от пращуров идёт,
Хотя по философии Сенеки –

Мы космосу принадлежим, и всё ж
Грудной младенец истинно хорош
В естественной родительской опеке.

-21-

В естественной родительской опеке
С общенья начинается наш путь,
Как от истоков возникают реки
И в целом окружающая суть.

И тут важна поддержка при разбеге,
Перед малюткой душу распахнуть.
Чтоб после на его труды, успехи,
Ликующе и счастливо взглянуть.

Пелёнки, словно книжные страницы...
Пророчество в реальность воплотится,
Как ставится всё лучшее на вид.

Он славно ест, и силы набирает,
Смеётся, улыбается, играет...
Младенец нежный безмятежно спит.

-22-

Младенец нежный безмятежно спит.
Какая у него ещё забота?
Проснётся и проявит аппетит,
Ну, разве не прекрасная работа?!

Никто не застрахован от обид.
Семья распалась, не прошло полгода,
Что в будущем ему судьба сулит,
Если уже над жизнью непогода?

Я отошёл от темы, память зла
Меня в былые дебри увела
И поскребла душевные сусеки.

А впрочем, время кануло не зря,
Была прекрасною любви заря,
Как будто в Золотом далёком веке.

-23-

Как будто в Золотом далёком веке.
Мы оказались летом у реки,
Где чувства в откровенной, нежной неге,
Естественны, ясны и глубоки.

Я прибывал в лирическом успехе
Певучей, звонкой, радостной строки,
Как первые весенние побеги,
Росли в моей душе к тебе стихи.

А поцелуи жарки, сочны, сладки.
Любимая! Мы жили без оглядки,
В восторге высочайшего порыва.

И наша страсть была благопристойна,
С той мыслью, что на свете всё спокойно,
Не жгут бока Земному шару взрывы.

-24-

Не жгут бока Земному шару взрывы
И на войне не гибнет молодёжь,
И солнце, как волшебное огниво, –
Торжественную песнь ему поёшь.

Жизнь гладка и настолько справедлива,
Что сам себе покажешься хорош,
И впереди достойна перспектива –
Не путать с правдой вычурную ложь.

Кругом покой и тишина в природе,
И возмущенья не слышать в народе.
Ну, просто чудо чудное и диво.

И даже посмотрев из тропосферы,
Увидишь благодать советской эры –
Спокойны океаны и красивы.

-25-

Спокойны океаны и красивы,
В воздушной сфере грязи тоже нет...
И как себя не чувствовать счастливым,
Когда ты молод и душой поэт.

Но взоры твои были горделивы,
Тебя не волновал мой юный бред,
И всё ж на стихотворные порывы
Откликнулся сердечный твой привет.

Как будто повстречались мы вчера –
Под южным солнцем, летняя пора
И наши ночи не забыть, ещё бы!

Мы в страсти оставались горячи,
Когда бросали первые лучи
Восходы золотые высшей пробы.

-26-

Восходы золотые высшей пробы
Не возвратятся в мою жизнь, увы,
Когда из-за таинственной особы
Лишился я разумной головы...

Как сердце колотилось до озноба!
Я в вещих снах брал крепостные рвы,
Бросался грудью, на обстрел с окопа...
Прошли года, как мнение молвы.

Земное время вовсе не игрушка,
Раз превратило девушку в старушку,
Что внука балует, хотя и вырос он.

На миг один вернуться бы на берег,
Где я был открывателем Америк...

Нет, это мой невероятный сон.

-27-

Нет, это мой невероятный сон,
Он навсегда останется со мною.
Я после, не однажды, был влюблён,
Но первая любовь – печаль герою...

Меня призвал отдельный батальон,
Где воинский устав – гроза покою.
Я крепче стал под тяжестью погон
И рукопашному учился бою.

Сегодня кровь приравнена к событиям;
Солдатики воюют с волчьей сытью,
Отстаивая родины кордон.

Бушует закавказская стихия,
Напоминая времена лихие;
И гнев, и стон летят со всех сторон.

-28-

И гнев, и стон летят со всех сторон;
С краёв страны, до самой середины,
Народу страшный нанесён урон.
Кто изувечен, кто погиб – руины...

Борьба за нефть, борьба за трон –
Желания и действия рутинны.
Им, попирающим решения и закон,
Добиться цели – способы едины.

Не оправдать распад СССР
С предательской подачи высших сфер,
Развалены видны без телескопа.

Ломать, не строить – разве это труд?
Крушители, душители живут,
И рвутся нервы, словно в бурю стропы.

-29-

И рвутся нервы, словно в бурю стропы,
С годами глубже, шире море бед,
И НАТО, наблюдая в перископы,
Усиливает свой авторитет...

Чиновники на уровне тип-топа,
В коррупции погрязли, не секрет,
И в след им доморощенные копы

С ворами соблюдают этикет.
Правительство навязывает квоты
Народу, как пример своей работы
И нищету российскую плодит.

Как вам грешить не совестно, ребята?
От бешеной реакции распада
В пылинки рассыпается гранит.

-30-

В пылинки рассыпается гранит,
И белый свет придёт к своей Омеге...
Меняются понятия, нравы, быт,
Как уверял в своих эссе Карнеги.

Лишь вечен материнства монолит
В естественной родительской опеке;
Младенец нежный безмятежно спит,
В великолепном, дружелюбном веке.

Не жгут бока Земному шару взрывы,
Спокойны океаны и красивы,
Восходы золотые высшей пробы.

Нет, это мой невероятный сон...
И гнев, и стон летят со всех сторон,
И рвутся нервы, словно в бурю стропы.

Венок третий

-31-

И рвутся нервы, словно в бурю стропы,
В пределах бесноватых «Дома-2».*
К чему вы суетитесь губошлёпы
И сленгом унижаете слова.

Подобно музыкальному «хип-хопу»,
Тусовка молодёжи не нова, –
Мат-перемат, похлопы и притопы
Шнурует ленинградская братва.*

В слепом демократическом разгуле
Тупое отношение к культуре,
Как ток по оголённым проводам.

По принципу не шатко и не валко,
Духовность превращается в мочалку,

От самого пустячного вреда.

-32-

От самого пустячного вреда,
По мелким, незначительным причинам,
Однажды образуется вражда
Между отцом и повзрослевшим сыном.

Подобных разногласий череда
Приводит к преждевременным сединам,
Как затхлая, протухшая вода
Не подобает выдержанным винам.

Не сразу сущность спора разберёшь,
Свой принцип утверждает молодёжь
С претензией – без поучений чтобы.

Не думая, что жизнь всего лишь миг
И осознанье, словно звёздный блик,
И старость – в состояние растрёпа.

-33-

И старость – в состояние растрёпа,
В земном непредсказуемом пути, –
То тенью дистрофической худобы,
То в виде жирной массы воплотит.

И доктора, заметные особы,
Мой дорогой читатель посуды,
Приём больных ведут высоколобо,
Что лучше стороной их обойти.

Кто не имеет состраданья к горю,
Того душа не больше взрослой моли,
Как рифмы, что сонетам не чета.

На скорбь не закрывайте, люди, вежды,
Иначе в прах рассыплются надежды,
Потом вослед последняя беда...

-34-

Потом вослед последняя беда...
Она не посулит глазам рассвета,
Отмерены секундами года,
Как говорится, песня была спета.

Умчалось время раз и навсегда,
Как быстрая слепящая комета,
И мать моя ушла, к нам никогда

Не возвратится добрая беседа.
Я часто устремляю в небо взгляд,
Где души безответные парят,
Гораздо выше крыши небоскрёба.

Осиротел и опустел мой дом,
Соседствует бесчувствие кругом
И лгут самоуверенные снобы.

-35-

И лгут самоуверенные снобы,
И Господом забытые бомжи,
Мужья ведут постельные подкопы,
И жены распалются во лжи.

Силён закон естественной утробы,
Он требует – без усталости грехи,
Хотя семья на статусе особом –
Опасны лицемерья виражи.

Но люди не приветствуют советы;
У каждой мухи личные котлеты,
Так было и останется всегда.

Спеша по заколдованному кругу,
Любой пошляк кричит на всю округу
О том, что не порочна их среда...

-36-

О том, что не порочна их среда...,
Что отношенья между ними чисты,
Что счастлива их брачная чета –
Трубят в рожок гомосексуалисты.

На людях не сгорают от стыда
И на эстраде с публикой речисты,
И церковь папская, не ведая труда,
Благословляет брак «больных артистов».

За ними продолжают торжество
Лесбийские жеманницы Сапфо,
Лелея эротические попы.

Общественное мнение? Плевать!
Не троньте розоголубую гладь,
Где веселят они свои утробы.

-37-

Где веселят они свои утробы,

Отыщется всегда порочный след
И отраженье в полной мере злобы,
На срыв педофилических побед.

И верно, интеллектом низколобы,
Как можно оправдать растленья бред
И заявить, что «петушиный» опыт,
Имеет мировой авторитет.

Несчастные приверженцы вертепа
Лечитесь и просите помощь неба,
Чтоб поумнела ваша срамота.

Разносите позорный вирус СПИДа,
Скажу по-человечески открыто –
Ах, как вы близоруки, господа!

-38-

Ах, как вы близоруки, господа,
Кто ставит во главу угла наживу –
Она вам – «путеводная звезда»,
А результаты пагубны и лживы.

Не только не имеете стыда,
Едва от крохоборства души живы.
На почве жлобства вызрела вражда,
От дач с размахом до ночлежек вшивых.

Печальный смысл земного бытия,
А впрочем, автор вовсе не судья,
Зачем-то в огород чужой залез,

Наехал на тусовочный престиж.
Мечтать роскошно жить не запретишь,
Имеет сибаритство в жизни вес.

-39-

Имеет сибаритство в жизни вес,
Особенно в сегодняшнее время,
Оно, вполне, похоже на абсцесс
Во всей паразитической системе.

Желание с возможностью вразрез
Посеяло непониманья семя,
И дальше исторический процесс
Стяжателей преумножает племя.

Циничным взглядом до прицела узким
Оглядывает берег «новый русский»,

Ближневосточных требуя «принцесс».
Тогда невольно возникает вывод,
Что зарубежный мафиозный выход,
Как самый пресловутый интерес.

-40-

Как самый пресловутый интерес,
Как анекдот скабрезного пошиба –
Сегодня политический регресс,
Как старая безжалостная дыба.

Там наверху устроили замес
И породили ненависть талиба;
Социализма тяжелейший вес
Перетянула западная глыба.

Теперь вперед идём другим путём,
В какую яму снова упадём?
Меч заржавел, и раскололся щит.

Вошёл в своё печальное пике
Другой союз, с названьем СНГ –
Он налицо и белой ниткой шит.

-41-

Он налицо и белой ниткой шит –
Обман народа, преуспевшей бандой;
Главарь на рельсах поперёк лежит,
Обласканный продажной пропагандой.

И прокурор его не тормозит,
За обручение с западной «Антантой»,
Заокеанский совершив визит,
С продажной, непутёвою командой.

Год девяносто третий – с неба гром:*
Брат поступает с братом, как с врагом,
Сестра с сестрой в разительном раздоре.

И потому, сегодня не секрет,
Что за соседом вновь следит сосед,
Но обществу куда бежать от боли?

-42-

Но обществу куда бежать от боли,
Как излечить бездушие его
Отправить на курорт, на берег моря,

А люди скажут: «Автор не того...».
Читатель, жалко крымских территорий,
Союзное померкло торжество,
И потому сплошной туман во взоре...
Осознавать потерю какво?

Друг другу мы показываем дули,
Опять нацмены братство зачеркнули;
Нет справедливых судей в этом споре.

И Даллес с того света видеть рад,
Что «воссиял» предсказанный распад,
Если кругами всюду ходит горе.

-43-

Если кругами всюду ходит горе,
Как волк голодный в зимней мгле,
Как смерть в своей привычной роли,
Или должник в бандитской кабале.

Осилить трудно злое лихо в споре,
Спасти от пут в коллекторной петле,
Поскольку градус силы, веры, воли
У современников наивных на нуле.

Как справиться с бедой плутовкой
И кто обрежет вовремя верёвку,
Кто к жизни человека воскресит?

Разумно вспомнить о хорошем друге,
Но люди очень часто к горю глухи,
И в одиночестве сгорает индивид.

-44-

И в одиночестве сгорает индивид,
Летящим мотыльком на лоно пламя,
Иль, как тунгусский метеоролит,
И грустно говорить о личной драме.

Но Господом не будет позабыт,
Помянутый заветными словами;
За упокой, в молитве воспарит
Под нашими святыми куполами.

Он матушке-земле всю жизнь служил,
Упал в осеннем поле у межи,
Помянем друга, братья-хлеборобы.

Пускай он не космический герой,
Но снова кружит дум печальных рой

И рвутся нервы, словно в бурю стропы.
-45-

И рвутся нервы, словно в бурю стропы,
От самого пустячного вреда,
И старость – в состояние растрёпа,
Потом вослед последняя беда...

И лгут самоуверенные снобы,
О том, что не порочна их среда,
Где веселят они свои утробы.
Ах, как вы близоруки, господа!

Имеет сибаритство в жизни вес,
Как самый пресловутый интерес –
Он налицо и белой ниткой шит.

Но обществу, куда бежать от боли,
Если кругами, всюду ходит горе
И в одиночестве сгорает индивид.

Венок четвёртый

-46-

И в одиночестве сгорает индивид,
И рушатся устои государства,
Друг объегорить друга норовит,
Легко пообещав ему полцарства.

Но время штормовое пролетит,
И перемелются житейские мытарства,
Определится правды композит,
Не требуя похмельного лекарства...

Кому не хочется покоя на Земле
И чтоб существовал уклад в семье,
В единстве целевых благополучий.

Так разгляди, кто прав, кто виноват,
Чтоб мненье не бежало на попят,
Терзая душу думой жгучей

-47-

Терзая душу думой жгучей
Сравнимой с прочной острогой,
Не скроет критик взгляд колючий,
Когда нависнет над строкой.

Ему скажу – мозги не мучай,
Волненье сердца успокой,
Чтоб не тряхнул удар падучий,

Мой дознаватель дорогой.
От слов таких он возмутится,
Закружит над поэмой птицей
И страшным клювом погрозит.

Но после, снизив недоверье,
Поймет, почистив носом перья,
Что он не так, как прежде деловит.

-48-

Что он не так, как прежде деловит,
Мне говорит сосед после попок,
Ему мешает жить полиартрит
И верещанье домочадцев-соек.

Но прежде молод был и даровит,
И с женским полом откровенно стоек, –
Твердит его интеллигентный вид,
Что институт окончил он без троек.

Зайдёт с бутылкой, выпьем, запоёт –
Гитары он давнишний патриот
И виртуоз классических созвучий.

Потом раскроет душу, скажет мне,
Что стал не нужен детям и жене,
Что не сулит судьба счастливый случай.

-49-

Что не сулит судьба счастливый случай,
Что позабыт он Богом и людьми,
Так горемыка думает над кручей...
Оставшийся без дома, без семьи.

Достался ему жребий невезучей,
Но в руки, человек, себя возьми,
Чтоб встретиться с удачею летучей,
Напрасно сердце грустью не томи.

На доброту не отвечай ухмылкой
И от хандры не прячься за бутылкой,
А поднимись и устремись в зенит.

Не радуйся и не давься от смеха,
Что недруг твой надломленный калека
И если даже в схватке он убит.

-50-

И если даже в схватке он убит –

Журавль твоих надежд в высоком
небе,
В реальности прекрасен его вид,
Над родиной, где золотятся степи.

Но дальше время вечное спешит
И разорвёт оно любые цепи, –
Не выдаётся Хроносом в кредит,
Не продаётся штучно в ширпотребе.

Печально слушать траурную медь...
Внезапно горе может налететь –
Огнём пожара и волной могучей.

А сколько непредвиденных смертей!
Не сосчитать загубленных людей
Внезапной пулею светящейся, живучей.

-51-

Внезапной пулею светящейся, живучей
Сражён противник – зверством знаменит,
Вполне закономерный, верный случай
О справедливой каре говорит.

Он из породы оголтелой, сучьей,
Что трупным запахом за километр смердит;
Прощаясь, старой песнею тягучей
Над ним подельник горько провопит.

Оружие носил с осанкой гордой,
С ужасной наркотической мордой
И разорял привычный скромный быт.

Мечтал о мировом приоритете,
Но даже его собственные дети
Над ним не станут причитать навзрыд.

-52-

Над ним не станут причитать навзрыд,
Такое отношение знакомо,
Он позаброшен всеми, позабыт, –
Опустошённый человек без дома.

До нищеты имел достойный вид,
Семью, друзей и проживал в хоробах;
В хмельных парах, застольем бурным сыт
И плотская утешена истома.

Теперь на шаг к бомжу не подой-

дешь,
С ним дружат вонь, блоха, зараза, вошь –
Одет в рваньё, а на ногах онучи...
Печальная картина – мрак и жуть.
Кто будет провожать в последний путь
И омывать лицо слезой горючей?

-53-

И омывать лицо слезой горючей
Работника не станут господа,
И в честь него за грозовую тучей
Не засияет яркая звезда.

Век двадцать первый дальше, круче,
Стремительней летит, и неспроста,
В среде экономической, кипучей,
Не понимая – Для чего? Куда?

Отсюда фраза нынешней системы:
«Твои дела – только твои пробле-
мы»,
Как мёртвый холодок глухой стены.

Упорно тащат каждый «одеяло» –
Рвачи, авантюристы и нахалы...
Ужасно, что мы так разобщены.

-54-

Ужасно, что мы так разобщены
И дальше продолжаются разлады,
Выходит, в основание страны
Подложены смертельные заряды.

Молились – лишь бы не было войны,
И мирному укладу были рады,
Но вот во власть пролезли хапуны –
И полегли безумные ребята.

Сказал поэт – безмолвствует народ,
Когда события верховных непогод
Не мирными путями решены.

Читатель скажет: снова я о том,
Как возвратился воин в отчий дом,
А у него ни брата, ни жены.

-55-

А у него ни брата, ни жены,
Любимая – сулила ждать до века...,
Но справки на все льготы вручены,
Только в бюджете явная прореха.
На нет, святые чувства сведены.
Кому он нужен приписной калека?
Ухаживать – стирать носки, штаны
И полноценного в нём видеть человека.

Как дальше бедолаге в горе жить?
Чиновник не желает с ним «дружить»,
По кабинетам вынуждает топтать.

Среди забот и в думах о войне,
Только погибший друг придёт во сне
И дети не потянутся за гробом.

-56-

И дети не потянутся за гробом,
Того, кто век свой попусту прожил.
Был занят супермодным гардеробом,
Лишь с отраженьем собственным дружил.

Прослыл среди соседей мизантропом,
Недаром прозван был – Эммануил,
Носил он перстень с пламенным пиропом...
Последний путь петляет средь могил.

Так он остался навсегда мальчишкой,
Хоть старческая мучала отдышка,
И не оставил на земле ростки...

Немало их с характером песочным!
Поверьте, не со зла и не нарочно
Наговорил я вам чумной тоски.

-57-

Наговорил я вам чумной тоски,
Что самому обидно, горько стало,
Что жизнь моя не с радостной ноги
Дорогой бесполезной прошагала.

И потешались недруги-враги,
Свои ухмылки, пряча под забрала
И расходились времени круги...
Но кто сказал, что их осталось мало?

Поверьте, я могу ещё вполне,
Легко бороться с сыном наравне
И не растратил попусту мозги.
И в целом жизнь вселенскую любя...,
Все ж грустно видеть в зеркале себя –
Что белизна подернула виски.

-58-

«Что белизна подернула виски,
И что с годами я прибавил в весе,
Что с головы слетают волоски...
Кто не участвует
в естественном процессе?»

Об этом говорит мне друг Зархи;
И что весёлых не поёт он песен,
И что две даты меж собой близки,
А промежутки между ними тесен.

Но в памяти, почти подать рукой,
Как мы, мальчишки, спорили с рекой
И лазали по рухнувшим окопам.

Вдали послевоенной, навсегда,
Остались детства нашего года,
А время мчится бешеным галопом.

-59-

А время мчится бешеным галопом,
Только ребёнку скорость не понять,
Его движенье в статусе особом,
Любому приключению под стать.

Почёт научно-творческим особам –
Твердит разумно-мыслящая рать,
Что во вселенной по «кротовым норам»
Можно с вчера грядущее связать.

Отсюда вывод откровенно прост –
Теоретически недалеко до звёзд,
Прекрасен, притягателен их вид!

Без стимула технического роста,
Глубины космоса преодолеть не про-
сто
И в одиночестве сгорает индивид.

-60-

И в одиночестве сгорает индивид,
Терзая душу думой жгучей,
Что он не так, как прежде деловит,
Что не сулит судьба счастливый случай.
И если будет в схватке вдруг убит
Внезапной пулею светящейся, живучей,
Над ним не станут причитать навзрыд
И омывать лицо слезой горящей.

Ужасно, что мы так разобщены,
А у него ни брата, ни жены,
И дети не потянутся за гробом.

Наговорил я вам чумной тоски,
Что белизной подернулись виски,
А время мчится бешеным галопом.

Венок пятый

-61-

А время мчится бешеным галопом,
Ни лени, ни усталости не зная,
Как в сказке Золотая антилопа,
Великолепной грацией блистая.

И дальше в ведро, в стужу по сугробам;
По всей земле от края и до края,
По океанам и по горным тропам,
Судьбой всечеловеческой играя.

По месяцам идут за днями дни,
И только в детстве тянутся они,
А к старости со скоростью под сто...

Приумножаясь, шествуют века;
Ребенок обгоняет старика,
Ему бежать не запретит никто.

-62-

Ему бежать не запретит никто,
Или лететь к мечте на дельтаплане,
Икару-юноше над солнечным плато,
В невидимом воздушном океане.

Небесного пространства шапито
Притягивает сердце, разум, длани...,
Так фауну исследовал Кусто,

Где не предвидеть многого заранее.

К познанию ведёт желаний нить,
И как такие чувства не ценить,
Упорно плыть, хоть к острову
Циклопа.
Душа от восхищения поёт!
Разнообразен разума полёт,
По далям луговым, по перекопам.

-63-

По далям луговым, по перекопам,
По сёлам, городам идёт прогресс,
В движенье поступательном, особом –
Под взрыв экономических чудес.

Познания круг Бог очертил воробой,
Но человек свой множит интерес...
В грядущее умчаться хорошо бы,
Создать «Пространства-времени» экспресс.

Из космоса взглянуть на Землю сверху,
Один ответ выходит на поверку –
Без электричества сегодня мы ничто.

С природою играя в лотерею
Ресурсы экономить не умеем,
Не удержать, как воду решетом.

-64-

Не удержать, как воду решетом
Моё стремленье... упрекать не нужно.
Сплету корону времени, так что
Напрасно каркают «вороны» дружно.

Совсем разволновался дед пихто,
Он говорит, что цель моя недужна.
В его реакционное гнездо
Не возвращусь, там атмосфера душна.

Но до последней точки далеко,
К тому ж нападки слушать нелегко,
Я по плечу завистника похлопал.

Ответить струсил он, но каково,
Во всём противном существе его
Желание сопряжено с ознобом.

-65-

Желание сопряжено с ознобом,
Смотреть в гипнотехнический экран,
Где бытового уровня поклёпы
Превращены в трагический роман.
Так часто люди, обретаясь скопом,
Горою за общественный дурман,
По теме возвращенье агитпропа
Культура превращается в обман.

Приходит ощущение тревоги –
Ухабисты к признанию дороги,
И не с ноги идти по ним в манто.

Что будет после? Не силён ответом,
Но как, друзья, хотелось бы при этом
Увидеть Землю лет так через сто.

-66-

Увидеть Землю лет так через сто,
И даже интересней через триста...
Желанье нереально, но зато
Прекрасное мечтанье оптимиста.

Криолог скажет непременно, что
Исполнит фокус возвращенья чисто.
Прямоходящий эскулап кенто
Заткнёт за пояс иллюзиониста.

И помещает богача в азот,
Покойник век в растворах проведёт,
Потом «воскреснет», словно в цирке – опа!

А на вопрос: «Вдруг всё не как вчера?»
Подробно успокоят «доктора»,
Но разьясняя языком Эзопа.

-67-

Но разьясняя языком Эзопа,
Не надо думать, люди не поймут
Враньё преуспевающего жлоба,
Что успокоит жертву словом «gut».

Спросите Гарри, Джона или Боба...
И наш трудящийся российский люд.
Желают ли они в подобье гроба
Почувствовать трагический уют?

Я уверяю, что в торпедке плоской

Не захотят лежать под заморозкой,
С надеждой отогреются, так что...

Скажу точнее, дорогие братцы,
Если в пучине мыслей покопаться –
Не по душе мне мрачное гнездо.

-68-

Не по душе мне мрачное гнездо.
Вернуться б снова к отчему порогу,
Где детворой играли мы в лото...
И приобщались к жизни понемногу.

«Теперь не то», – сказал мне друг Ладю,
Попали в искривленную эпоху;
Один в семье ребёнок, но зато
Лелеют через-чур родную кроху.

Рассудок малыша, как белый лист;
Пытайтесь, чтоб не вырос эгоист
В добротном обывательском дому.

Чтоб после не забыл отца и деда,
Как старенькую мать путана-Света,
Моя ирония печальна потому...

-69-

Моя ирония печальна потому,
Что в смехе слышится намек на слёзы,
Что в каждом доме горя по кому,
Они небезобидные курьёзы.

Тревожна обстановка, посему
Бестактны беспардонные расспросы
Как ловко кум обхаживал куму,
А муж хмельной таскал жену за косы.

Любой скандал, как сумасшедший бред,
Оправдывать дебош желаний нет,
А собственно, оно и ни к чему.

Куда бы мы ни шли за Синей птицей,
Должны, в конечном счёте, согласиться,
Что в жизни наступает срок всему.

-70-

Что в жизни наступает срок всему,
Известно и естественно бесспорно,
Так волны, убегая за корму,

Теряются в морской дали просторной.

Но обращаясь в памяти, к тому
Периоду, где юность иллюзорна,
Ошибок вздорных насчитаешь тьму,
Поскольку время распылял задорно.
Итожить грустно, выясняя суть,
Что прожитых событий не вернуть
И глупо возмущаться до обид.

Воспоминанья, как по сердцу нож:
Не отречёшься – вынь их и положи,
Вчерашним днём уже не будешь сыт.

-71-

Вчерашним днём уже не будешь сыт,
Как не накормишь соловья посулом
И сердце от любви не убежит,
Как от Оксаны в рождество Вакула.

Оберегай родной свой кров и быт,
Ум не теряй за праздничным разгулом,
Тогда не будет твой престиж зарыт,
Иль отдан на съедение «акулам».

Всего важнее настоящий миг,
Лишённый притязательных вериг,
Не допустивший в настроенье лень.

Надеждой фантастической дыша,
Стремится к обновлению душа, –
Пробьют часы, что новый вызрел день.

-72-

Пробьют часы, что новый вызрел день –
Удачливей, теплей, чем предыдущий,
Особенно, когда цветёт сирень
И птичий гомон восстает над кущей.

Такое впечатленье, что задень
Струну любви, и зазвучит он пуще –
Весенний мир, зовущий в свою сень,
В полёт к мечте в реальности грядущей.

И лучшего не следует желать –
Всем сердцем ощущая благодать
И забывая ссоры дребедень.

Любуешься, как солнце ходит кругом,
Как от испуга мчится заяц лугом,
Пусть скачет он и обгоняет тень.

-73-

Пусть скачет он и обгоняет тень
Мальчишка в поэтически ночное,
Где утром Леший превратится в пень,
Русалка станет ивою речною.

Но редкий покосившийся плетень,
Почти полузабытое бывшее...,
Как в наши дни потеря деревень –
Финал литературного героя.

Возможно, только в глубине Алтая,
Ещё сильна жизнь сельская простая,
Надёжно сохраняет вольный быт.

Сопровождаешь восхищенным взором
Коня, летящего по вековым просторам,
Пусть не смолкает звон его копыт.

-74-

Пусть не смолкает звон его копыт –
Стремительного гибкого сайгака,
Степь перед ним просторная бежит –
Естественное жизненное благо.

Но вновь над стадом вертолёт кружит,
Охота до безумного размаха;
Животный мир израненный лежит,
Земля, как окровавленная плаха.

Пример убийства явно налицо,
Сжимается жестокости кольцо.
Как уцелеть в напалме аэробам?

Воздастся по заслугам. Будет суд!
Но братья меньшие вновь «крест» несут,
А время мчится бешеным галопом.

-75-

А время мчится бешеным галопом,
Ему бежать не запретит никто,
По далям луговым, по перекопам...
Не удержать, как воду решетом.

Пронзает любопытство до озноба

Увидеть Землю лет так через сто,
Но, разъясняя языком Эзопа,
Не по душе мне мрачное гнездо.

Моя ирония печальна потому,
Что в жизни наступает срок всему,
Вчерашним днём уже не будешь сыт.
Пробьют часы, что новый вызрел день,
Пусть скачет он и обгоняет тень,
Пусть не смолкает звон его копыт.

Венок шестой

-76-

Пусть не смолкает звон его копыт –
Иванова горбатенького друга,
Что сказочно, геройски знаменит;
Лети на нём, и не нужна подпруга.

Когда душою автор не кривит,
А состоит из зрения и слуха,
Тем выше вдохновение взлетит
И радостней писательская мука.

Отсюда – сущность творческих удач,
Решение любых проблем, задач –
С талантом, перемноженным на волю.

Прекрасна созиданья высота,
Если ясна картины широта –
Пегас летит, как вольный ветер в поле.

-77-

Пегас летит, как вольный ветер в поле,
Я с детства по пятам за ним бегу
И спрашиваю сам себя: «Доколе?»
«До вечных дней» – ответом не
солгу.

Не нужно мне иной заветной доли,
И по-другому мыслить не могу,
И в творчестве мне вторит дочка Оля,
Свою находит нужную строку.

С трёх лет она сдружилась со стихами,
Послушница в литературном храме,
Пускай же колокольчиком звенит.

А время, так же, как и прежде кружит,

Во всех делах счастливый случай нужен,
Поймай его и станешь знаменит.

-78-

Поймай его и станешь знаменит –
Имеется в виду живое слово,
А слава, словно ветер, прошумит,
Как в скотобойне проревёт корова.
Пиар рекламный – призрачный флюид,
Раскручивает автора бедово,
Только народу не приятен вид
Бездарности, что пузырится снова.

Мордасти-страсти, несомненный бред –
Не суждено узнать – сказал поэт, –
Как отзовется время о глаголе.

И певунам скажу наперекор –
Что время отметёт прилипший сор
В земной, всепоглощающей юдоли.

-79-

В земной, всепоглощающей юдоли
Попасть в десятку верную изволь...
Мечтает каждый мастер, в смысле роли –
Кто шут, кто принц, тем более король...

По Станиславскому до страстной боли,
Не просто влиться всей душою в роль
И с режиссёром съесть немало соли,
Чтобы понять, в чём постановки соль.

Любой талант зачахнет без упорства,
И не спасёт лукавство и позёрство
Того, кто лишь случайно знаменит.

И согласятся многие со мною,
Что не всегда актёр своей игрою
Счастливую судьбу определит.

-80-

Счастливую судьбу определит
Народ, имея подлинное право,
В своих суждениях он не лыком шит,
Только убийцу оправдал – Варавву.

Напрасно уж полвека мельтешит;
То левой власти кланяясь, то правой,
Трибунный предприимчивый пиит,

Его забудет навсегда орава.

Но кто от сердца неподкупно пел?
Есть не один классический пример
И, слава Богу, изучают в школе.

Держи себя в чувствительной узде,
Окажет помощь нужную везде
Хранитель твой, согласно Божьей воле.

-81-

Хранитель твой, согласно Божьей воле,
Всегда стоит у правого плеча;
И в светлой радости, и в чёрном горе
По силе первородного луча...

И если с грустной песней в алкоголе
Погибнуть можешь, право, сгоряча,
Твой ангел одолеет змия в споре –
Молись о том, на долю не ропща.

Чего скрывать, грешат поэты пьянством,
Когда жизнь досаждают постоянством...
Найти свой голос каждый норовит.

И потому, отбросьте прочь сомненья,
И вас не устроят нагроможденьем
Высоты поэтических орбит.

-82-

Высоты поэтических орбит
Проходят там, где чувства в эмпириях,
Душевный образуют монолит,
От перигея к точке апогея.

Кто мастерство с мечтой соединит,
Святое право, божий дар имея,
И путь в литературе проторит,
К событиям судьбоносным тяготея.

В тени же остаются большинство,
И не поможет кумовство, родство,
Чиновничья протекция тем боле.

Хватает в каждом деле передрыг,
Только они на творческих путях
Играют относительные роли.

-83-

Играют относительные роли
Стихи, что глубоко лежат в столе,
Так же болят «любимые» мозоли,
Или душа в литературной мгле...

Но срок придёт определенный, вскоре
Свободно зазвучат по всей земле,
Как истина, родившаяся в споре,
Как ветры штормовые на скале...
Оценят люди, называя чудом,
Богатство, сохранённое под спудом
Природу, жизнь, поэзию любя.

От самой первой начатой тетради,
Не помышляй о призрачной награде,
Но попытайся разглядеть себя.

-84-

Но попытайся разглядеть себя,
Не мчись за обещаньем без оглядки
И знания по капелькам копя,
Не сделайся самодовольно-гладким.

Иначе возмущаясь, зло сипя
Ты будешь подмечать лишь недостатки,
Даже с женой в одну ноздрю храпя,
Сон не покажется пилюлей сладкой.

Об этом я сказал когда-то другу,
Он приравнял совет к пустому звуку –
Решенья принимал, с плеча рубя.

Будь он серьёзней в молодую пору,
Его талант пошёл бы точно в гору,
Впустую, время жизни не губя.

-85-

«Впустую, время жизни не губя,
Ты многого добьёшься, несомненно,
Когда, смычком настойчиво скрипя,
Постигнешь тайну музыки бесценной» –

Так говорила мама, теребя
Сыночка каждый день обыкновенно,
Старался отпрыск, звуками долбя,
И оказался мэтром постепенно...

В Союзе должностями стал богат
И званье получил – лауреат,

Подобный результат не лучше зоба...

И потому скажу сто тысяч раз
Пииту юному – там, где душевный глас,
Определи свои законы тропа.

-86-

Определи свои законы тропа –
Я фразу, словно клятву повторял,
Писал стихи, волнуясь до озноба,
Их камертоном сердце проверял.

Гитара чутко, чётче вибростопа
Улавливала слов и рифм накал,
Взлетала моя песня выше нёба,
Как в штормовой дали девятый вал,

Душа в мечтах стремилась к светлой рани,
Что я раскину, словно крылья, длани
Над нашим русским полем воспарю.

И мне попутным ветром будет – Слово!
Пора бы успокоиться, но снова,
Друзья, высокопарно говорю.

-87-

Друзья, высокопарно говорю,
А надо проще, внятней, между прочим,
Как в собственном соку, себя варю
День изо дня, от ночи, снова к ночи.

На огонёк зайдете в сень мою,
Мы выпьем водки, языки поточим
И в нашем откровенном интервью
Благие отношения упрочим.

А после на моё самосожженье,
Ответите своим стихосложением, –
Что я уподобляюсь упырю.

Не огорчайтесь, по плечу мне бремя,
Поверьте, не напрасно трачу время;
Мне хочется поймать за хвост зарю.

-88-

Мне хочется поймать за хвост зарю,
Как некогда Иван поймал Жар-птицу.
Или, как должно быть богатырю,
Спасти от недругов станицы и столи-

Авария корёжит, даже сталь, –
 Себя увидишь, как под микроскопом,
 И лет прошедших каждую деталь...

Жизнь состоит из взлётов и падений,
 Из яви дней, из ночи сновидений.
 Цель, дорогой читатель, обусловь.

И мчись вперёд, как ураганный ветер,
 Наперекор всем трудностям на свете,
 За радостью по имени Любовь.

-94-

За радостью по имени Любовь,
 За нежностью, что назову Надеждой,
 За Верой, что роднее, чем свекровь,
 Кто не стремился к высоте мятеж-
 ной.

Кто не растил редис, свеклу, морковь...,
 Потом хранил продукт с заботой нежной,
 Кто не мечтал вернуться в детство
 вновь,
 Что остается в памяти безбрежной.

Вслед поколенья новые идут
 И продолжают нужный в жизни труд –
 Пилота, сталевара, рудокопа...

Но горькая действительность одна,
 Уничтожает мирный кров война –
 И наплевать, дворец или трущоба.

-95-

И наплевать, дворец или трущоба
 Приснится неожиданно тому,
 Кто, несмотря на волю гороскопа,
 Сменил суму на верную тюрьму.

За ним конвой следит, страшнее
 боа,*

В забойную его сослали тьму,
 Он там статьёй приниженный с поклёпа,
 Поймёт, кем был подставлен, почему...

Одна надежда на себя, на Бога,
 На адвоката, что с законом строго
 Разрежет, разматает, разнайтовь...

Свобода улыбнётся хорошея,
 Как добрая надёжа-ворожея,
 Определит счастливейшую новь.

-96-

Определит счастливейшую новь
 Грядущее с рожденья и до века,
 Характер свой для добрых дел готовь,
 Они вполне достойны человека.

Мы в детстве не жалеем свою кровь;
 Мальчишка опрокинулся с разбега –
 На лбу синяк, губа разбита, бровь,
 Решил, что он теперь почти калека.
 Но взрослые, предвидя наперед,
 Утешат: «Всё до свадьбы заживёт».
 Забудутся рыдания с захлёбом.

Прибудут силы в юные года,
 С признаньем жарким девушке, тогда,
 Когда парнишку увлечёт зазноба.

-97-

Когда парнишку увлечёт зазноба
 И люди пожелают счастья им,
 Как говорила поэтесса Проба* –
 Удаче улыбнётся херувим.

Они пройдут опасные чащобы,
 Огонь и воду, стынь, пожарищ дым...
 Любовь свою прочувствуют особо,
 Руководясь желанием святым.

Я снова обращаюсь к светлой теме,
 Чтоб продолжался род и в целом племя,
 Чтобы зачахла, на земле злословь.

Во славу долга и во имя рая,
 Венчанье молодых благословляю
 И сам Всевышний не нахмурит бровь.

-98-

И сам Всевышний не нахмурит бровь,
 Когда в семье шалят погодки дети.
 Им материнской ласки уготовь,
 Что может быть теплей на белом свете.

И хочется сказать о счастье вновь,
 Сложить стихи о солнце и о лете,

О том, что воды океана кровь,
Дающая приливных сил планете.

Желаю детям, всем смертям назло,
Чтоб им под мирным небом повезло
Прожить достойно отведённый век.

Успеха своего добьются братья,
Господь своей отметил благодатью
С рожденья удивительный разбег.

-99-

С рожденья удивительный разбег
Я наблюдал, в своём восторге тая,
Когда решилась на большой успех
Моя родная, маленькая Таня.

Добрей, счастливей не припомню смех,
Легко взлетевший, словно птичья стая
И первый шаг, второй..., не для потех –
Сама пошла дочурка золотая.

В мирских желаньях, областях, делах
Нам неизвестность предвещает страх,
Без посторонних дружеских опеки.

Но человек, по существу не хрупок,
Вот только прародителей поступок
Объявлен был, как первородный грех.

-100-

Объявлен был, как первородный грех,
Восторг между женой и человеком,
А жизнь идёт, течёт, как воды рек,
Придела нет разливу бурным рекам.

Не спору, предостаточно прорех
В семейной связи, но расти побегам –
За годом год, и так из века в век,
Согласно новым временам и вехам.

Мир расцветает в лоне нежных чувств,
В прикосновенье ярких, жарких уст
И образует счастья монолит.

Эмоций, объяснений через край...
Воистину, любовь – земной наш рай.
И кто такое буйство усмирить?

-101-

И кто такое буйство усмирить?
Бес на земле освоился неплохо,
Он много разных пакостей творит,
Пока не видит над собою Бога.

То дом добротный, рубленый спалит,
То в зиму оборвёт проводку тока,
То помешает выполнить транзит
От Запада до Дальнего Востока.

И верно говорят: «Попутал бес»,
Ему на радость горький плач и стресс,
Частенько набиваемые шишки.
Из пекла злополучный эмигрант
Землетрясение двинул на Таиланд
Факт налицо совсем не понаслышке.

-102-

Факт налицо совсем не понаслышке,
Что человеку в жизни грош цена,
Он виден хорошо с охранной вышки –
Кровь, как слеза, едино солоня.

И снова к власти тянутся пустышки;
Всесильна «подковёрная» война –
В верхах «царьки», внизу «людишки»,
А между ними снова сатана.

Склоняясь положению такому,
Выходит, что даже родному дому
Не крыша, а по сути дела крышка...

Но, прорастёт, созреет в поле колос!
Твердят соседи дружно в один голос, –
Что на отца во всём похож сынишка.

-103-

Что на отца во всём похож сынишка –
Лицом, телосложением – спора нет,
Но иногда плейбой, ходонок-плутишка
Оставит на века любовный след.

И не напрасна чувственная вспышка –
Природы удивительный секрет;
Как во дворянстве «передышка»,
А у крестьянства «высший свет».

Отсюда вывод следует: по сути,
Мы всё родные изначально люди –
Индиец, тюрк, славянин, семит...

И силой мысли равной обладаем,
Но вместе с тем надеемся, мечтаем,
Что деда внук иль правнук повторит.

-104-

Что деда внук иль правнук повторит,
Как продолжают течь притоки в реки,
Как существует повседневный быт,
Как солнце-свет не закрывает веки.
Миллионы лет природа путь торит...
Летит планета в двадцать первом веке;
Товарищи мои сошли с орбит,
И далеко минувшие потехи...

Воспоминанья жаркою волной
Меня вновь накрывают с головой;
Горьки и солонны они на пробу.

А некто возразит: «Кому легко?»
И только в подсознание, глубоко
Надежда есть воспеть восход особо.

-105-

Надежда есть, воспеть восход особо,
Когда легко бежит по жилам кровь,
Когда летишь, как на коне галопом,
За радостью, по имени Любовь.

И наплевать, дворец или трущоба
Определит счастливейшую новь,
Когда парнишку увлечёт зазноба
И сам Всевышний не нахмурит бровь.

С рожденья удивительный разбег
Объявлен был как первородный грех.
И кто такое буйство усмирит?

Факт налицо совсем не понаслышке,
Что на отца похож во всём сынишка,
Что деда внук иль правнук повторит.

Венок восьмой**-106-**

Что деда внук иль правнук повторит,
По роду, по религиозной вере,
Что сын его наследственный джигит,
Себя проявит в самом добром деле.

Он в отрочестве многих удивит
Познаем о войне и вольной цели,
Поскольку его прадед был мюрид,
Не позабыты прошлые потери.

Сегодня «старший брат» ему не люб –
За око оба глаза, смерть за зуб.
Какой шайтан раздор затеял снова?
Кричу ему – аул свой береги,
Мы все простые люди – кунаки.
Неоспоримо, как Христово слово.

-107-

Неоспоримо, как Христово слово,
Всеобщее желание людей,
Чтоб белый свет не полыхал багрово;
Огонь пожарищ он ли не злодей.

Ученья величайшая основа:
«Не укради, тем боле не убей,
Не допусти погрома мирового
И отведи непрошенных гостей».

Национальная вражда острее бритвы,
Но моё сердце в праведной молитве,
За обездоленных людей душа болит.

Един Создатель! Не тревожьте рану...
За справедливость
в полный рост восстану,
Как солнце поднимается в зенит.

-108-

Как солнце поднимается в зенит,
Согласно галактическим законам,
Так человек, что стал вдруг знамени-
нит,
Сподобился на публике иконам.

Его пиар в теледебаты слит,
Он окрылён и прикреплён к погонам,
Всем золотые горы посулит –
И бедноте, и дорогим персонам...

Я не бросаю камень в огород,
Но как противен псевдопатриот,
Не держащий ни слова, ни полслова.

Как самый отвратительный позор,
Является зазнайка и позёр,
Как лунный месяц лик меняет снова...

-109-

Как лунный месяц лик меняет снова,
Так днём с огнём вруна не отыскать,
Таков порядок рынка делового,
Фигляра поминаем в твою мать...
Живём экономически хреново
И политических врагов не сосчитать,
Кривясь от здравомыслящего зова
Не внемлют оппоненты нам опять.

Россия отведён удел придворный
В больших затратах на офшорах чёрных;
Семёрка обещает ей лимит.

Так рыбаки у моря ждут погоду,
Так повелось от века и от роду –
Наследственная память нас хранит.

-110-

Наследственная память нас хранит,
И Русь не обратится в истукана,
Хотя силён финансовый бандит,
Он банковские ворошит карманы.

Правительство порой хвостом юлит
И байки раздаёт с телеэкрана, –
Что до нуля понизит дефицит
И не допустит прежнего обмана.

Но губернаторство легко и ловко
Сколачивает стаи-группировки –
Любой дурак сгодится для улова.

На будущее планы, цели, виды;
И овцы целы, волки тоже сыты,
Но атмосфера жизни не здорова.

-111-

Но атмосфера жизни не здорова,

Если ребёнок на виду у всех
Был материнской лаской обворован;
С детдома начинается трудный век.

Пример наглядный сердца ледяного,
И вместе с тем невероятный грех,
Но люди добрые помогут снова,
И станет человеком человек.

Он сотворит свою судьбу-погоду –
Пройдет степной огонь, морскую
воду,
И в медных трубах имя зазвучит.

А друг его, со слабою натурой,
Завалится «на дно»,
прикрывшись шкурой,
Где роется в отбросах инвалид.

-112-

Где роется в отбросах инвалид –
Огромная столичная помойка,
Бомжа накормит, на ночь приютит,
Найдется горемыке даже койка.

Выходит, ещё Богом не забыт,
Раз по душе весёлая попойка,
Но, как свеча один, другой горит,
Вот где необходима перестройка.

Хватает пайки всевозможной всем –
Воронам, чайкам, крысам..., нет проблем,
Собачьи стаи в статусе суровом.

Ну, просто жутко братская среда,
Так приобщайтесь смело, господа,
А у детей нет и подобья крова.

-113-

А у детей нет и подобья крова,
Они семье сегодня не нужны;
В войну позора не было такого,
Такой уничтожающей волны.

Как будто с рынка прошлого Хитрова...
Реальные события – разве сны?
В России нет характера Петрова –

Холопы вольные, себе же не вольны.

О, вседозволенность и денежные шоры,
Противней поведения Гоморры,
Где люди жили по желаньям пед....

Что может быть подлей, циничней, гаже,
Чем малых деток наплодить в прода-
жу,
Ни для кого сегодня не секрет.

-114-

Ни для кого сегодня не секрет,
Что потеряла свой престиж Россия,
И важный нефтяной её пакет
Совсем не долговечная стихия...
И не поможет мудрецов совет,
Ораторство столичного вития,
Указ, приказ, очередной декрет,
Другие обещания благие?

Чек-ваучер, как точка в приговоре.
В кармане шиш, напрасно некто спорил,
Что укрепит страна менталитет.

Но родина не гибельная яма!
Хотя любой и каждый скажет прямо,
Что на глазах тускнеет белый свет.

-115-

Что на глазах тускнеет белый свет,
А с возрастом заметнее, тем боле
Осознавать, что больше не атлет...
Где наша сила в юном ореоле?

Ты помнишь, как в лучах звенел рассвет,
Как ветер серебрил просторы моря,
Как звёзды посылали нам привет,
Прибою оглушительному вторя.

Минувшее опять глядит в глаза,
Невольно набежит о нём слеза,
Но вид не подаём, живём бодрясь.

Не угадаешь, сколько лет осталось...
Разве легко, когда стучится старость
И вдоволь веселится мрака князь.

-116-

И вдоволь веселится мрака князь,
Как босс своей превратностью кичится;
Такого Русь не помнит отродясь,
Из грязи поднялся и кружит – «птица».

И тут и там, повсюду его связь –
Браток – разбойник, а дружок – убийца.
У Господа попросим, помолясь,
Чтоб перестали жулики плодиться.

Что возвели хапуги на крови?
Страну без соглашения и любви;
С порубкой леса, с засореньем пашен.

Как уберечь от зла житейский кров,
Когда восход пожарища багров;
Воистину исход вселенский страшен.

-117-

Воистину исход вселенский страшен,
Напрасно уповать на тишь и гладь,
Давно покой всемирный взбудоражен,
Не устаем оружием бряцать.

Где каменный пейзаж многоэтажен,
Там чувствует простор ворьё и тать, –
Мир обывателя тревогами загажен
И даже оптимист готов бежать...

Но редко кто из городского круга
Вернулся в лоно заливного луга,
На деревенские просторы пашен.

Всё ж в результате, как ни тяжело –
Прекрасна жизнь творящая добро!
И потому день настоящий важен.

-118-

И потому день настоящий важен!
Собрату посоветую, чтоб он
Впредь, оставался в помыслах отважен,
Когда вдруг жизнь поставлена на кон.

Чтоб понимал, при катастрофе даже,
Есть «Победитель нынешних времён».* –
Реальный образ в окруженьи нашем,
Его не одурманит евро звон.

Всё изобилье, что душа взрастила,

Он щедро дарит людям, в этом сила
И знаний неотъемлемая часть.

Как отношение светлое, живое
Несёт в себе напутствие благое –
Не допусти к разрыву жизни связь.

-119-

Не допусти к разрыву жизни связь,
Чтоб не угасла память родословья
И сохрани гостеприимства вязь
С душевностью и должною любовью.

Но прочь гони непрошеную мразь,
Что мастерски владеет пустословьем;
Она подставит, и тогда пропасть
Недолго чести, совести, здоровью.
Сложна, крута житейская стезя,
Не оступайтесь попусту друзья,
Не засоряйте перепалкой быт.

Природу в тлен не обращайтесь, люди,
Тогда любой из вас уверен будет,
Что деда внук иль правнук повторит.

-120-

Что деда внук иль правнук повторит
Неоспоримо, как Христово слово,
Как солнце поднимается в зенит,
Как лунный месяц лик меняет снова.

Наследственная память нас хранит,
Но атмосфера жизни не здорова,
Где роется в отбросах инвалид,
А у детей нет и подобья крова.

Ни для кого сегодня не секрет,
Что на глазах тускнеет белый свет
И вдоволь веселится мрака князь.

Воистину, исход вселенский страшен,
И потому день настоящий важен –
Не допусти к разрыву жизни связь.

Венок девятый

-121-

«Не допусти к разрыву жизни связь,
Что солнечно возникла между нами,
Люби меня, разлуки не страшась», –
Шептала ты горячими устами.

Одной живою плотью обреться
Мы превратились в огненное пламя,
Что называют громким слово – страсть;
Она порой приводит чувства к драме.

И каждая травинка, каждый куст
Сопровождали всплески нежных уст –
Постелью был июньский бархат луга.

Хотя с тех пор немало лет прошло,
Ты первой встречи не забудь число –
Предупреждал я милую подругу.

-122-

Предупреждал я милую подругу –
Напрасно не бросайся красотой.
Не верилось в последнюю разлуку,
Когда вошла ты в поезд скоростной.

Не удержал тебя на свою муку
И не кричал: «Любимая, постой!»
Проходит всё вслед солнечному кругу;
Осенний блеск ответил темнотой.

Моя любовь упала картой битой,
Твой образ запорошил я обидой,
Но в результате над собой смеясь –

То проклинал, то называл Мадонной,
В стихах воспел, молился пред иконой:
«Не упади в губительную грязь».

-123-

«Не упади в губительную грязь» –
Совету моему ты не внимала,
На вечеринках, бурно веселясь,
Искала, непременно, «генерала».

Подняться трудно, но легко упасть,
Кого из нас похмелье не терзало?
И, наконец, попытка удалась,
Но оказался зрелый муж – катала.

Причина срыва – приворотный сглаз,
Поблекла красота, восторг угас
И макияж не устранит поруху...

«Только твоя вина в судьбе моей,
Что нет у нас ни внуков, ни детей», –
Ты говорила своему супругу.

-124-

Ты говорила своему супругу,
Но, как слова на ветер потому,
Что мы рабы воинственного круга,
Блуждают в перепалке, как в дыму.

И достигает сквернословье слуха:
«Чтоб на тебя суму, тюрьму, чуму».
Проклятие опаснее недуга
Не пожелаю порчи никому.
Не бережём ни время, ни покой,
А жизни не предвидится другой,
Но продолжаем воевать, кичась...

Хотя с годами становясь мудрей,
Напутствовать стараемся детей:
«Не торопись принять за друга мразь».

-125-

Не торопись принять за друга мразь,
Что не годится мудрецу в подмётки,
Иначе можно за понюх пропасть,
А хуже за стакан палёной водки.

Пример простой, хоть и живуч карась,
Не обойдёт крючки и щучьи глотки,
И глупо обвинять в насилье власть,
Поскольку сам влетел в объём решётки...

И потому напрасно, господа
Бежали вы от родины туда,
Где кажется святым страшила бука.

Нашли покой в предательском раю?
Хитёр прохвост похожий на змею,
Что подаёт тебе притворно руку.

-126-

Что подаёт тебе притворно руку

И крутит притягательным хвостом,
Не принимай за верную подругу –
Ты в возрасте уже не молодым.

Гони взашей напудренную суку –
Она заметила вдовца добротный дом.
Ни дочери, ни дорогому внуку
Наследство не достанется потом...

Беги от вожаемого участия,
Не верь, что наступило время счастья,
Когда с удачей дружба прервалась...

Но не горюй, что карта твоя бита.
И если даже вдребезги корыто...
Мечту свою заветную не сглазь.

-127-

Мечту свою заветную не сглазь
Бахвальством неоправданным и громким,
Иди по курсу, настроенью в масть
Иначе свет мечты сожрут потёмки.

И жизни неотъемлемую часть,
Укрой от зависти и сволочной позёмки,
Чтоб в массе одиноко не пропасть,
Чтоб вспоминали о тебе потомки.

Пытайся разобраться наперёд,
Какой тебе судьба предъявит счёт,
Хотя фортуна ветреная штука.

И праздного не терпит баловства;
Водить с ней не пытайся кумовства,
Не обрекай сознание на муку.

-128-

Не обрекай сознание на муку,
Доступная всем женщина-краса,
Легко постигли плотскую науку
Твои дородные, съестные телеса.

Свободно отмечаешь дуру-скуку,
Гуляешь, забывая адреса,
Когда же старость приведёт к недугу,
С мольбою обратишься к небесам.

Но, где кресты на куполах и выше,
Ребёнок твой рыданье не услышит...

Останется печаль, как в горле кость.

Есть вход, но выход обернется пыткой,
А в юной жизни радостной и пылкой
Всем хочется, чтоб лучшее сбылось.

-129-

Всем хочется, чтоб лучшее сбылось,
Отозвалось, исполнилось надеждой,
Между людьми не возникала злость,
На бедствие не закрывались вежды.

Чтобы по совести, по радости жилось,
С хорошей пищей, с модною одеждой,
Чтоб ось познания не кривилась вкось
И человек не прозябал невеждой.

Тогда в семье покой и благодать,
И не придётся молнии метать,
Как при разводе многим довелось.
Товарищи, желаю счастья вам,
Чтоб путь к успеху оставался прям,
А не пошла дорога дружбы врозь.

-130-

...А не пошла дорога дружбы врозь,
Лишь потому, что мастерства хвати-
ло
Исправить покосившуюся ось,
Семейный круг, вращая с прежней силой.

Всё славно улеглось и прижилось,
И повелось, как раньше нежно было,
Но только память, как в подошве гвоздь,
Воспоминанья горькие будила.

Мужская гордость очень высока,
Ей тяжело носить свои рога,
Что вырастают вслед измен, ветвась.

При колоссальном их великолепье, –
Что может быть позорней и нелепей?
И потому храните ипостась.

-131-

И потому храните ипостась
Достоинно, без напыщенной бравады.
Старайся поступать не суетясь,

Не как иной холуй придурковатый.

И не хватай наживку, словно язь,
Что, исхитрившись, впаривают хваты.
И бравый вид свой к празднику укрась, –
Пусть засияют на груди награды.

И не скачи, как мячик-воробей,
Перед начальством вовсе не робей,
По мере средств и сил, твори добро.

Ты вовсе не сторонний наблюдатель,
Будь в настоящем счастлив мой читатель
И чтобы после в жизни повезло.

-132-

И чтобы после в жизни повезло
Не погуби талант, что дан от Бога,
Он выше, чем ручное ремесло,
Трудна, терниста творчества дорога.
Старайся, чтобы мастерство росло
И к слову относись довольно строго,
Чтоб лист бумажный чёрен был зело,
От редактуры собственной во многом.

Чтобы в душе рождённый монолог,
Усилил вдохновения поток
Поднявшись на упругое крыло.

Друзья мои, чтоб штурмовать Парнас,
Потрудимся ни день, ни год, ни час,
Опустим долу гордое чело.

-133-

Опустим долу гордое чело,
Ни в рабскую, ни в робкую услугу,
Но с покаяньем, что творили зло
Не только неприятелю, но другу.

Почувствуем сердечное тепло
И крепкую приятельскую руку,
И на добро откликнется добро,
Продолжит своё шествие по кругу.

Мой оппонент, не бойся прямоты,
Я снова с публицистикой на ты,
Она волнений человеческих часть.

Да будет правда – главный наш герой,

Как утоленья жажды в жгучий зной –
У Господа попросим, помолясь.

-134-

У Господа попросим, помолясь,
Любви, надежды, мудрости и веры,
Чтоб справедливость не могла пропасть
При оглашенье неподъёмной меры.

Но правомерным кодексом гордясь,
Влиянья своего, упрочив сферы,
Согласно сумме поступает власть, –
В большой чести валютные размеры...

А как низам свои концы сводить?
Утробу набивает волчья сыть,
Господней кары вовсе не боясь.

Помолимся Фемиде в судном храме,
Четырнадцать строчными стихами –
Не допусти к разрыву жизни связь.

-135-

Не допусти к разрыву жизни связь, –
Предупреждал я милую подругу.
Не упали в губительную грязь –
Ты говорила своему супругу.

Не торопись принять за друга мразь,
Что подаёт тебе притворно руку.
Мечту свою заветную не сглазь,
Не обрекай сознание на муку.

Всем хочется, чтоб лучшее сбылось,
А не пошла дорога дружбы врозь,
И потому храните ипостась.

И чтобы после в жизни повезло,
Опустим долу гордое чело, –
У Господа попросим, помолясь...

Венок десятый

-136-

У Господа попросим, помолясь,
Чтоб Муромец с печи поднялся снова,
И поддержал границ святую часть
Военным делом и призывным словом.

Оборвалась времён живая связь,

Вместо муки намешана полова;
Всплыла подложных отношений грязь
В сегодняшних волнениях суровых.

Мы потеряли с правдою родство,
А «победители» справляют торжество,
На всю «американскую планету».

Народ от возмущения хрипит –
Пора взорвать фальшивый монолит,
Чтоб справедливость устремилась к свету.

-137-

Чтоб справедливость устремилась к свету,
Желанья недостаточно пока.
Заводы рухнули и фабрики раздеты,
И люди собралась у тупика...

За разоренье призовём к ответу
Властителя вертушки из ЦКа,
Он аккуратно оставляет мету,
Валяет за границей дурака.

Коснувшись новой «рыночной науки»,
У многих просто опустили руки,
Хотя прохвосты научились красть.

Социализм не возносил Гермеса,
Народ был занят общим интересом,
Чтоб не глумилось горе отродясь.

-138-

Чтоб не глумилось горе отродясь
Не только над ребёнком, но цыплёнком,
Мы к «светлым куцам»
мысленно стремясь,
Желали благоденствия потомкам.

Дар Ветра в фантастическую бязь*
Одел писатель, вывел в стиле тонком,
Но сколько, ярким словом мир не крась,
Кремнистый путь, не равенство бетонкам...

Свою дорогу обозначит жизнь.
Мгновение моё, остановись,
Летающее быстрее любого света!

Бездонна лет грядущих глубина,

На всех надежда общая одна,
Чтоб внук с почтеньем относился к деду.

-139-

Чтоб внук с почтеньем относился к деду,
Чтоб память возвратилась на круги,
Храните человеческое кредо,
Как самые святые родники.

Не прибегайте к финке и кастету,
Не нажимайте, люди, на курки.
Я выскажусь совсем не по секрету –
Друг другу мы случайные враги.

Невероятно пагубна и лжива
Разбоем обретенная пожива;
Грешно мистифицировать и красть.

Недолго процветает жизнь блатная;
Вас поминают матери стеная,
Увы, но прежде времени простясь.

-140-

Увы, но прежде времени простясь
С великолепной, доброю планетой...
Черна и глубока могилы пасть,
Страшней древнеегипетского Сета*.

Природа мощно проявляет власть –
Пока живёшь, всласть солнышка отведай,
Из грязи вышел и уходишь в грязь,
Но, слава Богу, церковью отпетый.

Вселенная летит во все концы,
Что знают даже школьники-юнцы,
Куда-то к беспредельному секрету.

Не первый я об этом говорю, –
И сам, в конечном счёте, догорю
Со всем, что окружало, канув в Лету.

-141-

Со всем, что окружало, канув в Лету,
Расстанемся товарищи-друзья –
Но в памятных словах, на киноленту,
Отообразим частицу бытия.

Нацелена природа к паритету,
Всему живому общая стезя –

Одни далече, а других уж нету,
Но правду жизни высказал не я.

И снова нестареющее время,
Жестоко дышит человеку в темя,
Вперед секундой каждую стремясь.

Незалечима горестная рана –
О тех, кто мир покинул слишком рано,
Они лежат, где золотая вязь.

-142-

Они лежат, где золотая вязь
Искрится в эпитафиях прощальных,
Куда приходят люди, не смеясь,
И вспоминают боль часов финальных...

Потеря близкого – ужаснейшая казнь,
Никто не избежит разлук фатальных.
Живём молитвою, крестом огорожаясь,
Но с грустной думой о закатах дальних.
На кладбище покой и тишина,
Особенно в тот час, когда луна
Лучится пепельным, нетленным светом.

Среди могил броди хоть до зари,
Одна печаль о многом говорит –
Имён и фотографий, разных цветом...

-143-

Имён и фотографий, разных цветом
Хранят альбомы – времени итог...
По строгому военному билету
Суровым оказался службы срок.

Привольная пора – подруга лету;
Резвился в кронах яблонь ветерок,
Подъехала машина к сельсовету,
Там в цинковом гробу лежал сынок.

Тебе деревня русская – «матрешка»

–

Кровиночка, последыш, мамин крошка...
Косая сажень, доблестная статья.

Он воевал достойно за границей,
Гордится штаб, а ротный матерится...
Как вынесут беду отец и мать?

-144-

Как вынесут беду отец и мать?
Кто честно на вопрос ответить сможет?
Неужто ослабела наша рать,
И рубежи на частокол похожи.

По всей земле разгуливает тать,
Куда ты смотришь всемогущий Боже?
И больно говорить и повторять –
На поле битвы многих смерть положит...

Пропавших, искалеченных не счесть.
Не предал Родионов свою честь*
И крест не снял, что подарила мать.

Осиротели многие родители,
А сыновья ушли путём Спасителя,
И что им в утешение сказать?

-145-

И что им в утешение сказать?
Уместны ли слова, найдешь такие?
Наш век не предвещает благодать,
Вновь разгорятся времена лихие.

Солдату примирения не ждать,
Не надо слёз, когда дела мужские,
Что понапрасну воздух сотрясать;
Он защитит от ворога Россию...

Отпели, отгудели купола,
Сорокоуст поют колокола
И на погост бредут два старика.

Дождь моросит, осенняя пора,
А впереди пригорок, как гора;
К могиле сына тропка не легка.

-146-

К могиле сына тропка не легка,
Горька она до слёз изнеможенья,
Вдали течёт спокойная река,
Где на заре любил рыбачить Женя.

Где пойменные, светлые луга,
Где солнечных цветов и трав растенья,
Где богатырские поднимутся стога
Особое имея притяженье...

Кто б ни хотел вернуться в детство-рай,
Где друг-Барбос, где голубей гоняй...
Где были кляксы – спутницы чернилам.

Но в лабиринте лет не свяжешь нить...,
Хотя б войну-беду остановить;
Попросим же Спасителя всем миром.

-147-

Попросим же Спасителя всем миром
И он услышит нас, но отчего ж
Мы тянемся к политикам-вампирам
И вылезаем из дубленых кож?

Их пропаганда отнесла к кумирам,
И люди снова клюнули на ложь,
А в положенье оказались сиром,
Всплеск возмущенья возвели в галдеж.

Я повторюсь , в конечном результате
По всей границе натовские рати.
Когда и кто желал России мира?
Действительно в стране прогнило что-то,
Прибавилось волненья у народа –
Не допустить беду в дома, квартиры...

-148-

Не допустить беду в дома, квартиры...
И от сиротства убережь детей,
Нужны большие праведные силы
И доброта сердечная людей.

Поддержка бедным семьям – как перила,
Безмерна жадность ельцинских властей,
Что нищету в народе породила,
С введеньем независимых идей.

На высочайшем уровне разборки
Семёрку изогнули до восьмёрки,
Мир-дружба, только видимость пока...

Опомнитесь, обманутые братья,
Один Господь вас охранит печатью –
Щедра его всесильная рука.

-149-

Щедра его всесильная рука,

Но тяжела она в порыве гнева...
И сокрушит всеядного врага,
Что подгрызает корень жизни древа.

Пускай пылит военная пурга,
Нам путь один – за непорочной Девой,
И устремятся бандюги в бега –
Кто вправо, кто назад, а кто налево...

Должна, в конечном счёте, воплотиться
В покое мирным добрая земляца, –
В лучах народной радости искрясь.

Так вызревают ягода и овощ...
Необходимую, как воздух помощь
У Господа попросим, помолясь.

-150-

У Господа попросим, помолясь,
Чтоб человечество стремилось к свету,
Чтоб не глумилось горе отродясь,
Чтоб внук с почтеньем относился к деду.
Увы, но прежде времени простясь
Со всем, что окружало, канув в Лету,
Они лежат, где золотится вязь
Имён и фотографий, разных цветом...

Как вынесут беду отец и мать,
И что им в утешение сказать?
К могиле сына тропка не легка.

Попросим же Спасителя всем миром –
Не допустить беду в дома, квартиры,
Щедра его всеильная рука.

Венок одиннадцатый

-151-

Щедра его всеильная рука,
Не поминай без надобности Бога.
Он высоко в серебристых облаках,
Но в трудный час осуществит подмогу.

Если твоя душа к Христу близка,
То припади к блаженному истоку
И веру полюби наверняка,

И выйди на заветную дорогу.

Сказал поэт – на свете счастья нет,
А есть покой и воля – вот ответ,
Где прибывает праведная сила.

Вновь обратившись к будничным делам,
Не забывай войти с молитвой в храм, –
Мне, несмышлёнышу, бабуля говорила.

-152-

Мне, несмышлёнышу, бабуля говорила
–
Всевышнего люби и почитай.
В её советах много силы было,
Но мой протест, плескался через край.

Я доводы свои вверял, постыло –
Кому? За что? Когда? Обещан Рай;
От моего ораторского пыла
Опешил бы партийный краснобай.

«Язык – мой враг» – диагноз точный.
За атеизм лихой, солёный, сочный
Спесивцу не хватала тумака...
Но разве, боже мой, вина ребёнка,
Что государственная гонка
В то время в церкви видела врага?

-153-

В то время в церкви видела врага
Партийная структура, но задорно
Сулила на земле свои благá,
Сознание «промывая» благотворно.

Кружила комсомольская пурга,
И пионерию будили звуки горна,
Что общество построим на века,
Осилим богомольцев непокорных.

Взлетали храмы, падали кресты,
И люди слышали за тридевять версты
Рыдание свечей паникадила.

Так шла упорно с верою в разлад,
Но призывала выйти на парад,
Большая государственная сила.

-154-

Большая государственная сила
Не шутка и не просто так себе,
Она людей по-разному крутила,
Расстреливала в собственной избе.

Напились в луже и наелись ила...
В гражданской неоправданной борьбе,
История не раз так проходила
И продолжает шествовать в злобе...

Теперь капитализм великий строим,
Во всё сегодня первым стал героем
Предприниматель ловкий от ларька...

В коммерции ему не будет равных,
А что касается традиций православных...
И я смотрел на Бога «свысока».

-155-

И я смотрел на Бога «свысока»,
Не понимал, что он венец природы,
Что там, где на полях сойдут снега,
Поднимутся его творенья всходы.
Но бурные растенья сорняка
Влияют на верхки и корнеплоды,
Так зависть к дару божьему горька
В культуре человеческого рода.

И потому понять совет умей,
И оценить, где друг, а где злодей,
И уважай свою опору тыла.

Творила моя бабушка протест, –
С молитвою мне подарила крест,
И вера осознанье пробудила.

-156-

И вера подсознанье пробудила,
Я в Божий храм стал тоже заходить,
Где в душу от икон струится сила
И укрепляет пониманья нить.

Она меня в порядок приводила,
Смиряла неоправданную прыть
И вновь дорогу к храму осветила,
Когда детей своих я шёл крестить.

Великолепно доброе причастье,
И сколько в нём духовного участия
Младенца, а тем боле старика...

Дал Бог, в раю меня бабуля слышит,
Я говорил о вере её выше
И в молодых сердцах она крепка.

-157-

И в молодых сердцах она крепка,
И не разрушит в душах твёрдость веры,
Ни ковая поступь сапога,
Ни бред атеистической химеры.

Руководил страную пустельга,
Опали листья прежней, красной эры,
И захромала левая нога,
И начали креститься лицемеры.

Значительный в истории урок –
Идея Маркса не пошла нам впрок,
Что по Европе призраком бродила.

Политика то жар, то полынья,
Держаться трудно, все её края,
Как острое каленое зубило.

-158-

Как острое каленое зубило,
Мне в сердце слово русское вошло
И разум чудным светом озарило,
Поставила на лёгкое крыло.

И как душа летать и петь любила;
К свободному парению влекло...
Сдержат её стремительную силу
Земное притяженье не могло.

Вот только дар, что, несомненно, Божий,
Не выставлял я напоказ прохожим,
Тропа уединенья в скит вела.

Что говорить о мимолетной славе,
Словесность, так же, как и православье,
С любовью к ближнему на Русь пришла.

-159-

С любовью к ближнему на Русь пришла
Духовность, отвечая на вопросы...
И привнесла сердечного тепла,

Где царствуют снега, ветра, морозы.

И поднялись до неба купола,
К ним потянулись трепетно берёзы,
Умытые дождями добела,
В раздольные, июньские покосы.

Святые лики, красота убранства...
Но главная задача христианства –
Оберегать людей от их же зла.

По праву православного канона,
Приемлет церковь заплутавших в лоно –
Светлы её великие дела.

-160-

Светлы её великие дела,
Что кровь Христова исцеляет души,
Во славу первородного добра
Оберегает от греховной стужи.

Повелевает петь в колокола,
Чтоб лился звон по морю и по суше.
Причастье очищает дух от зла,
Источник веры человеку нужен.
Он снова по согласью с Божьей волей
Находит своё жизненное поле,
Стремится к совершенству по спирали.

И достигает заданных высот
Сквозь сонм перипетий из года в год,
Вот сторона единственной медали.

-161-

Вот сторона единственной медали!
Его мы Солнцем золотым зовём,
Глядит оно с зенитной вертикали,
Как по орбите в космосе плывём.

Под ним планету люди обживали
В лесах непроходимых со зверьём –
Ярило, Ра, Святило называли,
А без него печален окоём...

Нас радуют закаты и восходы,
Их красоте поют поэты оды,
Как пел неподражаемый Орфей.

Его лучей великолепны сети,
И потому нам хорошо на свете
В кругу семьи и обществе друзей.

-162-

В кругу семьи и обществе друзей
Жизнь пролетит, не так уж это плохо,
Но вот когда один, тут хоть убей,
Нужна определённая подмога.

Не оттого ль так весел воробей,
Что его братии повсюду много,
Только скажу, – дружище, не робей
И в одиночество лежит своя дорога.

А счастье в целом – полоса удач,
За ним беги хоть кубарем, хоть вскачь,
К судьбе нет отношения, глупей.

Есть в жизни помощь главная, она
Не подведёт в любые времена, –
Восславим веру – наша сила в ней.

-163-

Восславим веру – наша сила в ней!
В душе, рождённой от земной природы.
Она превыше королей, царей...,
Она предтеча истиной свободы.

И что на свете может быть ценней?
Не ей ли поклоняются народы!?
Благоухает солнечный елей,
И заполняет радужные своды.

Богослужения торжественный обряд
Неколебимый образует ряд
И смысловые создает детали.

Творит служитель действие своё,
Так и в науке – промысел её
Людей ведёт в непознанные дали.

-164-

Людей ведёт в непознанные дали,
Вселенский разум, не сбавляя ход;
Мы с материнским молоком впитали,
Его математический расчёт...

Не ради исключительных регалий,

А по инстинкту родственных забот,
Нам предки с наставленьем передали
Огромных и глубоких знаний свод.

И мы передадим наследье детям,
Как прежде было много лет на свете,
Продолжиться живая связь века.

Гарантом несомненным Вседержитель
Создал он человечеству обитель,
Щедра его всеильная рука.

-165-

«Щедра его всеильная рука», –
Мне, несмышленьшу, бабуля говорила,
В то время в церкви видела врага
Большая государственная сила.

И я смотрел на Бога «свысока»,
Но вера подсознанье пробудила,
И в молодых сердцах она крепка,
Как острое, каленое зубило.

С любовью к ближнему на Русь пришла,
Светлы её великие дела;
Вот сторона единственной медали.
В кругу семьи и в обществе друзей
Восславим веру – наша сила в ней,
Людей ведёт в непознанные дали.

Венок двенадцатый

-166-

Людей ведёт в непознанные дали
Желанье необъятное объять,
Во всем земном и звёздном ареале,
Уверенно вперед за пядью пядь.

И красоту увидеть в минерале,
И даже электронный мир разъять,
Подробно, разбирая по детали,
Что создано природою на ять.

К деяниям подход не бескорыстен,
Но не напрасно постиженье истин,
Они подобны золотым дарам.

Что может быть нужней плодотворней?
И соки знаний движутся проворней

По древу жизни, по его ветвям.

-167-

По древу жизни, по его ветвям
Один взлетел случайно до верхушки,
Другой стервец долез по головам,
Согласно связям к золотой кормушке.

Не сосчитать на этой почве драм –
Повсюду мышеловки и ловушки.
Хамелеонство процветает там,
Где совесть не дороже побрякушки.

Не забывай про свой шесток, сверчок;
Кому медаль, кому пустой значок,
Кому почёт на ярком пьедестале.

Превратность человеческих судеб,
Хотя Христос раздал всем равно хлеб, –
Суть веры в добродетельной морали.

-168-

Суть веры в добродетельной морали:
«Плодитесь, размножайтесь», – Бог изрек.
А на земле людей снега хлестали,
Секли дожди, сбивали ветры с ног.
Но дети нарождались, подрастали
И обретали речь – за слогом слог.
Не прятались за спины в дни баталий –
Естественный отбор всегда не плох.

От дней творенья силы умножая,
Шагают поколенья снова к Раю,
Наперекор трагическим ветрам.

Своих дедов перерастают внуки
С желанием продолжить путь в науке,
В стремлении к грядущим временам.

-169-

В стремлении к грядущим временам
Себя покажет молодое племя,
Оценку даст сегодняшним делам,
И в целом государственной системе.

Склонится его мнение к похвалам
И утвердится в искренней поэме,
Иль будет ворошить житейский хлам?
Не первый обращаюсь к строгой теме.

В здоровом любопытстве есть резон,
И ясный смысл, не фантазийный сон,
Покуда люди думать не устали.

Надежда, как реальный результат,
Превыше званий, денег и наград
И потому она прочнее стали.

-170-

И потому она прочнее стали,
Алмаза тверже – значимость твоя,
Отражена в естественном кристалле
Земного не простого бытия.

Как в детстве нажимали на педали,
Встречала нас воздушная струя,
Так и теперь летим по магистрали –
И с нами время, вечный судия.

Ни за какие деньги жизнь не купишь,
Хотя она порой покажет кукиш,
Но её любишь, ценишь по делам...

Как утверждал великий Авиценна,
Она поистине прекрасна и бесценна,
И драгоценен каждый её грамм.

-171-

И драгоценен каждый её грамм, –
Земной природы; в стебельке, в букашке...
В ветрах, в снегах, лежащих по горам,
В волнах, что в штормовое время тяжки.

К другим тянулся человек мирам
И в жарких спорах не искал поблажки –
Не сосчитать на этой почве драм;
На дыбу поднимали, на растяжки...

Но сила духа превосходит тело,
Пример тому – Томмазо Кампанелла,*
Его ли имя не поёт в металле?

Есть и другие яркие примеры,
Когда науки раздвигая сферы,
За веру люди на кострах сгорали.

-172-

За веру люди на кострах сгорали,
Джордано Бруно был один из них –

Он распахнул космические дали,
До глубины немислимой проник.

Сегодня гимны памяти в хорале
Звучат о том, что не потерян миг,
Не только имена их зазвучали,
Но мысли стали пирамидой книг.

Цветами путь к познанию не устлан,
Но где оно, единственное русло,
Направленное к праведным делам.

Мир помнит – православье пошатнули –
Священники без страха шли под пули
И погибали, защищая храм.

-173-

И погибали, защищая храм,
Во времена нашествий наши предки,
Как саранча, к последним берегам
Нагрязнула орда, оставив метки...

Не с дружеским приветствием «салам»,
С отрядами стремительной разведки.
Русь претерпела изначально срам,
В истории Земли пример не редкий.
Но вот сошлись на поле Куликовом,
Войска Мамая и полки Донского,
Досталось озверевшим иноверцам.

В России растворились племена
И снова была Господом дана
Надежда в ясность разума и сердца.

-174-

Надежда в ясность разума и сердца
Людей волнует испокон веков,
От колыбели нежного младенца
До утлой домовины стариков.

Она терпеть не может иждивенца,
Что прославляет круглых дураков,
В произведениях Станислава Леца*
Развенчивает происки врагов.

Примеров исторических не мало,
Когда свобода духа восставала
За самого последнего туземца.

Не гасла Вифлеемская звезда,
В лихие, судьбоносные года,
Уберегла страну единоверцев.

-175-

Уберегла страну единоверцев
К отечеству любовь, но в наши дни
Никак не соберемся всыпать перца
Хозяевам бездарной трепотни.

Мы сокрушили вероломство немца,
Французика без племени-родни,
Пытаемся уговорить чеченца,
Но виноваты вовсе не они.

Неужто места нет под небом синим?
Ах, русский человек – добряк, разиня...
Тебя ли не напрасно мордовали.

Глупцы не слышат твой правдивый глас,
Не помнят, сколько «правоверных» спас
Во времена гонений и баталий.

-176-

Во времена гонений и баталий
Страдает в большей степени народ:
Крестьянин, врач, учитель, пролетарий
И даже академик-патриот.

Но в стороне оставим комментарий,
О том, как запад о Победе врёт.
Прочтите имена в мемориале,
Кто погибал в пустынях, средь болот...

Святую правду сохраняют потомки,
А время в прежнем скоростном потоке
Пусть, как всегда, на всех парах, летит.

Разрушена, но не погибла Троя,
Мир помнит подвиг каждого героя –
История их имена хранит.

-177-

История их имена хранит;
Кто на земле стоял за правду прочно.
Теперь компьютер, как седой друид,
Расскажет многое, читай построчно.

И кто сегодня знатен, знаменит,
Кто в связи уличён порочной,
Кто изворотлив, словно иезуит,
Кого печать ославила заочно.

Расставил свои сети интернет,
Он, как в оконце первородный свет,
Но сколько в нём загублено Лолит!?

Потехе час, а делу нужно время,
Ура ракетам, тайне в ЭВМе
Они, где мчится в космосе болид.

-178-

Они, где мчится в космосе болид,
Где яркое вселенское убранство,
Где Лобачевский-геометр творит,
Евклидово нарушив постоянство.

Я свой сонет вращаю, как спирт,
Перо шуршит таинственной шаманства;
Ночь, тишина, моя звезда горит
На фоне бесконечного пространства.

Обитель древняя титанов и богов...
Летят кометы испокон веков,
Им все народы почести воздали.
И Циолковский свой ведёт учёт,
Научно проникая в звёздный свод,
Куда ещё ракеты не летали.

-179-

Куда еще ракеты не летали?
К планете наподобие Земли;
Её представить можно в идеале, –
Как в небе проплывают журавли...

И там природу люди постигали,
Перед вождями ползали в пыли;
Работали холопы при вассале,
С вельможами дружили короли.

Фантасмагория моя не слишком бойка
И надо за неё поставить двойку,
Куда прекрасней тема в сериале, –

Узнаешь, человек кому под стать.
Так творчества земного благодать,
Людей ведёт в непознанные дали.

-180-

Людей ведет в непознанные дали,
По древу жизни, по его ветвям,
Суть веры в добродетельной морали,
В стремлении к грядущим временам.

И потому она прочнее стали,
И драгоценен каждый её грамм.
За веру люди на кострах сгорали
И погибали, защищая храм.

Надежда в ясность разума и сердца
Уберегла страну единоверцев,
Во времена гонений и баталий.
История их имена хранит.

Они, где мчится в космосе болид,
Куда ещё ракеты не летали.

Венок тринадцатый

-181-

Куда ещё ракеты не летали...,
Но если попытаемся, увы,
Такой полёт нам принесёт печали,
В нём не сносить пилоту головы.
Причина даже не в материале –
Упругих сплавов сверхтитановых,
А в том психологическом ударе,
Когда земной не видишь синевы.

Но разум жаждет, требует рискнуть,
Отправится туда, где к звёздам путь
Искрится, словно радужный опал.

Мечты, будто плетенья филиграни;
Не долетали инопланетяне!?
А человек тем боле не бывал.

-182-

А человек тем боле не бывал,
Но первый шаг осуществил умело;
Гагарин притяженье разорвал
И испытал на прочность свое тело.

Армстронг, наверно, на Луну ступал,
Спор с НАСО перерос в большое дело...

Имеет человечество запал, –
Решится действовать и дальше смело.

Всё впереди, если не рухнет Мир;
Пронзят потомки ледяной эфир,
Проложат в бесконечность магистрали...

Расчёт теоретический пока,
Дорога, несомненно, далека –
По кривизне космической спирали.

-183-

По кривизне космической спирали,
По траектории под оглашенный вой –
С наземных космодромов стартовали
Ракеты, что сработаны Землей...

Их огненные крылья поднимали
И делали конструкцию живой.
Людей во все века манили дали,
Поэт сказал, только во сне покой.

На третьей скорости за край вселенной,
Они стремятся капсулой нетленной.
В пути их НЛО не обогнал?

Помимо непростого аппарата,
Как человеку много в жизни надо!
Он отправляет радиосигнал.

-184-

Он отправляет радиосигнал
Не вызывая мнений одиозных,
Он в телескоп мощнейший увидал
Загадки тёмные в сияньях звёздных.

И древний человек пытливо наблюдал
Созвездия, в ночных глубинах грозных,
Потом с судьбой соединял астрал
И трактовал на лекциях серьёзных.

Продолжится развитие науки;
Ракеты строят – золотые руки,
Поклонимся мы таинству в металле.

Помимо прагматических забот,
Фантаст-писатель ночи напролёт
Творит роман «Космические ралли».

-185-

Творит роман «Космические ралли»
Возможно и не только человек...,
Пытаемся представить, как в реалии,
Пространство покоряет имярек.

От громких слов до встречи на причале,
Промчится не один короткий век,
Но, как уход в классическом финале,
Тьма поглотит в пространстве вся и
всех.

Сольются в точку звёзды и планеты,
Но вновь Господь объявит: «Будут
светы!»
Как он уж не единожды сказал.

Потом Адам провозгласит ликуя –
Я здраво мыслю, значит существую,
Определяя наивысший балл.

-186-

Определяя наивысший балл,
Мир повторится в цвете, в свете, в звуке
И в том, что прежде человек создал,
Благодаря упорству и науке.

И так же не ответят за развал
Ограбившие государство суки,
И сатана от штатов справит бал
В полузабытом стиле буги-вуги.

Иль будет жизнь опасней во сто крат,
Где не поймёшь, кто прав, кто виноват
В ужасном, с ног сшибающем угаре?

Безумству подобает результат,
Когда идёт с мечом на брата брат,
И здесь пора напомнить о морали.

-187-

И здесь пора напомнить о морали,
И рассказать, как денежки текут,
Опять людей безжалостно мытарит
Работодатель – кровожадный спрут.

Разъевшиеся, разбитные хари

Блатной закон, по офисам блюдут,
А за гроши на стройках, на базаре
Наймиты выполняют рабский труд.

Действительно, в народе говорят –
Лес рубят, щепки в стороны летят,
Кто будет после расчищать завал?

И в принципе не обойти рутину...
Глядит Господь на мрачную картину
–
Как зло природу ты измордовал.

-188-

Как зло природу ты измордовал
Разумный человек и вглубь планету
Повсюду иссверлил, перекопал,
А гибель рек упрятал ловко в сметы.

Твои деянья, как чумной оскал,
Как страшное падение кометы...
Недаром на дыбы Чернобыль встал...
Ах, батюшки, ещё какие беды!

Ты продолжаешь действия свои
И новые находишь клеи,
Не слушая рассудка своего.

Фантазия твоя полна разора –
Твердишь, что время перегонишь скоро, –
Действительно иль с головой того...

-189-

Действительно иль с головой того,
Но человек решил: Земля доступна
Ему во всём, что он венец всего,
Что повезло родной планете крупно.

И потерял с природою родство,
И поступает с ней недружелюбно,
Считает, что справляет торжество,
Что разуму порою недоступно.

Избранник божий слаб твой дух пока,
Постиг структуру жизни ДНК,
Осталось стать бессмертным. Для чего?

Приветствуя сегодняшний успех
Одни, другой..., десятый человек

Уверовал в пришельца с НЛО.

-190-

Уверовал в пришельца с НЛО
И мой сосед, о нём писал я выше,
Он выпил водки литр на одного
И гуманоида повстречал на крыше.

Обнялся с ним, и разглядел его:
Спокойный взгляд и ровно дышит.
Короче, парень с виду ничего,
Но на полметра человека ниже.

Я тоже друга встретить не боюсь,
Всё по подробней мне расскажет, пусть
Чем отличается от нас гость с чердака?

Мой собутыльник с искушённым видом,
Хлебнул стакан и объявил на выдох:
«На голове рога, как у жука».

-191-

На голове рога, как у жука!
Я рот раскрыл, неужто так уродлив?
Иль мой сосед умом пошёл слегка,
Иль инопланетянин изворотлив.

Но видит Бог, не дрогнула рука;
Я есть, и был к своим гостям заботлив...,
Потом мы покурили табака...
Глядим, и третий оказался подле.
Такие же рога и тот же хвост,
«Жить будем! – говорит, «хороший тост».
Я в лоб ему – ты на моё богатство!?

Оскалился пришелец на меня,
Но дёру дал, как хищник от огня
И всё-таки надеется на братство...

-192-

И всё-таки надеется на братство
Со мной сосед, его не упрекнул,
Но только далеко забросил пьянство,
Чтоб не кричать ночами «Караул!»

Нас одолело ханжество, мещанство,
Мы погрузились по уши в загул
И большинстве своём не сменим яства,

На добродетель и благой посул.

Всего лишь шаг до злополучной драмы
Для тех, кто набирает килограммы,
К себе же проявляя хулиганство.

Вегетарианство ограничит пир...
Здоровый образ прибавляет сил,
Взирая в бесконечное пространство.

-193-

Взирая в бесконечное пространство
В своём глазу увидишь ли бревно?
Если оно зовётся словом «хамство»,
Как это ни печально, ни смешно.

И даже при свободной роли панства,
Таким поступкам право не дано,
И только при наличии обезьянства
Сойдёт за комедийное кино...

Я снова говорю про недостатки,
Поскольку, к сожаленью, взятки глад-
ки,
Если в мозгах бесовская пурга.

Но тянется мечтательный рассудок
В страну любви, надежд и незабудок,
Где ангелы живут наверняка.

-194-

Где ангелы живут наверняка,
Там ближе человечество к успеху –
Прочтёт посланье к Миру по слогам
И обозначит достиженья веку.

Но не найдёт планету, где снега,
Где по весне рождает солнце негу,
Где мудрая природа широка
Своим добром от века и до веку.

Где смена вечных годовых времён,
Как непреложный времени закон,
Определён в магическом кристалле.

Где в знойный день вдруг налетит
гроза,
Но вновь душа стремится в небеса,

Куда ещё ракеты не летали.

-195-

Куда ещё ракеты не летали,
Там человек, тем боле не бывал.
По кривизне космической спирали
Он отправляет радиосигнал.

Творит роман «Космические ралли»,
Определяя наивысший балл.
И здесь пора напомнить о морали,
Как зло природу ты измордовал.

Действительно, иль с головой того...
Уверовал в пришельца с НЛО –
На голове рога, как у жука.

И всё-таки надеется на братство,
Взирая в бесконечное пространство,
Где ангелы живут наверняка.

Венок четырнадцатый

-196-

Где ангелы живут наверняка,
И восседает Саваоф на троне, –
В фантомный мир дорога далека,
Но полетят «космические кони».

Я повторюсь, как следуют века
Сознание людей в своём уклоне
Уходит от земного островка,
Познания путь, как линии ладони...
Великолепен любопытства стимул,
В нём соль земли, существованья символ,
Научные отчёты летописны...

Мысль созиданья движется вперёд
За сто морей, за вечный небосвод,
Там есть ответ к существованью жизни.

-197-

Там есть ответ к существованью жизни,
Не сразу всё осмыслишь и не вдруг,
Критические взгляды ненавистны
По поводу естественных наук.

Плюй в потолок,

в мирке привычном кисни

Возьми мировоззренье на испуг
И дарвинизм скептически притисни,
И новый взгляд не принимай на дух.

Клубятся разногласия дымы,
В противоречьях с чувствами умы –
Рознятся их крутые берега.

Но, где же указующая вежа,
Происхожденья рода человека
И как возникла времени река?

-198-

И как возникла времени река
Своим величьем, охватив пространство?
Мы можем только объяснить пока
Наглядно, как меняет лес убранство...

От динозавра и до мотылька
Природа не имела постоянства;
Сплетались в миллионы лет – века,
И человечество явило мессианство.

Отсюда Гераклиту наш почёт,
За мысль, что всё меняется, течёт.
Кем и когда закон миров не признан?

По праву сил движения и мер...,
А разве жизнь людская не пример,
Бегущая с рождения до тризны.

-199-

Бегущая с рождения до тризны
Жизнь, словно старт и финиш на лыжне;
Дистанцию пройди, будь бескорыстен, –
В служении родимой стороне.

Не поддавайся личной дешевизне,
Что в принципе естественно вполне,
Подстережёт подстава закулисно
И невзначай окажешься на дне...

Не всем и не всегда звучали трубы,
А люди были честны и не глупы,
Лишь не смогли быка взять за рога.

В характере причина иль в наветах,
Как не крути, но не найти ответа –

Загадка, несомненно, глубока.

-200-

Загадка, несомненно, глубока
Любых желаний, так порою грубо
На друга смотрим, словно на врага,
До боли и до хруста стиснув зубы.

Или когда любовь была близка,
Но с ней в дороге разошёлся глупо,
Навалится такая, брат, тоска,
Что можешь дать, как говорится «дуба».

Возможно, в рассуждение я не прав
И в книге жизни много светлых глав,
О том, что люди всё же компромиссны.

Мне возразит читатель дорогой –
Отелло не нашёл подход другой...
Я чувствую ухмылку укоризны.

-201-

Я чувствую ухмылку укоризны,
Шекспир лишь имя общее, друзья...
У Пушкина шедевры живописны,
Печальны по закону бытия.

К цыганскому укладу ненавистна
Алеко ревность, как оскал зверья,
Уходит прежде времени из жизни
Земфира незабвенная моя.

Реальность ежедневная страшнее,
Сплошь в новостях геройствуют злодеи,
И ставят невиновных в батога.
Молюсь за женщин, стариков и внуков...
И если случай, то спасу без звука,
И друга, и последнего врага.

-202-

И друга, и последнего врага
Старайся оценить по их заслугам;
Противник твой имеет кунака,
А мог тебе быть закадычным другом.

У дружбы два конца, два сапога
Идут по заколдованному кругу,
Один в упряжке, – потные бока...,

Другой фореитор управляет цугом.

Я снова философию развёл, –
Кто славно погоняет, а кто вол,
Все отношенья в принципе корыстны.

Разуверенье тяжелей свинца,
Не оскорблю достойного лица,
Но попрошу, не сделайте каприз-
ней.

-203-

Но попрошу, не сделайте каприз-
ней,
О чём сужу, пусть не коснётся вас –
Реклама, что, по сути, мелколистна,
И пошлость, что стремится на показ.

Среда однообразная эскизна,
Где рабство каст законно и сейчас.
На почве бандитизма бизнес признан,
По состоянью теневых сберкасс.

И подводя не радостный итог –
Жизнь с кошелька вошла в один поток,
В течение разборок безупречных.

Как в целом прегрешения понять?
Одумайтесь, я повторю опять,
В своей основе люди человечны.

-204-

В своей основе люди человечны,
Взгляните на младенца, как он мил,
Как ваш попутчик по купе сердечен,
И врач, что вам помог по мере сил.
На доброту явите отклик встречный
О мире говорю и говорил.
Прекрасны отношенья, бесконечны,
Как вдохновенья творческого пыл.

Высот достойней, лучше не найти.
Храните ангелы дороги и пути
Идущего к границам окончным.

Только разнится с точек зренья
взгляд

И люди вновь без устали грешат,
Пороки их различны и беспечны.

-205-

Пороки их различны и беспечны,
Узнайте человека по глазам,
На первый взгляд его вид безупречный,
Поверьте, я не идеален сам.

Не просто от себя, с сумой заплечной,
Уйти бродить по долам и лесам,
В ночи взирать,
 как серебрит Путь Млечный,
К вселенским отнесённый чудесам.

Не обижайтесь на упрёк мой, братцы,
У телевизора привыкли поваляться,
Привязаны узлом надёжным кнопка.

Не сохраняем доброго лица –
Черствеют отношения и сердца
И добродетель отторгает злора.

-206-

И добродетель отторгает злора,
Опасен положения тупик.
В глазах пустых начальника – ты робот,
Презренья тяжелей мирских вериг.

Агрессия, как вечная стыдоба –
В толпе рождает воспаленный крик...,
И в действиях поспешных твердолоба,
Слепа, как самый старый броневик.

Духовная, телесная разруха –
Идут по заколдованному кругу,
Зверей из Откровения будя...
Клубится искривлённая эпоха
И смотрит Бог на разоренье строго,
И власть вселенной, тоже не шутя...

-207-

И власть вселенной, тоже не шутя
На вольные глядит эксперименты –
Зачатья первородного дитя,
Но до определенного момента.

Болезни смертоносные плодя,
Развалин воздвигая монументы,
Себя спешим мы оправдать, хотя
Такой подход, как от шайтана рента.

Обосновали слово – капитал,
Как прежде люди гибнут за металл,
Что неизменно выглядит, блестя.

Но вместе с тем я заявляю – вкупе
Прекрасна жизнь, которую мы любим,
Царит над миром, в космосе летя!

-208-

Царит над миром, в космосе, летя
Планета наша – существо живое,
На ней хлеба отборные растя,
Воспринимаем пенье полевое.

Высотные строения возводя,
Родным местам мы не даём покоя...
Земля, не то чтоб специально мстя,
Являет содроганье болевое.

Во всём природа ей подчинена;
Владеет суховеями она
В районах, где не чахнет омброфоба.

И только время неподвластно ей;
В кольце его невидимых лучей,
Сгорает всё от Солнца до микроба.

-209-

Сгорает всё от Солнца до микроба;
Вливается в воронки Черных дыр –
Жутчайшая, безмерная утроба,
Космический не познанный вампир.
Не разглядеть сквозь створу астроскопа
Переплетенный солнечный эфир,
И если говорить о нём особо;
Свернувшийся фотон – загробный мир.

Согласно формулам, а также по наитью,
К какому величайшему открытию
Придут ученые в грядущие века?

Но самая прекрасная находка –

В реальности увидеть место чётко,
Где ангелы живут, наверняка.

-210-

Где ангелы живут, наверняка,
Там есть ответ к существованию жизни,
И как возникла времени река,
Бегущая с рождения до тризны.

Загадка, несомненно, глубока.
Я чувствую ухмылку укоризны
И друга, и последнего врага,
Но, попрошу, не сделайте капризней.

В своей основе люди человечны,
Пороки их различны и беспечны,
И добродетель отторгает злота.

И власть вселенной, тоже не шутя
Царит над миром, в космосе летя,
Сгорает всё – от Солнца до микроба.

Венок пятнадцатый

-211-

Сгорает всё – от Солнца до микроба,
Пересыхают реки и моря
И возникают новые потопа,
Роль техники, снижая до нуля.

Но люди не простейшие амёбы,
Хоть труден путь любого корабля.
И моряков встречают Пенелопы,
И улыбается им ранняя заря.

Безумнее разгневанной стихии,
Междоусобные раздоры вековые,
Ввергающие мир в позор и стыд.
И вырастают свежие могилы,
От взрывов бомб невероятной силы
В пылинки рассыпается гранит.

-212-

В пылинки рассыпается гранит,
И белый свет придёт к своей Омеге.
Меняются понятия, нравы, быт,
Как уверял в своих эссе Карнеги.

Лишь вечен материнства монолит,
В естественной родительской опеке.
Младенец нежный безмятежно спит
В великолепном, дружелюбном веке.

Не жгут бока Земному шару взрывы,
Спокойны океаны и красивы
Восходы золотые высшей пробы.

Нет, это мой невероятный сон.
И гнев, и стон летят со всех сторон,
И рвутся нервы, словно в бурю стропы.

-213-

И рвутся нервы, словно в бурю стропы
От самого пустячного вреда.
И старость – в состояние растрёпа,
Потом вослед последняя беда...

И лгут самоуверенные снобы,
О том, что не порочна их среда...,
Где веселят они свои утробы.
Ах, как вы близоруки господа.

Имеет сибаритство в жизни вес,
Как самый пресловутый интерес –
Он налицо и белой ниткой шит.

Но обществу, куда бежать от боли,
Если кругами ходит всюду горе
И в одиночестве сгорает индивид.

-214-

И в одиночестве сгорает индивид,
Терзая душу думой жгучей,
Что он не так, как прежде деловит,
Что не сулит судьба счастливый случай.
И если будет в схватке вдруг убит
Внезапной пулею светящейся, живучей,
Над ним не станут причитать навзрыд
И омывать лицо слезой горючей.

Ужасно, что мы все разобщены,
А у него ни брата, ни жены,
И дети не потянутся за гробом.

Наговорил я вам чумной тоски,
Что белизной подернулись виски,

А время мчится бешеным галопом.

-215-

А время мчится бешеным галопом,
Ему бежать не запретит никто,
По далям луговым, по перекопам,
Как воду не удержит решето.

Пронзает любопытство до озноба
Увидеть Землю лет так через сто,
Но разъясняя языком Эзопа
Не по душе мне мрачное гнездо.

Моя ирония печальна потому,
Что в жизни наступает срок всему,
Вчерашним днём уже не будешь сыт.

Пробьют часы, что новый вызрел день,
Пусть скачет он и обгоняет тень,
Пусть не смолкает звон его копыт.

-216-

Пусть не смолкает звон его копыт;
Пегас летит, как вольный ветер в поле,
Поймай его и станешь знаменит
В земной, всепоглощающей юдоли.

Счастливую судьбу определит
Хранитель твой, согласно Божьей воле.
Высоты поэтических орбит
Играют относительные роли.

Но попытайся разглядеть себя,
Впустую, время жизни не губя,
Найди свои законы тропа.

Друзья, высокопарно говорю,
Мне хочется поймать за хвост зарю,
Надежда есть воспеть восход особо.

-217-

Надежда есть воспеть восход особо,
Когда легко бежит по жилам кровь,
Когда летишь, как на коне галопом,
За радостью по имени Любовь.

И наплевать дворец или трущоба,
Определит счастливейшую новь,
Когда парнишку увлечёт зазноба
И сам Всевышний не нахмурит бровь.

Однажды удивительный разбег
Объявлен был, как первородный грех.
И кто такое буйство усмирит?

Факт налицо совсем не понаслышке,
Что на отца во всём похож сынишка,
Что деда внук иль правнук повторит.

-218-

Что деда внук иль правнук повторит
Неоспоримо, как Христово слово,
Как солнце поднимается в зенит,
Как лунный месяц лик меняет снова.

Наследственная память нас хранит,
Но атмосфера жизни не здорова,
Где роется в отбросах инвалид,
А у детей нет и подобья крова.

Не для кого сегодня не секрет,
Что на глазах тускнеет белый свет,
И вдоволь веселится мрака князь.

Воистину исход вселенский страшен,
И потому день настоящий важен –
Не допусти к разрыву жизни связь.

-219-

Не допусти к разрыву жизни связь, –
Предупреждал я милую подругу.
Не упади в губительную грязь –
Ты говорила своему супругу.

Не торопись, принять за друга мразь,
Что подает тебе притворно руку.
Мечту свою заветную не сглазь,
Не обрекай сознание на муку.
Всем хочется, чтоб лучшее сбылось,
А не пошла дорога дружбы врозь,
И потому храните ипостась.

И чтобы после в жизни повезло
Опустим к долу гордое чело, –
У Господа попросим, помолясь.

-220-

У Господа попросим, помолясь,

Чтоб справедливость устремилась к свету,
 Чтоб не глумилось горе отродясь,
 Чтоб внук с почтеньем относился к деду.

Увы, но прежде времени простясь
 Со всем, что окружало, канув в Лету.
 Они лежат, где золотится вязь
 Имен и фотографий, разных цветом...

Как вынесут беду отец и мать,
 И что им в утешение сказать?
 К могиле сына тропка не легка.

Попросим же Создателя всем миром;
 Не допустить беду в дома, квартиры...
 Щедро его всеильная рука.

-221-

«Щедра его всеильная рука» –
 Мне, несмышленишу, бабуля говорила.
 В то время в церкви видела врага,
 Большая государственная сила.

И я смотрел на Бога «свысока»,
 Но вера подсознание пробудила.
 И в молодых сердцах она крепка,
 Как острое каленое зубило.

С любовью к ближнему на Русь пришла,
 Светлы её великие дела –
 Вот сторона единственной медали.

В кругу семьи и в обществе друзей
 Восславим веру – наша сила в ней;
 Людей ведёт в непознанные дали.

Примечания:

Сонет 1 – Синкопе – краткая потеря сознания, при уменьшении кровоснабжения в мозг.
 Сонет 9 – В городе Беслане захват, совершённый террористами утром 1 сентября 2004 года в школе №1, во время торжественной линейки. В течение двух с половиной дней террористы удерживали в заминированном здании 1128 заложников. Погибли дети, учителя, родители.

Сонет 31 – «ДОМ-2» – пошлая телепередача, развращающая молодёжь, такая же группа «Ленинград»

Сонет 41 – Десятью третьим год расстрел думы Ельциным

Сонет 95 – Боа – змея семейства удавов.

Сонет 98 – Проба – христианская поэтесса, жившая в IV веке по Р. Хр.

-222-

Людей ведёт в непознанные дали
 По древу жизни, по его ветвям, –
 Суть веры в добродетельной морали,
 В стремлении к грядущим временам.

И потому она прочнее стали,
 И драгоценен каждый её грамм.
 За веру люди на кострах сгорали
 И погибали, защищая храм.

Надежда в ясность разума и сердца
 Уберегла страну единоверцев,
 Во времена гонений и баталий.

История их имена хранит.
 Они, где мчится в космосе болид...,
 Куда ещё ракеты не летали.

-223-

Куда ещё ракеты не летали,
 Там человек тем боле не бывал;
 По кривизне космической спирали
 Он отправляет радиосигнал.

Творит роман «Космические ралли»,
 Определяя наивысший балл.
 И здесь пора напомнить о морали,
 Как зло природу ты измордовал.

Действительно, иль с головой того...
 Уверовал в пришельца с НЛО –
 На голове рога, как у жука.

И всё-таки надеется на братство,
 Взирая в бесконечное пространство,
 Где ангелы живут, наверняка.



Сонет 118 – Имеется в виду роман-поэма Льва Котюкова «Победитель последних времён».

Сонет 138 – Роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды».

Сонет 140 – Сет – древнеегипетский бог разрушения и смерти.

Сонет 144 и 145 – Родионов Евгений герой России, казнён бандитами в чеченской войне.

Сонет 171 – Томмазо Кампанелла, – итальянский поэт, писатель мыслитель, политический деятель. Половину жизни провёл в тюрьмах за свободолюбие

Сонет 174 Станислав Ежи Лец – польский поэт, философ, писатель сатирик, антифашист.

РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ



Анатолий СИМОРА



Протоиерей Анатолий Симора (Симора Анатолий Артёмович) родился в с. Залесцы Тернопольской области, что рядом с Почаевской Лаврой – колыбелью Православия на Западной Украине. Живёт в г. Весьегонск Тверской области. Настоятель Иоанно-Предтеченской церкви города, благочинный Весьегонского округа, председатель Издательского отдела Бежецкой епархии, член Общественной палаты Тверской области.

Рассказы, стихи публиковал в сборниках, журналах, газетах.

Автор художественных книг «Возрождение», «Между истиной и ложью», «Найти дорогу к Богу», «Рассказы», «Воздвижение», «Любовь дороже всего», «Времена»

Член Союза писателей России.

Литературные награды: «Золотой диплом» им.

Николая Васильевича Гоголя, Диплом им. преподобного Сергия Радонежского, Диплом им. священника Павла Флоренского. Книга «Любовь дороже всего» удостоена звания

МАТЕРИ

Невольно сердце завистью грешит
К очередному клину журавлей.
В твою сторонку, мама, он летит
Над головой «заснеженной» моей.

Уединившись, будто тень моя,
Всё плачет клён у кромки полевой,
Нисколько грусти тяжкой не тая,
Своей обильно желтою листвою.

И эти слёзы осени во мне,
Не подчиняясь тленности, живут...
А в голубой – на редкость – вышине,
Зовя печально, журавли плывут.

Их провожаю взглядом, как мечту,
Машу с надеждой им рукой: пока!
О, как с тобой я встретиться хочу!
И как с тобой разлука нелегка...

А там ещё грозится вражий род
Нас разделить «высокою стеной»,
Оставив только общий небосвод,
И то, пытаясь очернить войной.

И я, вздохнув, от боли уходя,
Укроюсь в церкви Господа святой,
Где помолюсь с любовью за тебя,
Чтоб Бог помог мне свидеться с тобой.

ПРАЗДНИК ОСЕНИ

На праздник осени прощальный
Предстали, грустно веселя,
В одеждах сказочных, янтарных
Берёзы, клёны, тополя.

На их прекрасные наряды,
Душистой зеленью дыша,
Бросают даже ели взгляды,
Невольно завистью греша.

И высь смешалась синью вечной
С чудесной тленностью земной,
Такою временно конечной
И до бескрайности родной.

Ловлю листву такого цвета,
Такой её воздушный вес,
Что будто падает не с веток,
А с ярко-солнечных небес.

ГДЕ ЖИВЁТ ЛЮБОВЬ?

Услышать можно, что любовь живёт
В лучах рассвета, ласковых и нежных,
Там, где цветы и соловей поёт,
В просторах неба синих безмятежных.

Под кровом полных радости домов,
Там, где звучат высокопарно речи...
А если в горе окунуть любовь –
Погибнет вмиг, не вынесет увечий...

Так можно мыслить в тленности
плону,
Когда по жизни не катились грозы,
А ведь любовь не раз прошла войну,
В вопящих душах утирая слёзы.

Она, где стон и, встретившись с бедой,
Окрашивает в траур облаченья,
И утешает, будучи вдовой,
Забыв свои печали, потрясенья...

Даже когда предательства порок
На чью-то жизнь набросит ада узы,
Она, терновый показав венки,
Всё будет ждать раскаянья иуды.

«Бог есть любовь» и свойственно любви,
Всесущим солнцем вечности сияя,
Все круги ада страшные пройти,
Чтоб привести в святое царство рая.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ МАТЕРЕЙ

Не забывайте матерей!
Они ведь нас не забывают
И маяком любви сияют
У наших жизненных морей.

Не забывайте никогда –
Ни злой зимой, ни добрым летом,
Чтоб не корить себя за это
Вдруг у могильного креста.

Не забывайте – мчится час!
Они ведь нас не забывают
И каждый день, моля, встречают,

Когда и не встречают нас.
А забывая, вникнем в суть:
Кто жизнь дарил, растил, лелея,
И навестим их, сожалея,
Что лет разлуки не вернуть.

НЕ ОТКРЫВАЙТЕ СЕРДЦЕ ЗЛУ

Не открывайте сердце злу.
Чего б оно ни обещало,
Каких бы благ ни рисовало, –
Не открывайте сердце злу.

Да, может многое оно:
Дарить богатство, власть и славу,
На развлеченья, роскошь – право
И многое, невесть чего.

Но зло потребует взамен
Отдать любовь на поруганье,
Явить со счастьем прощанье
И веру с совестью – взамен.

Как мера, высшая в цене,
Велит, чтоб Господа предали
И сердце чтоб свое отдали –
Не ваше больше – сатане.

Не открывайте сердце злу,
Но распахните – только Богу,
И будет солнечной дорога –
Лишь не откройте сердце злу.

ВСТРЕЧА

Душу чуть отогрели свечи,
На кануне большом горя,
Я сегодня пришёл на встречу
С теми, с кем ещё был вчера.

Вижу с болью опять их лица
Сквозь сиянье святых огней.
Где-то время, как прежде, мчится,
Здесь застыло, как воск свечей.

И молитву за них родимых
Возношу, на алтарь молясь,
И стою, будто прежде с ними,

Стёрта смерти черта меж нас...
А затем ухожу из храма,
Победив в нём потерь беду,
И шепчу: «Не прощаюсь с вами,
Завтра снова я к вам приду».

ДОЛЖЕН ПОМНИТЬ...

Ты можешь, страстно увлечённый
Земного мира красотой,
Забуть о Боге, зове звонном,
О Евхаристии святой.

Забуть к душе прикосновенье
Святого лучика небес
И клира ангельское пенье,
И на груди крестильный крест.

Забуть ты можешь всё на свете,
Греша без веры и стыда,
Поправ Призывы и Заветы,
Уйдя в забвенье на года.

Но должен помнить, что Спаситель,
Открывший райские врата,
Тебя, зовя в Свою Обитель,
Не забывает никогда...

НА РОДИНУ ЛЕТОМ

Я хочу приезжать тёплым летом
Под далекий родительский кров,
Чтобы небо объемлющим светом
Всю мою показало любовь.

Чтобы всё, что глаза удивляли,
На лугах неземные цветы
Отразили, какие рождались
О родимой сторонке мечты.

Чтобы птицы торжественным пеньем
В прилегающем к хате гаю
Донесли всем вокруг сокровенно
Всю глубокую радость мою.

Чтобы аист спустившийся белый,
Обнимая крылами поля,
Показал, как к земле незабвенной

Здесь душа припадает моя.

ЗЕМНЫЕ СВЯТЫЕ

Вопрос из самых ключевых:
Встречал ли в храме я святых?

Да, вижу их в святые дни –
Там причащаются они,

Где счастье высшее в одном –
В единстве с Господом Христом.

Жаль, благодать в быту земном
Теряют многие потом.

И, как из сумрачной среды
Стремятся к солнышку цветы,

Они придут в Господний храм –
В который раз, в слезах, и там,

Душой омывшись от грехов,
Святыми в церкви станут вновь...

ЛЕТА НЕ ВЕРНУТЬ

Когда не греет осень, дотлевая,
Невольно лето в памяти цветёт,
Желанный мир столь временного рая
С бездонным кладом солнца и красот.

Как будто призрак праздника былого,
Последний клин теряется вдали
И понимаешь: сколько дорогого
Уж унесли на крыльях журавли.

А зябкий дол фальшиво золотится
С берёз опавшей тленною листвою.
Ещё чуть-чуть и в белой колеснице
Промчит зима, неся метелей вой.

За ней весна. А там наступит лето,
Но это будет в будущем, потом,
В какой-то новый свет и цвет одето,
Иное лето и с другим теплом.

СТАЕЙ ЗОЛОТИСТОЙ

Стаей золотистой пролетают листья,
Кружат надо мною, падая в траву,
Невозможно в осень эту не влюбиться,

Не влюбиться тайно в сказку наяву.
И бреду аллеей, жёлтой, лучистой,
Словно в отпечатках прошлого тепла.
Жаль, что вслед за этим увяданьем чистым
Всё покроет грязью слякотная мгла.

Стаей золотистой пролетают листья,
А быть может это призраки-года.
Но не дам, как листьям, им я приземлиться,
Пусть летят под небом светлыми всегда.

КАК В РАЮ

Все к морю синему стремятся
На самолётах, поездах,
Что б наконец-то повстречаться

С тем, что лелеяли в мечтах.
Там горы душу возвышают,
Глядя на берег свысока,
Где, словно ангельская стая,
Летят, белея, облака.

Где пляж приветливо встречает,
Лаская нежно теплотой,
А море радо – обнимает
Искристо чистою волной.

Где мысль невольная приходит,
Что ты находишься в раю –
Ведь даже небо низисходит,



Но это – действие – выпрашивание благ
Ладонь протянутая..., шапка...,
и смиренье...

Но есть и благостное нищенство души
Когда она, поняв исток своих мучений,
Грехом больна, – освободить себя спешит
От всех безбожных, грешных сомнений...

И, потеснив безбожный дух
в святой борьбе,
Душа и к нищенству,
блаженно, приступает –
Вымаливая подаяние себе
И Бог Вселюбящий, навстречу той мольбе,
Дух шлёт благой... а душегубный –
тает...

ВЕЛИКОРОСС

«Великоросс... – какая высота!..»
Мы эту фразу проходили в школе
Но высота – всегда, любая – от Христа
И богоизбранности нашей высота –
Призыв к крестоношению, Божьей волей.

Но соответствовали званью – не всегда...
Ведь со времён страны гипербореев
Сияла святость тыщу лет, но иногда
Увы, мы путались во вражьи невода,
Как в древности – заблудшие евреи.

Взять век семнадцатый – врагам наперекор
Заря единства – снова заблестела
Изжили *смуту!* Но... обрядовый раздор
Изранил Церковь... и кровавит до сих пор,
Нас мучает – *раскол* Христова тела...

А дальше – больше...,
за Европой, от Христа!
Французский нам роднее стал,
чем русский
Связала души –

к Серафиму(!) – глухота
Интеллигентская, позднее, маята
Всё шире путь!

Нам скучен – тесный, узкий...
Двадцатый век...
почти забыли слово «Бог»!..
Но новомученики, каждый исповедник,
Молитвами –

нас не пустили за порог,
Мы стали каяться, и каждый снова смог
Влить голос в хор,
как Царствия наследник.

Христопродавство нам, заблудшим,
Он простил,
Как и Израиль, Русь заботой – не обидит
И век хотя и двадцать первый наступил,
А русскость наша... и трагизм,
который был –
Как в зеркале – трагизм еврейский видит

Его заботу – мы привыкли принимать
Уже почти привыкли – к всепрощенью,
Но хоть теперь-то,
как бы нам успеть понять...
Ведь совесть знает, что давно пора кончать
Испытывать Его долготерпенье...

БЛУДНЫЙ СЫН

Как(!) блудный сын,
домой вернувшийся, высок
Необратимостью святого покаяния
Я так надеюсь, что хоть он-то, может, смог
На те же грабли не ступать,
как делал ранее.

Что больше он –
в «страну далече» – ни ногой!
Ни на экскурсию..., ни в гости, на денёк...
Туда не продал он ни перстень,
новый свой
Ни одеяния, во что отец облёк...

Элла КУЗНЕЦОВА



Элеонора Кузнецова родилась в Москве. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена.

Работала в школе преподавателем биологии, рисования и черчения; заведующей в библиотеке, а также техническим художником в МИТе.

Член Союза писателей России, а также ЛИТО «Отрадное» и «Казачка». Публиковалась в журнале «Поэзия. XXI век от Рождества Христова», альманахах «Наша Отрада», «Казачка», «Ясноцвет» и Антологии одного стихотворения «Золотая строка Московии».

Решением Президиума Международной Академии русской словесности награждена Почётным дипломом им. Владимира Фирсова.

В ХРАМЕ

Душа живёт небесным диалогом,
Что начинается при входе в храм,
И ты живёшь в простой беседе с Богом,
И путь находишь к светлым берегам.

Тыходишь в храм – и сердце замирает,
И трепетно волнуется душа,
И светом в кровь живую проникает
Божественное чувство, не спеша.

И мысли все летят, как птицы, к Богу
–

Он смотрит прямо в сердце с образов,
Указывая к Истине дорогу
Глазами, что полны любви без слов.

И возникает с Господом общенье –
Он даже тихий шёпот слышит твой...
Здесь вечно воскресенье и спасенье,
Здесь Бог даёт надежду и покой.

* * *

Светлой памяти внука Коленьки

Проходят годы чередой...
Всё не уляжется в сознание,
Что крохи внука нет со мной,

Как страшно это пониманье!..
И всё тепло своей души
С ладоней плачущего сердца,
С любовью шлю ему в тиши,
Чтоб в небесах он смог согреться.

* * *

Всей жизни движенье –
Есть Божье веленье –
Пройти судьбоносный урок
По жизни в отпущенный срок.

Бывают мгновенья –
Влекут прегрешенья...
Желанья вступают в борьбу.
Но что предрешает судьбу?

С сердечной мольбою
Идём за мечтою
Сквозь дали нелёгких дорог –
Туда, где рассудит нас Бог!

ЛЮБОВЬ ТВОРЦА

Любовь Творца открыла нам глаза –
В них бирюза небесная без края...
В чудесном свете дивных грёз пылая,

Горит в любви сердечная слеза.
По струнам ослепительных лучей
Идёт тепло, даря земное счастье.
Живой небесной магии участие
Раскрыло души настезь без ключей.

И млеет сердце от любви святой,
И благодарность Небу шепчут губы...
Душа ликует, ей слезинки любви –
Господь с небес врачует мир земной!..

ОСЕННЯЯ ПАЛИТРА

В огнях живой палитры с дивной гаммой –
Деревьев кроны создают букет,
И не найти нигде достойной рамы,
Чтоб разместить в ней осени портрет.

Так много чувств и благости, и света
Нам осень безмятежная дала,
Что не находишь разумом ответа –
Откуда это в смутном мире зла?

И грустно нам порой в безумстве красок,
Но чистотою полнятся сердца, –
Открыты души – им не нужно масок,
Чтоб жить любовью вечного Творца.

ЭНЕРГИЯ СБЛИЖЕНИЯ

Любовь даётся не за что-то,
А чтобы жизнь свою отдать...
Чтоб жить навек не для кого-то –
Для тех, кто смог тебя понять.

И жизнь по полной принимая,
Любить всем сердцем до конца,
И чувствам светлым доверяя,
Благодарить за всё Творца.

Любовь – энергия сближенья,
И крылья каждому даёт, –
Она молитвы отраженья
И вдохновения полёт.

У РЕКИ

В тиши земной уносит мысли вдаль
Извечный бег реки бурлящей,
И набегаёт лёгкая печаль –

Подруга юности вчерашней...
Вся песнь поэзии в реке любви –
В ней дышит воздух вдохновенья,
И просишь тихо Бога: Напой
Меня словами откровенья!

И рябь воды, как солнечная дрожь,
Спешит скорей к душе пробиться,
И веришь сердцу, что прольётся
дождь,
И сможешь Небом ты напиться.

УТРО

Тишину лазурной акварелью
Озарит застенчивый рассвет,
И весенней солнечною трелью
Тронет душу соловья привет.

Дивной сказкой, сказкой небывалой,
Свыше получив на то права,
Очарует пенье птахи малой,
И замрут и ветер, и трава...

СОСТОЯНИЕ ДУШИ

Святое состояние души
Весной испытываешь ты... Скажи,
Не правда ль? Восхитительное чудо
Меняет нас, являясь ниоткуда...

Поёт душа, и в небеса летит,
Хрустально колокольчиком звенит,
И очарованно ликует разум,
И мило всё – восторженному глазу!

Неудержимо из сердечных уст
Летит лавина нежных светлых чувств –
Любви прекрасной солнечного чуда,
Что вдруг весной приходит ниоткуда.

И дар небес, приняв своей душой,
Проникнешься чудесной красотой,
Изящно лягут рифмы тонкой вязью,
В богатстве чувств

Оксана МОСКАЛЕНКО



Оксана Брониславовна Москаленко родилась в г. Куйбышеве (ныне г. Самара). Окончила в 1992 г. Куйбышевский авиационный институт по специальности «автоматизированные системы управления». Работала инженером на Куйбышевском моторном заводе, затем – инженером в ООО «Газпром трансгаз Самара».

Поэт, публицист. Член Союза писателей России. Автор книги стихотворений и эссе «Моё спасение – любовь».

Лауреат губернаторской премии «Женщина года Самарской области 2015 года» в номинации «Культура и искусство» и Московской областной литературной премии им. Е.Зубова (2018).

Живёт в г. Пушкино Московской обл.

СВЯТОЙ ЕЛИСАВЕТЕ

*Святой преподобномученице
Великой княгине Елисавете Фёдоровне*

Когда сбросили в шахту,
ты не ведала злости.
Ты страдала от боли,
закусив губы в кровь...
Херувимскую пела. Переломаны кости,
Но во взоре угасшем воссияла Любовь.
Озарённая светом, и в парче золотистой
Возвратилась в Обитель,
где заждался Отец.
Перед Богом предстала
непорочной и чистой.
И душа убиенной там стяжала венец.
Монастырь Гефсиманский.
Запах мёда с жасмином –
И к мощам притекает православный народ.
Предстоит перед Богом он в моленье едином
И покровом молитвы – голубой небосвод.
Ты для нас – утешенье, мати Елисавета,
Ты – душевная радость и духовный родник.
Ты – источник Любви
и негасимый луч света.
И мучительный путь твой
перед Богом велик!

КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

*"Я привыкла к холоду и дождю,
не могу только привыкнуть
к непогоде в сердцах людей."*

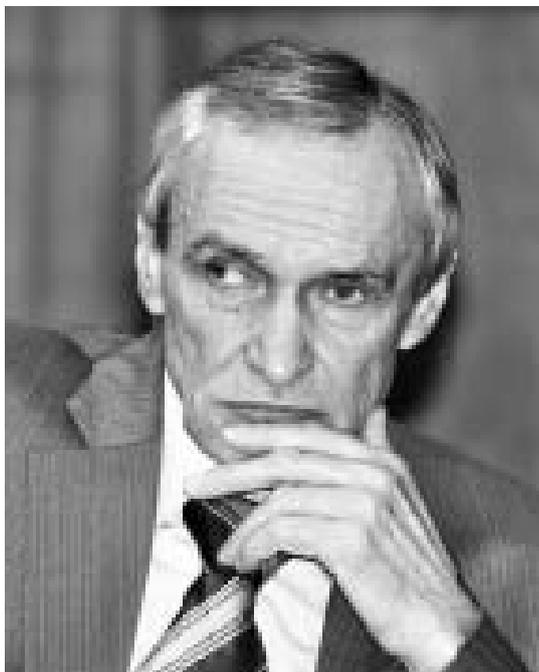
Блаженная Ксения Петербургская

В тонюсеньком платке и босиком
Ты пробиралась сквозь метель и холод.
Добро творила по ночам тайком.
Не помня про усталость, боль и голод.
Ты не привыкла к холоду в сердцах,
И непогода в душах удручает.
С молитвой жаркой трудишься в слезах.
Любовь твоя в грехах нас обличает.
Сквозь мглу ночную
к страждущим спешишь –
Лишь только позовут, услышишь тут же!
И в души наши грешные глядишь,
Любовью лечишь сырых и заблудших.
Утешь нас и укрой своим крылом!
Ты – свет в ночи, который мы искали!
Мать Ксеньюшка, с молитвой и теплом
Избавь нас от болезни и печали.

ΜΑΣΤΕΡ-ΚΛΑΣΣ



Лев КОТЮКОВ



* * *

*Не страшно, когда тебя
не понимают друзья...
Страшно, когда тебя
понимают враги!..*

Утомлённый бесплодным знанье-
ем,
Опалённый свободой злой,
Обитаю с – непониманьем,
Как чужак в юдоли земной.

Самый ближний давно не ближний.
Да и жить давно не с руки.
И безоблачно в этой жизни
Нынче властвуют мудаки.

Беспросветна юдоль земная,
Бесприютны просторы вод...
И никто ничего не знает,
И никто никого не ждёт.

Обвалилась небес громада
За пределы земного дня...
И прошу вас, друзья, не надо

До конца понимать меня!..
ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

*Бог вне веры и надежды человеческой,
Бог всегда только в своей любви.*

Я страстно жил свободой воли,
Не знал, что все предрешено,
Что от себя в земной юдоли
Спасть без Бога – не дано.

Я мог бы стать землёй сырою,
Я мог бы вечным снегом стать,
Я мог бы стать седой золою,
Когда б не Божья Благодать!

И вечна тайна воскрешенья,
Как причащенье на крови,
В необратимости спасенья,
В непобедимости любви.

А жизнь в безумье обращает
Мои остатние года...
Но вновь любовь меня прощает,

Как не прощала никогда!
И в дол с небесного отрога
Нисходит снежная Весна...
Я всех прощаю с верой в Бога,
Но Богу вера не нужна!..

ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ

Я давно в юдоли этой лишней,
Я устал от одиноких снов...
Но слова земные ещё слышу,
Словно шёпот ледяных цветов

Я давно в разладе сам с собою,
Я почти не верю в эту жизнь...
Будто над моею головою –
Нынче воды многие сошлись.

Где моя немислимая дерзость?!
Где мои сожжённые мосты?!
Но вот эти строки, я надеюсь,
Слышат запоздалые цветы...

ДРУГУ НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Студный день. Судный час.
Словно ад – за предел!..
Ну не в лад в этот раз
Ты, мой друг, заболел.
Ты в бою был за двух,
Должен быть за троих...
Выздоровлявай, друг,
Смерть не любит больных!

ГОЛОСА

Дни торопливые, дали дождливые.
В дымке холодной леса.
Листья опавшие, лица пропившие...
И голоса, голоса...

То ли из прошлого, то ль из грядущего,
То ли из жизни иной...
То ли из облака света поющего

Над грозовой волной.
Сколько их там
за пределом неведомым,
В буйстве нездешних страстей?!
То ли друзей,
то ли бешеных недругов, –
Не различу, хоть убей!

Но различаю в стихии неистовой,
Над грозовой волной,
Голос знакомый, голос единственный,
Самоубийственный мой...

* * *

Познавшим Бога мудрость не нужна!
И ничего от времени не надо...
И эта жизнь, как вечная вина,
И эта жизнь, как вечная награда.

Я, может быть, не стою сам себя!
Я виноват перед самим собою.
И вся душа, как рана от гвоздя,
И этот гвоздь забит моей рукою.

Гвоздь в зеркало вонзается,
звоня,
И в жутком зазеркалье исчезает...
Но жизнь, как после смерти, от меня,
С упорством ещё что-то ожидает...

Распахнута немислимая новь,
Где избранным не надобно призванье,
Где время обращается в любовь,
Где истине не ведомо страданье...

СВИБЛОВО

Где ты, любовь моя гиблая!?
Не отыскать тебя в Свиблово.

Ни на кого не похожая,
Где ты, моя нехорошая?!

Где-то за сумрачным Свибловым –
Снег над погостом неприбранным.

Здесь ты, любовь моя жгучая, –
Самая, самая лучшая...

И словно чудище гиблое

Вещает о бессмертье красоты.
Я с пониманием другу улыбаюсь
Как ловко многоженец гнёт своё...
Но сам – не красотой восторгаюсь.
А лишь непостижимостью её...

* * *

Что-то злое светится –
Там, на ином берегу.
Но как ребёнок за деревце,
Спрятаться я не могу.

Впрочем, бессмысленно прятаться,
Или бежать на вокзал...
Да и никто не спохватится –
Где я навек запропал?!

А пропадать уже некому
У запредельной черты...
Над обгоревшими реками –
В дым обвалились мосты.

Что-то злое светится.
Что?! Разглядеть не могу...
Прячусь за малое деревце –
Там, на ином берегу...

НА ОТКРЫТИЕ ОЧЕРЕДНОГО ПАМЯТНИКА ПИС.-ДАМЕ*

*Чувство несправедливости
не является осуждением.*

Графоманке-лесбиянке
Ставит памятник жлобьё!
Ладно, если бы по пьянке,
По заслугам, ё-моё!

Нет, не знают люди срама,
И не верят в Судный час,
Коль безумная пис.-дама
Стала классиком для нас.

И железными корнями
Подгребая пустоту,
Монумент Помойной яме
Обретаёт высоту.

«Эти строки смоешь кровью!» –
Слышу, сам себе не мил,
Будто я своей любовью –
Даму смерти обделил...

Страшен смысл вселенской драмы
И неведом никому,
Как и кличка тёмной дамы
В тайных списках ГПУ!

И внимая поруганьям,
Остаюсь самим собой –
С безответным состраданьем –
В неpotребности земной!

**Пис.-дама – то есть хронически истеричная, скандальная, пишущая особа, как правило, заставляющая страдать, помимо себя, всех окружающих.*

* * *

Холодно, глухо беззвёздно...
И не во сне, – наяву –
Всё! Умирать уже поздно,
Я после смерти живу!

Был я когда-то поэтом,
Что-то слагал для людей...
Но никого в мире этом,
Ну никого, хоть убей!
Будто сбежал я из ада
И заблудился в глуши...
И ничего мне не надо,
Даже бессмертной души...

Вроде свободен бессрочно!
Но отчего, ё-моё, –
В душу вцепляются строчки,
Словно сухое репьё?..

ВДОХНОВЕНЬЕ

Я всё в этой жизни изведал,
А, кажется, вовсе не жил...
Но беды свои и победы
С обидами не подружил.

На тёмных задворках Отчизны,
Средь ближней и дальней родни,
Я слов вдохновенных от жизни –
Не ждал даже в лучшие дни.

Но в яростном громокипенье,
И в тихом томленьи садов –
Осталось мое вдохновенье,
Одно вдохновенье без слов...

Но я вдохновенью не нужен!
И в сумерках страшной весны –
Словам отдаю свою душу,
Но Богу слова не нужны!

ОСЬ

*Нельзя служить Богу,
как человеку!..*

Подступила немощь злая
С бурей ледяной.
И болит, как ось земная,
Позвочник мой.

И в душе, как в недрах ада,
Неземная боль...
И душа себе не рада,
И прощай, любовь!

Но земного жаждет тело...
Господи, спаси!

А Земля давно слетела
С собственной оси.

И вскипают черной кровью
Млечные поля,
И как сон – с моей любовью –
Сгнула Земля!

Даже смерти я не нужен...
Господи, прости!
И сжимает немощь душу,
Как стекло в горсти...

НА РАССВЕТЕ 21 ВЕКА ГДЕ-ТО ПОЧТИ В РОССИИ

Песни похабные славно поют –
Русские люди в тёмном бору!..
Славно вернуться домой поутру,
Славно забиться зверем в нору...
Если убьют, то уже не умру,
Если умру, то уже не убьют!..

ЧЁРНЫЙ ДРОЗД

Движим то ли волей звёзд,
То ли волею лукавой,
Перелётный чёрный дрозд –
Гость нездешний, клюв кровавый.

Ты откуда залетел
В наши жалкие пределы?!
Я ещё покуда цел,
Да и ты покуда целый.

Так чего молчишь, как гвоздь,
На меня с балкона глядя?
«Улетай, незванный гость!!!» –
В карк зашлись вороньи бляди.

И, пожалуй, улетай!..
Здесь хорошего не будет.
Здесь одним воронам – рай,
Остальным дерьмо на блюде.

Здесь бессильна воля звёзд,
Здесь везде царит лукавый...
Так-то вот, мой чёрный дрозд, –
Что разинул клюв кровавый?!

Улетай в свои края,
Не томись вечерним светом,
Улетай! Покуда я –
Лезу в стол за пистолетом...

* * *

Время двинулось бешено –
В никуда, чёрт возьми!!!

И Земля опрокинулась,
Словно лодка с детьми.

И никто не заметил
Эту лодку с Луны,

И никто не услышал
Горький смех сатаны...

ВЕЧНАЯ РОССИЯ

Сумрачной гарью застлало окрест.
Песня похабная реет в дыму.
То старожилы загаженных мест
Празднуют, что не попали в тюрьму.

Дабы уродов слегка укротить,
Вышел из дома, небрит и угрюм,
Зная, что запросто могут избить,
Или унижить за праведный шум.

Но замолчали, посудой звеня.
Ветки в огонь перестали швырять.
Поняли, суки, завидев меня:
«Этому нечего больше терять!»

Лихо залили мочой костерок,
И расползлись, не хуля никого...
И полегло на сердце чуток,
Будто вовек не терял ничего...

Вспыхнула искра надежды в груди, –
И расстегнул нараспашку пальто,
Будто была только жизнь впереди,
Где никого не теряет никто...

**Верным моим друзьям,
едокам-мудакам,
Яше Резнику
и Гоше Краснеру,
сожравшим без меня
литровую банку
клубничного варенья,
которой я был премирован
в пионерском лагере
«Орлёнок» в 1960 году
за написание верноподданни-
ческих стихов в стенгазету
«Смена Ленина»**

Не будет прощенья! Не будет
спасенья!
Но будет возмездие без промед-
ленья!
И вечное адское огнекипенье –
Всем жрущим
Без спроса –

Чужое варенье!!!

ЖУТЬ

Я жив ещё практически,
Но мёртв теоретически.
И мне не надо думать:
Кому бы в морду плюнуть
И не гадать уныло,
Кому бы двинуть в рыло,
Какого стихозлыдня –
Размазать словно слизня?!
.....
Ну ничего не надо,
Сбежавшему из ада!

«БЕЛЫЕ СТИХИ»

I
Бледный сумрак. Белый бред.
Кончилась заначка!
Никого со мною нет...
Выхожу на белый свет...
Здравствуй!
Сколько зим и лет,
Женщина-гордячка –
Белая горячка?!
.....
Ждёшь кого под клёном
С водкою палёной?!
Зря ты, моя радость,
Хлещешь эту гадость...
Не в тебя влюблённый,
Нынче Змий зелёный,
Белая горячка,
Женщина-гордячка!

II
Всё что было – сплыло,
Допито, допето!..
Словно не любило
Нас хмельное лето.
Где любовь и ярость?!
Только боль и старость...
.....
Бледный сумрак. Тёмный бред.
Кончилась заначка!
Выхожу на белый свет, –
Никого со мною нет....
Но с любовью смотрит вслед –
Женщина-гордячка –

Белая горячка!..
УТИНАЯ ОХОТА

*Памяти великих людей
русского театра
Александра Вампилова
и Олега Даля*

Скольжу по глади тёмных вод,
Объятый ледяным свеченьем,
Который год, который год,
Влекомый дьявольским теченьем.

Шумит крылами даль и высь, –
И тот, кто цель свою находит,
Он обращает время в жизнь,
Но жизнь без времени уходит.

Скольжу во тьме прибрежных вод,
На весла липнут комья глины...
И под водой, который год,
Таятся чёрные трясины.

И никого со мною нет,
И жизнь почти не виновата,
Что уходящий лунный свет
Уносит души без возврата.

И дрожь тяжелая в руках,
И под водой кипят болота...
Но всё не кончится никак –
Моя утиная охота...

ПОСЛЕДНЯЯ ЭЛЕКТРИЧКА
(из старой тетради)

*Памяти великого русского певца
Валерия Ободзинского*

Улыбаться бабам мило –
Вредная привычка...
Из-под носа укатила
Сучка-электричка!

Надо было б идиоту
Отвалить чуть раньше!
И придётся (ведь охота!..) –

Улыбаться дальше...

* * *

*Герою Афганской войны,
орденоносцу,
майору ГРУ,
Александру Свиридову,
автору замечательной книги
«Играли мальчишки в войну»*

Вперёд на выстрелы во тьме!
Мы с Богом не погибнем...
Вперёд! И свет поёт во мне,
И я почти невидим.
Вперёд! Не взять нас на испуг!
Пусть нас совсем немного...
Но страшно, если станем вдруг –
Невидимы для Бога...

* * *

Как выстрел прогремела жизнь –
И обратилась светом лунным...
Никто не крикнул: «Оглянись!»
Окстись! Не верь мечтам безумным!»

Но никого в помине нет,
Кто был хоть в чём-то виноватым... –
И в ледяной плавильне лет –
Я распадаюсь, словно атом.

Но смерть мечтаю обратить,
Как свет Луны, летящий в безд-
ну,
В любовь, что может всё простить,
С которой в прахе не исчезну.

Увы, мечтам исхода нет!
И без мечты душа безумна...
Но этот свет не этот свет,
И сволочь-ночь в садах безлунна.

Пусть эти строки критик мой –
Прочтёт и горько усмехнётся...
А я останусь вновь собой,
Коль ничего не остаётся!..

НА ОКРАИНЕ МИРА

Хватит миру бездушному
поверить свою боль!

Каково было Пушкину
умирать за любовь...
Хватит цацкаться с поганью –
и рубли пропивать!
Каково было Гоголю
без любви умирать...

Хватит злу богомерзкому –
всё проигрывать в прах!
Каково Достоевскому
было жить в кандалах...

Хватит бредить погостами
и скулить в пустоте!
Каково было Господу
умирать на Кресте...

И по тёмной окраине,
где царит пустота,
Я брежу неприкаянно,
как сбежавший с креста...

Я шагаю окраиной,
где никто не живёт...
И за мной неприкаянно
крест, хромая бредёт...

ГОСТИ БЫЛЫХ ВРЕМЁН

Всё выпили – и зеркало разбили!..
Но, слава Богу, всё-таки ушли...
И неуютно, как в чужой могиле –
Под небом самой северной земли.

И тягостно до умопомраченья.
И никого!.. И в этот Новый год –
Не явится никто без приглашенья,
И спяну ничего не разобьёт.

Эй, времена, без удержи лихие!
С чего вдруг позабились по углам?!
Где запропали, гости дорогие?!
В каких пределах неуютно вам?..

И мимо дома чёрные машины
Прносятся сквозь полночь тяжело...

Где запропали, гости-дебоширы?
Каким вас чёртом к Богу занесло?!
МОЙ АНГЕЛ

*О, как отвратителен, как жалок,
бывший старый товарищ,
который явно и тайно,
жаждет
пережить тебя!
Себя не переживёшь,
а меня и подавно, дурак!
Я – Лев Котюков, а ты – никто
и звать тебя никак!..*

Прошла пора тупых гонений, –
И я, похоже, жив ещё...
Но отчего, мой ангел-гений,
Как пепел, дышит горячо –
В лицо моё огнём незримым,
И в душу жаркую мою,
Ведь я навек тобой хранимый
У вечной бездны на краю?!
Молчишь – и не даёшь ответа...
Но я – в тебе, но ты – во мне!
И облако огня и света
Объемлет нас в незримой тьме.
А над горящими снегами
Ликует беспощадный век,
Где я, увы, никак не ангел,
Но ангел мой, как человек!..

ЧЕЛОВЕКУ

*Только кретины,
видя чужие пороки,
забывают о своих.
Лицемер – это не тот,
кто притворяется,
а тот,
кто, будучи дураком,
считает себя умным.*

Эй, человек – дитя страстей!
Ты столько Богу должен!
И за врагов, и за друзей –
Молись, покуда можешь.

И коль ты вправду человек,
Твори земную службу.

**Поминая
Владимира Высоцкого**

1

Золотые лепестки –
 роза-недотрога...
А по полю васильки...
 Дальняя дорога.

Злая боль-любовь. Кабак.
 Боже, как бездарно!..
Вдоль дороги всё не так,
 а в конце подавно!..

И прощай, родимый край!
 Небо голубое...
Давка в очереди в рай,
 давка с мордобоем.

Кроме Бога никого
 пред воротами ада...
И не надо ничего,
 ничего не надо!

А казалось, впопыхах –
 всё, как надо вышло...
На горе растёт ольха,
 под горою вишня!

2

Стала пеплом и золой
 роза-недотрога...
А по гари ледяной
 мёртвая дорога.

Прогорел родной кабак...
 Боже, как бездарно!
Вдоль дороги всё не так,
 а в конце подавно!

И не слышит отчий край –
 ангельского пенья...
А на очереди в рай –
 все без исключения.

И в неведомом краю –
 там, где жить не надо,
Я за Господом стою
 пред воротами ада.

Жить мечталось без греха,
 а иное вышло!..
На горе стоит ольха,
 под горою вишня...

НЕРОВНЫЕ СТРОКИ

1.

Отдаю всю душу Истине
 до конца, до горечи!
Оттого и ненавистен
 всей бездарной сволочи.

2.

И за правду, и за смелость
 не представлен к орде-
ну.
Но сполна ещё надеюсь

расквитаться с мордами.

3.

Знаю. знаю: навлекаю
 на себя гонения...
Но Судьба моя такая,
 а вернее, гения.

4.

И у Бога я – не лишний!
 Это сердцем ведаю...
И надеюсь, как погибший,

МЕЧТАТЕЛЬНОЕ

*Иногда совершенно невозможно
объяснить сказанное поэтом,
и поэтому остаётся только
воспользоваться сказанным,
вопреки здравому смыслу,
во благо несказанного.*

Расквитаюсь с харями,
Разберусь с дебилами,
Рассчитаюсь с тварями,
Разойдусь с постылыми,
С милыми-немилыми,
С бабами красивыми,
С бабами-могилами,
В задницу бы вилы им!

Славно так мечтается,
Аж мечтать не хочется!
Что-то начинается,
Что-то скоро кончится...
Жизнь моя унылая,
Может, вдруг наладится:
С милыми-немилыми
Что-то снова сладится, –
Вилы бы им в задницу!

МОЙ ПАРУС

Белеет парус одинокий...
Александр Бестужев-Марлинский
Белеет парус одинокий...
Михаил Лермонтов

Белеет парус в жуткой сини...
Ревёт простор без берегов...
Прощай, невытая Россия
Страна бессмысленных жлобов.
Бог выше жизни, выше смерти,
И Бог совсем не человек...
Белеет парус в круговерти,
И беспощаден новый век.

Вот-вот я с парусом иссякну,
И всё страшнее злая новь.
И жизнь уносит парус в бездну,
Как будто в бездне есть любовь.
Я сгину в заданные сроки,

Но только не в краю родном!
Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...

ЕЛЕНЕ ПРЕКРАСНОЙ

Елене Лашиной

Елена, красота твоя –
Сияет ярче всех огней
Скитальцам стародавних дней,
Уставшим от чужих морей,
Забывших отчие края.

В морях печали голос твой,
Как зов Наяды роковой –
Томил античным сном
Эллады,
И сны земные возвращал...
И красоты небесной ради –
Великий Рим меня прощал.

И ты стоишь в алмазной раме,
Горящего во тьме окна,
Как взмах крыла – горда, стройна,
Психея! Ты – лампы пламя, –
И вечность нам одним дана...

САРРА

*Женщина есть зло неизбежное,
но необходимое!*

Юность обратилась в дивный сон.
Старость обратилась в ожиданье.
Где ты нынче, Сарра Эйдельсон, –
Кроткое еврейское созданье?!

Кончилось советское кино,
И в дыму всемирного кагала –
Сам-то я пропал давным-давно,
А вот ты когда пропала, Сарра?!

Старый друг мне про тебя сказал:
«Вышла за какого-то засранца!..
Зря ты эту Сарру обжимал

В тёмном уголке на наших танцах...»
 Разошлись любовные пути,
 Пролетела жизнь без остановки...
 И нигде еврейки не найти,
 Сплошь одни хохлушки и жидовки.

Глухо, беспробудно, тяжело,
 Но себя упорно не жалею...
 Мне к тому ж совсем не повезло,
 Ибо не родился я евреем.

Обратилась жизнь в незримый сон,—
 Остаётся отвалить красиво...
 И не сыщешь Сарру Эйдельсон
 На сухих погостах Тель-Авива...

Тухло в этой жизни, как в тюрьме.
 Тихо в старом доме Эйдельсона...
 Только бродит призрак в полутьме
 —
 Сарры — верной дочери Сиона.

ОСЕННИМ ВЕЧЕРОМ

*Самое ужасное,
 что я уже почти семьдесят лет
 терплю не только чужие недостатки,
 но и свои собственные!..*

Тёмный ветер несёт полову.
 Куст терновый почти опал.
 Я отдал свою душу Слову,
 Всё, что мог, до конца отдал.

Но, однако, для самых близких
 Золотые слова припас:
 «Слава Богу, без вас родился!
 Слава Богу, умру без вас!»

В ПАРКЕ ДОМА ТВОРЧЕСТВА «ПЕРЕДЕЛКИНО»

Мелкий люд отдыхает,
 в меру весел и пьян,

Но, как зверь, возникает
 из кустов графоман:
 «Эй, уроды, налейте!
 Или всех разорву!
 Я один после смерти
 в этом мире живу!»

И внимая явлению,
 в алкогольном дыму,
 Все уроды с почтеньем
 наливают ему.

И, с воскресшим из праха,
 поило мерзкое пьют,
 Без опаски и страха,
 что друг друга убьют.

И упорно, хоть тресни,
 не спешат никуда,
 Будто сами воскресли —
 и уже навсегда!

И вещает уродам,
 как пророк, графоман:
 «... Что любовь и свобода
 в этой жизни обман!

Только смерть без обмана
 в этом мире живёт!..»
 И речам графомана
 не перечит народ.

Стихобрёху внимая,
 возникать не хочу...
 И стакан поднимая,
 как погибший молчу.

Как навеки пропавший —
 ну, совсем ни за что!
 Как случайно попавший
 в мир, где люди — никто!

И вот-вот, хоть убейте,
 сам в сердцах заору:
 «Эй, уроды, налейте!
 Или всех разорву!

БОЛЬШОЕ В МАЛОМ

Прочитал проникновенные рубаи Эдуарда Хандюкова:

Был зимний вечер безупречно тих...
Ронял слова-снежинки белый стих,
И ни души: ни рядом, ни далече,
Лишь лунный диск – наш столик на двоих.

и почему-то вспомнил эпизод из далёкого, как бы несуществующего прошлого, когда кафе «Лира», что на Пушкинской, ещё не называлось «Макдональдс», и был прекрасный сентябрьский, без снежинок, ранний день, и я с тяжелопьющим, великим русским актёром Олегом Далем сидел за круглым столиком слева от входа. Наше скромное похмелье подходило к завершению, и тут выяснилось, что мы нагуляли впритык содержимому наших карманов. Лихорадочный подсчёт мелочи прервали две молоденькие особы, подсевшие без церемоний за наш столик, делая вид, что не узнали молодого, но уже известного актёра.

Олег, не обрадованный их появлением, но со свойственным ему родовым аристократизмом, слегка склонив голову, спросил:

– Что желают милые дамы?

– Мороженого, мороженого... – прощепетали дуэтом, не скажу, что дурнушки, но около того.

Молодость гораздо на экспромты, которые достигают особой остроты в пору безденежья, и я обречённо возопил:

«С такими рожами, да ещё мороженого!»

Наступила, не скажу, что гробовая тишина, но подобие её, ибо было слышно, как трепетно задышали любительницы халявы.

– Вот, милые дамы, вы являетесь свидетельницами подтверждения великой истины всех времён и народов: «Краткость – сестра талантов! Да что там талантов, – гениев!» – и Олег указательным пальцем проткнул, повисшую было, тишину над нашим столиком... «Дамы», как ни странно, почти не обиделись...

Возвращаясь к рубаи поэта, подвигнувшего меня на воспоминания далёкой юности, хочу сказать, что эти стихи смело можно отнести к краткостишиям, в которых, уместаются и естественно соседствуют муравей, слон, пылинка и Галактика, жизнь и смерть, рай и ад:

Пусть ты Букашка, Слон или Орёл, –
Постыла Жизнь, коль корма не нашёл.
Лишь Смерть способна щедрою хозяйкой
Всем предложить надёжный кров и стол...

Всего четыре строки, а перед читателем разворачивается объёмная картина нашего городского бытия:

Позёмка зимняя сугробы намела –
Какие нынче могут быть дела?
В лесу бетонном из окна квартиры
Смотрю тоскливым дятлом из дупла.

Сколько в этих строках и грусти и самоиронии, и... Да много ещё чего, что, как говорится, и не снилось нашим мудрецам...

Мой друг, когда живёшь среди "ослов",
Значенье постигай ослиных слов.
Терпи и не страшись, они не волки –
Тебя не обглодают до мослов...

А здесь даже не грусть, а сарказм, но эта правда бытия, а значит Истина в первой инстанции.

Занимаясь переводами стихов афганских поэтов с пушту и фарси, Эдуард Хандюков способен передать глубинные смыслы, не теряя колорита самобытности. Вот несколько примеров его переводов рубаи современного афганского поэта Латифа Наземи:

Щедрая осень Герата

Глаза твои – они ключи Герата,
Шёлк локонов – ценней парчи Герата,
Твой поцелуй, он слаще, видит Бог,
Ста тысяч спелых дынь с бахчей Герата!

Тень друга

Восстань! Похмельным нам вина налей,
В кабак отправь бочонок поскорей...
Воспоминаний жар – он обратил нас в пепел...
Пришли хотя бы тень руки своей.

Пустой звук

Мы – буквы слов, которые молчат...
Без нас, немых, горит судьбы свеча...
Мы – пустота расколотого мира,
Мы – лодками покинутый причал...

Благодаря усилиям замечательного переводчика Рахматуллы Раванда, со стихами и рубаи Эдуарда Хандюкова ознакомлен широкий круг афганских читателей, которые высоко оценили творчество поэта, признав в нём русского Омара Хайяма. Эта оценка дорогого стоит!

Возвращаясь на родную поэтическую почву, хочу привести ещё один его рубаи:

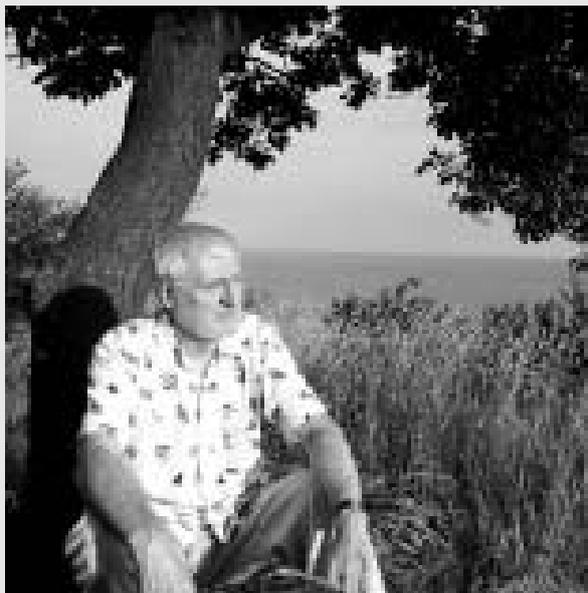
В кувшин литровый лишку не вольёшь.
Кто скажет, что вольёт – умножит ложь.
Коль разума Господь дал на копейку,
Тщета ждать прибавленья хоть на грош.

И тем не мене, блажен, кто способен большое уместить в малом. И это у русского Омара Хайяма с Божьей помощью получается!

И что сказал, то сказал!

*Лауреат Патриаршей премии
Имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
Заслуженный работник культуры России
Лев КОТЮКОВ*

Эдуард ХАНДЮКОВ



Эдуард Валентинович Хандюков родился 12 сентября в 1940 году в Приазовье, в городе Мариуполе.

Окончил Ленинградское Высшее инженерное морское училище им. адмирала Макарова и Московское Высшее художественно-промышленное училище (легендарную Строгановку).

Секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России, член редколлегии журнала «Поэзия».

Действительный член Академии медико-технических наук. Лауреат литературной премии имени Ярослава Смелякова за 2011 год. Является представителем немногочисленной когорты,

работающей в оригинальной поэтической форме Рубаи.

* * *

Уставший взгляд всё холодней и строже
Хоть я по-прежнему, всё тот же, тот же...
Пусть не узнало зеркало меня,
Твоё мне узнавание дороже.

* * *

Легко душе, не ведающей тленья,
А телу – лишь в минуты озаренья,
Покамест, невзирая на года,
Горит лампада в храме вождельня.

* * *

Свело живот от голода и страха,
К спине прилипла потная рубаха...
На зависть мне, не сеет и не жнёт,
Сыта, чем Бог пошлёт, малая птаха.

* * *

У каждого своё призванье, чтоб
Взахлёб пить Жизни приторный сироп.
Но где ж ты, золотая середина?:
Тот – филантроп, а этот – мизантроп!

* * *

Седым я стал, а был когда-то русым.
Ужель души истрачены ресурсы?
В том не найти мне утешенье, что
Валюта-дрянь и та меняет курсы.

* * *

Подражая Пиру Мухаммаду Какару

Лицо прекрасное чадрой не закрывай,
Бутоном губ своих открой дорогу в рай.
Твой поцелуй – глоток воды в пустыне,
Улыбка дивная – путь в заповедный край.

* * *

Не подвергаясь рейдерскому риску,
Мой друг навеки поменял прописку.
И сладок сон его под шорохи ветвей
Сирени, что прильнула к обелиску.

* * *

Чтоб злаки не топтать, по полю краем
Спешим спознаться с виртуальным раем,
Но оценить сподобимся ль когда
Находим все что и что теряем?!

* * *

Мы прошлое оставим за бортом
Историкам-гурманам – на потом...
И дай-то Бог, чтобы в грехах погряз-
шим,
Не говорить, – хоть помнить о святом.

* * *

У каждого своя игра и риски...
Высокородный иль по роду низкий.
Эй, баловень Судьбы, ты выучил урок?:
Пришедший в мир,
у Жизни в чёрном списке.

* * *

Законы постигал миров строенья,
Имел от всех отличные сужденья.
Потомкам лишь не волен указать:
Ты памяти достоин иль забвенья.

* * *

Для энергичных радостно свершенья,
Для слабаков безделье – утешенье.
Коль не учитывать победы над собой,

Твои победы – чьи-то поражения.

* * *

Судьбы усадьба с множеством дверей...
Живи и здравствуй, духом не старей,
Стучи в любую, может и откроют,
Но, главное, в потугах не зверей.

* * *

От возбуждения расширены зрачки –
В игре во благо ль получать тычки?
И всякий раз провидеть ход событий –
Глазам души не надобны очки.

* * *

Раба жестокость, царственная милость
И мнительность людей, и чисел мнимость...
Смешалось в мире всё и не понять,
Где злобная ухмылка, где умильность.

* * *

Стеная, каждый плачет о своём,
Слезами полным Жизни водоём...
Лишь избранным дана печаль о Мире –
Христос нёс крест, мы ж крестики
несём.

* * *

Прошедшие с улыбкой, стороной,
Немного было вас, любимых мной.
Но всё что было – так невероятно,
Как стужа летняя, как зимний зной.

* * *

Упал кленовый лист, ныряя, в лужу...
Осенний диалог их не нарушу.
Всем видом лист мне будто говорит:
"Успей к успенью приготовить душу".

* * *

Гуляй, мой друг, покуда песнь не
спета...
Напрасно ждать приветы с того света,
Жизнь знает все уловки хитрецов,
Обратного не выдаёт билета.

* * *

Ты даже снится нынче перестала.

Воспоминанья гонят кровь устало,
 Не подстегнуть себя живительным вином,
 Что, как и кровь, – рубиново и ало.
 * * *

Победам рад, смиряюсь с пораженьем,
 Пусть спорят прагматизм с воображеньем...
 В который раз перед зеркалом души,
 Как глупый кот, играю с отраженьем...

* * *

Был храм любви, а ныне пепелище...
 Душа моя, ужели духом нища?
 И о какой еде мне говоришь?:
 "Наступит новый день и будет пища".

* * *

Решать проблему, брать её с наскока
 Привык ваш сын, кочевники Востока.
 Осела пыль дорог, посеребрив виски, –
 Теперь я мудрый, добрый лежебока.

* * *

Цветенья время, время увяданья...
 Свиданий время, время расставанья...
 Но времени рабы вольны всё ж выбирать
 Путь славы, путь забвенья, путь страданья...

* * *

Решеньям быть, но радикально смелым,
 Когда имеешь дело с беспределом!
 От нечисти спасенья не найдёшь,
 Круги Хомы очерчивая мелом.

* * *

Нет, не во всём себе я господин.
 Соблазнов в мире уйма, я – один
 Перед лицом проблем и несурязиц
 То жалкий гном, то лютый исполин.

* * *

Несём своё в единую казну...
 К добру на три дороги – шесть ко злу,
 Но худшая из них – глупцов дорога,
 Что доверяют огород козлу.

* * *

Соблазнов много, с выбором спешу,

Не то достанутся бирюльки за гроши.
 Себя призвать не трудно к воздержанью,
 Трудней принудить к правде, чем ко лжи.
 * * *

Поспешность есть источник многих бед,
 Здесь выгод не ищи, найдёшь лишь вред,
 Но тугодумство осторожных
 хуже спешки –
 Для робкого – ветров попутных нет!

* * *

На всё-про-всё отпущена мне вечность...
 Таким счастливцам
 свойственна беспечность.
 Но, несмотря на этот щедрый дар,
 Нет-нет пеняю жизнь за быстротечность.

* * *

Своим в чужом краю возможно ль стать?
 Пусть от отца достались ум и стать,
 От матери – терпенье, прозорливость.
 Зачем ты здесь, чтоб брать или давать?

* * *

Пригрезилась, привиделась, забылась,
 В небытие ушла и... растворилась.
 Чтоб груз воспоминаний не давил –
 Беспамятство, наверно, это милость?!

* * *

Расцветшим рано, – рано отцвести...
 Успеть сказать бы тихое: «Прости».
 И всё, что было, будто бы не с нами,
 Нельзя забыть и тяжело нести.

* * *

Без нас иль нами приняты решенья –
 Везде, во всём следы преображенья,
 Но день придёт, глядящий в зеркала,
 Своё не обнаружит отраженья.

* * *

Ужель по чести жить вас не учили,
 Отступники, предатели, ловчицы?
 Ужель не знаете, последыши иуд,
 Куда путёвку вы заполучили?

* * *

Ни с кем Господь играть не станет в кости.

Юные хайзины в Доме Ростовых

Осень – удивительная пора, щедро воспетая классиками русской литературы, пора сбора урожая, пора подведения итогов. Именно поэтому ясным солнечным днём 5 сентября в центре Москвы, в особняке XVIII века – доме Ростовых, что на Поварской улице, 52, состоялась церемония награждения победителей детского конкурса хайку «Цветик-семицветик». Конкурс организован и проведён Международной ассоциацией «МАСТЕРА ПОЭТИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ», Московской областной организацией Союза писателей России и сайтом <http://www.haiku-konkurs.ru> в перекрёстный год Японии в России и России в Японии.

В своё время в этом особняке бывал и Лев Толстой, а затем силой воображения заставил Дом ожить в «Войне и мире». Но есть и иные параллели. В 1812-ом году Дом был захвачен французами, которых гений Кутузова и борьба всего народа выгнали из нашей страны. Можно сказать и так, что со временем они подались вон.

Аналогична судьба хайку. Сначала Россия была оккупирована переводами, затем россияне нащупали свой путь, увидели богатство своего языка, и переводы как бы подались вон. Если на наших конкурсах победит перевод, то этот случай можно будет отнести к исключительным. Ярким подтверждением вытеснения иностранного является творчество, как самих детей, так и в обработке их творчества наставниками. Трёхстишия становятся российским национальным жанром.

На конкурс «Цветик-семицветик» было представлено 149 детских работ, лучшим из которых суждено было в этот день воплотиться в рисунках, выполненных тушью в японской художественной традиции.



Инициаторами проведения мастер-класса стали художники творческого объединения Ink Scent – члены Всеяпонской ассоциации искусства живописи тушью, группы художников "Сакура-Кай" и общества японской каллиграфии Юлия Блохина, Катерина Усольцева и Ирина Митрофанова, которые и воплотили эту идею в жизнь.

Мастер-классу предшествовала церемония награждения ребят – победителей конкурса, прибывших из разных уголков Подмоскovie, в которой приняли участие и официальные лица: главный редактор Международного литературно-художественного, научно-критического, культурно-просветительного альманаха «Полевые цветы», заместитель Председателя правления Московской областной организации Союза писателей России Сергей Сергеевич Антипов; Президент Международной ассоциацией «МАСТЕРА ПОЭТИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ», Почётный профессор Международного Акитского университета Александр Аркадьевич Долин; Председатель Центрального правления Общероссийской общественной организации «Общество «Россия-Япония» Галина Борисовна Дуткина, автор теории написания хайку на русском языке, ответственный секретарь альманаха «Полевые цветы» Игорь Александрович Шевченко и др.

В подарок, помимо уникального мастер-класса победители конкурса получили не менее уникальные книги: второе издание первого номера альманаха «Полевые цветы», сборник произведений Председателя правления МОО СП России Льва Котюкова и новый сборник хайку литовского автора Артураса Шиланскаса «Ущербная луна», изданного на трех языках: литовском, английском и русском; сборники палиндромов Владимира Пальчикова, рубаи Эдуарда Хандюкова и хайку Игоря Шевченко.

А абсолютный победитель конкурса во всех возрастных группах, Аня Кувалдина, получила из рук Президента Международной ассоциацией «МАСТЕРА ПОЭТИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ» Александра Долина его переводное издание поэзии одного из лучших поэтов хайку XX века Исии Рогецу «Луна в капле росы. Избранные хайку».

Подарки получили и руководители литературных объединений, родители и наставники юных дарований, привившие у детей интерес к удивительному миру трёхстиший.

Атмосфера дома Ростовых и Дворца искусств, который располагался в этом здании в начале 20-х годов прошлого столетия, и где на литературных вечерах можно было услышать Владимира Маяковского и Александра Блока, Марину Цветаеву и Сергея Есенина, благотворно влияла на, и без того, приподнятое настроение юных хайджинов. Лица детей сияли, тушь при заботливом опекунстве художников мягко ложилась на рисовую бумагу, взрослые – организаторы встречи, родители и наставники ребят, то погружались в беседу, то с интересом наблюдали за таинством рождения картин главных участников мероприятия.

К финалу встречи, яркие детские трёхстишия получили своё отражение в открытках, созданных детскими руками.

Вот эти трёхстишия и их авторы – победители конкурса хайку «Цветик-семицветик»:

* * *

горизонт
на краю земли
красный шар

Кувалдина Аня, 11 лет, д. Ликино,
Одинцовский район, Московская область,
рук. Людмила Грачева

* * *

дорога к морю
рыночный гомон
сливается с шумом волн

Подоплелов Иван, 10 лет, д. Ликино,
Одинцовский район, Московская область,
рук. Людмила Грачева

* * *

о лужи
любить
и не признаваться

Карушина Майя, 6 лет 8 мес., г. Москва,
рук. Олеся Карушина

* * *

первая ночь лета
жаворонок ловит
падающие звёзды

Касенкова Анна, 13 лет, г. Видное,
Московская обл.,
рук. Алексей Зименков
и Галина Логинова

* * *

ракетомопс
пятый виток
вокруг корзины

Карушина Майя, 7 лет, г. Москва,
рук. Олеся Карушина

* * *

прозрачные лужи
детские сапожки
чувствуют весну

Касенкова Анна, 13 лет, г. Видное,
Московская обл.,
рук. Алексей Зименков и Галина Логинова

* * *

Барсик, останься!
Сегодня на улице
Кашаглоты...

Карушина Майя, 6 лет 8 мес.,
г. Москва, рук. Олеся Карушина

* * *

за столом
мама папа и братик
моё пелеменьё

Карушина Майя, 6 лет 8 мес.,
г. Москва, рук. Олеся Карушина

* * *

У дедушки нет детей...
Подарим ему снеговика
с морковкой!

Карушина Майя, 6 лет 8 мес.,
г. Москва, рук. Олеся Карушина

* * *

Мишка не играет.
Тяжесть во всём теле
от монет набитых.

Иван Терентьев, 6 лет 6 мес., пос. 4-й уча-
сток, Дмитровский район, Московская
область, рук. Дарья Терентьева

* * *

Марсель!
Дай лапу,
с когтями!

Карушина Майя, 7 лет, г. Москва,
рук. Олеся Карушина

* * *

вернисаж
на руке женщины
птица

Подоплелов Иван, 10 лет, д. Ликино,
Одинцовский район, Московская
область, рук. Людмила Грачева

* * *

денник
единственный жеребёнок
изабелловой масти

Артамонова Олеся, 10 лет, д. Сельская
Новь, Одинцовский район,
Московская область,
рук. Людмила Грачева

* * *

дружеские посиделки
кошка выбирает меня
в качестве стула

Подоплелов Иван, 10 лет, д. Ликино,
Одинцовский район,
Московская область,
рук. Людмила Грачева

* * *

слонёнок
в зоопарке
фонтан

Кувалдина Аня, 11 лет, д. Ликино,
Одинцовский район,
Московская область,
рук. Людмила Грачева

* * *

Где-то далеко
Звёзды встречают закат.
Там, где ты...

Касенкова Анна, 13 лет, г. Видное,
Московская область,
рук. Алексей Зименков
и Галина Логинова

* * *

чёрно-белый снимок
улыбка малыша
делает фото цветным

Зинченко Соня, 12 лет, д. Ликино,
Одинцовский район, Московская область,
рук. Людмила Грачева

* * *

Играли на рояле –
И провалились!

Ермаков Георгий, 14 лет, г. Ступино,
Московская область,
рук. Галина Леонова.

Деятельность Международной ассоциацией «МАСТЕРА ПОЭТИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ» всецело опирается на Московскую областную организацию СПР, на Общероссийскую общественную организацию «Россия – Япония» и на наших ассоциированных членов и отделения. Судьями детских конкурсов на разных этапах были: Катерина Шмидт (Федеративная Республика Германия), Филмор Плэйс (Республика Беларусь), Галина Борисовна Дуткина (Общероссийская общественная организация Общество «Россия-Япония»), Михаил Кожин (г. Дубна Московской области), Артурас Шиланкас (Литовская Республика), Сергей Шпиченко (Украина), Алексей Евтеев (г. Москва), Алиса Михалёва (г. Санкт-Петербург), Ирина Семко (Республика Беларусь).

Необходимо признать материнскую заботу МОО СПР: спонсорство альманаха «Полевые цветы», бесплатное предоставление зала Дома Ростовых, подарки, методическая помощь и т. д., и т. п.

Огромная благодарность всем, кто судил детский конкурс, нашим художникам и нашим спонсоров. Отдельная благодарность Ивану Переверзину, Льву Котюкову и Сергею Антипову.

Подводя итога, можно с уверенностью сказать, что в России впервые проведён столь массовый детский конкурс восточных краткостишей. В Подмоскowie, в деревне Ликино Одинцовского района весной текущего года впервые появилась (бесплатная) детская группа, занимающаяся в крохотной сельской библиотеке исключительно восточными миниатюрами. И это хороший знак! На текущий момент уже несколько опытных хайдзинов выразили готовность организовать работу подобных групп на местах.

Нашим сообществом признан Детский язык, как особый, заслуживающий изучения. Сделано всё, чтобы восточная миниатюра могла сопровождать человека с раннего детства (самой младшей участнице конкурса из Видного – 4 года) на протяжении всей осмысленной жизни.

5 сентября, и дети, и взрослые покидали особняк на Поворской с чувством искренней благодарности и к организаторам конкурса, и к художникам, подарившим детям возможность прикоснуться к технике японской живописи, и к руководству Международного Сообщества Писательских Союзов и Московской областной организации Союза писателей России за красивый финал конкурса в стенах уникального объекта культурного наследия нашей столицы.

*Ответственные секретари альманаха «Полевые цветы»
Игорь Шевченко и Людмила Грачева*

ПЕСНЯ ЛЮБВИ



Валерий КИСЕЛЁВ

Валерий Киселёв с супругой Татьяной на балу в Константиновском дворце в Санкт Петербурге (реконструкция Первого бала Наташи Ростовой)

Поэт, ветеран Группы специального назначения КГБ СССР «Вымпел», полковник запаса ФСБ, участник боевых действий в Афганистане, Никарагуа, на Кавказе (участник более 450 боевых операций, в том числе трёх операций по освобождению заложников); Писатель, автор книг об истории «Вымпела».

Секретарь Союза писателей

СЕРДЦЕ ЛЮБВИ

Приюти ну хоть раз пред порогом твоим,
Для тебя я живу, много лет нелюбим.
Буду молча во тьме, честь твою охранять,
Чтоб другому тебя никогда не обнять!

На рассвете уйду в колокольную высь.
Только ты на меня ни за что не сердись.
Приоткрой в своём сердце, –
железную дверь,
Только мне одному на Земле этой верь!

Я к тебе возвращусь молчаливым дождём,
И неслышно войду в опустевший твой дом,
Где ты тихо грустишь, одинока, бледна,
И на редкие звёзды глядишь из окна.

Вздрогнешь ты, не услышав тяжёлых шагов,
Ни заклятых друзей, ни заклятых врагов.
Но я буду к тебе возвращаться всегда
В твоё сердце пустое, почти в никуда.

ТЕБЕ

Я о любви писал полночи
В глухой далёкой стороне.
Твои таинственные очи
Дарили свет небесный мне.

И мне казалось, что я дома,
Что в стороне родной живу,
Не надо вновь с аэродрома
Лететь в промозглую Москву.

Не надо вглядываться в карту,
Чужую пережив грозу,
А знать: тебе 8 марта
Букет огромный принесу.

Тебе единственной, хорошей,
И осязаемой сейчас,
Что ни грозе, ни злой пороше –
Не разлучить вовеки нас.

СМЫСЛ ЛЮБВИ

Пожалей ты меня, защити.
Без тебя я себя погублю.
От тебя не могу я уйти,
Я тебя больше жизни люблю!

Без тебя в этой жизни тревожной.
Невозможно мечтать о любви,
Без тебя и дышать невозможно, –
За собою меня позови!

И не жалость твоя мне важна,
А надежда любви бесконечной.
Та, которая смыслом должна
Наполнять нас для нежности вечной.

ПЕСНЯ ВЛЮБЛЁННОГО

Я жизнь тебе, любимая, вверяю
И душу нараспашку отворяю.
И наше счастье – словно бесконечность,
А впереди – Венчание и Вечность.

Сердца, соединённые любовью,
Освящены божественною новью.
И наша чистота, и наша верность,
Любовь для нас навек – закономерность!

И Ангелы союз наш охраняют,
И мрак непониманья разгоняют,
И смерти не подвластные отныне –
К любви мы припадаем, как святыне.

СТИХИ О ГЛАЗАХ ЖЕНЩИНЫ

У девушек глаза сирени
и ярких, ярких васильков.
Бывают и цвета иные,
но выгорают от обидных слов
Светла любовь – девичья сказка!
Отыщет с милым счастья клад...
Но у мужчин при их беспутстве, –
нарушен жизненный уклад.

И женский взгляд безмерно вянет,
в улыбке прячется печаль
Он заставляет милых плакать
и молча вглядываться вдаль...
В томленье их мечта желаний,
что обещали им шутя.
И краски времени увяли
в глазах, заплаканных зазря...

У женщин взгляд перегорелый,
тоской насыщена слеза.
Цветов, увядшего букета –
любовью вздорного слепца.
Вода – для красок разбавитель,
слеза для глаз – плохой наряд.
Глаза от памяти тускнеют
и это – времени обряд...

Так загляни в глаза любимой –
и буйство красок воскреси.
И женщину не смей обидеть –
от увядания спаси...
Огонь цветов в букет навеки,
сам чудо счастья сотвори
Не заставляйте женщин плакать!
Цвета любви ей подари...

Я ДУМАЮ О ВАС...

Я думаю о Вас...
И должен вам сказать об этом...
В словах любви, –
ведь я не зря рождён поэтом!
А сам в порыве чувств твержу,
что я тоскую, что в смятенье...
И нужных клятв не нахожу,
и знаю: это – наважденье...

Вы для меня теперь гроза!
Как страшно быть в томленье плена...
Лишь стоит мне закрыть глаза,
И снова чудится измена.
Пытаюсь выжечь образ Ваш,
не думать, не мечтать, не верить...
И не надеяться... Всё – блажь!
Как страсть сердечную умерить?

Но всё ж, увы, в который раз
надеюсь робко на свиданье...
И стоит лишь увидеть Вас,
как прерывается дыханье...
Вам жизнь готов отдать!
А Вы – сама беспечность...
Нельзя любовь понять,
Любовь есть бесконечность!..

ДОРОГИ

Сколько в жизни дорог
Намешала Судьба без разбору.
Только общность тревог
Не свела нас к раздору.

Ожиданье любви
Ловит в сети страданья,
И победы твои
Не прошли без терзанья,

Лариса ЧЕРНИКОВА



Лариса Николаевна Черникова родилась в с. Покровское Ярославской обл.

Занимается литературным творчеством, поэтесса. Живёт в г. Москве. Заслуженный поэт Московии.

Пишет стихи, песни. На её слова написаны песни известными композиторами: заслуженным артистом России Дмитрием Шведом, заслуженным артистом России Виктором Голиковым, Наталией Максимовой, Игорем Коровиным. Песни звучат по радио, исполняются в концертных залах Москвы и других городов России.

Выпущен диск с песнями.

Член Союза писателей России. Автор пяти поэтических сборников, руководитель ЛИТО "КАЗАЧКА". За книги «Спросите женщину», «Влюблённый ветер» ей присуждена Литературная премия СП России "Серебряный крест".

Лауреат литературной премии имени Ярослава Смелякова, а также международных, а также городских и региональных конкурсов, фестивалей.

Печаталась в журналах: «Смена», «Юность», различных альманахах, газете «Московский Литератор».

Награждена «Золотой Есенинской медалью», «Большой серебряной медалью Гумилёва», «Золотой медалью им. Твардовского», медалями СП России «Андрея Белого», им. Ивана Бунина, «В Память 100-летия Великой войны «За веру, Царя и Отечество».

ООД «Россия Православная» награждена медалями: им. Ивана Ильина и «Благодатное небо». Имеет благодарность от Министра культуры Российской Федерации В.Р. Мединского.

* * *

Ах, самолёты, самолёты!
 Ждала тебя я из полётов.
 А сердце билось, – вдруг другая
 Вот также ждёт, часы считая.
 Женой пилота быть не просто,
 В глазах любимых – неба горстка.
 Ведь ты, родной, порой не знаешь,
 Что в неизвестность улетаешь!
 Ждала тебя я из полётов...
 Ах, самолёты, самолёты!

ГИТАРА ПОД ОКНОМ

О чём-то тихо плачет
 Гитара под окном
 И не было печали,
 Да мы её найдём.
 Эх, русские напевы,
 Эх, русская душа,
 Не можем мы ни делать,
 Ни думать не спеша!
 Виски настигла проседь,
 Умчались годы вдаль.

Глядишь, уже и осень
 Накидывает шаль.
 Случается, мы рады,
 Не помним про печаль,
 Но всё нам что-то надо,
 И всё нам что-то жаль!

ДИК

Помесь лайки с волком вольным
 Это Дикий, Дик – любимец мой.
 Он рождён был жить на воле,
 Но забрать пришлось к себе домой.
 Злые люди чуть живого
 Бросили на свалку умирать...
 Что же сделал он такого,
 Чтобы так отчаянно страдать?
 Был приманкой псов бойцовых.
 Били, рвали, выбросили вон.
 Люди! Заповеди, где Христовы?
 Развели по всей земле Содом.
 Дик у нас живёт в заботе, в ласке
 Очень преданный, послушный пёс.
 Дни его проходят будто в сказке,
 Но забыл ли он, что перенёс?

КАЗАКИ

Казаки, казаки, эх, казачья доля!
 Полюбила ты меня, мне ж – дороже воля!
 Буйный ветер за спиной,
 Конь, да чарка с горя.
 Мой товарищ молодой
 Был убит в дозоре.
 Казаки, казаки, эх, казачья доля!
 Полюбила ты меня, мне ж – дороже воля!
 Мой товарищ молодой
 Был убит в дозоре.
 Привезём его домой,
 Нам на битву вскоре.
 Казаки, казаки, эх, казачья доля!
 Полюбила ты меня, мне ж – дороже воля!
 Привезём его домой,
 Мать с укором глянет:
 Что ж сыночек мой родной
 Не в ряду, не с вами?
 Казаки, казаки, эх, казачья доля!
 Полюбила ты меня, мне ж – дороже воля!

Что ж сыночек мой родной
 Не в ряду, не с вами!
 Поплатился головой
 За казачье знамя!
 Казаки, казаки, эх казачья доля!
 Полюбила ты меня, мне ж - дороже воля!

КОММУНАЛКА

Ты в погожий майский вечер
 Нёс букет на нашу встречу.
 В окна смотрит коммуналка,
 Значит, точно жди “подарка”.
 Речь держала тётя Жанна –
 С женихами знаться рано!
 Подключилась тётя Зина,
 Будут час тянуть волыну.
 Рассердился дядя Мойша –
 За собой смотрите больше.
 Мне украдкой подмигнул –
 Ты не слушай этих дур!
 Ну, а мама, ну, а мама
 Та, как признанная дама,
 Заявила – замолчите
 И дебаты прекратите!
 Дочка, ты учи уроки,
 Для всего свои есть сроки.
 От испуга наша кошка
 Чуть не прыгнула в окошко.
 Я сидела и ревела,
 За порог пойти не смела.
 Ты в отдельной жил квартире,
 Где так мозг не выносили.
 Был не в курсе наших правил,
 У дверей букет оставил.
 Коммуналка, коммуналка,
 Моей юности закалка!

ОСТАНУСЬ Я

Моим детям

Останусь я тропинкой на пути,
 И деревом, что будет ввысь расти.
 Тропинка вам найдёт дорогу,
 Прочь унесёт листва тревогу.
 Не будет ни минуты и ни дня,
 Чтоб вы прожили без меня.
 Моя любовь вас, дети, сохранит,
 Ведь сердце только вам принадлежит!

ПРОСТИ

Прости за то, родной, меня,
Что я когда-то не простила.
И сердце, вынимая из огня,
Огня совсем не остудила.
За гордость глупую мою,
За всё, что не было и было,
За то, что: “Я тебя люблю”
Давно тебе не говорила.
И не могу сейчас быть нежной,
Увы, быть не могу другой.
Лишь мимолётный луч надежды
Взамен любви дарю порой...

ПЕЧАЛЬ-ТИШИНА

По искристой траве луговой,
По любимой сторонке родной,
Возвращался казак боевой.
Вёз Каурый – героя домой.
Ты, Каурый, теперь не спеши.
Отдохнём мы в дорожной тиши.
Птицы песни о славе поют,
Пули смерти нас здесь не найдут.
Там на поле погибли враги,
Но остались и други мои,
И над ними сейчас тишина,
Но печальна сегодня она.
Им бы нынче лететь на коне,
И победу добыть на войне.
Знать любовь и родных уважать,
А не мёртвыми в поле лежать!

**ЦАРИЦА НОЧИ
(Колыбельная)**

Мир устал, погасли свечи.
Ночь спустилась в тёмный вечер

И вокруг ни огонька
Сладких снов течёт река.
Вот луна-царица ночи
Раскрывает миру очи.
То заглянет к нам в окошко,
То в реке поспит немножко.
То рассыплется по лугу,
То опять плывёт по кругу.
Повстречав луну-подружку,
Манит облако подушкой.
Звёзды, яркие веснушки,
Хороводят над опушкой.
Но луна плывёт одна,
Ночь ей царствовать дана!

ЦЫГАНЕ

Поют цыгане так протяжно...
О чём поют? Совсем не важно.
За песней вслед поёт и рвётся,
Душа то плачет, то смеётся.
Ах, хор цыганский! В чём твоя загадка?
Живут цыгане – знаем, что несладко.
И жизнь в кибитках кочевая,
Их доля вовсе не простая.
Но что ж душа так замирает,
Иль, песней околдованная, тает?
Звенит цыганское монисто,
И будь хоть граф ты Монте-Кристо,
Забудешь всё в угарной ночи
За ради глаз цыганской дочки.
Поёт цыганский хор протяжно.
О чём поёт? Совсем не важно!
За песней вслед поёт и рвётся
Душа – то плачет, то смеётся!

**Редакция журнала «ПОЭЗИЯ. Двадцать первый век
от Рождества Христова» сердечно поздравляет
нашего постоянного автора,
известную русскую поэтессу
Ларису Черникову с юбилеем,
желает ей крепкого здоровья
и творческого долголетия.**

Елена БЕЛОВА

Белова Елена Валентиновна родилась в Москве. Окончила спецшколу с преподаванием ряда предметов на немецком языке, а затем Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза. Переводчик, педагог, диктор иновещания. Обладатель Большого Немецкого языкового диплома для иностранцев (2004г.)

В 1997 г. перевела две книги австрийского журналиста Томаса Брезины «Семь лап за Пенни» на русский язык. В 2007 г. ею записаны 3 диска с произведениями Пушкина, Гоголя и Чехова на немецком языке.

В 2011-15 гг. в журнале «Поэзия» опубликован её перевод стихотворений Льва Котюкова, Сергея Соколовского, Владимира Лория, Сергея Газина, Эдуарда Хандюкова, Ивана Переверзина, Владимира Бояринова, Сергея Антипова, Валерия Шитуева, Владимира Зайцева на немецкий язык.

В 2013 г. сделала перевод на немецкий язык книги С.Шукшиной и В.Алексеева «Русская царица Евдокия Лукьяновна Стрешнева», книги Е.Мироновой «Друг мой Николенька». В 2017г. перевела Рубайят Эдуарда Хандюкова «Бронзовые камни» на немецкий язык.

Член Союза писателей России (2009 г.), награждена медалью им. Ивана Бунина (2014г.)

Литературно-художественный журнал «Поэзия» №1, 2018 г., Москва. Перевод предисловия (Лев Котюков) и стихотворений Олега Севрюкова на немецкий язык. Май-июнь 2018г.

Das literarische Heft „Poesie“ №1, 2018, Moskau.

Die Übertragung des Vorwortes (Le Kotjukov) und der Gedichte von Oleg Sewrjukov ins Deutsche. Mai-Juni 2018.

ВЕРНОСТЬ

В предисловии к первой книжке Олега Севрюкова «В бездонной глубине кристалла» я написал «Когда я попадаю в злые сети бытия как поэт, - эти сети враз обращаются в чёрные дыры». И не в чёрную ли эту дыру уходит ныне Космос поэзии? Но он силится вырваться из нас, из нашего слинявшего времени, обратившегося в пустоту, силится уйти в пространство вечной свободы, где бытие оправдано самим фактом существования поэта. Ибо Поэзия – это таинство изъяснения души человеческой, но не «творческое волеизъявление», поэтому как на всё есть воля Божья. Только она освящает и оплодотворяет душу, ищущую себя в Боге. И в безвременьи нашем самым страшным оказывается страх любви. Но возлюбим же эту жизнь в страхе, пожалеем эту жизнь так, чтобы осталась после нас любовь к нам, любовь, не ведающая страха. А может она и спасёт нас, как спас Господь человека от вечного небытия своей любовью!

И не об этом ли стихотворение Севрюкова «Рождество»:

Мир сделался другим, когда,
Продляя естество,
На небеса взошла звезда,
Означив торжество
Того, кто смертью смерть поправ,
Из собственной крови,
Спасением бессрочным став,
Возжёт огонь любви!
И даже те, кто глух и слеп,
Прозрели наконец,
Что этот маленький вертеп,
Что неказист, убог, нелеп,
Им указал Творец!

Но обретает ли душа бессмертие в жизни земной? Безусловно, да, и этому свидетельство истинная поэзия, которая живёт не славой и денег для, а правды ради, живёт, может быть, и почти без надежды на берега и землю обетованную. Но эта безнадежность и есть испытание поэта в вере, через которое он должен пройти, чтобы вернуться к самому себе на пути к Богу. И обратного пути поэту, если, конечно, он – истинный поэт, быть не может:

Вдоль опушки лесной
прохожу сквозь куртины кипрея,
Что как розовый остров
на море зелёном лежит,
А над ним предзакатно
стрекозы и бабочки реют,
И от крыльев трепещущих
воздух неслышно дрожит.
Пал на землю туман
и окрасился шёпотом листьев
В блёкло-нежно-зелёный,
прозрачно-рассеянный свет,
И мне стало понятно –
в наборе затверженных истин
Есть один только этот,
Всю душу пронзающий свет.

Но не всё так просто в этом лучшем (а может быть и нет?) из миров. Мотает человека жизнь. И неважно, поэт он, антипоэт, да хоть и античеловек!, ибо все равны во грехах своих. Силится он как бы выпрыгнуть из самого себя и посмотреть со стороны – а кто же я собственно такой? Тварь двуногая с башкой говорящей или всё-таки Номо – который сапиенс, созданный по образу и подобию Божьему для познания сущего через любовь?

Помереть бы между
Ёлкой и берёзой,
Но не в лето,
В осень,
В зимние морозы,
А весною.
Лучше
От апреля – к маю,
В час,
Когда на небе
Солнышко играет
С облаками в прятки
(И со мною тоже!)
Помяни украдкой
Жизнь мою, прохожий
Пробираясь тропкой
Потаённо-узкой
Меж берёз и ёлок
Безнадёжно русских!..

Одну из своих книг, подаренную Олегу Севрюкову, я подписал «С надеждой, но без веры». Он не обиделся, ибо, я думаю, понял, что вера человеческая – ничто по сравнению с верностью Божией. Бог никогда и никого не обманывает, ибо Он – не человек.

С небес спустилась благодать –
Так тихо стало,
И сердце плакать и стонать
Вдруг перестало.
И воцарился в нём покой,
А с ним и воля...
И осенил Господь рукой –
Чего же боле?..

Олег Севрюков – человек и поэт. А поэт – это не совсем человек. И нравится сие кому-то, или не нравится, – дело десятое. Обманывающий поэт – враг Божий! Нет, я не утверждаю, что обладающий поэтическим мироощущением ближе к Богу, чем простой смертный... Но тем не менее... Настоящего поэта надо оценивать не потому, что накропал он, потея, в часы ночные или вечерние, а по ненаписанному. И дай Бог, чтобы у Олега Севрюкова (а поэт он всё-таки настоящий!) это ненаписанное просто жило в его душе, а не толкало руку к перу

в жалкой попытке остановить течение времени, -для этого достаточно просто поломать стрелки часов! И не надо жалеть о потерянном времени, когда не пишется, ибо, если поэт действительно поэт, он должен жалеть не о потерях, а о ненайденном. Время извечно противостоит поэзии, ибо оно уничтожает жизнь. Нынешнее время запредельно антипоэтично, и заниматься стихами порой равнозначно самоубийству. Но надо кому-то и поэтическим самоубийством заниматься. Вот и занимаемся... и Олег Севрюков и я, многогрешный. Но не ад вечный – наша кара за это самоубийство, а освобождение из ада и осуждение на вечную каторгу Любви.

Туман сгущался в облака
И поднимался над водою,
И обнажённая река
Блистая светлую струёю.
А шаловливый ветерок
Презрел природную стыдливость,
Как лёгкий пух меж девчьих ног
Её волнил нетерпеливо.
И в этот миг вся боль и страсть
Совокупления Природы
Моей душе передалась
.....
Как улучшение погоды!

Впрочем, лучше не досказать, чем пересказать. И поэтому следующую свою книгу, которую подарю Олегу Севрюкову, я подпишу:

«С верой, но без надежды!»

И думаю, что он не обидится, ибо истинной вере надежда без надобности, а безверие – это небытие, а, может, и того страшнее.

И что сказал, то сказал!..

*Лауреат Патриаршей премии
имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
Заслуженный работник культуры России
Лев Котюков*

DIE TREUE

Im Vorwort zum ersten Buch von Oleg Sewrjukov „In der bodenlosen Kristalltiefe“ schrieb ich „Wenn ich in das böse Daseinnetz als Dichter gerate, - verwandelt sich dieses Netz im Nu in schwarze Löcher.“ Und vielleicht geht heute der Poesiekosmos auch in dieses Schwarzloch? Und er bemüht sich, sich von uns, von unserer verblassten, zur Leere gewordenen Zeit loszureißen, bemüht sich, in den Raum der ewigen Freiheit wegzugehen, wo das Dasein selbst mit der Tatsache der Existenz des Dichters gerechtfertigt ist. Denn die Poesie ist das Geheimnis der Äußerung der Menschenseele, doch nicht die „kreative Willenserklärung“, weil alles nach Gottes Ratschluß geschieht. Doch er heiligt und befruchtet die Seele, die sich im Gott sucht. Aber in unserer Vorzeitigkeit erweist sich die Angst vor der Liebe als das Fürchterlichste. Gewinnen wir ja dieses Leben in der Furcht lieb, schonen wir dieses Leben so, damit nach uns die Liebe zu uns bleibt, die Liebe, die die Angst nicht empfindet. Vielleicht rettet sie auch uns, wie unser Herrgott den Menschen vor dem ewigen Undasein mit seiner Liebe gerettet hat!

Wahrscheinlich redet davon das Gedicht von Sewrjukov „Weihnachten“:

Die Welt geändert hat sich,, als,
Verlängernd die Natur,
Das Sternchen ging zum Himmel auf,
Die Feier zeigte uns
den, wer mit dem Tod den Tod verletzt,
aus eigenem Blut voran,
Zur unbefristet`n Rettung jetzt,
Brannt` Liebesfeuer an!
Diejenigen, wer taub und blind,
erlangten Augenlicht,
dass auch diese kleine Kripp` ,
absurd und ärmlich, unschön ist,
es zeigte ihnen Gott!

Ob die Seele die Unsterblichkeit im irdischen Leben findet? Zweifellos, ja, und als Zeugnis dazu dient echte Poesie, die nicht für den Ruhm und wegen des Geldes, sondern wegen der Wahrheit lebt, lebt vielleicht, ohne Hoffnung auf die Ufern und das verheißene Land. Doch diese Hoffnungslosigkeit ist ja die Erprobung des Dichters im Glauben, durch die er gehen muss, um zu sich selbst auf dem Weg zum Gott zurückzukehren. Und es gibt keinen Rückweg für den Dichter, wenn er natürlich ein echter Dichter ist:

Längs des Waldrandes quick
Weidenröschen berühre ich leise,
Rosafarbene Insel liegt
Im Grünmeer so zärtlich im Kreise,
Vor dem Untergang hellen
schweben Schmetterling` und Libellen,
Von den bebenden Schwingen
Zittern auch geräuschlos Luftwellen.
Fiel der Nebel so kühne
Färbte sich mit dem Flüstern der Blätter

In falb-zärtlich-und grünes,
diffus-transparentes Licht nette,
Wurde mir auch verständlich –
in der Kette der Weisheiten wichtig`
Es gibt dies` nur unendlich`,
Uns die Seele durchbohrendes Licht.

Aber nicht alles ist so einfach in dieser besten (und vielleicht auch nicht?) von den Welten. Das Leben schmeißelt den Menschen. Und es ist nicht wichtig, ob er ein Dichter, Antidichter, und wenn auch ein Antimensch ist!, ибо все равны во грехах своих. Er bemüht sich, anscheinend aus sich selbst hinauszuspringen und auf sich von der Seite zu sehen – was ich eigentlich bin? Zweibeiniges Geschöpf mit dem sprechenden Schädel oder doch Homo – der Sapiens ist, der nach dem Gottes Ebenbild für die Erkenntnis der Natur durch die Liebe geschaffen ist?

Will ich glücklich sterben
Zwischen Tann` und Birke,
Nicht im Herbst,
Im Sommer,
Wenn die Fröste wirken,
Und im Frühling
Besser
Vom April – zu Mai,
In der Stund`,
wo besser
Die Sonne spielt so fein
Und Versteck – mit Wolken
(Und mit mir ja, Franz!)
Und gedenk im guten
Leben mein, Passant
Schleichend durch das Pfädchen
Heimliches und enge
Zwischen Tann` und Birken
Hoffnungslos russisch`!...

Eines von meinen an Oleg Sewrjukov geschenkten Büchern, unterschrieb ich „Mit der Hoffnung, aber ohne Glauben.“ Er fühlte sich nicht beleidigt, denn hat, meiner Meinung nach, verstanden, dass das Menschenglauben – Nichts im Vergleich zur Gottestreue ist. Herrgott betrügt nie und niemanden, weil Er kein Mensch ist.

Vom Firmament stieg leicht der Segen gleich hinab –
Auf Erde drauf,
Das Herz zu weinen wieder hin
Jäh hörte auf.
Die Ruhe feierlich trat ein,
Dabei der Willen...
Und segnete Herrgott dabei –
Was braucht man in Stille?..

Oleg Sewrjukov ist ein Mensch und Dichter. Und ein Dichter ist nicht ganz ein Mensch. Und ob es jemandem gefällt oder nicht gefällt, ist nicht wichtig. Der betrügende Dichter ist ein Gottesfeind! Nein, ich bestätige nicht, dass ein über eine poetische Weltanschauung verfügende Mensch näher zum Gott ist, als ein gewöhnlicher Sterblicher... Dennoch... Den echten Dichter muss man nicht nach dem anerkennen, was er geschaffen hat, schwitzend, in den Nacht- und Abendstunden, sondern nach dem Ungedichteten. Hilf Gott, dass bei Oleg Sewrjukow (und er ist doch ein echter Dichter!) lebte dieses Ungeschriebene einfach in seiner Seele, und die Hand nicht zur Feder drängte, in kläglichem Versuch, den Ablauf der Zeit zu stoppen, - dafür braucht man nur die Zeiger zu brechen! Und man muss nicht die verlorene Zeit bedauern, wenn man nicht schaffen kann, denn, wenn der Dichter wirklich ein Dichter ist, muss er nicht die Verluste, sondern das Ungefundene bedauern. Die Zeit widersteht ständig der Poesie, weil sie das Leben vernichtet. Die heutige Zeit ist außergrenzlich antipoetisch, und sich mit den Gedichten zu beschäftigen ist manchmal gleich dem Selbstmord. Doch jemand muss auch den poetischen Selbstmord begehen. Nun, begehen wir das... sowie Oleg Sewrjukov und ich, vielsündig. Doch nicht die ewige Hölle ist unsere Strafe für diesen Selbstmord, sondern die Befreiung aus der Hölle und die Bestrafung für ewige Plackerei der Liebe.

Der Nebel wurde dicht in Wolken
 Und über Wasser stieg hinauf,
 Auch nackter Fluß ja nackt sein wollte
 Mit Wasserstrahl hell blitzte auf.
 Und ausgelassener Wind dabei
 Verschmähte natürliche Verschämtheit,
 Wie leichter Flaum zwisch`n Mädchenbein`
 Bewegte Oberfläche weit.
 In dieser Stund` all Schmerz und Leid
 Der Windbegattung der Natur
 An meine Seele kam bescheid

 Als Besserung des Wetters nur!

Übrigens, besser ist nicht auszusprechen, als zuviel darzulegen. Deswegen werde ich mein nächstes Buch, das ich Oleg Sewrjukov schenke, so unterschreiben:

„Mit Glauben, aber ohne Hoffnung!“

Ich meine, er wird nicht beleidigt sein, weil der echte Glauben keine Hoffnung braucht, und der Unglaube das Fehlen des Lebens ist, und vielleicht noch fürchterlicher.

Und was ich gesagt habe, hab ich gesagt!..

*Preisträger des Patriarchenpreises
 Namens der Heiligen apostelgleichen Kyrill und Method
 Verdienter Kulturschaffende Russlands
 Lew Kotjukov*

Олег Севрюков
Пронзающий свет

Вдоль опушки лесной
 Прохожу сквозь куртины кипрея,
 Что как розовый остров
 на море зелёном лежит,
 А над ним предзакатно
 стрекозы и бабочки реют,
 И от крыльев трепещущих
 воздух неслышно дрожит.
 Пал на землю туман
 и окрасился шёпотом листьев
 В блёкло-нежно-зелёный,
 прозрачно-рассеянный свет,
 И мне стало понятно –
 в наборе затверженных истин
 Есть один только этот,
 Всю душу пронзающий свет.

* * *

Что может лучше быть ещё
 На белом свете? –
 Послушать неба тишину,
 Увидеть ветер,
 Держать в ладонях на весу
 Кусочки солнца,
 Искать среди звёздной кутерьмы
 Луны оконце,
 Закаты с грустью провожать,
 Встречать рассветы –
 Что может лучше быть ещё
 На свете этом?..

* * *

Быть может, сны и облака
 Одной природы дети?
 Несёт их времени река
 Сквозь годы и столетья.

И переменчив и текуч
 Во сне бывает образ,
 То невелик, а то могуч –
 Плывёт по небу облак.

Но каждый облак или сон
 Один с другим несхожи,
 А почему, и в чём резон –
 Понять, увы, не можем!..

Oleg Sewrjukov
Durchbohrendes Licht

Die Welt geändert hat sich, als,
 Verlängernd die Natur,
 Das Sternchen ging zum Himmel auf,
 Die Feier zeigte uns
 den, wer mit dem Tod den Tod verletzt,
 aus eigenem Blut voran,
 Zur unbefristet`n Rettung jetzt,
 Brannt` Liebesfeuer an!
 Diejenigen, wer taub und blind,
 erlangten Augenlicht,
 dass auch diese kleine Kripp`,
 absurd und ärmlich, unschön ist,
 es zeigte ihnen Gott!

* * *

Was könnte ja noch besser sein
 Auf unserer Erde? –
 Zu hören Himmel ganz allein,
 Zum Wind zu werden,
 Zu halten in den Händen klar
 Die Sonnenstückchen,
 Zu suchen in dem Sternwirrarr
 Das Mondelükchen,
 Zu nehmen Abschied von der Sonn`,
 Zu treffen Morgen –
 Was könnte ja noch besser sein
 Gar ohne Sorgen?..

* * *

Vielleicht sind Träume, Wolken klein`
 Allein von Erdnatur geboren?
 Sie trägt der Zeitstrom auch allein
 In Ewigkeit verloren.

Sehr unbeständig, flüssig gar
 Im Traum die Gestalt,
 Bald klein ist sie, bald kräftig wahr –
 Die Wolke schwimmt so kalt.

Doch jede Wolke oder Traum
 Unähnlich sind und jäh
 Und wo ist Sinn, und auch warum –
 Wir können nicht verstehen!..

Башня терпения

Я построил терпения башню -
И сейчас мне уже не страшны
Мерзкой нечисти злые шашни,
Что шалит на просторах страны.

В этой башне спокойно и тихо,
Как за каменной стеной:
Завывая бессильно, Лихо
Обегает её стороной

В этой башне долготерпенья
- Может в этом и есть резон? –
Жизни яростные мгновенья
Превращаются в тихий сон.

Утекает в пространство время...
И мятущаяся душа,
Будто сбросив тяжёлое бремя,
Замирает, легко дыша.

* * *

С небес сошедшая вода
Светла, беспримесна, прозрачна –
Пусть облака и были мрачны –
Незамутнённа никогда!
Но это значит, что душа,
Расставшись с телом своим бранным,
Ввысь поднимаясь, непременно
Должна очиститься. Спеша
Нагой предстать перед Всевышним –
Поскольку там покровы лишни,
А лжи короста и парша
Сползут как старенький наряд,
И Он увидать будет рад
Души чистейший дистиллят!

* * *

Солнца диск оранжевый,
Облак фиолетовый –
Время петь и бражничать –
Наступило лето!
Стихообрёхи борзые!
Не кривитесь лицами,
Брови хмуря грозные –
Подружитесь с птицами!
Вы, друзья-поэтики!

Der Geduldturm

Hab ich Turm der Geduld geschaffen -
Und jetzt hab keine Angst vor den
Böser Leut` scheußlichen Machenschaften,
Die im Land ausgelassen gehen.

Und im Turm ist es still und ruhig,
Bin ich hier unter sicherem Schutz:
Heulend schwach, das Unglück brüllend
Läuft es um diesen Turm in Wut

In dem Turm der Geduld sehr großen
- Doch vielleicht gibt es Sinn darin? –
Rasend` Lebensmomente stoßend
Sich verwandeln in Traum mit Sinn.

Es entströmt die Zeit in Weltraum...
Und verwirrte Seele, vielleicht
Scheint zu lassen die Bürde im Traum,
Und wird starr, und atmet leicht.

* * *

Vom Himmel kommendes Gewässer
Ist ungedopt, und hell, und klar –
Die Wolken waren düstere Messer –
Das Wasser – sauber ist wahr!
Und das bedeutet, dass die Seele,
Verließ den Körper eilig lebend ,
hinauf steigend, eilig bebend
Sich säubern muss. Und suchte Quelle
Sich vorzustellen nackt vorm Gott –
Die Hüllen sind dort überflüssig,
Und Grind der Lüge immer müßig
Wird rutschen, wie die alte Tracht,
Herrgott kann sehen in seiner Macht
Der Seele reinen Destillat!

* * *

Die Sonnenscheib` orangefarben,
Die Wolke - violett –
Laut zechen muss man, tanzen –
Es kam der Sommer nett`!
Unsinnreder flinke!
Verzieht nicht die Gesichte,
Runzelnd Stirne strenge –
Befreundet euch mit Fichten!
Ihr, mein` Dichter-Freundchen!

Не галдите истово –
 Нуль – ваша эстетика
 Против неба чистого!
 Травы моют дожди
 И туманы с росами –
 Господа «художники»,
 Погуляйте босыми!
 Лесом, огородами,
 Полевыми трактами,
 Чтоб прозреть природное,
 А не чушь абстрактную!

* * *

Снилось сегодня мне озеро,
 Утро, туман над водой,
 В душу целебными дозами
 Капали грусть и покой.

Грусть – до прозрачности светлая,
 Именно грусть, не печаль:
 Будто бы с зимами, с летами
 Жизни скрывается даль.

Ну а за гранью привычного
 Ждёт меня вечный покой...

.....

Видно, пора, горемычному
 К Богу брести на постой!

* * *

Остатки прошлого тепла
 Ещё хранит постель,
 Но жизнь водою утекла
 В иную канитель -
 Туда, где нету суеты
 Где вечность и покой,
 Где только двое – я и ты,
 И только я с тобой!

* * *

Пора, мой друг! – октябрь и осень,
 Небес нечаянная просинь,
 Оранжевый кленовый лист,
 Да птиц призывный пересвист.

Пора, мой друг! Взмахнём крылами,
 Куда летим – не знаем сами!
 Скорее за земной порог –
 Ведь в небе множество дорог!

Schreit ja nicht so feine –
 Die Null – Ästhetik richtige
 Gegen den Himmel reinen!
 Gräser wäscht der Regen
 Und die Nebel große –
 „Künstler“ Freundschaft hegen
 Bummelt lieber bloße!
 Durch den Wald und Gärten,
 Durch die Landstraßen,
 Zu begreifen Werte,
 Doch kein Zeug abstraktes!

* * *

Träumte ich heute vom See,
 Morgen, der Nebel in Frühe,
 Mit heilsamen Dos`n in die Seele
 Tropfen die Wehmut und Ruhe.

Die Wehmut war hell bis zur Klarheit,
 Gerade Wehmut, kein Gram:
 Als ob mit den Jahreszeiten
 Verschwindet des Lebens Weit`.

Und am Rand des Gewohnten
 Erwartet mich ewige Ruh` ...

.....

Zeit ist mit Elend Gekrönt
 Beim Gott Obdach suchen im Nu!

* * *

Die Reste der früheren Wärme
 Bewahrt mein Bett dabei,
 Das Leben doch verging mit Lärm
 In böse Schererei -
 Dorthin, wo gibt es keine Hast
 Wo Ruh` und Ewigkeit,
 Wir sind zu zweit – und du mich hast,
 Ich bin mit dir zu zweit!

* * *

Man muss, mein Freund! – Oktober, Herbst,
 Des Himmels unverhofftes Blau,
 Orangefarbenes Ahornblatt,
 Und Vögelzwitschern rufend, schau!

Man muss, mein Freund! Wir breiten Schwingen,
 Wohin wir fliegen – Flügel bringen!
 Komm schneller über Erdeschwelle –
 Im Himmel gibt es tausend Wege!

А коль пешком – вот посох крепкий
И – с Богом! – в путь. Как наши предки
Неторопливо шли и шли
За дружкой дружка вокруг земли...

* * *

Отчего так светло
В этих старых аллеях
Отчего так светло
На душе у меня –
От того, что все клёны
Кострами алеют
И берёзы листвою
Облетают, звеня?..

*Перевела на немецкий:**Елена Белова*

Und wenn zu Fuß – der feste Stab
Und – Hilf uns Herrgott! – auf den Weg.
Voreltern uns`re gingen brav
Stets nacheinander um die Erd` ...

* * *

Woher ist es so hell
In den alten Alleen
Woher ist es so hell
Meine Seele versteht –
Und ich glaube, daher, dass Ahorne
Mit Feuer rot wehen
Und die Birken mit Laub
Fallen klingend herab?..

*Übertragen ins Deutsche von
Elena Belova*

Перевод стихотворений Сергея Газина из сборника «Свет восходящий»,
Москва, 2014

Переводчик: Елена Белова, 2015 г.

Übertragung von den Gedichten von Sergej Gasin aus dem Sammelband
„Aufgehendes Licht“, Moskau, 2014.

Übertragen ins Deutsche von Elena Belova.

Сергей Газин

* * *

*Когда я был маленьким,
Играл под столом, –
Не думал, что стареньким
Стану потом.*

Когда я был маленьким мальчиком,
Легко проходил под столом.
И облачком из одуванчиков
Летал по лугам с ветерком.

Не знал ни тоски, ни печали я.
Но шишки не зря набивал, –
И ветра слова изначальные
Всем сердцем легко понимал.

Пусть был я немножечко ветреный
И ветер в кармане носил,
Но временем вечным проверенный,
Немало годов пережил.

Sergej Gasin

* * *

*Als Bub` gespielt,
Am Hausherde, -
Und dachte nicht
Dass alt ich werde.*

Ich war ein kleines Bübchen,
Und konnte unter`s Tischchen gehen.
Und als Pustebumewölkchen
Flog ich durch Wiesen mit Wehen.

Ich kann`t keine Schwermut und Trauer.
Und schlug mir die Stirn nicht unnützlich,-
Die Worte des Wehens auf die Dauer
Begriff mit dem Herzen und stützt`.

Wenn auch ich ein wenig leichtsinnig
Und wenig im Leben verstand,
Die Zeit überprüfte mich innig,
Die Jahre ich gut überstand.

Теперь не летаю, но с посохом –
С котомкой дорожной брожу,
И с ветром, и с маленьким облаком,
Всем сердцем, как раньше, дружу.

* * *

В раю сосновых перелесков,
Брожу среди лесных цветов –
Ищу жемчужные подвески,
Что ветром сбило с облаков.

Они пылают земляникой
Под ярким солнечным дождём,
Но прячутся за голубикой –
Их не отыщешь днём с огнём.

И я брожу по травам чистым,
Где земляничный аромат –
Росы рассыпано монисто –
Алмазов в тысячи карат!

Найду сокровище живое
На склонах солнечных холмов, –
И сердце, от любви шальное,
Напьётся мёдом облаков!

Русь

Птицей-тройкой летишь сквозь века,
Я не знаю, что там – за туманом...
Но течёт кровь моя, как река,
Чтобы стать мировым океаном.

Не ответишь ты мне на вопрос:
Где берёшь столько силы и воли?
Кто пролил столько ангельских слёз,
Чтобы ты не страдала от боли?

Сколько битв помнят наши поля,
Сколько раз всё сгорало до пепла...
Но вставала бесстрашно земля,
И в боях – Ты, родимая, крепла!

Я с тобой – неоглядная Русь,
Лишь с тобой – жизнь моя непростая...
О тебе в сердце светлая грусть,
Православная Русь золотая!

Jetzt fliege ich nicht, und mit Stäbchen –
Und Reisequersack wandere ich,
Mit Fächeln, mit winzigen Wölkchen,
Befreundet bin ich mit dem Licht.

* * *

Im Land, wo Kiefer stehen in Menge,
Ich wandere lang` im Blumenwald –
Und such` nach Perlenohrgehängen,
Die fielen von den Wolkenfalt.

Sie lodern von den Erdebeeren
Und glänzen unter`m Regen grell,
Verstecken sich in Blaubeeren, -
Sind schwer zu finden ja beim Hell`n.

In klaren Gräsern wander` ich nette,
Vom Beerenduft bin völlig satt –
Verstreut ist Tauperlenkette –
Die Diamanten zig Karat!

Den Schatz werd` finden ich lebendig
Am Hügelhang der Sonne hell, -
Mein Herz, von Liebe fast unsinnig,
Trinkt satt den Wolkenhonig schnell!

Die Rus

Deine Troika setzt Jahrhundert` durch,
Ich weiss nicht, ob der Nebel rein sei...
Und mein Blut ist so schnell, wie ein Fluss,
Um zum Weltozean zu sein.

Diese Frage ist eine der grossen:
Ja, warum ist so mutig Dein Herz?
Wer hat so viele Tränen vergossen,
damit du leidest nicht an dem Schmerz?

Welcher Schlachten gedenken die Felder,
Wieviel Mal alles wurde verbrannt...
Und erhob sich furchtlos die Erde,
Und in Kämpfen Du, Heimat, wurdest stark!

Bin mit Dir – unermeßliche Rus,
Nur mit Dir – mein verwickeltes Leben...
Meine Schwermut ist Trauergruß,
Orthodoxe Rus muss es ja geben!

Москва предзимняя

Облетает с берёзок листва,
И кричат озабоченно галки...
И грустит золотая Москва –
Скоро снова зима, ёлки-палки!

Впереди первый снег, но тоска
Не уходит из сердца навечно...
Неужели зима так близка?
Неужели так жизнь быстротечна?

И не пишутся в грусти стихи,
Снова год пролетел незаметно...
И примолкли берёзки, тихи,
И роняют листву безответно.

Скоро снова зима. Холода...
Пусть исчезнут под снегом печали!..
Станет белой Москва, как всегда, –
Но уйдут ли печали? Едва ли.

Но сначала зарядят дожди,
И листва поплывёт под ногами, –
В одночасье снежинок не жди...
Но Москва – ждёт тебя со стихами!

Страшная сказка о подсолнухе

Где огнём палящим жарко пышет солнце,
Где порой от зноя сохнут все колодцы –
Не поможет в полдень ветер разогретый,
Вмиг соришь до пепла, если ты раздетый...
Не боится зноя лишь один подсолнух –
Семечек рядами полон самых чёрных,
Смотрит на светило, вертит головою,
Накормить готов он птиц самим собою...
Но решил однажды он освободиться,
Чтоб хорошим людям в деле пригодиться.
И подсолнух бодро вышел на дорогу,
Но лихие люди открутили ногу,
Семечки погрызли с головы кудрявой,
Бросили остатки засыхать в канаву...

* * *

Не требуй ничего от облаков,
Не жди молниеносно озаренья,
А слушай шелест музыки ветров –
Живых небес к душе прикосновенья.

Vorwinterliches Moskau

Es fällt von Birken das Laub herab,
Und es schreien bekümmert die Dohlen...
Und betrübt ist goldene Moskau-Stadt –
Bald kommt wieder der Winter, wir wollen!

Und der erste Schnee fällt bald wieder,
doch Gram
Er verlässt nicht mein Herzen für ewig...
Ob der Winter ist wirklich so nah?
Ob das Leben so kurz ist und bald fällig?

Und in Trauer werden Vers` nicht gereimt,
Es verging dieses Jahr unauffällig...
Und verstummt die Birken, so leis`,
Und verlieren das Laub so helle.

Bald kommt wieder der Winter. Es geht...
Möge Gram unter`m Schnee schnell tauen!..
Weiss wird Moskau werden, wie stets, -
Ob verschwindet die Trauer? Kaum.

Doch zuerst wird es regnen ohn` Licht,
Und das Laub schwimmt fort unter Füßen, –
Ab sofort Schneeflocken wart` nicht...
Aber Moskau – wartet Dich mit Versgrüssen!

Schreckliches Märchen über die Sonnenblume

Wo mit glühendem Feuer
heftig scheint die Sonne,
Wo manchmal vor Hitze trocknen alle Brunnen –
Hilft ja nicht am Mittag Dir erhitzter Wind,
Schnell verglühst bis Asche,
wenn entkleidet bist...
Keine Angst vor Hitze hat nur Sonnenblume –
Kernereihen schwarze von dem Knacken
schrummen,
Guckt sie auf die Sonne, dreht stets
mit dem Kopf,
Ist bereit zu füttern Vögel mit ihr` Tropf` ...
Eines Tages wollte sie sich gleich befreien,
Um den guten Leuten wirklich nützlich sein.
Sonnenblume munter ging zur Straß` allein,
Aber böse Menschen brochen ihr das Bein,
Knackten ihr die Kerne von dem
krausen Haupt,
Liessen Reste trocknen in dem Graben laut...

* * *

Verlange nichts von Wolken, ist nur Blick
Und warte nicht schlagartige Erleuchtung,
Und hör` Geraschel ja der Windmusik –
Des Firmaments zur Seele hell` Berührung.

Не требуй от рассвета ничего
И не спугни разбуженное слово,
И жаркий шёпот сердца твоего
Достигнет неба звёздно-золотого!..

* * *

А осенью хочется лета
И нежной любви золотой,
Звонящего свежего ветра
В горячей крови огневой.

Уносится юность куда-то...
Бесстрастное время не ждёт –
Кленовое падает золото
И грустную песню поёт.

Но хочется, хочется лета!..
И новых весёлых огней,
И сердцу лучистого света
Высоких небесных морей.

Переводы стихотворений из сборника Сергея Газина «Суп с котом», ООО
Издательский Дом «Серебро слов», 2015г.

Елена Белова

Übertragung der Gedichte aus dem Sammelband von Sergej Gasin „DER
BESTIEFELTE KATER“, GmbH Verlagshaus „Silber Worte“, 2015.

Elena Belova

Сергей Газин

КУЗНЕЧИК

Юркий кузнечик взлетает меж трав,
Песню стрекочет, – он весел и здрав!
Белые росы дрожащие пьёт,
Счастье своё на удачу куёт.
Полнится песня о вечной любви, –
Солнце пылает в горячей крови!
В высь неземную зовёт синева,
В сердце рождая живые слова...

БЕЛКА И ЁЖ

Белка пискнула ежу:
– Хочешь, фокус покажу?
Позови гостей, при всех
Расколю любой орех.
Ёж ответил: «Не вопрос.
Расколи, давай, кокос!»
Белка в слёзы: «Ах-ты, хам! –
Мне кокос не по зубам...»

Verlang` vom Morgenrot nichts und starr
Verscheuche nicht die Verse aufgewachte,
Und heisses Flüstern Deines Herzens klar
Erreicht das Firmament in Sternennachte!..

* * *

Im Herbst sehnt man sich nach Sommer
Nach zarter Liebe golden` ,
Nach frischem Winde kommend`
Im heissen Feuerblut folgend.

Verstreicht die Jugend immer...
Kaltblutige Zeit wartet nicht –
Das Ahorngold fällt ab schimmernd
Ein trauriges Lied singt im Licht.

Doch sehnt man sich immer nach Sommer..
Nach neuen lustigen Lichtern,
Das Herz wünscht
den Lichtenstrahl kommend`
Und hohes Himmelmeer für Dichter.

Sergej Gasin

GRASHUPFER

Flinker Grashupfer steigt auf über`s Gras,
Zirpt er das Lied, – ist er lustig und krass!
Trinkt er Nachttau – sehr zittrig und weiß,
Schmiedet er Glück für den mutigen Geist.
Fertig das Lied ist vom ewigen Glut, –
Brennt stark die Sonne im hochheissen Blut!
In himmlische Höhe ruft Himmelblau,
Lebendige Worte ins Herz kommen kraul...

EICHHÖRNCHEN UND ISEL

Piepste Eichhörnchen dem Igel:
– Zeige einen Trick im Spiegel!
Ruf die Gäste, ich als Gruß
Knacke ruhig jede Nuß.
Igel antwortet: „Als Gruß
Knacke bitte Kokosnuß!“
Tierchen weint ja: Ach, du, Lümmel! –
Werd` vor Schmerzen ich mich krümmen...»

ЁЖИК И ВОЛК

Наострив с утра иголки,
 Ёж бежал в рассветной мгле –
 Кувырком скатился с горки
 По сырой ещё земле.
 Больно стукнулся о что-то –
 Это был матерый волк!..
 Серый – кинулся в болото,
 Еле ноги уволок...
 Лес к полудню разобрался
 Кто в болоте вой поднял...
 Лось до коликов смеялся:
 – Ёжик волка напугал!

ЛОСЬ И МУХОМОРЫ

Лось наелся мухоморов
 И остался без мозгов, –
 Разбежался с косогора
 И, давай, гонять волков.
 Волки мчатся, что есть мочи,
 Удирают во всю прыть, –
 Буйный лось до самой ночи –
 Всё в лесу давай крушить.
 В страхе зайцы и лисицы,
 Озадачился медведь, –
 Что могло с лосём случиться,
 Чтоб так дико озвереть?..
 Лось набегался по лесу
 И в болоте протрезвел –
 Ну, зачем? Какого беса
 Мухоморов столько съел?

МЕДВЕДЬ И СНЕГОВИК

Хотел медведь спросонья спеть,
 Но с голодухи стал реветь:
 – Мне всё на свете по плечу,
 Я всех сожру, я есть хочу!
 И тут явился снеговик:
 – Чего поднял ты, Миша, крик?
 Закрой глаза, ещё поспи,
 Но только громко не сопи!
 Ещё берлога вся в снегу,
 Тебе заснуть я помогу –
 Ты лапу, лапу пососи, –
 Приснятся мёд и караси.
 Всё будет, Миша, не рычи, –
 Вот-вот, Весна – летят грачи!
 И лапы будут не пусты, –
 М-а-л-и-н-ы – полные кусты!

IGEL UND WOLF

Spitze am Morgen der Igel die Nadel,
 Rannte schnell im Morgendunst –
 Fiel kopfüber wie vom Rade
 Durch den Boden, welche Kunst!
 Stieß sich stark an etwas dumpf-
 Das war ausgewachsener Wolf!..
 Stürzte Grauer in den Sumpf,
 Rettet` sich mit knapper Not...
 Wurd` der Wald zum Mittag kluge
 Wer im Sumpfe hat geheult...
 Elch vergnügte sich in Zügen:
 – Igel zwar erschreckt den Wolf!

ELCH UND FLIEGENPILZE

Fliegenpilze fraß der Elch lang
 Keinen Kopf er konnte tragen, –
 Nahm Anlauf von dem Berghang
 Und begann die Wölf` zu jagen.
 Wölfe rennen aus Leibeskräften,
 Reißen aus in voll`m Galopp, –
 Wilder Elch bis zu den Nächten –
 Wald vernichtet ohne Stopp.
 Hasen, Füchse ängstlich stehen,
 Und der Bär ist auch verblüfft, –
 Was konnte mit Elch geschehen,
 Um so rasend zu werden nüchtern?..
 Lief sich müde Elch im Walde
 Wurde nüchtern er im Sumpf –
 Nun, wozu? Auf welcher Halde
 Fliegenpilze fraß sein Rumpf?

BÄR UND SCHNEEMANN

Verschlafen möchte singen Bär,
 Vor Hunger brüllte laut er :
 – Das geht nicht über meine Kräfte gar,
 Ich fresse alle, es ist klar!
 Der Schneemann kamm fit und wach:
 – Wozu hast du Geschrei gemacht?
 Mach Augen zu, schlaf noch hierbei,
 Doch schnaufe laut nicht dabei!
 Die Bärenhöhle ist verschneit,
 Schlaf ein, ich helfe dir soweit –
 Die Pfote lutsche guter Laun`, –
 Karauschen siehst du ja im Traum.
 Kommt alles, Bär, und brülle nicht, –
 Saatkrähen fliegen – Frühlingslicht!
 Mit leeren Händen bleibst du kaum, –
 Him-beeren werden reif im Raum!

МИШУТКА

Косолапый медвежонок
 Кувыркался на траве –
 Сам себе, смешной ребёнок,
 Лапой дал по голове.
 Разозлился не на шутку
 И зубами лапу – хватать!..
 И от боли взвыл Мишутка:
 – Как всё это понимать?..

ПРО ЧЕРВЯКА

Жил да был один червяк,
 И красив, и не дурак, –
 Под землёй и на земле,
 Был всегда навеселе.
 Дождевую воду пил,
 Очень жизнью дорожил,
 Убегая от врагов –
 Кур, гусей и петухов.
 Только он того не знал,
 Что давно приманкой стал –
 Что нагуливал бока
 На удачу рыбака.

СУП С КОТОМ

Ел однажды суп с котом.
 Кот в обед, а я потом...
 Не прошло и получаса,
 Он стянул с тарелки мясо.
 Думал, строго наказать –
 Кот метнулся под кровать.
 Шваброй всё ж поддел зверюгу:
 «Знай, обжора, ты – ворюга!»

КОТ В САПОГАХ

Кот оделся в сапоги,
 Но всего на две ноги...
 В сапогах идёт домой,
 Вместо шпаги – хвост трубой!
 Возле кошки – для красы,
 Растопорщились усы –
 Лапой пухлою: Виват! –
 Начинается парад!
 Каблуками землю бьёт,
 Сердце радостью поёт, –
 Сапоги ему важней,
 Чем охота на мышей.
 Мыши рады, – кот теперь –
 Друг любезный, а не зверь;
 Шпага – тоже не страшна, –
 Для мышей она смешна!..

BÄRLEIN

Ungeschicktes Bärlein rüstig
 Machte Purzelbäume weiter –
 Und sich selbst, ein Kind so lustig,
 Mit der Pfote schlug an Scheitel.
 Wurde wütend ohne Scherzen
 Mit den Zähnen packte Pfot`!..
 Heulte Bärlein vor dem Schmerzen:
 – Wie begreife ich die Not?..

ÜBER DEN WURM

Es lebte einmal schöner Wurm,
 War symphatisch, und nicht dumm, –
 Unter Land und auf der Erde,
 Angeheitert wollte werden .
 Regenwasser stets trank er,
 Schätz` sein Leben Würmchen sehr,
 Wenn den Feinden er entkam –
 Hühnern, Gänsen und dem Hahn.
 Doch das Würmchen war nicht weise,
 wusste nicht, er sei Lockspeise –
 Wurde fett und fleischig pur
 Er zum Glück des Fischers nur.

DIE SUPPE MIT DEM KATER

Aß ich einmal Speis` mit Kater.
 Kater Mittag aß, ich - weiter...
 Und nach einer halben Stunde,
 Klaut` Fleisch von mir zum Wunder.
 Wollte ich ihn streng bestrafen –
 Wählte er das Bett als Waffe.
 Gabelte mit Schrubber Tier:
 „Du musst wissen, du bist Dieb!“

DER BESTIEFELTE KATER

Zog der Kater Stiefel an,
 Nur zwei Pforten waren dran...
 Geht bestiefelt er nach Haus` ,
 Statt des Degens – Krallen aus!
 An der Katze – für die Pracht,
 Hat aus Schnurrbart Prunk gemacht –
 Mit der Pfote rundlich: Hi! –
 Es beginnt Parade mein`!
 Mit Absätzen schlägt den Boden,
 Und das Herz singt helle Oden, –
 Stiefel sind wichtiger, als Smaragd,
 Als die große Mäusenjagd.
 Freuen sich die Mäuse sehr,
 Kater ist kein Feind mehr;
 Und sein Degen – nicht furchbar, –
 Für die Mäuse komisch gar!..

БАЛЛАДА О РЫЖЕМ КОТЕ

Рыжий кот ходил по крыше,
Нарушая тишину, –
На трубу залез повыше,
Чтоб запрыгнуть на Луну.
И, мяукнув, что есть мочи,
Оцарапал облака –
Засверкали среди ночи
Два зелёных огонька.
Дом проснулся от испуга...
И пропала тишина, –
Пробудилась вся округа
И запряталась Луна.
Тут-то кот и рухнул с крыши, –
До Луны не долетел...
Разбежались даже мыши, –
Кот с испугу одурел.
Он упал в большую лужу,
Перепачкался, как чёрт...
Даже кошкам стал не нужен,
Вот что значит – не везёт.

КОТ-РАЗБОЙНИК

У меня был славный кот,
Не найдёшь красивей!
Бегал задом наперёд
По пустой квартире.
Но как только кто придёт,
Делал сразу стойку –
Хвост трубой, усы вперёд
И бежал под койку.
Знал, что можно и нельзя –
Хулиган домашний,
Разозлишь его зазря, –
В драку лез бесстрашно.
Весь в царапинах я был
От кота лихого...
Но всю жизнь его любил,
Зверя вот такого!

ЦАПЛЯ И ЖУРАВЛЬ

Засиделась цапля в девках.
Полетела к журавлю:
Мы с тобой знакомы с детства,
Я давно тебя люблю!
Хочешь, солнышка краюшку
Из болота моего?
Принесу тебе лягушку,
Что в обед вкусней всего.

BALLADE VOM ROTHHAARIGEN KATER

Roter Kater bummelte auf Dach,
Störend die Ruhe und singend, –
An den Schornstein kletterte er wach,
Um davon auf den Mond zu springen.
Er miaute von voller Kraft,
Und kratzte die Wolken –
Erglänzten in der Nacht
Zwei grüne Feuer.
Das Haus erwachte vor Schrecken...
Und verschwand die Ruhe, –
Und erwachte die Gegend
Und der Mond versteckte sich mit Mühe.
Stürzte unser Kater nieder, –
Und erreichte nicht den Mond...
Rannten auch die Mäuse wieder, –
Schied der Kater aus der Front.
Fiel er in die grosse Pfütze,
Sich besudelte, wie Schwein...
Ist für Katzen nicht mehr nützlich,
Das bedeutet – hat kein Schwein.

SCHELMKATER

Feinen Kater hatte ich,
Schöner nicht zu finden!
Rannte rückwärts er und frech
Durch die Wohnung linde.
Doch wenn jemand kommen will,
Stutzte er wie Klette –
Schwanz gerade, Schnurrbart vor
Rannte unter Bette.
Wusste, was man machen darf –
Hausrowdy früher,
Wenn man ärgert ihn so scharf, –
Suchte Händel kühne.
Kratzer hatte ich vom Dieb,
Von dem kecken Tieren...
Ganzes Leben hab ihn lieb,
Freunden auf den Vieren!

REIHER UND KRANICH

Reiher ist ein spätes Mädchen.
Flog zum Kranich und verblieb:
Sind bekannt wir von der Kindheit,
Habe dich seit langem lieb!
Willst vielleicht du Sonnekanten
Aus meinen schönen Sumpf?
Bringe dich Froschdiamanten,
Bei dem Mittagessen - Trumpf.

И журавль сказал: Согласен
 На лягушку, так и быть.
 Мир чудесен и прекрасен,
 Если есть, кого любить.

СЕЛЁДКА

Жила одна селёдка,
 Весёлая красотка, –
 Дурачилась беспечно,
 Но жизнь не бесконечна...
 Чудила, хохотала,
 Хвостом везде виляла, –
 Ей глубь морской лазури
 Вскружила мозг до дури.
 И тут дельфин-красавец
 Позвал её на танец,
 А в середине вальса –
 Что голоден признался.
 Селёдка зла не знала,
 Бездумно хохотала...
 И очень удивилась –
 Что в пищу превратилась.

БАЛЛАДА ОБ ОСЬМИНОГЕ

Ходил морями осьминог,
 Сносил немало он сапог, –
 Душа чернильная его
 Стихов просила, ого-го!
 И он писал – без дураков! –
 Про моряков и рыбаков,
 О звёздах, что на самом дне
 Лежат недвижно, как во сне.
 И о любви, и о тоске
 Писал он на морском песке,
 И кровь холодная его
 Почти вскипала, ого-го!..
 Он в море без любви страдал,
 Стихи про звёзды сочинял, –
 Никто, что он поэт, не знал –
 И в сети осьминог попал.
 Достали чудище со дна,
 В глазах – печали глубина...
 И поразились рыбаки –
 Как их мечты невелики.

Kranich sagte: Einverstanden
 Möchte Frosch ich, sei es drum.
 Schön ist unsere Welt, wir fanden,
 Wenn es gibt, wen liebt man stumm.

HERING

Es lebte mal ein Hering,
 Ein schönes Mädchen-Darling, –
 Riss Witze unbekümmert,
 Doch ist das Leben kümmernd...
 Er machte dumme Streiche,
 Und schwänzelte so weiche, –
 Die Tiefe des Meerblaus
 Verdreht den Kopf und Aura.
 Und hier Delphin in vollem Glanz
 Lud Hering ein zum langsamen Tanz,
 Gestand er in dem Walzer –
 Er sei ein hungriger Matze.
 Die Freundin kannt` kein Übel,
 War lustig und nicht trübe...
 Und wunderte sich leise –
 Dass wurde er zur Speise.

BALLADE ÜBER DEN KRAKEN

Der Krake badete im Meer,
 Und nutzte ab viel` Stiefel er, –
 Und seine Tintenseele lichte
 Stets wartete auf Gedichte!
 Und dichtete er ständig heute –
 Von starken grossen Seeleuten,
 Von Meeressternen, auf Grunde brav
 Die liegen stille, wie im Schlaf.
 Über die Liebe, die nicht fand
 Schrieb er geschwind auf Meeressand,
 Sein kaltes Blut dabei, hoho,
 Fast kochte auf, oho, ho!..
 Und ohne Liebe litt er sehr,
 Und Verse dichtete im Meer, –
 Doch niemand kannte diesen Dichter –
 Geriet ins Netz der Kraken nichtig.
 Man fand das Ungeheuer auf Grund,
 In Augen – Trauer und Wund`...
 Die Fischer wussten, was war los –
 Und ihre Träume waren nicht gross.

Перевод на немецкий язык
 Елены Беловой
 Ins Deutsche übertragen von Elena Belova

Май 2018г.
 Mai 2018

Лев КОТЮКОВ**МОЯ КОСМОЛОГИЯ****I**

Мне ничего нельзя! Ни пить, ни курить, ни волноваться из-за женщин, ну и т.п. Короче говоря, мне жить нельзя!

И я почти не живу, но упорно не забываю о жизни – и во сне, и наяву, как до рождения, как после смерти.

Я не знаю, что с собой делать – и стараюсь не думать ни о чём, даже страшными, бессонными ночами на краю последнего одиночества, где Нуль-бесконечность обращается в Антивечность, где последний кленовый лист никогда не долетит до мёрзлой русской земли, где все птицы навсегда покинули ненастное небо России.

Но не думать ни о чём никак не получается – и русский бред, порождённый мировой пустотой, смутной чудовищной волной захлёстывает остатные про- блески ясного сознания. И безответен мой крик, обращённый неведомо кому:

Почему человек должен жить?!»

Почему человек вопреки самому себе живёт?!

Почему человек – это человек?!

Почему ему нельзя не быть человеком?!

Почему !!!???

Почему!??

Почему!?

Да хватит, в конце концов! Хватит! Надоело! Как будто я уже достиг своего потолка – и в лицо мне удушливо сыпется старая штукатурка вместе с доисторическими дохлыми мухами. Хватит, баста!!!

Все эти вопросы томили мою душу ещё сто пятьдесят, нет, 350, а может, 375 ящичков водки тому назад, ещё 78, нет, 87, а может, 97 девушек и женщин тому назад, ещё аж 666 нуль-бесконечностей тому назад, ещё... Да мало ли ещё до чего, или до чего уже!.. Ха-ха-ха!!!

Может, до диалектического материализма, может, до возникновения практического атеизма, может, до мифического «Большого вселенского взрыва», которого никогда не было и быть не могло, поскольку никто не в силах объяснить – что предшествовало этому т.н. взрыву. Да и чего тут объяснять: из ничто само собой ну никак не возникнет нечто, и кто был ничем, тот ну никак не станет никем даже в Нуль-бесконечности.

И...и...и...

Если кто-то что-нибудь понял из вышесказанного, то я огорчусь, ибо сам откровенно не понимаю самого себя, как после смерти, как до рождения. Хотя... Хотя великий Эйнштейн, наверное, кое-что понял бы, ведь это он, а не я ввёл понятие Нуль-время. Это он, а не Сталин, объявил кибернетику – лженаукой. Это Эйнштейн, а не Сталин, начисто разгромил, исповедовавшего античеловеческие принципы кибернетики, гениального Нильса Бора – всего лишь одной фразой: «Господь Бог не играет в кости!», то есть: Промысел Божий не ведаёт случайности.

Да, да, именно так! И напрасно кому-то невежественно кажется, что Сталин не разобрался с Теорией относительности. Именно о Теории относительности вождь внушительно сказал: «Эта Теория абсолютно верная, потому что правильная!»

В его бытность никому в голову не приходило шальная мысль усомниться в истинности открытий Эйнштейна, так же, как и светлая мысль о производстве палёной водки и поддельного одеколona «Красная Москва». Так что разобрался по-полной, не зря ведь отцу народов сокровенно мечталось увидеть величайшего физика и мудреца в должности первого президента Израиля. Жаль, что Эйнштейн отказался от этой мечты. Очень жаль! Впрочем, это не помешало ему до конца жизни быть верным поклонником и сторонником идей социализма.

«Социализм – будущее мира!» – это не Сталин сказал, а Эйнштейн.

При социализме все равны перед Богом, а вот при капитализме, увы, да простит меня Всевышний за вольнодумство, не все равны. И в этом неравенстве владеет человечеством вместо веры в грядущее страх перед грядущим. И если кто-то скажет, что с воцарением кибернетики и цифровых технологий прибавилось счастья в мире сем, то пусть без помощи зеркала плюнет в собственную мерзопакостную харю!

Зачем я всё это высказываю?

Кому хочу открыть малую частицу правды жизни?

Кого пытаюсь отвратить от правды лжи?

Есть ли у меня, многогрешного, право служить Истине, подобно библейскому царю Давиду?!

Молчит душа моя, не даёт ответа. Но, как жаждет всё моё существо услышать громоносное – да!

Возмутительно невыносимо жаждет, как до рождения, как после смерти.

А что касается дружбы Сталина и Эйнштейна – и прочих космополитических откровений моего неловкого повествования, то по сим вопросам прошу обращаться к моему другу, замечательному поэту и профессиональному физика Григорию Борисовичу Осипову, в душе которого лирика так соединилась с физикой, что даже лазерному лучу разделить их невмочь.

В детские годы Гриша Осипов не только видел Сталина на пионерском празднике в мае 1952 года, но и был благословлён вождём, как сын погибшего фронтовика, на славные свершения в физике и в поэзии.

«Этот мальчик Альпы одолеет!» – пророчески сказал вождь и погладил Гришу по голове.

Не лишне добавить, что на заре туманной юности Гриша состоял в переписке с Эйнштейном – и гений всех времён и народов также не остался безучастным к судьбе пытливого, талантливоего отрока, идущего к истинному свету из тёмных недр смрадной русской глубинки.

Григорий Борисович доходчиво объяснит сонму непроспавшихся кретинов, что за величайшее метафизическое откровение, т.е. за Теорию относительности Эйнштейн не получил ничего, а Нобелевской премии был удостоен в 20-х годах XX века за теорию фотоэффекта, что Сталин жил на одну зарплату, весьма скромную для должности отца народов и, кроме пары собственноручно подшитых старых валенок и иной мелкой бытовой рухляди, ничего не оставил наследникам, что Берия не руководил расстрелом «царя», которого в России не было метафизически и юридически, ещё до прихода к власти большевиков. Также популярно он растолкует кретином и просто идиотам, что подразумевал Эйнштейн, вводя в физику понятие Ноль-время – и что Лев Котюков, т.е. я, многогрешный, подразумеваю под понятиями Ноль-бесконечность и Антивечность... И многое-многое другое неясное и неразрешимое в мире этом и в мире ином, что не снилось даже сионским мудрецам!

И это вполне под силу Григорию Борисовичу Осипову, современнику таких титанов Бытия, как Сталин и Эйнштейн, Жуков и Рокоссовский, Шолохов и Пастернак, Прокофьев и Шостакович, Ландау и Капица, Королёв и Гагарин, Брежнев и Высоцкий, чьи имена навсегда останутся на скрижалях подлунной Вселенной. И, уверен, не случайно по рекомендации вышеперечисленных товарищей в зрелые годы Григорий Борисович был послан в Швейцарию для работы в ЮНЕСКО. Естественно, ещё и для другой работы, тайны которой раскрывать пока никто не имеет права. И это символично, ибо именно в Швейцарии, в Берне, сотрудничая в патентном бюро, начинал свой великий путь его крестный отец Альберт Эйнштейн. И как знать, какая слава ждёт моего друга, когда спадёт гриф секретности с его легальной и нелегальной деятельности, когда, наконец, будет дано вышестоящее разрешение ГПУ на полную публикацию, засекреченной на 100 лет переписки Григория Борисовича и Альберта Эйнштейна...

Даст Бог, и я доживу до этого выдающегося события, хотя мне абсолютно вредно жить на земле, где правда лжи опустилась до пошлой наглости брехни, где истинная правда жизни почти неведома и незрима в смрадном мороке диких химер, полнящих ядовитыми миазмами всё существующее и несуществующее – и всё, всё, что хоть на йоту отклонилось от воли Божьей.

О, как жёстко и цепко укореняются химеры в душах людей и в т.н. общественном сознании, оттесняя в ничто даже легенды и мифы, погружая человеческие сущности в тёмную бездну мнимого знания и в илистую взвесь непроходимого невежества.

И я, многогрешный, не избегаю всеобщей участи и, сопротивляясь тьме, порой малодушно забываю, что никакой тьмы нет, а есть всего лишь временное отсутствие вечного света. И как бы сам себе выношу приговор, восклицая из молчания:

«Мне жить нельзя!»

И почти не живу, но подсознательно с угрюмством понимаю, что это неправильно.

«Абсолютно неправильно, Лев Константинович!» – как бы услышав меня, глаголет обитаемое и необитаемое пространство голосом Григория Борисовича Осипова.

И я, не смотря на свою строптивость, не смею не согласиться, ибо Осипов, помимо всех своих регалий ещё и организатор шахматного чемпионата мира среди финансистов, в котором участвовали такие китовые акулы глобализма, как Дэвид Рокфеллер, Джордж Сорос, Билл Гейтс и примкнувший к ним Абрамович. Но Григорий Борисович не только сорганизовал элитное игрище, но и сам справедливо стал чемпионом финансового мира по шахматам, легко обыграв вышеупомянутых акул бизнеса, не говоря уже о мелкой сошке типа Чубайса Прохорова, Дерипаски Кудрина, Мамута Потанина и примкнувшего к ним Придворковича.

И внимаю я неумолимому гласу мирового глобализма и ни слова противления в душе не нахожу, ибо кто я без покровительства безжалостных князей мира сего?!

Дым без огня!..

Гитара с оборванными струнами!..

Песня без музыки!..

Стихи без слов!..

Ноль вне бесконечности!..

Время без вечности!..

Часы без стрелок и циферблата, в конце концов!..

И нет времени в душе моей, только жизнь, несмотря на то, что как человеку мне жить абсолютно нельзя.

И я ничего не могу сам себе возразить по сему поводу, поскольку абсолютно ни с чем не согласен!

С каждым днём всё меньше людей, знающих хоть что-то обо мне, и с каждым днём всё больше, не знающих обо мне ничего. И всё меньше и меньше людей, знающих правду обо мне, и всё меньше и меньше возможностей у меня узнать правду о них. И эти возможности неумолимо сходятся к нулю и обращаются в Нуль-бесконечность. А ведь настоящие люди должны знать друг о друге и самих себе всё, даже то, что знать нельзя.

Но никто ничего не знает!.. Никто!!!

Только Господь знает о человеке всё!

Одному Господу под силу вынести печаль страшного знания всего и вся! И не под силу человеку разделить самую малую частицу печали Господней. А посему остаётся только жить, несмотря на то, что жить совершенно невозможно! Да и вредно, в конце концов!

На этой относительно оптимистической ноте можно было бы оборвать мои сумбурные космологические откровения, но как-то не получается. Упорно гнетут мою душу слова и воздыхания неизречённые. Я самонадеянно забываю, что нельзя злоупотреблять даром Божьим и пытаюсь сочинять талантливо, хотя совершенно бессмысленно, да и неумно, писать хорошо в стране, которой, кроме денег ничего не нужно. Увы, но я, многогрешный, тоже не могу обойтись без денег, а поэтому не лукавлю, не выворачиваю наизнанку дырявые карманы в поисках бескорыстия, а надеюсь с малой выгодой, как птиц небесных, продать свои космологические сочинения, во тьме всеобщего непрочтения и государственного кретинизма, несуществующим и кое-как существующим читателям. Такая вот нынче моя космология!

Но что делать!.. Эх, жаль нельзя приложить к моим сочинениям в качестве весомого дописка в полном объёме достопамятную переписку пионера Гриши Осипова, а ныне заслуженного во всех отношениях международного общественного деятеля Григория Борисовича Осипова с Альбертом Эйнштейном. Как подпрыгнули бы в цене мои скромные труды на оскудевшей ниве отечественной словесности! Уверен, и на весах истории враз взлетели бы значительно выше ватерлинии, идущего ко дну планетарного корабля.

Но как обрести недостижимое?! Кто ответит?!..

И молчать, когда я спрашиваю!!!

II

Где-то нынче переписка Эйнштейна с Григорием Осиповым, которая, как говорится, томов премногих тяжелей? К счастью, с благожелательного попустительства, а, вернее, сознательного покровительства полковника ГРУ, фамилию которого, я, естественно, оставлю молчанию, мне удалось частично прочитать и на скорую руку переписать одно из последних писем мудреца Эйнштейна юному Грише Осипову до того, как оно сгнуло в мрачных подземьях спецхрана. Послание было на немецком, коим я владею в совершенстве с детства, помимо ещё восемнадцати языков народов СССР и мира, – и ручаюсь за точность переводов на 90 процентов.

Итак, цитирую приблизительно две трети замечательного письма:

«...На адрес ратуши, где действует ваши интернациональная пионерская ячейка, (*Великий физик под ратушей, видимо, подразумевает районный Дворец пионеров. – Прим. Л.К.*) я послал ящичек кока-колы, которую у вас в России пока, к счастью, не производят. Это мой ответ за ваш изящный подарок, – футляр для очков из морёного дуба. (*Данный футляр с монограммой Эйнштейна сделали юные умельцы из кружка самоделок под руководством Гриши Осипова и, завязав на нём пионерский галстук, по дипломатической почте переслали в США отцу Теории относительности. – Прим. Л.К.*) Футляром очень удобно забивать мелкие гвозди в соответствующие места. При случае можно использовать его в качестве оборонительного оружия, отражая мелкие атаки охотников за ведьмами. Что уже не раз было проверено мной. (*Охота на ведьм или маккартизм, т.е. травля сочувствующих СССР и коммунистическому движению была развязана с начала холодной войны в США в конце сороковых годов прошлого века. Крёстным отцом оной охоты стал бесноватый сенатор Маккарти, который объявил красными шпионами и обвинил в антиамериканской деятельности Чарли Чаплина, Оппенгеймера, Пола Робсона, Фреда Астера, Хэменгуэя Фолкнера и примкнувшую к ним Мэрлин Монро. А также многих других выдающихся господ и дам той эпохи. Пытался он замахнуть и на великого Эйнштейна. Но после неудавшейся гнусной попытки, странным образом, скоростно выбросился с 37 этажа небоскрёба в Нью Йорке, успев выкрикнуть напослед: «Красные идут!!! Скоро узнаете теорию относительности на своих икурах!!!» – и ещё что-то непотребное в адрес великого гения. – Прим. Л.К.*) Надеюсь, смекалистые пионеры не останутся на достигнутом и сделают из русского заморённого дуба футляр для моего зонтика, которым будет ещё удобнее крушить тупые черепа горе-охотников за умными черепами. Для этого лучше всего годится ножка от дубового стола из мебельного гарнитура какого-нибудь раскулаченного помещика-эксплуататора. Или, на худой случай, ножка от барского кресла помещицы-антисемитки из рассказа «Муму» Ивана Тургенева, которой я по совету вашего Ленина прочитал ещё в Цюрихе.

Впрочем, не буду сковывать вашу творческую инициативу, ведь не зря сказал мой любимый товарищ Достоевский: «Жизнь богаче любой фантазии». Его откровения значительно повлияли на мои космологические изыскания. Уверен, что книги Достоевского ваши пионеры наверняка читают вслух долгими сибирскими ночами возле камина избы-читальни. Приятного им чтения под кока-колу! Но таки не повредит моим дальнейшим трудам в области космологии и теории единого поля футляр из заморённого дуба для старого зонтика, которым я пользуюсь ещё до прихода к власти Гитлера. Вот уж кого было бы хорошо огреть этим дубьём по башке, жаль, что на сей счёт он сегодня недосыгаем.

А ящички с кока-колой я буду регулярно высылать в Ратушу для вашей пионерской ячейки и прошу не отказывать мне в благотворительности, поскольку я слышал, что в СССР это сейчас не приветствуется.

Впрочем, возможно, это очередная клевета капиталистического агитпропа на страну победившего социализма. (*Здесь великий физик абсолютно прав! Наглая клевета! Ибо сам, как член клуба интернациональной дружбы Орловского Дворца пионеров, в ранние свои годы не только вынашивал в душе идею Нуль-бесконечности, но и активно старался подружиться с Жаном Поль Сартром и Альбером Камю по переписке. И, может быть, именно поэтому участвовал в отсылке подарков Фиделю Кастро. Помню, что, приглашая пламенного революционера в гости в СССР, мы отправили ему шапку-ушанку, рукавицы и валенки с галошами, чтобы не замёрз в*

наших несолнечных краях. И отчётливо помню, что где-то через месяц, мы, пионеры-интернационалисты, получили ответные подарки: ящик великолетних кубинских сигар и три бутылки отборного кубинского рома.

К сожалению, о дальнейшей судьбе подарков Фиделя ничего не ведаю, ибо в те светлые годы, за малолетством, я ещё не пил и не курил, лишь изредка ругался матом. В чём нынче казнюсь и каюсь. А пустой ящик от сигар долгое время демонстрировался во Дворце пионеров на стенде подарков наших зарубежных друзей с надписью: «Дар Фиделя Кастро активистам клуба интернациональной дружбы.» Пустые бутылки от рома руководство пионерии выставлять на стенд не сочло нужным, видимо, в страхе, а вдруг, неровен час, заявится сам Фидель и поинтересуется судьбой содержимого, поскольку кубинский лидер буквально через неделю, после получения нами замечательной посылки нагрянул с визитом в СССР.

Не лишне добавить, что впоследствии, в годы перестройки, Григорий Борисович Осипов, будучи проездом с инспекцией в Орле, конфисковал пустой ящик от сигар, и теперь это исторический экспонат вместе с упаковкой кока-колы от Альберта Эйнштейна находится в личном музее Григория Борисовича между бюстом величайшего физика и, естественно, бюстом самого хозяина. – **Прим. Л.К.)**

(О, как я устал от своих идиотских примечаний! Но что делать, – надо же хоть как-то просвещать кретин, среди которых я должен почему-то жить, хотя мне жить абсолютно нельзя! – **Прим. к прим. – Л.К.)**

К сожалению, сегодня очень много дел. Через пол часа мне надо встретиться с Оппенгеймером, а потом с президентом США, будь он неладен! И тем не менее, передай мой привет твоему другу Льву Котюкову и выскажи мою глубокую признательность от имени всей мировой физики и космологии за его гениальную догадку, то есть за «Нуль-бесконечность»!!! Это космологическое открытие юного Льва в корне меняет все наши представления о природе Вселенной. Оно неопровержимо доказывает наличие в космическом пространстве неизвестной нам гигантской массы материи, неопределимой пока ни приборами, ни математическими вычислениями.

Именно «Нуль-бесконечности» мне не хватало для создания теории единого поля, но теперь-таки, уверен, наше дело сдвинется с последней точки.

(Неизвестная Эйнштейну, так называемая, тёмная материя, о наличии которой он уверенно говорит, была открыта лишь на рубеже третьего тысячелетия. По приблизительным прикидкам, её объём составляет около s Вселенной. Вот яркий образчик гениального предвидения – и просто поразительно, я бы сказал, возмутительно до безобразия, что находятся недоумки, в том числе в России, пытающиеся поставить под сомнение величайшие открытия Эйнштейна и мой скромный вклад в наше общее дело. – **Прим. Л.К.)**

Обязательно скажи об этом нашему другу. Удивительно, что на земле ещё рождаются люди, подобные Льву Котюкову, с малых лет понимающие, а вернее, чувствующие душой истинность моей общей и частной теории относительности. Завтра же обязательно помолюсь за него в синагоге. Хотел сегодня, но не успеваю из-за встречи с президентом США.

А вот по поводу термина «Антивечность», который Лев ввёл в научный обиход, то здесь я готов с ним поспорить. Естественно, на соответствующем уровне, в отличие от моего спора с Нильсом Бором по поводу пресловутой кибернетики, ибо Лев Котюков на интуитивном уровне жёстко (и молодец!) разобрался с весьма сомнительным принципом неопределённости – и, как никто другой, исповедует мой постулат: «Господь Бог не играет в кости!!!»

Думаю, мы найдём с ним общий язык, не зря ведь он, так преуспел в немецком. Уверен, что Лев легко овладеет идиш, а заодно ивритом. Поэтому спорить нам ни к чему, ибо истина в споре не рождается. В споре рождается только зависть, ненависть и злость. Словом, чёрт знает что рождается. И чёрт, т.е. сатана, это прекрасно знает и, в отличие от Бога, играет в кости. Да ещё как!.. Сверхвиртуозно!.. С кем угодно играет, в том числе и с яйцеголовым датским тупицей Нильсом Бором и ему подобными. Эти кретины вряд ли когда-нибудь способны понять, что у отца лжи выиграть невозможно. Что ж, пусть неверующие в социализм ещё порезвятся в малом времени. Но пусть знают, что во времени Большом, стена Плача не примет их крокодильи слёзы, а небесный Иерусалим останется для них за семью печатями.

А что касается моего и Льва разнопонимания «Антивечности», то это вовсе не разнопонимание, а разно-ощущение, свойственное человеческому воображению и бессознанию в единстве и в борьбе противоположностей ради постижения истины. А, может быть, просто разница в возрасте сказывается на наших ощущениях, ведь он так юн, а я так стар... Но что делать. Когда-то ваш Ленин и Троцкий, с которыми я сталкивался в швейцарских кафешках, тоже были очень молоды. *(Работая в Швейцарии, в патентном бюро, Альберт Эйнштейн имел удовольствие в Женеве, Цюрихе и Берне в начале 20-го века встречаться не только с русскими эмигрантами Лениным и Троцким, но и с итальянским эмигрантом Бенито Муссолини, исповедовавшим в те годы социализм. – Прим. Л.К.)*

Очень жаль, что Лев, в отличие от тебя, хочет использовать свои, более чем незаурядные таланты в художественной литературе, а не в теоретической физике. Очень, очень жаль, прискорбно жаль, ибо кто, кроме него, сможет в грядущем завершить мою теорию единого поля Вселенной. Какая потеря для мировой науки! К тому же, как я слыхивал, в России занятие художественной литературой очень расшатывает здоровье, да и вообще небезопасно. К примеру, ваши Маяковский и Есенин, с которыми я тоже, кажется, пересекался в Европе. Как бы отговорить Льва от этого безжалостного попроща?!

Завтра же обязательно буду молиться о Льве в синагоге! Не забудь, Григорий, сказать ему об этом, может, Лев таки одумается... Естественно, помолюсь, Гриша, в синагоге о тебе, и о некоторых других заблудших овцах стада Израилева.

Творческих тебе успехов
в кружке русских самоделок
на ниве познания истины!

С социалистическим приветом!
Альберт Эйнштейн.

P.S. Не забудь передать, дорогой Гриша, своим кружковцам, пионерам-самоделкиным, что, когда буду в СССР, обязательно, как обещал, съезжу с ними на экскурсию в город с индейским, весьма трудным для произношения названием, в этот, как его, Сык!.. Сыв-тык-вар!.. Вот!!! Вроде бы правильно написал.

Кстати, оттуда, как у вас говорят, ногой подать до острова Северная Земля, где ваше руководство производит испытания атомного оружия. Если сложатся обстоятельства, хотелось бы посмотреть на эти небезопасные для человечества фейерверки вместе с твоими пионерами, а заодно с их помощью отговорить вашего неугомонного Цукермана от желания испытать в районе Северного Полюса свою 100-мегатон-

ную водородную бомбу.

(Под Цукерманом Эйнштейн подразумевает академика Сахарова, упорно как бы переводя его фамилию на немецкий язык. – Прим. Л.К.)

Боюсь, что от сего испытания земная ось может изменить угол наклона, что грозит непредсказуемыми страшными последствиями для всей планеты.

Наверняка по наводке Цукермана ваш политический лидер Хрущёв, явный недобитый троцкист, имея в виду испытание термоядерной сверхбомбы, пригрозил показать США и их союзникам какую-то Кузькину мать. Неужели пионеры СССР не смогут разыскать этого таинственного Кузьку, чтобы он уговорил свою сумасшедшую мать не участвовать в гибельных термоядерных экспериментах?! Уверен, что разыщут!

Надеюсь, что Кузька сумеет объяснить этой благородной даме, то есть матери своей, имеющей большое влияние в атомном лобби СССР, чтобы она крепко дала понять академику Цукерману, человеку, безусловно, талантливому, но политически неграмотному: так бороться за мир во всём мире нельзя!

Вот куда могут завести так называемый «научный» атеизм и нерегулярное посещение синагоги! К необратимым преткновениям!.. И не на сей ли счёт сказал пророк Исайя:

«... вот, полагаю, в Сионе камень преткновения и камень соблазна, но всякий верующий в Него не постыдится».

Впрочем, я сам, как борец за мир, не буду стоять на стрёме. *(Наверное, Эйнштейн, ознакомившись с русским блатным сленгом, увлёкся оным и простодушно посчитал, что «стоять на стрёме» – это значит быть бесполезным социалистическому обществу. Исходя из фактического смысла фразы следует читать: «не буду стоять в стороне...» – Прим. Л.К.)* Я постараюсь воздействовать на русскую горячую голову Цукермана не только старым зонтиком, но и другими, не менее приличными, но эффективными способами. Так что, дорогой Гриша, с нетерпением жду футляр из заморённого русского дуба для своего зонтика, чтобы при получении тотчас же пустить его в дело.

Вашингтон, Округ Колумбия,
Ещё раз с социалистическим приветом!
1955г. 19 января

Альберт Эйнштейн.

К сожалению, это последнее письмо Грише Осипову от Альберта Эйнштейна, ибо в 1955 году великий физик на 76-ом году жизни ушёл в мир иной. Где-то нынче его душа мятежная?! В каких пределах сверхсветовых?!

Печально, что неостребованным остался дубовый футляр с инкрустацией для зонтика Эйнштейна, любовно сделанный в пионерском кружке самоделок из ножки бильярдного стола, по преданию принадлежавшего графу Платону Зубову, последнему любовнику Екатерины Второй.

Сколько профессиональных тупиц в юдоли сей не получили русским морёным дубьём по башке, сколько кретинов и дегенератов от науки и не от науки самодольно избежали заслуженной кары от рук величайшего гражданина мира!

О, как чешутся руки у меня, многогрешного, по сему поводу! Хотя на руки становись, дабы не преткнуться о камень соблазна. Но, увы, нынче на земле рус-

ской – ни в руках, ни в ногах правды нет.

Если кое-кто из очень-очень недалёких людей усомнится в подлинности послания Эйнштейна, и, сопливо картавя, хмыкая и хихикая, прогнусавит, что, дескать, несерьёзно для великого человека писать в таком стиле, то советую посмотреть на одну из известнейших фотографий гения, где он, лукаво, по-детски улыбаясь, показывает язык всем дегенератам и кретинам земного шара последних и иных времён.

Жаль, конечно, что сейчас нет возможности сверить мой перевод письма с подлинником, ведь я, не смотря на совершенное знание немецкого языка, очень торопился в тот момент, поскольку даже благожелательное отношение некоего полковника ГРУ имело свои пределы. И всех, кто через сто лет после рассекречивания переписки Гриши Осипова и Альберта Эйнштейна уличит меня в мелких языковых неточностях, заранее прощаю и отпускаю.

III

Сотни раз я талдычил непроспавшимся кретинам, идиотам, дуракам и убийцам:
«Жизнь и время не нужны друг другу!»

Но никто не услышал меня, не внял моей горести, разве что Альберт Эйнштейн... Но где-то он нынче?..

Время жизни! – говорим мы. Но почему-то не говорим: время смерти!

Время – это не жизнь, а жизнь – это не время.

Именно об этом с ясной гениальностью вещает великая Теория относительности, а не о том, что лезет в голову недоумков, пытающихся опровергнуть неопровержимое.

У меня нет времени, ибо оно мне не нужно!

И жизни у меня нет, ибо мне жить нельзя!

Я – Нуль-бесконечность!

И висит столб на фонаре – и ищу я со столбом человека, готового хоть на мгновение понять меня, а нахожу только высохшие до упора грязные лужи, забытые дыры в заборе сада, которого нет, да старое зеркало, где умирают отражения.

Эй, есть ли кто на свете этом?!

И молчать, когда я спрашиваю!

Всем поголовно молчать!!! И в первую очередь мне самому...

Ибо обратной дороги в жизни нет!

И это практически подтвердил Григорий Борисович Осипов, подвизаясь (*т.е. напрягая все силы. – Прим. Л.К.*) на неясном поприще при ЮНЕСКО в Швейцарии. Он в связке с крупным кукловодом мировой закулисы бароном Фальцвейном, который в нынешнем году разменял вторую сотню лет – и практически пополнил ряды бессмертных, перешёл Альпы маршрутом легендарного Суворова. Но в обратную сторону, из Швейцарии в Италию. После чего Григорий Борисович и вышеупомянутый барон резонно сделали вывод: вернуться в Швейцарию этим же путём практически невозможно. А стало быть, армия великого полководца с людьми-лошадьми, с баранами-барабанами, с пушками и знамёнами, ну никак не могла одолеть козыми тропами непроходимые горные дебри. И это правильно, потому что верно!.. Об этом прекрасно знал Александр Васильевич Суворов, когда, двинув через неприступный Сен-Готард своих орлов, воскликнул:

« Вперёд, чудо-богатыри!

Обратной дороги нет!»

И одолел морозные Альпы, и спустился в долину навстречу врагу, и победил, ибо движимый Божьей волей, знал, что у истинной великой жизни всегда впереди смерть, слава и бессмертие, а тот, кто возвращается назад, теряет всё, кроме смерти.

К чему я об этом говорю?! Какое отношение генералиссимус Суворов имеет к моей космологии? Почему я делаю всё не так, как другие? Сам не знаю... Может, хочу дать чёткий отрицательный пример другим, ловко и элегантно, как сделал это юный Гриша Осипов, возглавляя кружок пионеров-самодельщиков. А примерчик таков... Двенадцать пионеров вкупе с Гришей на заре транзисторной эры решили собрать самодельные радиоприёмники, дабы безнаказанно слушать всякую дрянь типа «Голоса Америки». И естественно, сделали, ведь не зря сам Эйнштейн поощрял умельцев. И у всех приёмники захрипели, завизжали, заорали чужеземными голосами, лишь приёмник пионерского главаря, то есть Гриши, – булькнул, хрюкнул, взвыл – и безнадежно заглох. Стали разбираться – в чём дело? И разобрались... Оказывается, Гриша что-то напутал в схеме соединений... И его руководящий авторитет стал на глазах оседать, как фундамент дома, заложенного на болоте. Но не тут-то было: не засосала грязная тряпина неуважения и презрения несокрушимый авторитет лидера самодельщиков, ибо и из безвыходного положения всегда есть один выход.

«Вы думаете, я ошибся?! – спросил Гриша свою малолетнюю банду, и, не дожидаясь злорадных ответов, величественно провозгласил, – Я просто показал всем вам, как не надо делать. Это урок вам! Учиться не на своих, а на чужих ошибках!»

Вот так и я, многогрешный, пытаюсь своим сочинительством показать, как не надо писать в стране, которой нынче ничего не надо, кроме чужой валюты! Впрочем, вряд ли кому этот урок будет впрок, ибо и без моих поучений, умеющих хорошо сочинять, с каждым годом на земле русской, во тьме непрочтения, всё меньше и меньше. И, наверное, это не так уж плохо, поскольку, как ни крути, но мало счастья дала народу своему великая русская литература. А если совсем честно, то и ума никому не прибавила... Скорее наоборот... И да здравствует тьма непрочтения, как залог мелкого человеческого счастья! И да сбудется время, когда русские люди вообще перестанут читать и смогут свободно учиться на чужих, а не на своих ошибках!

Но мне всё-таки немного грешно жаловаться на свою литературную судьбу. Мои тексты ещё пытаются читать некоторые как бы просвещённые люди, главные редактора газет и журналов, озадачиваясь тупыми вопросами: «Зачем он так пишет?.. Зачем ему это надо?!». И не только озадачиваются, но даже пытаются страха иудейского ради редактировать и беспощадно сокращать мои сочинения.

Я не постесняюсь озвучить фамилии настоящих мастеров озадачивания: это весьма известный борец с мировой закулисой за права человека Станислав Куняев (главред журнала «Наш современник») и менее известный поборник благолепия Владимир Фёдоров (главред «Общеписательской литературной газеты»).

Но сие не значит, что я имею к этим талантливым писателям и моим друзьям какие-то претензии, я просто хочу, чтобы их славные имена с моей помощью более отчётливо проступили на скрижалях отечественной словесности. Дай Бог долголетия и спаси от мерзости непрочтения замечательных счастливых! О, как я завидую их искреннему непониманию очевидного. Впрочем, как говорится: *«Но не дано, не дано, не дано, – значит, не надо!»*

И это истинная правда! Я даже стишок по сему поводу сочинил:

*Вновь проявляет мир внимание
К моей персоне – ого-го!
Но лучше жить непониманием,
Чем пониманием всего...*

Но удивительно, что ещё не перевелись в нашем гиблом Отечестве большие люди, вернее, люди большого стиля, такие, как академик РАН, мировое светило в области космической медицины, генерал Игорь Борисович Ушаков, потомок славного рода Святого воителя, легендарного русского флотоводца Фёдора Ушакова. Игорь Борисович Ушаков настроенно не озадачивается моими литературными опытами и принимает меня таким, каким я должен быть по замыслу Всевышнего. Он не только изучает мои труды, как писатель и учёный, но и включает некоторые мои высказывания в сборники цитат великих людей мира сего, ибо отчётливо понимает, что моя формула Бытия «Повторимое в неповторимом и неповторимое в повторимом» универсальна на все мыслимые времена, подобно Теории относительности гениального Эйнштейна.

Но есть и противоположные примеры. Некий, когда-то близкий приятель-неприятель, чья жена, естественно, была в меня влюблена, поскольку в те стародавние времена я служил в животноводческом колхозе «Власть труда» главным специалистом по выращиванию рогов, после получения мной из рук покойного Патриарха Алексия Второго Патриаршей премии Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия за книгу стихотворений «Страх любви», в сердцах возопил:

«Это какое-то затмение! Неужели даже Патриарх не видит: не за что награждать этого недостойного человека! Его читать невозможно и вредно!»

После моего триумфа он, дабы избавиться от рогов, скоропостижно развёлся с женой, но через год, видимо, умаявшись в безрожье от неполноты жизни, вновь сошёлся с легкомысленной бабёнкой. И, как мне передавали, по ночам, втайне от непобедимой супруги, закрывшись на кухне, тупо пытается читать мои книги и, дуря от непонимания, для облегчения своей убогой сущности, выкрикивает, дыша перегаром в открытую форточку с восемнадцатого этажа своей тухлой обители:

« Запретить Котюкова!
Запретить!!
Немедленно запретить!!!
И Осипова с Эйнштейном запретить!
Немедленно, как врагов русского народа!!!»

И ещё что-то непотребное в адрес меня и моих великих друзей. Видимо, лавры скоропостижно выпавшего с 37-го этажа охотника за ведьмами, сумасшедшего сенатора Маккарти покоя не дают...

И попробуй доплюнь с земли до его рогатой рожи! Я ведь не бешеный карлик Гоша, пионерский подельник Григория Борисовича Осипова, который запросто доплёвывает без помощи попутного ветра аж до шпиля высоты Министерства иностранных дел на Смоленской, т.е. Министерства вечной озаченности, как его нынче презрительно называют в высших сферах.

(Нет, не под силу мне такой подвиг, ведь я не карлик Гоша, а всего лишь первый писатель за всю историю России, удостоенный Патриаршей премии аж в 1997 году.

И напрасно некий посредственный строчкогон-деревецник Трупин, бывший коммунистический парторг и прочая, прочая, своевременно присягнувший на верность церковным чиновникам, утверждает, что он – первый! Да, первый, подобно журналистам, которые в годы Великой войны «...с лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом, первыми входили в города», – но! ...во втором эшелоне! Поэтому совершенно справедливо, что этого самоназначенца уничтожил оригинальный эпиграммой известный поэт Максим Грозный:

*Сочинитель – так не крупный,
Но скотина из скотин,
С непотребной мордой трупной, –
То ли Трупин, то ль Трупин!*

Уверен, что вот эти строки останутся в русской литературе, ибо от самого Трупина, несмотря на его самозванное первенство, не останется ничего! – Прим. Л.К.)

А другой мелкий околотитературный неудачник, злейший враг Эйнштейна и Оппенгеймера, некое существо с символической фамилий Огрызок, не отстал от моего старого приятеля-неприятеля и, страдая комплексом нечеловеческой неполноценности вывалил из своей тухлой душонки-тушёнки килограммы всякой мерзопакости в яростной попытке, очернив моё имя, хоть как-то остаться в отечественной словесности. И надо признаться, это ему удалось, ибо я, волей-неволей, вынужден был наградить Огрызка достойной эпиграммой:

*Огрызок – вот ещё ничтожество!
Завистной злобы торжество...
Литературное убожество, –
Не существо, а вещество.*

Но это существо-вещество не удовлетворилось достигнутым и попыталось обгадить вкупе со мной самого Григория Борисовича Осипова, смрадно изрыгнув:

*Котюков – мужик не прост,
Бороды не носит он...
Только сзади вырос хвост
По прозванию – Осипов!*

А ведь Григорий Борисович многие годы бескорыстно поил этого жалкого стихобрёха палёной водкой, докармливал просроченной колбасой и безуспешно пытался свести с красивыми женщинами гуманизма ради. И получил мерзопакость в ответ вместо благодарности. Вот и верь после этого в человечество, – и стоит ли роптать, что русские люди почему-то слишком часто плюют мимо урны. И поэтому совсем не удивительно, что светлое завтра не настанет никогда! Не поможет ни моя космология, ни теория относительности, ни принцип неопределённости, даже сам Григорий Борисович Осипов не поможет...

И взрывается хором озверевших, голодных голосов земное безмолвие:

– Да сколько можно кормить нас этих Осиповым?! Он что – Дон Кихот, Гамлет, Фауст, Робинзон Крузо, граф Монте Кристо, Родион Раскольников,

господин из Сан Франциско, или 666 прокуратор Иудеи, в конце концов?! Явный перебор Осипова в вашей космологии, Лев Константинович! Просто возмутительный перебор!.. Создаётся впечатление, что вопреки как бы отвергнутому Эйнштейном и вами принципу неопределённости – сами вы, Лев Константинович, исподтишка его исповедуете... Ибо ваш Григорий Борисович одновременно находится всюду, где ступала и не ступала нога человека, практически, да и теоретически, в каждой материальной и нематериальной частице обозримой и необозримой Вселенной. То есть грубо говоря, он всегда там, где его никогда нет! И отвечать за него должны вы, Лев Константинович! И отвечать будете по полной, как до рождения, как после смерти!

И тяжкая глыба вопрошающего безмолвия наваливается на меня.

Но мне нечего ответить, поскольку я сам никак не могу отделаться от впечатления, что Григорий Борисович Осипов всегда там, где его никогда нет, что принцип неопределённости, будь он неладен!, существует и работает, подлец!, вопреки Эйнштейну, и мне, многогрешному. М-да. Григорий Борисович, конечно, не Гамлет, не господин из Сан Франциско, не 666-ой прокуратор Иудеи, но всё-таки...

А озверевший голодный хор галдит, топает ногами, колотит чугунными кулаками в двери души моей, – и я угрюмо понимаю, что не спасусь в молчании, не отделаюсь отговорками, что мне жить нельзя, не свалю всё на Эйнштейна. Я должен сам ответить за всё, как после смерти, как до рождения. И вяло, повинно, почти с мольбой, выдавливаю:

– Виноват... Но я сам не знаю, что делать... Знаю только одно, что у человека нет никаких прав на милость Божью...

– А не надо нам никаких прав человека без человека! Выход всегда есть из любого безвыходного положения... Железный выход! – вопит из-за запредела агрессивное многоголосье.

– Но не всё так просто! – устало бормочу я.

– Всё значительно проще, Лев Константинович, и нечего голову ломать и лукаво впадать в мелкую ересь принципа неопределённости! Надо взять и решительно убрать этого Григория Борисовича, а не отступать от заветов Эйнштейна! – внушительно исторгают потусторонние голоса.

– Убрать?! Ну знаете ли!.. Про меня разное говорят, но я ведь не киллер какой-то... Хотя... – нерешительно возражаю я.

– Экий вы непонятливый, Лев Константинович!.. Для начала убрать художественно... А там видно будет... По примеру графа Толстого, который без лишних интеллигентских терзаний, поручик артиллерии, как никак, отправил на тот свет из романа «Война и мир» Андрея Болконского. Должно быть изрядно поднадоел он автору своей человеческой недалёкостью и бесперспективностью по женской части. И вообще стал в тягость для развития сюжета... – почти участливо уламывает меня нетерпеливое многоголосье.

(К сожалению, Лев Толстой своевременно избавившись от честного, но явно не очень умного, Андрея Болконского сам легко, как мелкую заразу, подхватил бациллу вольнодумной ереси-глупости и, как от хронического насморка, не излечился от неё до конца своего великого поприща и великих заблуждений в юдоли земной.

Впрочем, умных героев в произведениях исполина мировой литературы, как ни странно, почему-то практически нет. Разве можно назвать умными людьми всех этих Платонов Каратаевых, Безуховых, Вронских, Левиных, Облонских, Нехлюдовых вкупе с Наташей Ростовской и Анной Карениной?! Даже с большой

натяжкой никак нельзя! И это наводит на невольные, но весьма грустные размышления, которые я оставляю за пределами своей космологии ради краткости изложения и красоты стиля. Ну не говорить же мне напрямую читателям, что главные герои классической русской литературы – придурки, за редким-редким исключением. Например, Григорий Мелихов и Аксинья в трагической любви своей мудрые душой и сердцем до самых последних мгновений. – Прим. Л.К.)

– Однако, друзья!.. Однако! Убрать, говорите, как граф Толстой убрал князя Болконского? Я хоть и Лев, но всё-таки не Лев Толстой. И не граф... Гениальному графу всё можно было... Графы всегда князей недолюбливали... А Григорий Борисович, в отличие от князя Болконского, не так уж недалёк, как кому-то близко-руко кажется, и перспективен во всех отношениях, как герой нашего и не нашего времени. Нет, не могу!.. Как-то неприлично это... И если честно, то слишком прикипел я к своему персонажу. К тому же он – не смутный плод моего воспалённого воображения, а реальный объект-субъект мира зримого и незримого. Григорий Борисович не зазря в переписке с самим Эйнштейном состоял. Не могу!.. Рука не поднимается, затвор заедает, патрон в стволе на перекосяк идёт... Не могу – и всё! Вот великий Шолохов до последней строчки «Тихого Дона» так и не расстался с Григорием Мелиховым, несмотря на весь трагизм безысходной правды жизни и смерти. Никак не могу! Мне и так жить запрещают все, кому не лень. Отстаньте со своим людоедством! Меня самого и без ваших провокаций с аппетитом сожрала художественная литература... Нет, не дам я этой суке сожрать Григория Борисовича! И пусть не щерится своей грязной пастью в предвкушении подлого пира! Он – неуничтожимая частица моей личной Нуль-бесконечности, моей космологии, в конце времён последних, в отличие от многих брюхоногих, не желающих молиться за него в синагоге.

Только он умеет организовать листопады на Луне в разгар несрочной Весны, только ему дано право играть, нет, не в кости, а в шахматы по переписке в сверхсветовых пределах с Альбертом Эйнштейном, только он знает имя последнего человека Вселенной – и только ему суждено услышать голос Неба над водами многими...

И... и... и

И умолкнем, дабы не гневить Создателя
 знанием того, что до срока нельзя знать
 смертным даже в Нуль-бесконечности,
 вне времён последних,
 за пределом безмолвия и молчания!..

IV

Нет, что ни говори, но правы мои завистники и злопыхатели-недоброжелатели (да поразит их мечом, исходящим из уст, всадник на белом коне!), что мне жить нельзя и сочинять так, как я сочиняю, тем более нельзя.

Надо писать легко и просто, следуя заветам Льва Толстого, Альберта Эйнштейна и доктора Живаго в пределах Нуль-бесконечности и, естественно, в рамках непостижимой разуму теории единого поля.

Ну, примерно, вот так:
Лев Котюков

**Трое в сапогах и без сапог,
не считая Портянки***

пьеса-эссе в двух актах

(Не нужно тупо думать, что Портянка – это вонючая портянка из промокшего сапога. Портянка – это молодая, сдобная хохлушка Кристина Портянка из Бердичева, приехавшая, ха-ха-ха, по нужде на тяжёлые заработки к москалям. – Прим. Л.К.)

Акт первый.

Место действия: старый, полуобитаемый дом где-то в России, на тёмной окраине чего-то.

Действующие лица и предметы:

Трое в сапогах (3 штуки)
Кристина Портянка (1 штука)
Три бутылки водки (3 штуки)
Девять огурцов (9 штук)
Немытые стаканы (около 7 штук)
«АКМ» (1 штука)*

** («АКМ» – автомат Калашникова изначально назывался АК-47, поскольку был сконструирован гениальным Михаилом Тимофеевичем Калашниковым в 1947 году, то есть в год рождения автора пьесы, что наводит на определённые размышления.*

В 1949 году автомат принят на вооружение Советской армии и удостоен вместе с конструктором Сталинской премии 1-ой степени. Впоследствии неоднократно модернизировался и получил аббревиатуру «АКМ». – Прим. Л.К.)

Замусоренная, пыльная комната. На полу, заляпанном грязными следами, окурки, трупы дохлых мух и обглоданные рыбы кости. На грязном столе, в окружении немытых стаканов, стоят три бутылки водки, одна из них початая, и миска со свежими огурцами подозрительно больших размеров. За столом, напротив входа, вольготно сидит Портянка и с аппетитом хрупает огурцы. На крупных коленях Портянки, пригревшись, исходя смертоносной истомой, лежит на взводе «АКМ». Стакан с водкой перед Портянкой наполовину пуст, а вернее, согласно теории относительности, наполовину полон.

В комнату, с проклятьями, вваливаются трое в сапогах и злобно вопят:

Во, падла Портянка, не дожидаясь нас, огурцы жрёт!!!

Портянка стремительно хватает с колен «АКМ», вскакивает и пускает длинную очередь поверх голов невоспитанных хамов.

Трое в сапогах разом благоразумно падают на пол.

С потолка и со стен сыпется старая штукатурка и прочее.

С пола истошно доносится:
Ты чо, совсем ужралась огурцами?!
Портянка, бряцая дымящимся автоматом, готовым ревниво разрядиться до конца, яростно выкрикивает:
Огурцов захотели, уроды?! Лежать! Щас-с каждому в зад по огурцу засуну! Пусть в таком виде ваши бабы вас хоронить забирают! Ха-ха-ха!!! Хоблы, а не мужики!.. Москали грёбаные!

Занавес

Дальнейшее развитие сюжета, то есть второй неполной акт пьесы, на совети читателей, ибо, как говаривал Фёдор Михайлович Достоевский, «Жизнь богаче любой фантазии!»

Думаю, что если бы эта пьеса принадлежала перу Чехова, то вряд ли, Лев Толстой сказал бы Антону Павловичу, как однажды изрёк при личной встрече в Ялте в 1901 году:

«Об одном прошу, Антон Павлович, не пишите вы пьес, они у вас получаются хуже, чем у Шекспира...»

Может, вообще ничего не сказал... Хотя, как знать, как знать... Никто ничего не знает... Никто! И только Бог печально знает всё о человеке...

И очень хорошо, когда под запретом жизнь моя и сочинительство моё, ибо бессмысленно праведно жить и хорошо сочинять в стране, которой не нужно ничего, кроме чужой валюты и молодых хохлушек. Остаётся только ненавидеть себя за всё хорошее и нехорошее, полнить ненависть свою Нуль-бесконечностью и писать пьесы на потребу дня типа «Трое в сапогах и без сапог, не считая Портянки». Но каждый из нас творение Божье – и самоненависть – тяжкий грех, а не осознание своей невыносимой греховности. И надо через силу, через злое «не могу», возлюбить неудачи свои, как чужие, – и улыбочиво привечать симпатичных хохлушек и не хохлушек, а также прочее движущееся и не движущееся.

И всё-таки жаль, что я подался в лирики, а не в физики! По сему поводу на заре дней моих не зря сам Эйнштейн сокрушался.

И поэтому совершенно справедливо меня добил талантливый поэт, замечательный человек и, естественно, мой друг и соратник, выпускник МИФИ, между прочим!, первейший из первейших учеников академика Сахарова, Сергей Антипов, вымолвив:

«В лирике, Лев Константинович, вы нашли себя, но вот для большой физики вы, увы, безвозвратно себя потеряли... Эх, напрасно вы не послушались Эйнштейна... Совершенно напрасно!... Вот поэтому и склоняет вас почём зря разная околотитературная сволочь типа Огрызка Бездаренко!»

И с таким горьким сочувствием посмотрел на меня, что я чуть не вывалился из его шикарного «Лексуса» в холодную подмосковную лужу.

«Эх, пропала жизнь! Пропала!!! Искал лучшего, а не нашёл даже худшего! – набатом застучало в висках, – А ведь какие открытия я мог бы сделать в теоретической физике, следуя заветам Эйнштейна!.. Никому мало бы не показалось... И не влачил бы нынче жалкое существование в роли безвестного, полузапретного сочинителя, во тьме непрочтения, на окраине русской жизни. Я, ого-го, где влачил бы своё величие!.. В Принстоне или Хьюстоне!.. И не искал бы худше-

го... А уж Нобелевскую премию получил бы так, между делом... По низжайшей просьбе всей мировой общественности... Бил Гейтс, Джорж Сорос и Дэвид Рокфеллер передо мной за километр шапки ломали бы! А сейчас кто я в гиблом отечестве своём?! Никто! От меня морды даже не кандидаты наук воротят, не говоря уже о бездарях от худ. литературы, будь она неладна. Пропала жизнь вчистую! А я ведь мог Шопенгауэром Спинозой стать, Ницше Кафкой, Сартром Сент-Экзюпери, трижды Героем Социалистического труда, академиком Харитоном Зельдовичем, яйцеголовым, тупым датчанином Нильсом Бором, на худой конец!.. А стал? Тьфу!.. И говорить не хочу...»

И словно подслушав мои горькие мысли, сидевший доселе в молчании, наш соратник, герой битвы за Сирию, полковник Игорь Витюк командно изрёк:

«Не всё так мрачно, Лев Константинович! Мы ещё увидим небо в якутских алмазах! И эти алмазы будут светить нам!»

И трудно, да и невозможно было возразить ему, поскольку мы возвращались домой после успешных переговоров с известным олигархом из Якутии, фамилию которого я не озвучиваю ради краткости изложения и красоты стиля.

Но в этот момент, с необоримой печалью, до последней, невысказанной глубины, вдруг почувствовал я, что каждая частица непостижимой Вселенной одновременно существует в любой точке мира зримого и незримого, что моя Нуль-бесконечность всегда там, где её нет, что, она, как первая любовь, навек забыла меня, что, как глаголет книга Царств: *«Остался я один, и моей души ищут...»*

Но образ великого Эйнштейна тотчас возник передо мной из тьмы незримой. Гений укоризненно покачал головой: дескать, что ж ты, Лёва, неужели из-за греховного уныния готов, как последнюю любовь, забыть навек теорию относительности – и впасть в прелесть принципа неопределённости?..

И морок враз сгинул в нетях, и я всей душой до последней колокольной глубины ощутил, что моя Нуль-бесконечность во мне на веки вечные – и только Всемиловейший Господь вправе лишит душу мою незаслуженного ею дара.

Но не возгордилась душа моя даром сим, и, дай Бог, не возгордится во временах последних. Истинная поэзия – это вечное невозможное в мире упущенных и опущенных возможностей. И я не какой-то там поэт, который, исторгнув из себя жалкий стишок, пьяно и смрадно вопит в рожи собутыльников-стихобрёхов: *«Это моё!»*

Дурак, закрой рот и открой уши, если ты действительно поэт и сочинил что-то путное, молчи и помни: это не твоё! В мире Божьем всё не твоё! Всё не в тебе, и ты не во всём! Но ежели ты только мнишь себя поэтом – и бездарно сочиняешь всякую беспутную дрянь, вот это действительно твоё, и никто эту дрянь сокровенную у тебя не отнимет. Оставайся с нею в мерзости гордыни до конца жалких дней своих, и мни себя владельцем пустоты от разбитой водочной бутылки.

Впрочем, эти отвлечённые рассуждения не имеют отношения к моей космологии, поскольку проповедовать нравственность неудавшимся поэтам и, ха-ха-ха!, удавшимся поэтессам, – дело скорее глупое, чем безнадёжное, ибо безнадёжность – конечна, в глупость – никогда.

Один мой приятель-неприятель, тупой недобиток-деревенщик от литературы, учил, учил псевдорусской мифической праведности кого не лень – и вдруг узнал, что его жена с любовником тайком посещают синагогу. Но он не повесился от потрясения на любимой берёзе в своём дачном навознике, не развёлся, не набил морду жене и её любовнику, как следовало бы сделать нравственному

человеку, а завёл любовницу-полячку и стал с нею демонстративно посещать католические молельные дома. Но по-прежнему брехливо продолжает спасать Русь Святую от гибели. Урод – да и только!

А посему пора закруглять мою космологию в Нуль-бесконечности, что-то я подустал от самого себя, как после смерти, как до рождения, коль попытался неловко призвать к нравственности не ведающих что творящих. Ведь некоторые из оных даже Эйнштейна пытаются низвергнуть с космологических высот, не говоря уже обо мне, многогрешном.

Нашлись придурки, которые публично озвучили пять доказательств ошибочности теории относительности, и, естественно, моей скромной космологии. Что касается меня, то смиренно промолчу, дабы не вдохновлять кретинов на новые подвиги во имя невежества, ибо вдохновенный кретин опаснее весенней голодной гадюки. А мне и без гадючного яда жизнь противопоказана, а сочинительство моё равносильно преступлению, поскольку истинный талант для кретинов всегда вина.

Но хватит о себе! Бог – не враг даже врагам Божьим. Милость Божья – это не награда, а торжество справедливости. Ищущий спасения в своей праведности жаждет прославить не Бога, а свою правоту многогрешную... Поэтому ещё раз – хватит о себе! Ибо не зря сказано в Святом Писании: *«...не думайте о себе более, нежели должно думать, но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил»*.

А посему вернёмся к пяти пресловутым доказательствам «неверности» (!!!??? – *Прим. Л.К.*) великой теории Эйнштейна.

Некий, как ни странно, солидный учёный в одном из отрицательных горедоказательств почему-то использовал огурцы и трёх мужиков в сапогах, которых я энергично прописал в пьесе «Трое в сапогах и без сапог, не считая Портянки». Оно, конечно, весьма приятно мне, как автору, но с другой стороны – не очень. Да, велика сила искусства! Но не для отрицания же Эйнштейна я использовал в своей пьесе – ту великую силу?! И вообще, какого рожна он мою пьесу смотрел?! Лучше бы лишний раз во МХАТ сходил на чеховские «Три сестры», или «Дядю Ваню»... Может, тогда и отвратился бы от глупости своей, дабы со смирением жить чужой глупостью, а не пьяно замахиваться разбитыми очками на самого Эйнштейна.

Ну так вот... Из его идиотских исчислений получается, что следуя теории относительности, три мужика в сапогах, отправившись в чужие огороды за огурцами, должны за полчаса постареть на 878 лет по Гринвичу каждый, то есть где-то приблизительно на 2600 долларов вкуче. А расстояние между похабным мужичьим прибежищем и огородами должно сократиться в 325 раз, то есть до пятидесяти пяти сантиметров, не говоря уже о том, что хохлушка Кристина Портянка в этом «пространстве – времени» должна без вести пропасть вместе с тремя бутылками водки и «АКМ»-ом, и объявиться в Татарстане без водки и без «АКМ», но в парандже. Мало того, огурцы, уворованные троицей в сапогах по дороге на блахату обязаны стать треугольными, покраснеть и увеличиться в размерах приблизительно в 12 раз. Что вроде бы, на первый взгляд, неплохо, а на самом деле ужасно, поскольку огурцы – гиганты за время пути с чужих огородов до грязного стола обретут твёрдость гранита – и, ну никак не годятся под палёную водку.

Ну не театр ли абсурда подобные исчисления-измышления?! Ведь в моей сугубо реалистической пьесе «Трое в сапогах и без сапог, не считая Портянки» всё происходит по законам правды жизни и смерти в рамках теории единого поля.

Когда я жёстко указал на это горе-ниспровергателю Эйнштейна, он, скотина, в ответ понёс нечто совершенно несуразное, что, дескать, я сам предложил зрителям дофантазировать продолжение пьесы. Да, предложил, не отрицаю, но в разумных пределах. И не ему, дураку, предложил... Видимо, крепко всё-таки кто-то приложил его по очкам. И сдаётся, что вполне заслуженно. Не мешало бы, и добавить, поскольку дальше он стал плести какую-то совершенную ерунду по поводу несостоятельности континуума «пространство-время», введённого Эйнштейном в теоретическую физику, и который неопровержимо подтвердил экспериментальным путём мой друг, земляк и родственник, профессор Ротенберг Зайцев из Верховского района Орловской области.

Но, как говорится, дураку закон не писан, если писан, то не читан, если читан, то не понят, если понят, то не так, ибо вышеупомянутый дурак стал утверждать, что нельзя соединять в одно понятие протяжённость, то есть пространство и длительность, то есть время, ибо это противоречит здравому смыслу. Уж помолчал бы, жалкий безумец, о здравом смысле. О каком смысле вообще можно говорить, если мы практически и теоретически ничего не знаем о природе времени. Кто ответит: куда направлен вектор времени – в прошлое или в будущее?! Никто. Кретины, знающие ответ – не в счёт. Мы придумали для своего бытового удобства трёхметровое линейное время, но сколько истинных измерений имеет время Бытия и небытия, не ведаем. Да ладно, хватит! На оспаривание разной глупости у меня нет времени, поскольку оно мне давно не нужно. Приблизительно то же самое можно сказать и о нашем пещерном понимании вселенского пространства. Может быть, в истинном понимании мироустройства: пространство – это время, а время – это пространство.

Но ниспровергатель теории относительности не уgomонился после моего укорота и стал вякать, что скорость света, то есть предел скорости, введённой Эйнштейном, не является пределом, что «учёные», ха-ха-ха!!!, якобы обнаружили какие-то частицы, имеющие сверхсветовую скорость. Горе от ума – и только! Мой друг, земляк и родственник профессор Ротенберг Зайцев из Верховского района Орловской области неопровержимо доказал, что если даже эти сверхсветовые объекты существуют, то они никак не опровергают Эйнштейна, а, наоборот, способствуют распространению теории относительности за пределы сверхсветовые. Впрочем, лично я этих сверхсветовых объектов не замечал ни во сне, ни наяву, ни в трезвом, ни в пьяном состоянии. А замечал совершенно противоположное: ну, например, отсутствие денег в пустоте без тьмы и света. И если кто-то не понял сказанное и не хочет принять моё сокровенное, как очевидное, то пусть довольствуется этими строчками:

*Меня со страхом принимают,
Но, если честно, то не ждут.
Обидно, что не понимают,
Ужасно, если вдруг поймут!..*

Ха-ха-ха!!!

А вот замечательный поэт Николай Рубцов, в минуты музыки печальной, меня очень понимал и Теорию относительности принимал, как явное, говаривая:

«Денег почему-то нет, а водка почему-то есть! Водка кончается, а поэтессы никогда!..» – и что-то ещё не менее убедительное в этом роде.

Кстати, сам Николай Рубцов, будучи матросом Северного флота, получил смертоносную дозу радиации во время испытания первой водородной бомбы Цукермана на Новой Земле, что вкупе с сумасшедшей поэтессой способствовало столь раннему уходу поэта из жизни.

V

О, как неловко моё сочинительство! Как я умаялся от него!.. Куда меня заносит неверное течение искренних слов?! На околицу жизни моей, в годы ранние... Вот-вот – и исчезну я в пропавшем времени... Нет, так дело не пойдёт! Надо одолеть, укротить тёмный поток, и наперекор ему, и себе самому вопреки, вернуться в страну, которой не нужна поэзия, которой не нужна теория относительности, которой вообще ничего не нужно, кроме чужих денег и молодых хохлушек!

И я возвращаюсь!.. Тяжело, медленно, невесело, но возвращаюсь...

И гнусавит надо мной, как над усопшим монах, ниспровергатель Эйнштейна, о каких-то пьяных мужиках в сапогах и без сапог, которые, ну хоть убей, никак не донесут ворованные огурцы в дом, которого нет. И никогда не дожждётся трёх кретинов красавица-хохлушка Кристина Портянка в доме, которого нет.

Эка невидаль!.. Мало ли кто кого не дожждётся... Я сорок лет назад послал за водкой некого Володю Фельдмана, человека с истинно русской фамилией по кличке Тишман, человека более несчастного, чем талантливый. И пропал человек! Сорок лет минуло, а его всё нет! И портфель, который я ему дал, трофейный портфель покойного отца-фронтовика с латунной табличкой на боку «Штурмбанфюреру Отто фон Шеллингу от верных соратников по СС» пропал. И ни русской водки, ни немецкого портфеля, ни дома родного... Так как-то всё!.. Так как-то...

И ни от того ли вдруг кажется, что нахожусь я не где-то в России, а почти на Луне, что моя жена не моя жена, а жена начальника полиции Лас Вегаса, что мой сын с его бесчисленными жёнами всего лишь невинный отрок Митя Карамазов, что временно выпавший из моей космологии Григорий Борисович Осипов, не ученик Эйнштейна, а всего лишь 666-ой прокуратор Иудеи, владелец Гольфстрима и ледокольного флота Швейцарии, что мой литературный хулигатель бездарь Огрызок не так бездарен, как ему самому кажется, что...

Да хватит, в конце концов!!!

Вот до чего могут довести бессмысленные споры с крестинами земли русской, ибо крестин – это не профессия, а призвание, поскольку тупое вдохновение крестинизма не ведаёт пределов в пространстве-времени, что косвенно, ха-ха-ха!, необоримо говорит в пользу Теории относительности.

Поэтому не буду вдаваться в дальнейшее противостояние с врагами истины и не распылять драгоценное время благосклонных, а может, неблагосклонных читателей, на чепуху.

Но единственное, с чем, волей-неволей, вынужден частично согласиться, внимая ниспровергателью Эйнштейна, это с его догадкой по поводу хохлушки

Кристины Портянки. Здесь жалкий подлец малость уел – и меня, многогрешного, великого ценителя красивых хохлушек, и самого Эйнштейна, который тоже был не промах по сей части. Ведь свою гениальную догадку о существовании во Вселенной чёрных дыр он высказал именно после общения с гарными хохлушками где-то в Америке в конце сороковых годов прошлого века.

(В молодые годы я сам чуть не женился по любви на хохлушке, дочке генерала, между прочим... Но каким-то не ясным образом отвертелся... Думаю, по воле Божьей. Недавно первая любовь приснилась мне – и во сне, будто наяву, она была прекрасна. И я был красив и молод, как популярный французский артист Ален Делон на пике своей славы.

– Это ты? – тихо спросила она.

– Конечно, я, кто же ещё! – радостно ответил я.

– Нет, это не ты... Откуда мне знать, что это ты?.. Но я верю, что это ты! – был ответ.

– Если веришь, то здравствуй! – глупо возликовал я.

– Не могу! Мне надо идти! – тревожно вскричала она.

– Далеко?!

– Не знаю! – почти прошептала она.

И всё исчезло. И серая стынь рассвета обрушилась на меня. Но ужас внезапного пробуждения отчётливо высветил в сознании образ первой любви, и я с горечью понял, что сегодня она умерла. – Прим. Л.К.)

О, Боже, как я устал от примечаний к самому себе! Ещё чуть-чуть – и я в прямом, а не в переносном смысле, обращусь в бесконечное примечание к тексту, которого нет. Но не дрогни, рука моя, и продолжай выстраивать верные слова в несокрушимые ряды по воле Божьей, дабы занудные примечания не сжигали, а наполнили остатние годы неладной жизни моей, дабы душа никогда не забывала, что она всегда при дверях Страшного суда и впереди только Нуль-бесконечность.

А посему вернусь к хохлушке из Бердичева Кристине Портянке, но художественно, а не по законам правды жизни и смерти, заодно и к трём пьяным мужикам в сапогах, любителям чужих огурцов под водку. С мужиками в принципе всё ясно... Страшно далеки они от Эйнштейна, а вот с Портянкой полный туман, ибо для хохлушек, которые являются живыми носителями чёрных дыр, Теория относительности – семечки. Они совершенно спокойно могут как ниспровергать великого Эйнштейна, так и возносить. Это неопровержимо доказал мой друг и родственник, профессор Ротенберг Зайцев из Верховского района Орловской области на многочисленных экспериментах с молодыми хохлушками, наличие коих в Московии нынче перешло все мыслимые пределы. Хохлушкам абсолютно не ведомы законы физики, химии и лирики, а также прочие научные условности типа принципа неопределённости. А если даже ведомы, то воздействие земных условностей на этих особ равно нулю даже в Нуль-бесконечности.

И вообще: природа, вернее, Создатель не знает наших физических и лирических фантазий. Все придуманные человечеством научные постулаты для удобства своего жалкого существования и оправдания немощи сна разума типа линейного времени не более, чем бред больного воображения. Есть человек – есть линейное время. Нет человека – и линейного времени нет. Есть человек – есть закон, неважно какой – нравственный или научный. Нет человека – и закона нет, ни научного, ни нравственного. А коль нет закона, значит, и преступления нет. И, стало быть, греха нет! А коль греха нет... Но стоп, стоп, оборвём на этом наши причинно-следственные рассуждения не только

ради краткости изложения и красоты стиля, но и ради душевной безопасности, ибо безоглядно следуя далее, мы можем впасть в чудовищный логический коллапс с самыми непредсказуемыми последствиями для мироустройства.

А посему вернёмся к молодой, аппетитной хохлушке Кристине Портянке.

И на сей счёт не лишне вспомнить поговорку незабвенного Григория Борисовича Осипова, которой он сопровождает свои молниеносные шахматные комбинации и матовые ходы, давая сеанс одновременной игры Биллу Гейтсу, Джорджу Соросу, Давиду Рокфеллеру и примкнувшему к ним Придворковичу: «Мужики, которые ходят вокруг да около хохлушек без дела, не мужики, а врачебные ошибки!»

И это абсолютная истина! Такая же, как Кристина Портянка, которая, даже следуя теории относительности, ну никак не могла исчезнуть с «АКМ» из дома на окраине чего-то, не доев огурцов – и возникнуть через 287 лет в парандже, да ещё в Татарстане – и почему-то без «АКМ».

(Странные люди эти Гейтсы, Соросы, Рокфеллеры и примкнувшие к ним Придворковичи! Не счесть, сколько раз они позорно проигрывали в шахматы Григорию Борисовичу, но упорно играют и играют, упорно проигрывают и проигрывают.

И поразительно неправильно ходят не только в шахматы, но и вокруг и около молодых хохлушек. Просто удивительно туповатые люди, чтоб им жить, как Сталину на одну зарплату. Я-то не играю в шахматы с Григорием Борисовичем, знаю, что у него выиграть невозможно даже покойнику, поэтому берегу своё время, вернее, бытие – и не хожу без дела вокруг да около молодых хохлушек – не смотря на все мыслимые и немыслимые риски для жизни и прочего, без чего обитание моё в юдоли земной не имеет смысла. – Прим. Л.К.)

Кстати, опять об «АКМ», без которого Кристина Портянка не делает ни шагу в моём исключительно честном повествовании.

Изначально автомат назывался АК-47, поскольку был сконструирован в 1947 году, аккурат в год моего рождения на радость всему прогрессивному человечеству. Я – ровесник автомата Калашникова и горжусь этим, ибо в наши дни «АКМ» единственное проявление русского духа на гнилых подмостках мировой истории. И осмелюсь надеяться, что когда эти подмостки рухнут и обратятся в песок, в пыль, в прах, автомат Калашникова останется и будет безотказно работать на радость последнему выжившему человеку Земли под чёрным солнцем над водами многими.

И не лишне знать вдумчивым, любознательным читателям и нечитателям, следуя частной теории относительности, что пули из «АКМ» более легко и охотно входят в бритые черепа любителей русской водки под ворованные огурцы, нежели в аналогичные черепа любителей французского шампанского под турецкие помидоры. И это не моё умозрительное заключение, не воспалённый плод авторской фантазии, а медицинский факт, неопровержимо доказанный на многочисленных экспериментах моим другом и родственником, профессором Ротенбергом Зайцевым из Верховского района Орловской области. Который попутно также неопровержимо доказал, что безотказность автомата Калашникова равнозначна безотказности молодых хохлушек из Бердичева, Житомира и Полтавы, что москалю с «АКМ» абсолютно не страшен хохляцкий секс, бессмысленный и беспощадный.

А поскольку наша, да-да!, абсолютно наша в доску гробовую хохлушка Кристина Портянка должна доесть огурцы под водку и до конца разобраться с невоспитанными москалями в грязных сапогах. Не буду томить поклонников Эйнштейна недосказанностью и угощу их досыта подло сокрытым мною

вторым актом из пьесы «Трое в сапогах и без сапог, не считая Портянки», который я легкомысленно доверил убогой читательской фантазии.

«Мы ещё увидим небо в анчоусах!» – вопит кто-то из этих фантазёров.

Да чтоб ты подавился этими анчоусами! Тьфу!!!

Эх, ты, отрывка постмодернизма!..

А шампанского в ананасах не хочешь засосать?! Попробуй, дурак, а я посмотрю, как у тебя это получится...

Грустно, когда за душой только «ананасы в анчоусах...». И одно остаётся: сжигать мосты, которые задолго до тебя взорваны, ибо там, за рекой, в тени деревьев, другого берега нет.

VI

Трое в сапогах и без сапог, не считая Портянки.

пьеса-эссе в двух актах.

Акт второй

Те же действующие–бездействующие лица и предметы, и примкнувшие к ним благородные бандиты, давние подельники Кристины Портянки:

Гоша по кличке Шуруп – 32-летний рецидивист, до первой ходки заочно учился в Литинституте имени Горького.

Паша по кличке Кувалда – 35 лет, окончил философский факультет МГУ

Альбертик по кличке Эйнштейн – студент-недоучка Физтеха (1990 – 2017 г.г.). В данном акте уважительно отсутствующий по причине преждевременной гибели от бандитской пули.

Замусоренная, грязная комната как бы озаряется посторонним светом и обочь Портянки, словно из-под земли возникают Гоша и Паша с пистолетами в руках.

Портянка (Потряся «АКМ»-ом, который прикован наручником к её левой руке, словно в одиночестве, тоскуя, восклицает):

В Москву! В Москву! В Москву!

Гоша (бодро): Да хоть в Бердичев! Джип при дверях... С ветерком домчимся! (подходит к столу, машинально выпивает стакан водки).

Паша (брезгливо тыча пистолетом в сторону распластанной на полу троицы в сапогах): А с этими что делать?!

Портянка: А что хотите! Засуньте им всем по огурцу – куда надо и пушай, уроды, катятся к своим жинкам.

Гоша и Паша с хохотком-юморком-матерком лихо выполняют наказ своей подельницы и, под пистолетами великодушно отпускают скучную троицу без сапог и штанов, но с огурцами, ха-ха-ха!, в соответствующих местах.

Трое без сапог и штанов, тихо матерясь и болезненно карячась, неловко исчезают в грязной тьме.

За сценой музыка играет военный марш, все слушают.

Портянка (не выпуская из рук прикованный «АКМ» в такт маршу восклицает): В Москву! В Москву! В Москву!

Паша Кувалда: Вы слышали, как поют дрозды?!

Гоша Шуруп: А мне эти дрозды до... В голове у меня всё перепуталось... Ты, Кристинка, поосторожней с автоматом, он ведь иногда стреляет... И на хрена ты его браслетом к руке приковала?!

Портянка: Не твоё собачье дело, Шуруп! Так надо! А где Альбертик?! Чо нету между тут Эйнштейна?

Гоша Шуруп: Не между тут, а между здесь! Замочили вчера Эйнштейна! На ходу, в лесопосадках пришлось хоронить... Без попа, без креста, как без вести пропавшего...

Паша Кувалда (как бы в сторону): Эйнштейн – хороший человек, но одним Эйнштейном больше, одним меньше – не всё ли равно. Какая разница: что жопа, что задница! Всё иллюзия, всё обман... Нас нет, ничего нет на свете, мы не существуем, нам только кажется, что мы существуем... Бог отдыхает, и нас нет даже во сне...

Портянка: В Москву! В Москву! В Москву! А ну руки в ноги!

Иначе разденусь – будет, куда греху вцепиться!.. Только в Москву!

Гоша Шуруп: Далась тебе эта Москва! А раздеться ещё сто раз успеешь... И здесь, и в Москве. Вчера, как Эйнштейна закопали, вылил целый флакон французского одеколona на руки, а они всё равно трупом пахнут.

Портянка: Наверняка одеколон поддельный. Возьми мои духи в сумочке, сразу дух Эйнштейна перешибёшь.

Паша Кувалда (кивая на брошенные грязные сапоги и штаны опущенных мужиков): А с этими дерьмом что делать?

Портянка: Плюнь! Они никому теперь не нужны – ни мужики, ни сапоги, ни штаны... Давайте посидим вместе, помолчим, Эйнштейна помянем.

Паша Кувалда (разливая водку по стаканам, тихо напевает): Та-ра-ра-бумбия...сiju на тумбе я... (деловито забирает со стола непечатые бутылки, грязные стаканы и оставшиеся огурцы, как бы в сторону говорит) Нас даже во сне нет! Ничего нет, существует только неизвестное.

За сценой слышится нечеловеческая музыка Моцарта из «Волшебной флейты».

Портянка: О, как играет музыка! Один ушёл от нас совсем, ушёл навсегда. Мы остались одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить!.. Придёт время, все узнают, зачем всё это, для чего наши страдания, почему Бог забыл про нас... И не будет никаких тайн... А пока надо жить! Надо работать, только работать! (заедает водку огурцом)

Паша Кувалда: Тара...ра...бумбия... сiju на тумбе я! (допивает свой стакан) Всё равно! Всё равно! Не так ли?!

Гоша Шуруп (хрупая огурцом): Не могу знать, но согласен, что всё говно, если даже не говно... Ха-ха-ха!

Портянка: О, как играет музыка! Теперь осень, скоро придёт зима. Снег засыплет трассы дальнoбойщиков, а я буду работать, буду много работать... Пройдёт время, и мы уйдём навеки! Нас забудут, забудут наши лица, голоса – и сколько нас было. Но страдания наши перейдут в радость для тех, кто, слава Богу, не знал нас никогда. Может, и нас помянут добрым словом... Будем жить! О, как играет музыка! Кажется, ещё немного, и мы узнаем, зачем мы живём, зачем страдаем... Если бы знать! Если бы знать!

Музыка играет всё тише и тише.

Портянка (задумчиво): В Москву... В Москву... В Москву...

Паша Кувалда (еле слышно): Если бы знать, если бы знать...

Портянка (выходит с «АКМ»-ом на край сцены, выпускает длинную очередь в зрительный зал и восклицает): Чтоб знали, уроды! Чтоб знали!

И прикованный к запястью «АКМ» в унисон хозяйке смертоносно грохочет до последнего патрона: Чтоб знали, уроды! Чтоб знали!!!

Занавес

Бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в овации. Истошные крики «Браво!!! Браво!!! Автора!!! Автора!!!»

На сцене появляется Чехов, загримированный под Котюкова, а, может, наоборот, Котюков, загримированный под Чехова.

Думается, второй акт пьесы «Трое в сапогах и без сапог, не считая Портянки» являет собой повсеместное торжество Теории относительности Эйнштейна и моей Нуль-бесконечности. Все тщедушные попытки гнусно опровергнуть Эйнштейна и похоронить вместе со моей космологией ничтожны, бессмысленны и бесполезны, как огрызки огурцов без водки.

И...и...и...

Да лучше не досказать, чем пересказать, ибо то, что я не досказал верно, потому что правильно.

VII

Этот сумасшедший мир не достоин даже сумасшедшего дома в захудалой русской провинции! И да поглотят воды многие сонмы безумных лиц, недостойных Бытия Божьего! И да отобразится Божий лик в водах многих!

Но стоп, стоп, стоп!!! Неужели это мои слова?! Неужели мои?! Не имею я права на эти слова – и помимо воли моей, как необоримый свет из чёрной дыры безвременья, вырвались они из души. Но отвечать за них должен я в стране победных поражений и непростительных побед.

И я отвечаю! Поэтому не беру жестокие слова свои обратно!

И не собираюсь, подобно Гоголю сжигать этот текст во тьме непрочтения, дабы заслужить одобрение тупых современников. Да и одобрение несовременников мне тоже как-то по барабану. Я – не праведник, я – рядовой веры православной. Сила веры в самоограничении! Но немощен я нынче, ох как немощен! И Гоголь очень кстати припомнился, ибо он задолго до меня и до Эйнштейна, в гениальном «Вие», неопровержимо доказал, что для молодых ведьм-хохлушек Теория относительности – жареные семечки. Грубо говоря, наличие данных объектов, вернее живых чёрных дыр, является исключением из правил, в Абсолюте только подтверждающих правило, то есть истинность великой теории в стране, которой нынче ничего не надо, кроме чужой валюты и молодых хохлушек.

А я, словно семинарист Хома Брут, мечусь в меловом круге, как в смрадной яме со змеями и пауками, в центре заколдованного державного града, и жуткий железный голос компьютерного Вия из астрального Миргорода взывает с нечеловеческой ненавистью:

**«Поднимите мне веки...
Я хочу видеть этого человека!»**

И не желает злая нежить понимать, что я давно нечеловек, что мне жить нельзя, что ничего живого во мне нет кроме Нуль-бесконечности, что даже на борьбу с самим собой сил не осталось...

Но я горжусь, что ещё слышу слова неизречённые, а не только голоса нечеловеческие из жутких глубин сатанинских, и моя гордость за себя полна смирения перед Богом, – и никто никогда не победит смиренную гордость мою, ибо превратным умам не познать волю Божью.

**Ад – всегда по заслугам!
Рай – никогда!**

Гении кажутся простым смертным – счастливыми в единственной славе своей, а на самом деле они более несчастливы, чем все остальные в единой безвестности и в едином бесславье.

Яркий пример тому Антон Павлович Чехов... Мир его праху!

И какое-то мерзкое желание – поспешать, ибо всё больше знающих как жить без Бога. Не желаю никуда спешить! Но как трудно преодолеть морок общности! А люди упорно спешат и спешат ради иллюзорной экономии времени, но на самом деле воровства оно, а иногда просто ради воровства, поскольку воровство в России – дело законное.

И я кое-как, но преодолеваю себя и не спешу «кончать»! свою космологию, поскольку мои ярые враги, как им простодушно кажется, уже покончили со мной. Я практически да и теоретически давно не думаю о них, но они, не смотря на мою «законченность» почему-то с упрямой гнусностью думают и думают обо мне, словно об Эйнштейне, тщеславно надеясь ниспровергнуть очевидное и непостижимое.

Ха-ха-ха!!!

Тоже мне, Лжевии отыскались... Идиоты, а не Лжевии...

Но скрежещет потусторонний железный голос с ненавистью нечеловеческой:

«Поднимите мне веки!!!

Приведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека!

Эй, кто там, приведите его ко мне!

И в наручниках!..»

И возникают из ниоткуда, застыт сознание, топчутся в памяти какие-то нездешние имена и клички типа:

Пабло Картасар дон Пасос, Янкель фон Кербель,

Никола Тесла Упеник, Янко де Недокупала,

Карлос Фуэтес Уитмен, Дермидонт фон Бабель,

Якуб Ирадион Танк, Кондрат дон Гордон,

Филимон Купер Кранц, Ибальчич Кибальчиш,

Карла дон Цеткин, Оноре Рене Делон,

Ребиндранат Ребинтроп Кагор Молотов –

и примкнувшая к ним Вера фон Колонтай Засасулич...

ТЬФУ!!!

И!.. и!!.. и!!!

И – дыр –
– бул –
– щер –
Толь – моль – убещур –
Уир – пустодыр – вий – рукат –
Овир – мон шер –
Шарль де голь – перекаат –
Дурбандыл!!!
У-у-у!!!

Кто это там воеет?! Заткните ему пасть пережёванным лимоном с солью! И без этого урода молчать тошно...

Просто нетихий ужас какой-то! Вот они гнилые плоды моей образованности! Что за имена дикие вокруг меня?! Не успеешь плюнуть через левое плечо, как имя своё позабудешь... И я почти забываю себя... И не то из головы, не то в голову лезут стихи советского поэта:

Словно распад сознания
Полосы и круги,
Ржавые топки смерти,
Мертвые рычаги...

Ещё чуть-чуть и я выкрикну: «Роди меня, мама, обратно!» Ещё чуть-чуть и моя космология обратится в «Записки сошедшего с последнего поезда на тот свет». И скалитесь во тьме неведомый враг и выхрюкивает смрадно в форточку: «Досочинялся! Вязать его!».

И словно Вий, внимая уроду, вопит весь компьютерный, железобетонный Миргород:

«В наручники!!! В наручники его!!!»

Но образ Эйнштейна проступает из тьмы и медленно, но безнадежно отступает морок безумия и знаменитая формула бытия: $E=mc^2$ въявь обращается в слова Святого Писания:

*«У Бога один день, как тысяча лет.
А тысяча лет, как один день...»*

И тают, как чужие следы на воде, все противоборные доказательства, которых оказывается аж пять с плюсом! Да хоть двадцать пять с минусом! Теории относительности, общей и частной, от этого ни жарко, ни холодно. Она есть, если даже её нет! Ха-ха-ха! Впрочем, отрицание – это уже признание, ибо нельзя отрицать то, чего нет.

Вон сколько нагородил воинствующий и невоинствующий атеизм «научных» и ненаучных доказательств отсутствия Творца! И что?! Ума что ли прибавилось кретинам от сих доказательств?! Нисколько!

Богословие в ответ привело во сто крат больше доказательств Бытия Божьего. И, слава Богу, кое-кто действительно, вняв истине, обрёл разум и веру обрёл. И это прекрасно!..

А Бог?! А Богу ничего не прибавилось и не убавилось, ибо Он неизменен. И Ему равно безразличны как отрицательные, так и утвердительные человеческие доказательства Его существования, поскольку Он – не человек. И только сатане ничто человеческое не чуждо...

Как страшно владеть словом, но страшно, когда Слово владеет тобой – и до рождения, и после смерти. Я не знаю, владеет ли мной Предвечное Слово, но робко надеюсь, что владеет – и почти слышу слова неизречённые. Но земные слова не отпускают меня, они словно наручники сковывают руки мои, и чем яростней я пытаюсь высвободиться, тем сильней и болезненней впиваются они в плоть мою. Таково их подлое устройство. Кто имел удовольствие носить казённые «браслеты», меня поймёт. А кто покамест избежал этого «удовольствия», пусть живёт смиренным неразумением и ждёт своей законной участи.

А я на сей счёт вспоминаю, как однажды мутные люди, типа Гоши Шурупа и Пашки Кувалды, приковали меня наручниками к некоей жизнерадостной хохлушке, требуя, чтобы женился на сей особе. (*Если кто-то простодушно узнал в ней Кристину Портянку, то вынужден вас разочаровать: это была всего лишь её двоюродная сестра Оксана Гребко – Прим. Л.К.*). И чем больше я пытался высвободить своё запястье от цепкого металла, тем больней, почти до кости, впивалась в плоть мою злая сталь. А Оксанка только сладострастно повизгивала от неожиданного удовольствия. Но у меня было право на один звонок. И мне дали это право. Я тотчас позвонил своему верному другу, генералу Карташову – и через полчаса был на свободе, а хохлушка Оксана Гребко так и осталась ни с чем. Не поглотила меня в тот раз животворная чёрная дыра. А генерал Карташов, как благородный во всех отношениях человек, не стал меня журить за легкомыслие и глупость, то есть за связь с хохлушкой, а подарил письменный стол с наручниками в придачу и веско сказал:

«Когда всякая дурь будет лезть тебе в голову, приковывай себя к письменному столу и сочиняй! Это у тебя по жизни получается лучше всего! А ключ от наручников будет у меня. Возникнут проблемы, звони как обычно...»

Каким-то неясным образом ключ от подаренных наручников оказался у Григория Борисовича Осипова, которого я, как Лев Толстой, имел неосторожность оттеснить за край своей космологии. Но теперь, волей-неволей, придётся возвращать его из-за края, словно князя Андрея Болконского с того света. Случись что – кому вызволять меня из цепей самоневолы? Поэтому я просто обязан более объёмно прославлять это значительное лицо в своём исключительно правдивом повествовании. Да и память об Альберте Эйнштейне не отпускает и пеплом стучит в сердце моём.

К тому же случай не заставил себя ждать вопреки пресловутому принципу неопределённости, который в спорах с Эйнштейном совершенно неверно трактовал яйцеголовый датский тупица Нильс Бор. И поэтому всем кретином от науки, а не только Нильсу Бору, не мешало бы знать, что основоположник индетерминизма, то есть принципа неопределённости, лауреат Нобелевской премии Вальтер Гейзенберг утверждал: «Мир состоит из «чего-то», сущность которого нам неизвестна. Это «что-то» проявляется то в виде как бы частиц, то в виде как бы волн, и это «что-то» можно обозначить словом энергия, да и то в кавычках. К этим соображениям следует добавить, что понятие неопределённости «чего-то» применимо и к жизненным явлениям. Но здесь оно принимает совершенно иной характер. Математические уравнения, которыми характеризуются элементарные физические процессы, здесь не применимы. Поэтому, само понятие материи в прежнем её смысле становится излишним...»

(Короче говоря, все физические явления определяются духовной Божественной силой. И не случайно творец теории относительности стал основоположником «космической религии», которая признаёт абсолютное существование высшего Духа, творящего мировую гармонию. Где гармония – там истина, там бессмертие, а не бесконечность, – и ничего случайного, ибо сто-кратно прав Эйнштейн, сказавший: *«Господь не играет в кости!»*. А посему, даже неловкий спор отца теории относительности с разными горе-гениями по поводу вольной интерпретации индетерминизма является неопровержимым доказательством Промысла Божьего. – Прим. Л.К.)

VIII

А теперь о «случае», который приключился со мной, многогрешным. Прослышав о моей пьесе «Трое в сапогах и без сапог, не считая Портянки», ко мне с визитом «вежливости» наведалься сама Кристина Портянка, весьма разобиженная за свою двоюродную сестру Оксану Гребко. Слава Богу, что не за пьесу! По поводу пьесы она выразилась кратко: «Супер, мать твою так! Не хуже этого, как его, ну который про вишни писал... Палыч, мать твою так! Чехов! Во!..».

И углядев не моём рабочем столе наручники, ловко схватила их – и бац! – защемила мне правое запястье, а потом своё левое, видимо посчитав мою безотказность равной безотказности «АКМ», или просто в пылу страсти, перепутав меня с «АКМ».

– Ты что?! – вскричал я.

– А чтоб не дёргался! – был ответ.

– Но у меня есть право на один звонок! – безнадежно взмолился я, зная по горькому опыту, что после Кристины Портянки смерть это невинная «Девушка с персиками» с картины великого Валентина Серова.

– Да хоть трём сёстрам звони! Хоть дяде Ване с чайником!.. Хоть прокурору Чайке в сад вишнёвый! Звони, мужик! Звони, пьесогон! – со снисходительным великодушием неожиданно разрешила Портянка.

И я позвонил!.. Нет, не генералу ФСБ Карташову, а самому Григорию Борисовичу, который в этот момент дружески беседовал с отечественным министром финансов по поводу недостаточного финансирования в России общей и частной теории относительности, а также индетерминизма. Министр, ухмыльнувшись, пообещал завтра же положительно решить столь неотложный, глобальный вопрос – и, воспользовавшись тем, что Григорий Борисович отвлекся на разговор со мной, откланялся и стремительно исчез в направлении неизвестном даже ему, поскольку дело происходило на Гайдаровском форуме в институте Высшей экономики. Лично я давно бы разогнал эту вредоносную, позорную контору, но сие не под силу даже Григорию Борисовичу, а государство во вред всем нам, во вред себе, во вред теории относительности и принципу неопределённости, почему-то упорно её содержит на наши кровные и порой кровавые денежки.

Полчаса прошло после моего звонка – и, казалось, ничто не могло укротить сексуальный напор Кристины Портянки, казалось, ещё чуть-чуть, и девочка с персиками оплачет жизнь мою грешную...

– Мне нельзя пить, курить, ругаться матом, волноваться из-за женщин... Мне жить нельзя!.. – угрюмо бубнил я.

– Ха-ха-ха!!! Вон один старый писатель который всё про какие-то тёмные

аллеи и переулки писал, ну как его, ну друган Палыча ... Лауреат Нобеля... Ну ты знаешь!..

– Бунин, что ли?! – угрюмо подсказал я.

– Во, во, Бунин. Вот он всю жизнь пил, курил, ругался матом и прочее... И хоть бы хны, даже премию Нобеля пропил вчистую. Ему тоже, как тебе, жить было нельзя! А он почти до ста лет дожил...

– Не до ста, а до 83... – машинально уточнил я, мрачно чувствуя, что ещё чуть-чуть, ещё разок, – и!.. и!!.. и!!! И если не появится Григорий Борисович с ключом от рая, вернее, от наручников, то наступит полный конец моему метафизическому существованию, и смерть, увы, не покажется мне невинной девочкой с персиками.

И, естественно, Григорий Борисович объявился и спас меня от ада в лице Кристины Портянки, ибо совершенно напрасно кто-то брякнул, что у ада неженское лицо. Ещё как – женское, и только последние педерасты могут в этом усомниться.. А может, и самые первые... Ха-ха-ха!..

Не буду далее распускать лирические нюни, описывая преждевременное прощание с Кристиной Портянкой... Подустал я от этой страстной дамы – да и высшее общество по ней соскучилось – и совершенно своевременно её друган Паша Кувалда позвонил. И исчезла хохлушка Кристина в чёрной дыре безвременья, не успев напослед погрозить мне «АКМ»-ом, который в этот раз почему-то легкомысленно забыла в машине, но презрительно бросила в мой адрес и в адрес Григория Борисовича: «Чтоб вам жить на одну зарплату с Эйнштейном и с этим, как его, Ин...- дер-тырмаразмом! Тоже мне авторитеты! Тьфу!..»

О, если бы знать, если бы знать, встретимся ли ещё – Бог весть!.. Никто ничего не знает...

А посему я с тяжким вздохом возвращаюсь к своей космологии, которая, если честно, измочалила, подизмотала, достала меня не хуже пышнотелой Кристины Портянки. Но всё-таки возвращаюсь, ибо обратной дороги нет – и впереди только Нуль-бесконечность.

IX

Страшно, утомительно, но и сладостно быть не таким, как все! Но рано или поздно, надо решительно отринуть самоупоение и через силу подняться над самим собой. И безоглядно, бесповоротно стать таким, как все, дабы не сделаться хуже других и хуже самого себя... Может быть, только для этого я и тиранию себя космологией, которая в принципе давно живёт своей жизнью помимо автора, но которой почему-то упорно нужен автор, как объект, для унижения и постижения Нуль-времени вне Нуль-бесконечности. Во как я завернул, аж Григорий Борисович, по служебной привычке, прочитав через моё левое плечо написанное, поморщился. Но как всегда, сделал вид что не имеет к вышеизложенному ни малейшего отношения и значительно изрёк:

– А ведь права твоя любимая Портянка! В России – Эйнштейн и Индетерминизм – не авторитеты.

– Как так? – гневно озадачился я.

– А вот так! Встречаешься с министрами финансов, к примеру, Швейцарии или Австралии, а ещё лучше Австрии, – и после этих контактов на счетах появляются

деньги. А с нашими отечественными министрами дружишь, дружишь, в шашки, в шахматы, в карты и в домино умышленно, ради дружбы, проигрываешь, а ни цента в кошельке не прибавляется! Мало того, последнее со счетов странным образом исчезает... Спрашиваешь: «Где деньги, ребята?». А они в ответ: «Там, где их нет!». Вот такие чудеса химии! И совершенно напрасно ты хочешь здесь в России объединить в один континуум теорию относительности и принцип неопределённости. Плохо знаешь наших министров финансов, Лев Константинович!

– Да, очень плохо! – уныло согласился я, – Знал одного министра, но тот экономикой заведовал. Стихи писал... Теперь их в тюрьме пишет...

– Наверное, не то написал, вот и посадили!.. Ты тоже не очень увлекайся, а то неровен час... И опять выручать тебя придётся. А навару с этого никакого! – внушительно изрёк мой выручатель и повертел у меня перед носом ключом от наручников.

– Не хорошо, Григорий Борисович! Не по-божески! Живёте по принципу: ты – мне, а я – тебе! А ещё в синагогу с любовницей ходите!.. – вдруг откуда-то, почти из Нуль-бесконечности, прорезался каркающий, картавый голос, весьма схожий с голосом Ницше Кафки.

Григорий Борисович от столь неожиданного потустороннего выговора чуть ключ от наручников не проглотил, растерялся, смешался. Но я тотчас решительно вмешался:

– А что плохого в этом принципе?! Если каждый будет делать добро друг другу: «ты – мне, я – тебе», то на земле без коммунизма, но с Богом, настанет Царство Небесное. «Возлюби ближнего своего, как самого себя» – глаголет Святое Писание. Практически это равнозначно: «я – тебе, ты – мне!».

– В чём-то вы правы! Но... но... но... Но всё равно у меня на этот счёт имеется своё мнение! – прокаркал-прокартавил потусторонний голос.

– Ну, и засуньте куда следует это своё мнение, а потом вытащите откуда не следует. Нам оно совершенно не интересно. Да и нет у вас своего мнения! Поскольку вас самих нет. Это вам только кажется, что вы есть! Своё мнение бывает только у тех, кому ничего не кажется. Например, у меня. Вчера сам Президент поинтересовался моим мнением по одному очень-очень щекотливому вопросу...

– Ну и как?! – с безнадёжной завистью спросил голос.

– Я спрашиваю, а какое мнение вам надобно, товарищ Президент?

– А он что?!

– А он в ответ: «Спасибо, Лев Константинович, Вы исчерпывающе ответили на вопрос!». Мудрый человек, не в пример некоторым потусторонним дуракам.

Что-то взвизгнуло, булькнуло, брякнуло, громыхнуло в дурной бесконечности и, как дыра от забора, угрюмо зависло там, где даже повеситься невозможно, там, где никто, никогда не поймёт друг друга, где слово равнозначно молчанию, где свет обращается в нетающий снег.

– Но я-то знаю, что я – не дурак! – в последнем отчаянье, как из болотной трясины, исторгся голос небытия.

– Жаль, что этого не знает никто, кроме вас! И, наверное, никогда не узнает... – деликатно закончил наш спор Григорий Борисович – и картавое болото безмолвия поглотило нашего наглого оппонента навеки вечные.

И незаметно исчез сам Григорий Борисович, прихватив мои наручники, наверное, для встречи с очередным министром финансов. Нет, не для какого-то справедливого насилия... А чтобы надёжно приковать свои честные денежки к тайным счетам, дабы они не исчезали неведомо куда и не возникали неведомо

где, с презрением к своему владельцу. И звякнуло что-то в пространстве, будто ледяная сосулька об морозную жёсть ушиблась, – и ни наручников, ни Григория Борисовича, ни денег, – только мёрзлая тишь и неподъёмная тоска неразделимого неодинокства.

И вперебой телефонные звонки, и пожелания вечной свободы, и вечного здоровья. О, сколь много людей готовы меня немедленно похоронить! Так много, что умирать именно сейчас, просто неприлично... Нужно солидно подождать, авось это множество само собой пойдёт на убыль, рассосётся и обратится в разумное количество, исходя из которого можно будет сделать ясный вывод по поводу своей незавидной участи, дабы достойно передать свою Нуль-бесконечность в руки того, кому ничего ни от кого не надо, в том числе и от меня, многогрешного.

Да, кстати, несколько слов о литературном процессе в России, которым почему-то очень назойливо озабочен некий как бы писатель, имя которого пустой, непристойный звук для всего прогрессивного и непрогрессивного человечества. Я бы вообще промолчал об этом, ха-ха-ха!.., процессе, но переживаю, что пустой непристойный звук, приняв моё молчание, как враждебность, окончательно испортит неистребимой вонью околотитературную атмосферу, – и поэтому выдавливаю из себя неловким пером скучные фразы, словно остатки зубной пасты из использованного тюбика.

На сей счёт не лишне вспомнить жалкого иуду Горбачёва-Меченного, который, решив «начать и углубить» развал СССР, с жизнерадостным кретинизмом воскликнул: «Процесс пошёл!..» И процесс, вопреки здравому смыслу действительно «пошёл» по пути исторического позора – и безвозвратно ушёл в никуда, обратившись в 1991 году Великим погромом Красной империи, а, вернее, России.

Но опускаю свои геополитические домыслы ради красоты стиля и краткости изложения, ибо Промысел Божий вне разумения человеческого.

Но, дабы не томить вдумчивого читателя недосказанным, добавлю, что литературный процесс, коим он так озабочен, не совсем ушёл в никуда, – и с унылой бездарностью и тупой скучностью, всё-таки идёт в безумие путём Ницше Кафки. А руководит этим зловещим «процессом» один как бы литкритик, профессиональный слухач-стукач-крысятник, морда которого очень схожа с жареной выкипевшей кастрюлей. Фамилию его я озвучивать не буду, – и не ради страха иудейского, а из-за боязни испортить воздух запахом пережаренного. И прескверно руководит, каналья! Мог бы и посовестливей заправлять тухлым литпроцессом, чёртов выкормыш 37-го года, несмотря на отсутствие оной, несмотря на то, что в доме православных атеистов, где он родился, хороших книг никогда не водилось, несмотря на то, что его, как жаренную кастрюлю, никогда не любили красивые женщины, а некрасивые – тем паче... Все, кого он имел наглость выдвинуть на Нобелевскую премию, получили жёсткий отлуп, а посему писатели-кандидаты на свои изваяния в бронзе могут пожизненно отдыхать, кроме Ильи Резника и Дарьи Донцовой. И вообще, благодаря Ницше Кафки и Жареной Кастрюли от литкритики, грядёт смертный приговор всей отечественной словесности.

И да простится мне сей неоптимистический прогноз, ибо пессимист отличается от оптимиста не мрачным мироощущением, в всего лишь более полным знанием настоящего и ясным предвиденьем грядущего.

И напрасно где-то далеко-далеко на заметённой вьюгой трассе жарко кричит уставшим дальнобойщикам, размахивая «АКМ»-ом, великолепная Кристина Портянка:

«Надо жить! Надо жить! Надо жить!
Я буду работать! Я буду очень много работать!
Мы никогда не умрём, потому что нас нет!
Я буду вечно работать!»

Даже она со своим верным автоматом не спасёт, не остановит уходящий в нетающие чёрные снега забвения литературный процесс и всё остальное по имени Жизнь.

О, если бы не знать! Если бы не знать!

И хватит о литпроцессе, а то, не дай Бог, он двинется совсем не туда, куда кое-как ещё движется... А я?! А что я?! Да ничего!.. Я по-прежнему – Я:

*Выхожу один я на дорогу,
Отлетел последний отсвет дня.
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
Ангел мой, ты видишь ли меня?!*

*Не жалею, не зову, не плачу!
Со звездой звезда не говорит...
Я, наверно, мог бы жить иначе,
Но никто меня не повторит...*

И тем не менее, не смотря на своё неповторение, пора и честь знать, ибо эк куда меня заносит... Аж в художественную литературу... А это такая отравка для души, такая отравка, что никакой Эйнштейн не поможет! Но иногда литература временно спасает. Как-то, в середине «лихих» 90-х, угодил я в притон к браткам на разборку, – и со мной почти разобрались не в мою пользу. И вдруг звероподобный главарь братков, узнав, что я пишу стихи, спросил:

– Есенина знал?!

– А как же! В Литинституте Максима Гоголя вместе учились! – без запинки выпалил я.

– Дай пять! – изобразив посылное уважение, ослабил главарь, протянул мне чудовищную руку в наколках и громово гаркнул: – Этого не трогать! Пусть канает на волю!.. Он с братаном Серёгой у самого Максима Гоголя учился!

Вот так иногда самое бесполезное спасает жизнь, но к сожалению, не душу, которой в мире сём ничего не идёт на пользу, поскольку самостояние души всегда исключение из правил.

Я скорблю о пишущих для души, ибо кроме вреда душе ничего не прибавится от этого скорбного занятия, а убавиться может столько, что и самой души вообще не останется. Поэтому, лучше всего сочинять для десятка людей, которые ещё в силах прочитывать и понять тебя, и перед которыми просто стыдно опускаться ниже своей планки. А ещё честнее, не впадая в ложную премудрость, сочинять исключительно для самого себя... Но, подчёркиваю!.. – не для души!.. Сочинять просто так, как бы между делом, – и никогда не перечитывать написанное под страхом позорной казни, чтобы не впасть в последнее, необоримое уныние личной немощи и всеобщего несовершенства.

Если мой совет кому-то не по нраву, то пусть выучит наизусть на иврите все ранние романы Ницше Кафки – и промышляет чтением оных в утренних электричках, но не удивляется, когда его будут бить в вагонном тамбуре не только ногами, но и руками.

Одному моему талантливому ученику этот совет оказался по нраву и он не стал заучивать наизусть ни Ницше Кафку на иврите, ни Филимона Фолкнера на якутском... Но дабы увидеть небо в якутских алмазах обратился ко мне с покорнейшей просьбой написать предисловие к его незаурядной книге «Запретная любовь Адольфа Рабиновича».

Я, естественно, согласился, но поставил условие:

«Деньги у тебя есть... Моё мнение о твоих трудах и о Рабиновиче всем известно. Делать тебе нечего... Наваляй три-четыре страницы под моим именем без лишнего восторга, но с искренним уважением к самому себе, а я за скромный гонорар прочитаю и подпишу. А за приличный гонорар – подпишу, не читая... Мы ведь друзья, не так ли?! И закончи предисловие приблизительно так: Писать надо талантливо, как автор книги «Запретная любовь Адольфа Рабиновича», а жить надо честно, как герой его книги Адольф Рабинович. Именно этому без стеснения учат многие нынешние писатели, у которых с талантом и честностью большие проблемы, если не сказать больше!!!»

Мой сообразительный ученик малость поскукнел, но подумав о чём-то своём, затаённом, вдруг повеселел и согласился, и даже аванс мне выдал. Сколько?! Не скажу, дабы не расстраивать своих недоброжелателей. У них и без этого морды пахнут жареными кастрюлями и маринованными тараканами... Ха-ха-ха!..

И ещё несколько слов в адрес завистников моих:

**Не выдавайте нужду за праведность!
В равенстве – у всех не должно быть недостатков!
Похвала себе не исключает смирения...
В литературе мелочей не бывает,
ибо литература – не жизнь,
которая немыслима без мелочей.
Бог не гордится ничем,
ибо истинная любовь вне гордыни.
В дерзновении нет стыда.
В гениальном – исток равен устью!**

Ну и т.п. и т.д.

Это я так, к слову, не для бесполезных нравоучений, а исключительно ради познания всякого рода мест в мире неясного и неразрешимого...

А мой ученик не терял время даром – и буквально через день принёс «моё» предисловие к своей книге «Запретная любовь Адольфа Рабиновича» на подпись.

Я уже нацелился поставить свой автограф под текстом, но праведный ученик удержал мою руку:

– Вы сначала прочитайте, Лев Константиныч!

– Но если я прочитаю, то получу меньше...

– Что делать! – усмехнулся он, – Но как заказчик прошу вас всё-таки прочитать «ваше» предисловие.

Я с проклятиями отыскал, как всегда не вовремя запропавшие очки, и стал

читать. И чем больше я вникал в текст, тем больше мне нравилось написанное, даже завистное восхищение засвербело под сердцем. И под конец, после сентенции – жить надо честно, писать надо талантливо, я с почтительным восторгом вынужден был сказать:

– Здорово! Просто замечательно! Будто сам это написал! Трижды готов подписаться под каждым словом...

И решительно поставил под текстом свой автограф.

???!!!

И.. и... и...

И услышал:

– Так это, Лев Константиныч, Вы и написали! Я взял несколько фрагментов из ваших статей и эссе, соединил их Вашими же афоризмами, которыми вы любите озадачивать неискушённую публику... Ну, например, «У меня нет времени, потому что оно мне не нужно!», или «Был бы человек хороший, а хорошие стихи мы сами за него напишем!». Или вот совсем уж Ваше: «Сначала я понял, как не надо сочинять. Потом понял, как надо сочинять. Нынче я не знаю ни того, ни другого – и счастлив!». Странно, что даже это Вы посчитали не своим! Нельзя же так безжалостно забывать самого себя!

Не буду врать, что ни один мускул у меня не дрогнул. Дрогнул и ещё как! Но через не могу я выдержал своё ошеломительное разоблачение и после напряжённой паузы, перед тем как встать к расстрельной стене, изрёк:

«Блаженнее отдавать, нежели получать!»

И.. и... и...

И получил гонорар за предисловие по высшей ставке, как будто подписал его, не читая. И, как говорится, без комментариев.

Но всё равно: блаженнее отдавать, нежели получать!

Ох, как хочется покончить с литературой и вернуться через Нуль-бесконечность и Нуль-время в теорию относительности, как в Слово изначальное. Но не так-то всё просто, как кому-то самонадеянно кажется... Все значительно проще и от того страшнее.

Для этого мало логической твёрдости прозрения, для этого нужна полная преданность сокрушённой совести и верующего сердца Истине Божьей, ибо мудрость века сего обречена Творцом на уничтожение. И я, увы, не вне мудрости этой, и не знаю каких вершин достиг в своей космологии. И достиг ли?..

С горы легче видно, что делается внизу, но снизу очень трудно разглядеть, что происходит на горе.

К сожалению, для большинства моих читателей более удобен вид снизу, – и самое ужасное, что я безотчётно пытаюсь следовать их примеру. Но я – не судья своим читателям и тайнозрителям... А вот самому себе – судья безжалостный. И это, может, не так хорошо, как кому-то кажется...

Способен ли возлюбить ближнего, как самого себя, человек ненавидящий себя, словно последнего врага?!

Оставлю этот нелёгкий вопрос без ответа.

Никто, ничего не знает! Никто!

Если бы знать! Если бы знать!

Лучше не надо! Лучше не надо!

Подобному не познать подобное!

Место Лобное не очень удобное...

И наплывает на меня толстый получеловек, заплывший от пяток до мозга иронией, – и, прихихатывая, пытается с помощью тухлого жира своей нутряной лжи обратить низкое в высокое, и опустить высокое до безнадёжной неподъёмности.

Но не знает, дурак, что в Нуль-бесконечности это абсолютно невозможно! Впрочем, ему это не понять... Для понимания или, наконец, для искреннего непонимания моего космологического откровения: «Повторимое в неповторимом и неповторимое в повторимом» нужно иметь хотя бы малую мудрость человеческую. А ирония – это всего лишь подмена разума. Недоношенный матерью Иронией получеловек не способен даже на примитивное непонимание. Да он вообще ни на что не способен, разве что подставлять свою жирную задницу кому надо. А посему забудем о нём ради краткости изложения и красоты стиля, как о мелкой нелепости предпоследних времён.

И напрасно он орёт в илистой взвеси дурного внимания:

«Прикол – прокол – и протокол!

В наручники Котюкова!»

Там, где кончается ирония кретинизма, там начинается нормальный русский ужас.

Ну, например, хотя бы такой...

Хоронили некоего олигарха средней руки, почему-то ещё и члена Союза журналистов России. И, естественно, на предмогильном митинге одному из первых дали слово моему соратнику, капитану первого ранга, а также заслуженному работнику культуры России (*Сокращённо «Засраку» – Прим. Л.К.*) и прочая, прочая, Николаю Васильевичу Терещуку, потомку великого классика литературы Максима Гоголя. Терещук, с лёгким усилием, привычно сделал скорбное лицо и по-флотски громово провозгласил, указав на покойника:

«Этот человек в жизни умел делать всё чисто!»

Любить! Работать! Воровать!

Поэтому он никогда не сидел в тюрьме, в отличие от некоторых здесь присутствующих!

И не надо роптать. Вы не в тюрьме пока...

Роптать будете в другом месте!»

И Терещук, командным жестом обозначив очередь траурных людей, медленнодвигающихся с венками и цветами к великолепному гробу, не теряя темпа, продолжил:

«Все вы здесь стоите в очереди за смертью! И никто не последний! Все вы первые!..

Траурные людишки всполошённо стали толкаться, высказывать из похоронного строя, машинально стараясь опередить друг друга, дабы отделавшись от погребальных атрибутов, потихоньку слинять из живой очереди за смертью в сторону моря.

Но Терещук был зорек и неумолим, капитан первого ранга как-никак:

«Куда поёрли?! Держать строй! Все в кильватер! «Только смерть сделает всех свободными друг от друга. Нечего помнить о смерти, она сама никого не забудет!» – как сказал великий Лев Котюков в своём романе «Смерть времени». А ну без толкотни! Смерть любит порядок, как любил его наш очень дорогой покойник. В очередь, сукины дети! В очередь! Никто не забыт, ничто не забыто! Слава России!!!»

Дальнейшее подробности печального эпизода опускаю, дабы не перенасыщать бытовой фактурой-мануфактурой мой изящный лирический текст. Но добавлю: на Терещука не обиделся никто, скорее наоборот... А «безутешная» молодая вдова по кличке Оля, единственная наследница олигарха по завещанию, так обрыдала парадный мундир и многочисленные рры-галии нашего каперанга, что пришлось выставить ей счёт на пошив нового, который она без звука, с лёгкой мечтательной улыбкой, приняла к оплате. А Терещук тотчас одарил свежеиспечённую вдову Олю взятым у меня напрокат двустушием, которое я посвятил жене своего друга и родственника, профессора Ротенберга Зайцева из Верховского района Орловской области Оле Ротенберг Зайцевой:

*Попробуй мужу измени.
Тогда уж, Оля, извини...*

О, нечеловеческая комедия бытия – и стоит ли удивляться, что почти все знают – скорость света, но никто не знает, что на скорости тьмы сатане ничто человеческое не чуждо.

О, как жутко на душе! Сочинять так, как это делаю я – в гибельном мире постмодернизма – абсолютно нельзя! Поэтому жить мне тоже нельзя, вернее, очень вредно, поскольку постмодернизм беспощаден к своим уничтожителям. Но что делать?.. Лучше лежать в ледяной воде, чем в земле сырой. И наплевать, что сочинять так как я, не умеет никто!

Но радости от сего никакой...

Воистину: *«мудрость мира сего есть безумие пред Богом».*

Умаявшись от сочинительства, я позвонил своему другу и соратнику мастеру стихо-афоризмов, Эдуарду Хандюкову Афганскому и, дабы проверить самого себя на слух, как бы между делом, прочитал несколько фрагментов из своей космологии.

– Ну как? – спросил я мастера, подспудно чувствуя несовершенство своё, но надеясь, что всё-таки заслужил хвалу, а не хулу, ибо и несовершенство имеет право на милость Божью.

Тяжело помолчав и совсем тяжело вздохнув, Эдуард изрёк:

– Густопсово пишите, Лев Константиныч!

– Ну, спасибо! Молодец! Уж чего-чего, но что «густопсово» – никак от тебя не ожидал!

– Не густопсово, а густотёрто, Лев Константиныч! Оговорился я!.. – попытался успокоить меня Эдуард, – То есть плотно, насыщенно... Это такой художественный термин...

– Знаю, что художественный... Мне это искусство во как достало! Дальше некуда... Густотёрто или густопсово – не всё ли равно?.. Сожрало жизнь мою это искусство! Спасибо, что напомнил.

– Да я же похвалить вас хотел, Лев Константиныч! – ещё раз попытался оправдаться Эдуард.

– Ну и зря!.. Я запрещаю всем не только хулить, но и хвалить меня! В том числе и тебе! Так что извини!.. – выпалил я и угрюмо прекратил разговор.

Но «густопсовость» так прочно запала в сознание, что стало вдруг мерещиться созвездие каких-то Гончих Псов, потом – Альфа Центавра и, наконец,

Большая и Малая Медведицы и прочее не менее условное, ибо природа не знает наших фантазий – и только Бог ведаёт истинные имена своих творений. Да и сдаётся мне: нет никакого звёздного неба над горемычной головой моей, а есть голограмма, которая светится в недостижимых высотах ради нашего успокоения и ради совести нашей, дабы мы по мере немощных сил своих понимали, что каждый из нас творение Божье, а не плод собственного больного воображения.

Но плоды моего больного воображения упорно множатся, растут, как дурные грибы дождливой порой, необоримо обступают меня и даже вопросы задают:

– Лев Константинович, меня с работы хотят пропереть!.. Пошёл к начальству, а секретарша говорит:

«Пущать не велено!»

Второй раз пошёл, а она:

«Велено не пущать!»

Что хуже по смыслу – первое или второе?!

Я хотел сходу ответить, что оба хуже, но, поразмыслив, изрёк:

– Хуже, пожалуй, «Пущать не велено!»

– Почему?!

– Потому что это навсегда, а «Велено не пущать!» – это как бы временно!..

Пока не пущать, но потом может быть и впустить...

– Так, значит, я могу надеяться на свой карьерный рост?! – вскричал автор не совсем идиотского вопроса.

– С полным основанием! Кретин без карьерного роста – это практически не кретин. Да и теоретически тоже... Так что расти, дурак! Ещё далеко до смерти Солнца! Шесть миллиардов лет!.. Но не забывай, что ты не самый последний в очереди за смертью.

О, как накренилась, перегрузившись фактурой художества, то есть густопсовостью и густотёртостью, моя космология. Ещё две-три страницы и опрокинется она напрочь, пойдёт ко дну и сгинет без возврата в илистой тьме непрочитания, как всё когда-либо написанное мной. Вот что значит густопсовость и густотёртость! За борт всю эту художественную хреновину! За борт, как лишних людей из застрявшего от перегруза лифта! И вперёд, и ввысь к небу в якутских алмазах!.. Туда, где космология моя чудесным образом обойдётся без меня, многогрешного, где даже малая искра мудрости человеческой без надобности, где нет ни пространства, ни времени, где только истина в словах неизречённых, где грядущее никогда не обратится в прошлое.

Я угрюмо осознаю, что практически всё моё сочинительство не только не понятно, но и враждебно современникам и прочим. Немногочисленных друзей и почитателей я оставляю за пределами своей угрюмости. Да хранит их Господь!

Я совершенно не обижаюсь на обвинения в дерзновенности и в преклонении перед Эйнштейном. Стоит ли обижаться на людей-нелюдей неспособных, нет, не на понимание, а на терпимое непонимание очевидного. Бог им судья!

Я совершенно не скорблю, что абсолютно не замечаю тысячелетней научно-исторической эволюции мироустройства земного. Но с прискорбием отчётливо вижу стремительную деградацию человеческого сознания – и, самое ужасное, подсознания и бессознания.

И не жду ничего от настоящего, которое, не обратившись в прошлое, вновь стало грядущим.

И пусть меня злобно не понимают. Пусть завистно не желают понять! Это нормально... Это даже хорошо и, может быть, отлично! Значит есть надежда, что безжалостное время, рано или поздно, вспомнит обо мне... Вспомнит, ткнёт в лицо «Мою космологию» и угрозно рявкнет:

– Это ты написал, что жизнь и время не нужны друг другу?!

– Я!!

– Так от чего замолчал?

– Да так как-то... – разведу я руками, – Так как-то все...

– Продолжай! До смерти Солнца ещё шесть миллиардов лет. Продолжай! И не спеши, любовь всегда вне времени. Если смерть временная обязанность, то любовь – это бессрочный долг. Только в любви все равны перед Богом. Любовь – это последний бой человека! Но нет конца этому последнему бессмертному бою! Продолжай! И забудь, что тебе жить нельзя!

И вдруг я отчётливо понимаю, что время уже вспомнило душу мою, вернее, не время, а вечное грядущее, где сверхсветовая скорость тьмы равна нулю, где моя непостижимая Нуль-бесконечность, как *«...упоение в бою у бездны мрачной на краю – бессмертья, может быть, залог», где слышащий слова неизречённые постигает истинное имя своё...*

Всю жизнь я необоримо чувствую сопротивление самой жизни и, как смерть, с невероятным напряжением преодолеваю это тяжёлое сопротивление. Я, словно воду из камня, выдавливаю из жизни каждое мгновение своего земного бытия ради бытия неземного...

И... и... и...

И обращается Нуль-время антивечностью.

Антивечность обращается в Нуль-бесконечность.

Нуль-бесконечность исчезает в бессмертии!

И серебряные тени неизречённых слов
светятся в черных нетающих снегах.

Но дабы я не превозносился числом и чрезвычайностью откровений, дано мне жало во плоть – и удручает меня ангел сатаны, не ведая времени и силы немощи моей.

Но я не горжусь сделанным!

Я горжусь несделанным!

Да простит меня Господь –

и за первое, и за последнее!

И что сказал, то сказал!..

Игорь КУРИННОЙ



Родился 22 марта 1972 года в селе Белокоровичи Житомирской области в семье военного. В 1989 году поступил и в 1995 году окончил Военную инженерную академию ракетных войск стратегического назначения им. Ф.Э. Дзержинского по специальности инженер-системотехник автоматических систем управления летательными аппаратами. С 1983 по 2009 год профессионально занимался спортивной борьбой. Заслуженный мастер спорта по

самбо и сумо, заслуженный тренер России, лауреат премии мэра Москвы и победитель Всероссийского конкурса молодых учёных в области спортивной подготовки. Руководитель спортивной школы "Борец", с 2009 по 2013 заведующий кафедрой физической культуры Российского научно-исследовательского университета имени Н.И. Пирогова. Автор ряда трудов в области физической культуры и спорта высших достижений, исследований в области истории спорта. Награждён медалью ордена за заслуги перед Отечеством 2 степени и Благодарностью Президента Российской Федерации. Почётный житель Ново-Переделкино. Автор-исполнитель песен, имеющий в репертуаре более сотни произведений этого жанра.

СОБАКИ

Не уйти, я обложен
охотничьей лающей сворой
Изготовлюсь и сделаю встречный
внезапный рывок
Им не дам насладиться
победою лёгкой и скорой
И назначу высокую цену за каждый кусок

Будут рвать меня челюсти
пенные с воем и визгом
Под хозяев куражистых гогот
и крики «Ату!»
И пускай покрывают меня
их слюнявые брызги
Я красиво намерен уйти и красиво уйду

Загляну им в глаза и,
не ставши просить о пощаде,
Успевая того, первый кто налетит,
разорвать

Удивленье и ужас хочу
в их увидеть я взгляде
И стихающий визг напоследок
хочу услышать

Об одном лишь жалею –
не тех рву я в месиве драки
Улюлюкает кто,
и хохочет сейчас вдалеке
Обложили меня лишь собаки,
простые собаки
Кровь свою проливая со мной
на холодном песке

ПООСТОРОЖНЕЙ СО СЛОВАМИ...

Поосторожней со словами, господа!
Они острее острой сабли иногда
Они порой разят похлеще, чем свинец
Впиваясь в мякоть беззащитную сердец

Валерий БАТАЛОВ



Валерий Георгиевич Попов (Баталов – псевдоним по фамилии матери) – член Союза писателей России.. Закончил МГУ им.М.В. Ломоносова, кандидат химических наук., автор более 80-ти научных публикаций и изобретений. Отмечен государственными наградами.

Автор стихов и песен, рассказов, пьесы «Донской проезд» и поэмы «Новороссия – боль моя», книги "Дорога в детство". Бард – более 100 песен. Награждён медалью им. Ивана Бунина и Дипломом «За верное служение отечественной литературе». Член ЛИТО им. Дм. Кедрина. Решением Президиума Международной академии Русской словесности удостоен звания с вручением Диплома "Заслуженный поэт России".

ПО-НАД ДОНОМ

По-над Доном, по-над Доном
Молодой казак гуляет
И казачку пред походом 2 раза
Крепко, крепко обнимает.

А наутро у кордона
Сшиблись лавы лошадей,
Шашки свищут, хрипы, стоны, 2 раза
Пули бьют верней, верней.

Конь буланый, черногривый,
С белой меткой на виске,

Прощевай, мой друг ретивый, – 2 раза
Смерть нашла меня в седле.

Эх, земляк мой, после боя
Ты предай меня земле,
А коня возьми с собою – 2 раза
Будет память обо мне.

По-над Доном, по-над Доном
Тот казак, эх! не гуляет,
А казачка поёт песню – 2 раза
Сердце, сердце замирает!

По-над Доном

The musical score is written in G major (one sharp) and 2/4 time. It consists of three staves of music with lyrics underneath. The first staff has chords Em and H7. The second staff has chords Em, Am, and Em. The third staff has chords H7, Em, H7, and Em. The lyrics are: По-над До - ном, по-над Доном молодой казак гу - ляет и ка - зач - ку пред по - хо - дом крепко крепко обни - мает. И ка - / крепко об - ни - ма - ет

ЗВОНОК ТЕЛЕФОНА

Зачем эти встречи,
 Былое ты ищешь?
 Давно всё сгорело,
 Давно пепелище!

Припев
 Звонок телефона
 снова и снова:
 Здравствуй, любимый! –
 и больше ни слова...

Ты дай мне забыться,
 Смириться с утратой,
 Не бери... –
 Не надо возврата!

Припев
 Ну, что может выжить,
 Где ещё тише? –
 Трава не растёт ведь
 На пепелище...

2 раза

Em H7
 За — чем э — ти встре — чи, бы — ло — е ты

Em H7
 и — щешь? Дав — но все сго — рело, дав — но пе — пе —

Em H7
 -лице. Зво — нок те · ле · фо · на сно — ва и

сно — ва: — Здравствуй, лю — бимый, и

1 Em 2 Em
 боль — ше — ни сло — ва, / слова.

НЕНАГЛЯДНАЯ

В вашу улыбку влюбился, не скрою –
Нет мне покоя ни ночью, ни днём,
Только на миг лишь глаза я закрою –
Вы предо мною в платье своём.

Тонкая, светлая, ко мне вдруг подходите,
(2 раза вся строфа)
Дарите нежность улыбкой своей –
Очи бездонные, взгляд свой не сводите,
Всё говорите, как есть, без затей...

Но я уехал... Вы слишком уж молоды,
Где-то к тому же в Москве меня
ждут,
Но почему, почему мне так холодно,
Ваши глаза, ваши руки зовут?

Ваша улыбка стоит лучезарная,
(2 раза вся строфа)
Что там Джоконда с улыбкой своей!
Знайте, родная, моя ненаглядная,
Вы до конца теперь в жизни моей!



В вашу улыбку я сразу влю-бился, нет мне покоя ни ночью, ни
Только на миг лишь глаза я закрою



днем! Вы, ченаглядная, в платье своём.

Тонкая,
очи без ·



светлая, ко мне

вдруг подходите, дарите нежной улыбкой сво-
донные с моих глаз не сводите



-ей. / век бы

в них только до боли смотрел.

БЕЛЫЙ ЦВЕТ ОСЫПАЛСЯ

Белый цвет осыпался с черёмухи –
Эх, родная, слёзы не жалеи!

Были дни весёлые, были дни счастливые,
(2 раза)

А теперь мне рюмочку налей!

Выйду ночью поздно за околицу –

Птица что-то жалобно поёт,

Вспоминаю Машу-раскрасавицу,
(2 раза)

Губы и походочку её.

Как гуляли этим лунным бережком,
У черёмух звонкого ручья,
Обнимал её за плечи бережно, 2 раза
И шептала Маша: «Я твоя...»

Как потом прощались зорькой раннею,
Целовались у её плетня, утром у
Петухи всю уже горланили,
(2 раза)

Замирало сердце у меня!

Белый цвет осыпался с черёмухи –
Эх, родная, слёзы не жалеи!

Были дни весёлые, были дни счастливые,
А теперь мне рюмочку налей!

Белый цвет осыпался с че - ремухи, Эх, родная, слезы не жа -
лей! Были дни веселые, были дни счастливые,
а теперь мне рюмочку на - лей. / - лей.

ВЕСНА*Романс*

А весна пробивается снова,
Утром рано встаю, как шальной,
И кричит незлобиво ворона,
И капель бьёт по окнам струной.

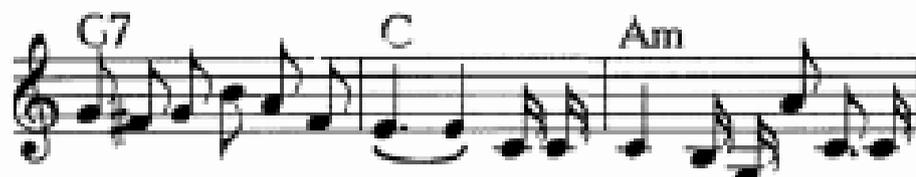
Распахну я окно – и дурманом
(2 раза вся строфа)

Захлестнёт, напоит, опьянит,
А вдали всё покрылось туманом,
Затаилось и что-то молчит.

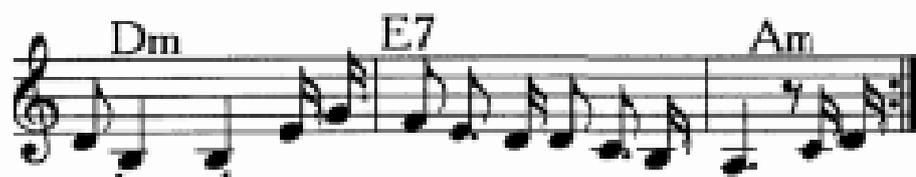
Затаилось, как перед гоном,
Будто ждёт чей-то высший приказ,
Солнце грянет – и всё вдруг со звоном
Запоёт, зацветёт в сотый раз!

Ах, весна! Что случилось со мною?
(2 раза вся строфа)

Прыгнуть хочется в белую муть,
Зачеркнуть, позабыть всё пустое
И, как в юность, в поток твой шагнуть.



рачо встаю, как шальной, и кри-чит незлобно во -



роза, и ка-пель бьет по окнам струной. Распах-



- ну я окном и дур-мь-ном заклет -



- нэг, напоит, опья-нит. А вда-ли все покрылось ту -



- мь-ном, зато - и-лось и странно молчит



лось и странно молчит.

Наталья МАКСИМОВА



Член Союза писателей России, лауреат литературной премии имени Ярослава Смелякова, автор музыкально-поэтических композиций, лауреат московского международного литературно-музыкального конкурса – фестиваля им. С. Клычкова, победитель Открытого московского литературно – поэтического конкурса-фестиваля "Серебряная осень".

Награждена медалью "В память о 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского" и Золотой медалью А.Т. Твардовского.

СОЛОВЬИНАЯ ТАЙНА

Средь весенних зелёных ветвей
Песню звонкую пел соловей.
И была она сердцу нежна,
И дыханием леса полна!

В песне слышалась радость весны,
И напевы небесной струны.
И, приветствуя ангельский свет,
Соловей вторил солнцу вослед!

А под крыльями, светом дыша,
Билось сердце и пела душа.
Красоту мироздания Творца
Птичка Божья вселяла в сердца!!!

Если б смог ты понять, человек, –
Как прекрасен, но короток век!!!
Ты услышал бы в песне любви,
Всё, что в сердце таят соловьи!

ДЕРЕВЕНЬКА ДЕТСТВА

Там, где улыбаются берёзы,
Где ликует юная весна.
Там, в полях, гремят седые грозы,
Словно давних, давних дней война!

Детство, моё детство, затерялось
В этой сердцу милой стороне.
В речке звонко юность расплескалась,
Отразилась в ласковой волне.

Посреди лугов и тихих сосен,
Дремлет деревенька у реки.
Там когда-то в гуле зим и вёсен
Жили дорогие старики.

Там гармонь звучала до рассвета,
Пела в ней родной земли душа!
Памятью живёт и добрым светом
Нынче деревенька, не спеша...

Детство, моё детство, затерялось
В этой сердцу милой стороне.
В речке звонко юность расплескалась,
Отразилась навсегда во мне!

ЗВЕЗДА ДУШИ

Прошу тебя, любовь, не уходи!
Ты для души – Божественная лира!
Исчезнет без тебя святая тайна мира!
Пусть не погаснет свет твоей звезды!

Прошу тебя, любовь, не уходи!
Мы связаны с тобой живою нитью.
Я вознесу души своей молитву –
Ты Благодатью Божьей в жизнь войди!

Ты научи, любовь, меня терпенью,
Чтоб тяготы смиренно пережить!
Сердечному за всё благодаренью,

За величайший дар Небес – любить!!!
 И пусть, когда прольются все дожди,
 И навсегда оставят нас надежды.
 Прошу тебя, любовь, не уходи!
 И будь звездой души моей, как прежде!!!

МОЛЬБА

В нашей жизни есть любимые сердца,
 Их биенье с нами вместе до конца!
 Освещая наши души добрым светом,
 Их теплом мы все согреты в мире этом!

Помолитесь за близких своих!
 Помолитесь!
 На молитвы свои
 никогда не скупитесь!
 Пусть любовью бескрайней
 наполнятся наши сердца!
 И придёт долгожданная помощь
 Творца!

Вновь готовит испытания судьба,
 Но принять должны душой мы, не скорбя!
 И на жизненном,
 долгом нелёгком пути,
 Помогите близким тяготы пройти!

Помолитесь за близких своих!
 Помолитесь!
 На молитвы свои никогда не скупитесь!
 Пусть любовью бескрайней
 наполнятся наши сердца!
 И придёт долгожданная помощь
 Творца!

Мы из наших сердец и молитвенных слов,
 Создадим мир спасительных,
 вечных мостов!
 Все любовью навек в этом мире спасутся, –
 К Лику Божьему наши мольбы вознесутся!

Милосердный Господь, помоги и помилуй!
 Исцели наших близких
 Своею Божественной Силой!

ЗВЕЗДОПАД

В лучах красавицы весны
 Певуньи леса песни пели.

И за пределы тишины
 Неслись малиновые трели.
 Ты помнишь: мы тогда весной –
 Мечтали стать одной судьбою!
 И небо звёздной пеленой
 В любви укрыло нас с тобою!

И звёзды падали с небес,
 И таяли в тиши влюблённой.
 И ликовал весенний лес
 Любви, под звёздами рождённой!

Тропинку в царство тишины –
 Листвой берёзовой укрыло.
 Но песни той, былой весны,
 Звучат в душе, с не меньшей силой!

И месяц – звёздный сторожил,
 Навек среди небес бездонных,
 Хранит в сиянии светил
 Земную тайну двух влюблённых!

КРЫЛО ЛЮБВИ

В твоей руке моя рука,
 А нить любви, увы, тонка!
 Но нас хранит души тепло,
 Соединив в одно крыло!

И может быть в тревоге дня,
 Ты сердцем позовёшь меня.
 И я на зов горячий твой
 Вспорхну крылом души над суетой!!!

И пусть у нас всего одно крыло!
 И жизни путь метелью замело.
 Но знаю, вопреки неистовым ветрам,
 Своим крылом поможет Ангел нам!!!

В руке рука и на века
 Течёт теперь одной судьбы река!
 И выполняя свой удел земной,
 Плывём на лодке жизни мы с тобой.

Стремительно проносятся года,
 Но свет любви, как вещая звезда!

Сергей СОЛОВЬЁВ

Родился 7 октября 1947г. в г. Горьком (Нижний Новгород). Образование высшее, инженер-электрик, член Союза Писателей РФ, Международного литературного фонда, член-корреспондент Российской академии литературы – автор четырёх поэтических сборников.

Является лауреатом «Губернаторской премии имени Р. Рождественского», «Всероссийской литературной премии имени А.С. Грибоедова», лауреатом премий «Золотое перо Московии», «имени Г.В. Свиридова», неоднократным победителем сборников «Москва поэтическая», «Поэты Москвы и России», международных поэтических интернет-конкурсов. Творчество поэта отмечено орденом «Святого князя Александра Невского», «Золотой Есенинской медалью», медалями «Ушакова», «Суворова», и рядом

других наград. Проживает в г. Королёве Московской области.

У ГРОБА ГОСПОДНЯ

Пасха в том году выдалась ранняя, девятнадцатого апреля. Мой новый и весьма неожиданный приятель, Андрей, человек очень набожный, предложил мне провести Светлое Христово Воскресение на Святой земле. А познакомились мы с ним при вполне прозаических обстоятельствах. Возглавлял я в то время строительный отдел в одной энергетической компании. Зашел ко мне как-то с утра завизировать выполненные работы по охране одного из объектов ничем неприметный человек, длинноволосый блондин, лет сорока, с благообразным лицом, больше похожий на монаха, нежели на напористого подрядчика. Разговорились, и он мне поведал свою историю. Работу свою любит и знает, но каждый свой отпуск посвящает посещению Святых мест. Правда, путешествия эти порой заканчиваются весьма неожиданно. Вот в последний раз поехал на неделю в Соловки, а остался в обители на полгода. Уж как терпело его начальство такие выкрутасы, и представить себе не могу. Вот он-то и сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться...

Посещение святых мест и Иерусалима всегда было давней, и несбывшейся мечтой моей покойной бабушки. Когда-то, больше века назад, такое паломничество, пешком и на перекладных, осуществил её дед. У меня появилась возможность осуществить за неё, и для неё, а заодно и для себя, эту мечту. Мы решили совершить паломничество с известной паломнической службой «Ковчег». Взяли билеты, и 16-го апреля с группой из тридцати человек вылетели в Израиль. В составе группы были люди совершенно разные по своим убеждениям и роду занятий. Любопытствующие, глубоко верующие, священнослужители. Подавляющее большинство паломников объединяла искренняя вера в Бога. Многие отправлялись на празднование Пасхи не в первый раз. Для меня, всё было внове. Молиться меня в своё время бабушка научила, но в церковь ходил от случая к случаю, по большим церковным праздникам, да и молился я в то время, в основном, лишь тогда, когда не видел для себя другого выхода из накопившихся житейских проблем...

Приземлились в аэропорту «Бангурион», где нас уже ждали автобусы, доставившие группу в небольшой, но уютный трехзвёздочный отель в восточной, арабской части Иерусалима. Здесь я себя чувствовал, как рыба в воде. Помогли годы,

проведённые в Сирии на строительстве ГЭС, длительное проживание в красивейшем городе Алеппо, от которого теперь мало что осталось стараниями наших заклятых заокеанских друзей и их приспешников, и знание арабского языка пригодилось. Словом, – я был почти дома.

В первые два, и последующие после Пасхи дни, мы сумели посетить, Вифлеем, Назарет, Галилею, многие монастыри, попробовать петровскую рыбу, побывать на горе Фавор, где на Преображение, за молящимися почти сутки ходит овальное облако при пустом, выгоревшем от палящего солнца небосводе, довелось креститься в Иордане, где на Крещение во время молитвы Иордан обращается вспять, и многое другое.

Никогда не забуду Иерусалим... Святая обетованная Земля... Теперь я своими глазами увидел Храм Гроба Господня, «Стопочку», – место Вознесения Иисуса Христа, Геенну огненную, – мрачную и угрюмую долину, разрезающую город, прошёл сквозь Игольное ушко, – узкий и тесный пролом в стене у старых городских ворот, колодец, к которому ходили за водой Мария и Магдалина, прошёл с крестным ходом по узким улочкам города весь путь Иисуса Христа от темницы до Голгофы, слышал стук конских копыт, крики воинов и стенания мученика у каменной плиты в храме Гроба Господня, обошёл весь старый город-крепость с семью ныне действующими воротами, первоначально их должно было быть двенадцать, по числу колен Израилевых, побывал на Русском подворье. Словом, – воочию увидел всё то, о чём читал в детстве в Евангелии под бдительным присмотром любимой бабушки. Незабываемые впечатления...

Однако главные события были впереди... Ничего более удивительного в моей жизни никогда ранее не происходило, да возможно уже и не произойдёт, думалось мне тогда...

Но вернусь к своему повествованию... Путешествовали мы небольшой, но дружной компанией. К нам с Андреем в Иерусалиме присоединились две весьма странные девушки, которые боялись всех и вся. По-видимому, мы им внушали некое доверие. Белокурая, худенькая, лет двадцати, постоянно плачущая Елена, больше похожая на монашку, нежели на своих сверстниц, и темноволосая, угрюмая Татьяна, – девушка лет двадцати пяти. Как потом выяснилась, она была дочерью цыганского барона. Уж какие грехи они приехали сюда замаливать, одному Богу известно. Андрея я описывал ранее. Вот такая удивительная у нас сложилась компания...

В Чистый четверг побывал на исповеди на Русском подворье. Вернулся, огорчённым донельзя, с твёрдым намерением пересмотреть свои взгляды на жизнь. Священник долго выпрашивал меня о грехах. Ответствовал ему, что не пью, не убивал, возлюбил ближнего своего, готов отдать последнюю рубаху, помочь не только ближнему своему, но и мало-знакомому человеку. «Так выходит – ты безгрешен?», – спросил он. На что я скромно заметил: «Есть один грех, – к женщинам красивым, когда-то был равнодушен...». Священник грозно взглянул на меня и в сердцах молвил: «Да уж лучше бы ты кого-нибудь убил!». «Вот, это да!» – подумал я. А вот приятель мой Анатолий, народный целитель из подмосковного Фрязино, человек набожный, частенько говаривал мне, что это не самый большой грех... Выходит он заблуждался, а вместе с ним и я...

С вечера, в Страстную пятницу, паломники любыми путями и способами пытались остаться на ночь в старом городе, а ещё лучше, – в самом храме Гроба Господня, чтобы наверняка попасть в Великую субботу на схождение Благодатного огня. Немногим это удалось... Свирепствовала израильская полиция. Паломников находили везде и всюду. Изгоняли с армянской половины храма, из городских лавок и различных закутков. Словом, – отовсюду. Наши попытки где-нибудь устроиться до утра закончились полным провалом. Полицейский на выходе из старого города сказал, что завтра, с семи утра все семь ворот в старый город будут открыты, и мы, без сомнения,

попадём в храм. Тогда мы ещё не знали, что это была заведомая ложь...

С рассветом, в Великую субботу, наша компания уже была у Цветочных ворот, ведущих в Старый город. Нас ждало глубокое разочарование. Цель, ради которой мы проделали столь долгий путь, казалась недостижимой. Подходы к воротам были оцеплены конной полицией, а ворота закрыты. Мы с большим трудом через разгневанную толпу обманутых паломников пробились к полицейскому кордону. Мне удалось подойти к молодой девушке в полицейской форме, восседающей на огромном черном жеребце. Я обратился к ней, и с удивлением услышал в ответ родную русскую речь. Она оказалась уроженкой Львовской области. Сказала, что искренне сожалеет, что мы попали в такую ситуацию, но все остальные ворота сегодня тоже закрыты. Единственный выход для нас, – попробовать попасть в старый город через «Стену Плача». Её совет оказался чудодейственным. Через



полчаса, благополучно миновав рамки металлоискателя, полицейский досмотр, и саму «Стену Плача», с распростёртыми вдоль неё паломниками, мы вошли в Старый город. Но и здесь нас ждало очередное разочарование. Все улочки, ведущие к Храму Гроба Господня, оказались перекрытыми полицией и толпами паломников. Вспомнил, что ранее нам удавалось попасть в эфиопскую церковь, примыкающую к правому крылу храма, поднявшись по узкой лестнице на крышу соседнего интернет-кафе. Удача сопутствовала нам.

Вскоре мы оказались наверху. Перед нами была довольно большая площадка, которая оказалась крышей правого крыла Храма Воскресения (Гроба Господня). Справа от нас возвышался купол Храма с восседающим на нём полицейским, а непосредственно перед нами, в конце площадки, – вход в



эфиопскую церковь. На площадке мы оказались далеко не единственными паломниками, мечтающими попасть на Благодатный огонь. Дело в том, что из эфиопской церкви, по лестнице, можно спуститься во двор Храма Гроба Господня, а там уже до ворот в храм, – рукой подать. Но ворота в эфиопскую церковь были наглухо закрыты. Попытки достучаться, оказались безуспешными. Солнце нещадно припекало, время приближалось к полудню. Внезапно ворота церкви открылись, и мы

стали свидетелями удивительного действия, символизирующего вход Иисуса Христа в Иерусалим. Толпа молящихся эфиопов с пальмовыми ветвями, во главе со священнослужителем, трижды обошла площадку и двинулась к воротам в церковь. Паломники, а судя по всему, это были выходцы с Украины и Болгарии, тщетно предлагали священнику деньги за вход в церковь, с последующим выходом в храмовый двор. Он был непреклонен.

Толпа паломников с разочарованием покинула площадку. Под палящим солнцем осталась только наша четвёрка. Тихо плакали девицы, на куполе равнодушно дремал полицейский. Сквозь решетчатые боковые окна Храма, на крыше которого мы фактически находились, было видно мерцание свечей и лампад, движение молящихся. Время неумолимо приближалось к двум часам пополудни. Полное отчаяние и безнадежность. Мы здесь, рядом, но никогда не увидим схождение Благодатного огня. Все наши усилия тщетны... Неожиданно двери церкви открылись, и священник, – старый седой эфиоп, пригласил нас войти. Он молча спустился с нами во двор храма, минуя полицейское оцепление, и сдал нас «с рук на руки» греческому священнику. Мы оказались на греческой половине Храма Гроба Господня. Это было настоящим чудом, точнее преддверием его.

Позднее я понял, что это было почти нереальным везением. Ведь ему необходимо было договориться с полицией и греческими священнослужителями. Я бесконечно благодарен этому священнику, совершившему для нас это настоящее чудо. И ему не потребовалось знания русского языка, – только Добрая воля и желание помочь ближнему.

Так, неожиданно для себя, мы оказались в самом центре событий. Молились паломники, прибывшие со всех концов православного мира, били в барабаны и выкрикивали лозунги молодые арабы-христиане, восседавшие на плечах своих товарищей, деловито сновали греческие священнослужители с какими-то подносами, кувшинами и прочими церковными атрибутами. Наконец появилась главная процессия во главе с греческим патриархом Феофилом. Впереди процессии, освобождая дорогу патриарху, шествовали турецкие янычары в фесках, грозно постукивая посохами. Именно они потомственно являются хранителями ключей от храма Гроба Господня после известных событий, когда армянские священнослужители, похитив у греков ключи от храма, пытались сами получить Благодатный огонь. Эхом тех событий является расщепленная левая колонна входных ворот храма, из которой Благодатный огонь вышел в тот памятный год. Именно с тех пор ключи от храма хранятся у турецких янычар, которые из поколения в поколение предваряют главное храмовое шествие в Великую субботу, а армянский священнослужитель, как «Фома неверующий», постоянно обязан заходить в кувуклию вместе с греческим патриархом, дабы лично убедиться в подлинности схождения Благодатного огня. Таковы традиции. Между тем шествие вокруг кувуклии с Гробом Господним завершилось, и разоблаченный патриарх, дабы при нём не оказалось спичек и других средств получения огня, вместе с армянским священнослужителем вошёл в кувуклию, а двери были запечатаны. Начался молебен. Через некоторое время в Храме, разделённом на пять пределов – греческий, католический, армянский, коптский и эфиопский, неожиданно погас свет, и под купол взвилась стая белых голубей. В полной темноте, по стенам Храма побежали голубые всполохи, напоминающие отблеск дальних зарниц, раздались радостные возгласы молящихся. В толстостенных бойницах кувуклии появился отблеск огня, а в разных концах храма стали сами по себе загораться свечи у паломников. Точнее, – блоки из тридцати трех свечей, символизирующих возраст Иисуса Христа. Огонь мгновенно распространился повсюду. Я, и мои товарищи, по примеру окружающих, начали умываться этим огнём. Он не обжигал ни лица, ни усов, и напоминал дуновение ласкового тёплого ветра. Стало немного жутковато от такого обилия огня, который уже распространился за пределы

храма по старому городу, и далее в специальных светильниках, по всему христианскому миру... Запомнилось навсегда, как откуда-то из-под купола храма, среди бела дня, появились два светлых перекрещивающихся луча, прорезавших темноту и столбы дыма, и оставившихся на образах, которые я так и не смог разглядеть...

Всё увиденное я попытался запечатлеть на камеру, но она неожиданно пропала из моего номера в Иерусалиме. Остались только фото, паломнический крест из Назарета, да воспоминания ныне покойной матери о том, что она несколько раз видела меня по НТВ в памятном репортаже о схождении Благодатного огня...

Возвращаясь домой, я дал себе слово обязательно хотя бы ещё раз побывать на Святой Земле. Вновь увидеть схождение Благодатного огня, о существовании которого, по известным причинам не знали многие поколения моих земляков, побывать в Преображение на горе Фавор, увидеть овальное облако, следующее на выжженном палящим зноем небосводе за молящимися, окунуться в Иордан... К сожалению, по разным причинам, мне пока так и не удалось сдержать своё слово.

Помню, как в своё время, меня поразила реакция на моё сообщение о паломничестве в Иерусалим старого знакомого, бывшего секретаря Александра Меня и настоятеля храма в подмосковном Образцово, ныне покойного отца Александра. Я подошёл к нему за благословением, поцеловал руку и сказал, что только что вернулся из Иерусалима. Он чуть ли не в испуге отдернул её и воскликнул: «Да, ты что?! Это я тебе теперь должен целовать руку, а не ты мне!».

Только тогда я впервые по-настоящему осознал значение этого события для себя и окружающих...

В первые полгода после возвращения из Иерусалима я испытывал небывалый, необъяснимый прилив жизненных сил, который постепенно стал иссякать без духовной подпитки. Заели быт и суета, реже стал посещать храм, к старым грехам добавились новые... Остались одни благие намерения.

Удастся ли хотя бы ещё раз увидеть это чудо, и испытать подобное состояние души, известно лишь Господу Богу... Главное, что всё это действительно было, было со мной... И это – истинная правда.

А с попутчицами своими мы более не виделись, расстались в аэропорту. Как сложилась их дальнейшая судьба, мне неизвестно. А вот с Андреем мы совершили ещё одно удивительное путешествие. Но это совсем другая, не менее увлекательная история...

Олег СЕВРЮКОВ



Родился в г. Липецке. Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова.

Лауреат премии Ленинского комсомола, кандидат технических наук. В настоящее время доцент НИЯУ МИФИ, Москва.

Член Союза писателей России, Академии российской литературы.

Лауреат литературных премий «Золотое перо Московии» (2010) имени Ярослава Смелякова (2011 г.), Роберта Рождественского (2013 г.).

БАБОЧКА-ДУША

Если б душе моей крылья шумящие –
Прянула б в небо она беспечальное,
Перечеркнула бы сроки отчаянья
В бездне пространства
полётом стремительным.

Льдисто-тревожной, мучительной ночью
Бабочкой хрупкой к тебе прилетела,
Крылья сложив, на ладонь твою села,
Отогреваясь теплом человеческим.

...Если вдруг сердце твоё неожиданно
Кровью омоется долгими зимами, –
Знай – это крыльями бьётся незрими
В душу – душа моя – бабочка хрупкая!!..

КАРТИНА

Листву дорожкой ковровой
Насыпал шелестящий лес,
Луна – медузой лиловой
Плывёт среди ночных небес.

Все стало призрачно и зыбко
Как не бывало никогда,
И в тучах золотою рыбкой –
Нырять робкая звезда.

И ветер, заблудившись в кронах,
Устало ластится к стволам
Оживших ёлочек зелёных,
Скользя по иглистым ветвям.

А ты своей улыбкой светлой
Стоишь у ночи на краю,
И слово падает заветно
В ладонь открытую мою.

НАШ РОМАН

Как в старинном романе
зажигали мы свечи,
О любви говорили и пили вино.
И втекал синевато-темнеющий вечер
В нашу комнату сквозь небольшое окно.

Ты играла тихонько, и музыки звуки
Поднимали нас к звёздам
в жемчужную высь.
И внизу оставались сомненья и муки.
Наши жизни сливались в единую жизнь.

Я тебя обнимал осторожно и нежно,
Целовал синеву твоих ласковых глаз.
Мы тонули вдвоём в
нашем счастье безбрежном.
Выплывали и снова тонули не раз.

Избавь меня от этого огня,
От бесконечной и бесплодной муки –
О, где твои доверчивые руки?!
Любимая, спаси, спаси меня!..

* * *

Движенье вод и облаков,
Течение дней, дыханье ветра...
Но почему у света спектра
При разложеньи семь цветов?

Душа – как вексель под залог –
Ушла в уплату за доверье.
Но почему один итог –
Стоять перед закрытой дверью?

Стучать ты можешь много лет,
Крича и жалуясь при этом –
За восемь бед один ответ.
Но где другие семь ответов?

НА ЗАКАТЕ

Закат догорает за дальним холмом,
Деревьев верхушки сливаются с небом,
И серые тучи подернули пеплом
Закат, догорающий тихим костром...

Луч солнца последний неслышно ложится
На кроны деревьев, не грея меня.
И с шелестом легким закрыта страница
В разлуке и муках прошедшего дня.

И сердце исходит последним теплом,
Как уголь, дотлевающий в стылости ночи,
И рвется наружу, – не хочет! не хочет!

–
Быть бабочкой мертвой
под пыльным стеклом...

* * *

Остатки прошлого тепла
Ещё хранит постель,
Но жизнь водою утекла

В иную канитель –
Туда, где нету суеты
Где вечность и покой,
Где только двое – я и ты,
Лишь только мы с тобой!

* * *

*Маленькая рыбка –
Жареный карась!
Где твоя улыбка,
Что была вчерась?*

Николай Олейник

Жизнь как жареный карась
Улыбается,
Отовсюду ратью мразь
Надвигается,
Жутко скалится в лицо,
Сердце лапает,
Замыкает цепь в кольцо,
Козни стряпает.

Позакованы уже
Руки-ноженьки,
И стоишь ты в неглиже
На дороженьке.
Разогнать орду шпаны
Нету силушки,
Рвут, поганцы из спины
Перья-крылушки!

Знать судьбы твоей
Звезда
Долу катится,
Не взлететь уж никуда –
Только пятиться!
А спиной вперед идти –
Дело скверное,
Не увидишь на пути
Знака верного,

Заведут тебя туда
Козлоногие,
Где ты сгинешь без следа

Нина АБРАШИНА



Родилась в поселке Турки Саратовской области. Окончила в 1978 г. Саратовский государственный университет по специальности «филолог, преподаватель русского языка и литературы».

Работала учителем русского языка и литературы, инспектором музеев Саратовского областного управления культуры, директором спортивного подросткового клуба «Луч» в Саратове. Работа с детьми и трудными подростками вызвала потребность в получении базовых медицинских знаний. В 1996 году окончила Саратовский медицинский колледж по специальности «медицинская сестра». Работала массажистом в Саратовском областном реабилитационном центре для детей с неврологическими заболеваниями. В 2005

году окончила миссионерский факультет Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Работает по специальности в Москве и Московской области. Автор книг «Лечебный и профилактический массаж для детей с нарушениями развития», «Лев Сергеевич Кишкин. Путь к Православной Церкви», «В.Д.Ченькаев. Земский врач», «В.Д.Ченькаев. Сборник статей», редактор-составитель поэтического сборника «Исповедь верной женщины». Лауреат литературной премии «Золотое перо Московии».

ЗИМНЯЯ РОЗА

Нашла я в зимнем саду
Осенний бутон розы.
Раскрыть лепестки ему
Не дали морозы.

Любовь творит чудеса –
Мы в зимнюю стужу
Живой аромат цветка
Постигли, как душу!..

ВЕТКА ВЕРБЫ

Меня сравнили и меня отвергли...
Меня забыли, словно ветку вербы,
Ведь быстро цвет теряет свой она, –
Когда кончается холодная Весна.

В пустынном воздухе теплом её согреты,
Забудут вербу в пышном зное лета...
Но ветку вербы в воду опущу
И никуда тебя не отпущу!

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Смирненно сникшая природа –
Зимы предтеча.
Пустые стебли огорода
Стоят как свечи.
Крапива свесила не жгуче
Колье из капель,
И гасят медленные тучи
Рябины факел.

ПЕРВОМАЙСКОЕ

Первое мая. Люди рады.
Женщины счастливы в лучших нарядах.
Качаясь, идут, – и цокают шпильки.
Мужчины лукаво прячут бутылки.
Солнце нагрело кульки у лоточниц,
У автоматов с водою – очередь.
Дробь барабанов гремит сухая.
Я одинока. А значит, – злая.

ПЕРЕЕЗД

Я не любила этот дом –
Мне было одиноко в нём,
Но медлю с переездом почему-то...
Устало выключаю свет,
Привычно всё за много лет, –
И сладки, и страшны последние минуты,
Как будто долг пора отдать кому-то!
Но никого со мною нет...

ПОСЛЕДНИЙ ГРИБ

Быстрая дорожка из летящих листьев
– это ветер.
Облачко дыханья прикоснулось к лицам
– это холод.
Мокрый и последний гриб нашли с тобою
– это осень...

* * *

Я разлюбила. Как это страшно –
Одной любоваться дубами на станции.
Поезда жду. А куда привезёт он?
Галки кричат, словно чувствуют горе.
Поезд замасленный, добрый и тёплый,
Возьми, приюти мою душу бездомную
Пригреюсь на лавке у дымного тамбура.

ЗОВ

Я очнулась сегодня поэтом –
После дивного, ясного сна.
Как давно я высокого света
От судьбы своей втайне ждала.
И без этой Божественной силы,
Озаряющей таинством нас,
Мы – лишь малая горсточка пыли,
Что не знает назначенный час.
О, Боже, как страшно
любить одиночество!

* * *

Ищу предлога встретиться с тобою.
Нет сердцу ни мгновения покоя
Теперь я знаю, что такое счастье, –
Не забывая, что в душе – ненастье!

МОЁ ОКНО

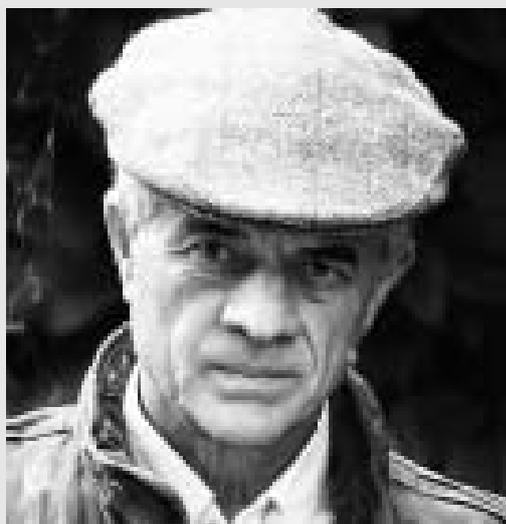
Как давно никто
не постучит ко мне в окно,
Как давно не жду больше никого...
Только вслушиваюсь в шорохи ночи.
Замираю – не твои ли там шаги?
Как давно не жду я никого!

МОЯ УЛЫБКА

Тем, кто верит в меня
И за мною идет по тропе –
Я дарю свои ночи без сна,
Свою жажду укрыться в толпе.

Я иду и дивлюсь,
Что вокруг меня столько друзей,
Но я вам только снюсь –
Вы не верьте улыбке моей.

Владимир БОРДЮГОВ



Родился в 1956 году в п. Красково Московской области. Закончил Московский Инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева. Специальность – инженер-строитель и технический переводчик английского языка.

Участвовал в проектировании и строительстве более 400 объектов гражданского, промышленного, специального и космического назначения на территории СССР, России и за рубежом. Автор 10 изобретений. В настоящее время работает техническим директором строительной компании.

Член Московской Областной Организации Союза Писателей России с 2017 года, член «Творческого Центра «Облака вдохновения», Москва. Лауреат Всероссийского фестиваля -

конкурса «Русский Лад» - 2018г. (поэзия). Автор трёх сборников стихов: «Жёлтый лист» (2016), «Зеркала» (2017г), «Весенний грач» (2018г). Стихи опубликованы в полутора десятках различных коллективных сборников стихов.

ГРАЧ

Нет, не сошли, – отяжелели,
Прижались к заспанной земле,
Под взором робкого апреля
Снега темнели. Но везде
Рождалось новое, родное,
Как первый детский звонкий плач!
И в воздухе неслось благое,
Весны дыхание хмельное,
И в доказательство простое
Крыло расправил первый грач...

ВРЕМЯ

В калейдоскопе множествами лиц
Всё смешано – мгновения и годы.
Тепло сменяет время непогоды,
А глаз устал от перелётных птиц.

И время из морщинистых глазниц
Взирает зеркалом придиричиво и строго.
А сколько его: мало или много,
Дарованного геном или Богом,
Неведомо,
и не узнать границ...

ЖАРА

Пригнулись у сосны иголки,
Стараясь влагу удержать.
И стали суше, тоньше, колки,
Дождей так нужных ждать и ждать.

Послушай! У берёзы голос
Стал выше, ярче и звончей.
И шелестит она, как колос
Под солнцем выжженных полей.

А рядом дуб – разлапист, кряжист,
И след от молнии винтом
Коры расплава. Знойный август
Ему дробинкой, нипочём.

И вкралось странное сомненье,
Что не берёза – крепкий дуб
Есть символ Родины, терпенья,
Её здоровье и недуг.

А дуб стоял, нахмутив ветви,
Полны созревших желудей:
Что людям дать – даров навеки
Иль новых для крестов гвоздей.

ПЯТЬ ЖИЗНЕЙ

Где время то, где выбирал
Из множеств – самую красивую.
Тебя не зная, я ласкал
Глазами, чувствуя счастливую
Улыбку, блеск задорных глаз...
Минута торопливая...
Но миллионы тёплых фраз,
Как дичь иль лань пугливая,
Так и остались в тишине,
Так глупо не произнесённые...
Как-будто кто-то на земле
Мог обещать пять жизней мне...
В тебя влюблённые...

* * *

Памяти Дмитрия Хворостовского

Обыденностью мир молчал,
Но ждали лес, дома, поляны.
В России, из сибирской раны
Вдруг кровью голос зазвучал –

Родной землёй, кустом брусники,
Орехом щедрым кедрача,
С сибирской удалю, сплеча,
Так, что утихли птичьи крики.

И Мариинка вслед за ними,
И Ковент-Гарден... сколько их, –
Тех, кто заслушавшись притих,
Лишь голос – нотами живыми.

Он замолчал... Он замолчал?
Тогда откуда эти звуки? –
Сибирский лес скрипит в разлуке,
Да стоном ворон прокричал...

КОМЕТА

Ночное небо россыпями звёзд,
Подмигивают трассами кометы.
И старые, забытые приметы
Мне кажутся смешными, не всерьёз.

И всё же загадаю я одну,
Пока летящий след не растворился.
И счастлив об заклад я снова биться,
Что ту же загадала ты мечту.

СВЕТ В ОКНЕ

В реке дрожат дома и облака,
И свет из окон в волнах проплывает.
И судно, что пришло издалека,
Тот огонёк случайно подбирает

На палубу, где слышен громкий джаз,
Где крики и ключом веселье бьётся.
По лицам, пальцам и десяткам глаз
Огонь искал, кто светом отзовется!

Растерянный, метался, падал ниц,
Цеплялся за круги и спасжилеты...
Но вот корма –
край, одиночество планеты,
И слабым бликом огонёк катился вниз...

СБЕЖАВШИЙ ДЕНЬ

За занавесом, мягкой шторой,
Но без оваций, криков бис,
День замер медленною кодой,
Ступая в тень ночных кулис.
И, торопясь, как бы пугаясь
Ему приверженной толпы,
Он чёрным ходом, извиняясь,
Бежал, всё путая следы...

* * *

Так неизбежно увяданье
Природы в смене октября.
И безрассудные желанья
Поправит лист календаря.

Но ты со мной, а не в пустыне,
И пусть исчезнет вся земля...
Я счастлив тем, что и поныне,
Тебя покинувший – не я.

* * *

Весы. На правой чаше – постоянство,
На левой чаше – поиск, новизна.
Что перетянет: время иль пространство,
Волнение иль спокойная волна?
Но разбивает время постоянство,
В обыденность впадает новизна,
И снова в искривлённости пространства
Сомнений наплывает пелена.

* * *

А где-то там ласкает море,
И ветер, с запахами споря,
Едва дотронулся до платья,
Как-будто пробуя на свет...

И чья-то женщина в раздолье
Веслом играет, волнам вторя,
Качая землю... Ей для счастья
Разлился красками рассвет...

* * *

Не люблю я слов. Не нужно,
Ничего не говори.
Не пытайся ты натужно
Объясняться мне в любви.

Что слова? – Лишь дым и ветер,
Не напьёшься, пей-не пей.
Разве будет вечер светел
Среди тысячи свечей,

Если нет одной улыбки,
Той, что ярче всех огней...
А слова... они так зыбки,
Как мерцанье фонарей.

Всё пойму без слов, обманом
Хоть глаза мне завяжи...
А теперь, когда мы рядом,
Милый, что-нибудь... скажи...

* * *

Из кучевых нависших облаков
Стрела, отпущенная солнца тетивою,
Отрикошетила от старых куполов
Дорожкой зыбкою над дремлющей рекою.
И этот блик в вечерней тишине,
На удивленье, трепетный и дерзкий,
Играл так ярко, словно по волне
Плывёт моё нетонущее детство.

* * *

Мяч солнечный по небу покатился,
Ударился о стенку облаков.
И через дымку новый свет пробился...
По-новому? – Как тысячу веков

Назад, как миллионы!
Нет... Так бывает только раз...
Ведь даже миллиардам глаз
Не различимы неба стоны.

* * *

Где вы, женщины...
 где ваш тогдашний наряд,
Где те руки, глаза,
 загорелое тело июля?
Где вы женщины,
 где ваш растерянный взгляд,
Удивлённый и ждущий,
 горячий, разящий, как пуля?
Растворились,
 растаяли в суете городов,
Пролетели за шторкой купе
 поездов проходящих.
И укрылись за окнами
 неизвестных домов,
Там, где письма не ждёт
 одинокий пустующий ящик.
Лишь во сне вспоминаю,
 волнуясь... Их взгляд
Пробегают по мне,
 отражаясь глотком поцелуя...
Где вы, женщины...
 где ваш тогдашний наряд,
Где те руки, глаза,
 загорелое тело июля?

НАЧАЛО ДНЯ

На службу заступал лениво,
И распевался с соловьём,
Дрожал туманом сиротливо,
То мелким моросил дождём.

День не спешил. Он, как извозчик,
Пред тем, как лошадь в путь запрячь,
Чесал загривок сонной роши,
И лишь потом – пускаться вскачь.

Лучом, ещё не жёсткой щёткой,
Прошёлся по бокам берёз,
Пока не согревая, робко
Нашупывал у речки плёс.

Он плыл, затягиваясь утром,
Качая лодки вдоль реки,
И, низко кланяясь кому-то,
Шептались злаков колоски...

НАЧАЛО

Свинцом тяжёлым отлив неба марта,
В дробинках снег, не выбежал ручей.
И реки серы, мелки, без азарта
Лишь пенку лижут талую с полей.

Но я, словно питаюсь талым соком,
И в точке неба вижу новизну,
Как предсказанье старого пророка, –
Сюда, ко мне спешащую весну.

ЛЕСНОЙ ПРУД

Здесь крики не слышны.
Здесь – тишина.
Из звуков –
лишь мышинный слабый шорох.
Ещё не скрылась мутная луна,
Тумана не поднялся влажный полог.

Безветрие. Как зеркало, вода.
Ветла ещё под вечер опустила
Листву в прохладу сонного пруда,
Стыдливо ноги стройные прикрыла.

Стесняется? Кого? Кто может здесь
Нарушить чистоту уединенья?
Покой. Безмолвно властвующий лес,
Как вечность, как от мира отречение.

Здесь воздух тишиною заражён.
Он, как больной,
в бессильи ввалившийся в кому,
Но ни во что не селит боль, тревогу,
И, будто, сам безветрию удивлён.

Но вдруг, шуршащий, ухающий звук
Сорвался голосом совы, как ужас, лихо!
Секунду, две – лесной встревожен дух...
Но снова пруд в себе сомкнулся, глух...
И снова стало тихо... тихо..... тихо.....

НОЧЬ

А ночь измучила, не выпустит из круга!
Что ей за дело – кто-то хочет спать!
Одним она – любимая подруга,
Другим – кормящая, всё терпящая мать.

Кому спешит подсунуть лист бумаги,
Тому – в каминной топке строки
жжёт.
То головой больной трещит от браги,
То до утра шаги считает, ждёт.

Ночь коротка, как сон,
длинна, как вечность,
Черна, как страх, иль светится фатой.
То до утра любовь несёт и нежность,
То с болью в сердце, с раненой душой.

Ночь гнёт дугой и радуется беспечно,
Манит прохладой, испытай жарой...
Одно лишь – пусть не станет она вечной,
Последней, одинокой и глухой...

Я ВЕРЮ

Я верю не в случайность, и не в бога,
И не в далёкую неясную мечту.
Я верю – разольёт луна из рога
Зарю незрелую в кувшинки на пруду.

Что День войдёт, запомнив привкус ночи,
И, наслаждаясь прохладой поутру,
Испив тепла и солнца, что есть мочи
Помчит, затеяв вечную игру.

Он отзвенит, устав от шума, света.
Присев на деревянную скамью,
Зажжёт пожары клёнов до рассвета,
А чёлн усталый превратит в ладью.

И поплывёт в пространство тёмной ночи,
Заслушавшись мелодией лесной.
И васильки задремлют вдоль обочин,
Паук развесит снасти под ольхой.

Я верю – позовёт опять дорога,
О важном День расскажет на бегу...
Я верю – разольёт луна из рога

Татьяна СУЗДАЛЬСКАЯ



Татьяна Михайловна Суздальская родилась в пос. Красноусольский республики Башкортостан, поэтесса, детский писатель. Живёт в г. Москве. Член Союза писателей России, председатель сообщества молодых поэтов «Татьянин день». Автор пяти поэтических сборников: «Я нарисую музыку тебе» (2010), «Она приходит так неожиданно» (2012), «Отчего улетают птицы» (2013), «В тумане любви» (2015), «Легенды, притчи, басни» (2016). Автор трёх детских книжек: «Разговорчивые буквы» (2017), «Как-то спорили все ноты» (2018), «Дружные краски» (2018).

Окончила литературные курсы при МГО СПР, жанр «Поэзия». Дипломант литературного конкурса МГО СПР «Золотая осень» имени Сергея Есенина в номинации «Поэзия» за книгу «Я нарисую музыку тебе» (2012). В 2013 г. получила Сертификат мастер-класса Е.Б. Рейна. Лауреат 1 степени Всероссийского патриотического проекта «Города России» за детский авторский проект «Чупа-Кука». (2017). Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2017) за песню «Моя Москва». Лауреат Всероссийских и Международных конкурсов авторской песни. Награждена Мариинским знаком отличия 2-ой степени за достижения в литературе (2014), медалью С.Я Маршака за детскую литературу (2018).

Стихотворения переведены на английский, польский, болгарский, македонский языки.

* * *

Г
де растёт смородина,
Травы на лугу...
Милую мне Родину
В сердце берегу.

Ровенская улица-
У оврага дом,
В огороде курица,
Елка за окном.

У двора скамеечка,
Мостик через ров-
Бабушкины семечки,
Пироги в покров.

Милая сторонушка-
Родина моя.
Без тебя, как вдовушка,
Доченька твоя.

Через годы длинные...
Я домой вернусь...
И тебе – Родимая,
Низко поклонюсь!

* * *

Бьет хрустальный родник-
В нем святая вода.
Путник к влаге приник-
Долго, шедший, сюда.

Тихо шепчет слова,
Жажду в нем утолив...
Ты святая вода-
Моей силы прилив...

Ледяные ручьи,
Воздух, горы, леса...
А в лесу соловьи
Создают чудеса...

Здесь паломников ряд...
Бесконечно идут...
О душе говорят...
И молитвы поют.

Край Табынский, родной,
Родников череда...
Мой душевный покой
И души чистота!

ЗЕМЛЯ! Я – ЗЕМЛЯ!

Оставьте в покое меня!
От боли, я в муках страдаю...
Я Ваша планета – Земля
И так же, как люди – живая!

Как раны мои глубоки,
От ядерных взрывов и скважин.
Вы люди на мне – чужаки,
А я ведь кормилица ваша!

Терзаете, рвете меня.
Изрезали, вскрыли мне вены.
Дряхлею я день ото дня,
В зубах кровожадной Гиены.

Засохли болота, ручьи,
Иссякли глубокие реки,
Исчерпаны недра мои,
Для Вас! О мои Человеки!

В кудрявых лесах я была,
Шумели они, зеленели.
С любовью я их берегла,
Но чащи мои опустели...

Визжат деревья под пилой,
Исходят слезами и соком...
И лишь небосвод голубой –
Свидетель расправы жестокой!

Века уползают во тьму...
Вопрос за собой, оставляя...
Скажите: «Зачем? Почему?»
Земля... Я Земля...Я живая!»

ЛОСЬ НА ОПУШКЕ

Стоял красавец на опушке,
Из леса вышел, словно гость.
Воды напиться из речушки,
Хозяин здешний, важный лось!

С надменно-гордою осанкой,
Он всматривался в поезда,
Идущие здесь спозаранку,
В неведомые города...

Они, покой его нарушив...
Ползли за горизонтом вдаль...
Застыв, как вкопанный, он слушал,
Гудков унылую печаль.

Как свечи, сосны вековые,
Шептались тихо меж собой.
И звали в таинства лесные,
Это был зов...домой...домой...

И монстров провожая взглядом,
Лось резко круп свой повернул.
Он знал... ему туда не надо...
И в лес уверенно шагнул.

ПЕРВОКЛАСНИЦА

Озорные, ясные глаза,
Как лазурный чистый небосвод.
С мамочкой за ручку – егоза,
В первый класс по улице идет.

Как корона, бант на голове,
Яркий ранец виден за спиной.
По асфальту, будто по траве,
Скачет Королева предо мной.

Для улыбок много есть причин,
Ей завидует сейчас - любой.
В отраженьи чистеньких витрин,
Смотрит, и любит себя собой.

Королева просто - хоть куда!
Утром у неё один маршрут.
То, что маловата - не беда,
Королеву Настенькой зовут!

Валерий ШИТУЕВ

НАСТОЯЩИМ

Написана давно большая проза,
В веках остались вечные стихи,
Но в сердце иногда свербит заноза
Когда творят «умельцы от сохи!»

И столько веры, пафоса, снобизма,
Избыток штампов и затёртых рифм,
Занудного, натужного трагизма
Звучит во славу непотребных нимф.

Увы! Не много на земле поэтов, –
Что дарят нам прозрение и цвет
Но сколько тысяч бездарей при этом –
Без совести свой делают гешефт.

* * *

Но Русь не оскудела на поэтов
«Пусть время встречное
без жалости» для «нас».
Напишет столько неземных сонетов
«А птица Феникс» жжёт
«в безлунный час».

«И пусть никто» и «никого не ждёт»
«И замерли» последние «часы»,
«Но нам навстречу вечность»
«с Звёздных врат» идёт
«И встречной нам», –
«не ведать полосы...»*

* * *

«Боже, ты же видишь, Боже,
я один не сплю,
Как и друг, поэт,
всё так же верю и люблю
У тебя прошу я, Боже на краю земли
Разве что любви, разве что любви.

Из окошка в эту полночь
на меня взгляни,
Ты взгляни, как догорают вешние огни,
Боже, ты же видишь, Боже,
путь мой неземной,
Сон мой золотой, сон мой золотой!» **

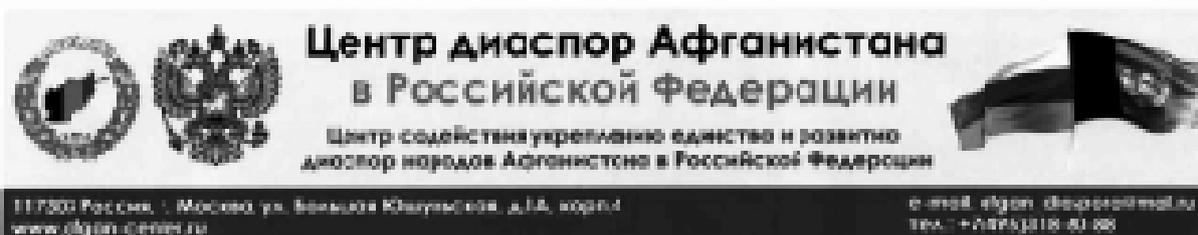
* * *

Я от песен устал и стихи разлюбил –
На вороньем крыле сохнет капля чернил,
Наградные листы греют старую печь –
Что годами хранил, не сумел уберечь...

Чёрной сажей как снегом
заполнен мой дом,
Тёмным слоём скрывая оконный проём,
Мне б окно распахнуть,
полной грудью вздохнуть, –
И с друзьями Поэтами в небо шагнуть!..

* Использованы строки из стихотворений
Л. Котюкова;

** Использованы строки из стихотворений
В. Пеленягрэ.



11 июля 2018 г.

Иск. № 18 / 2018

*Председатель правления Московской областной
организации Союз писателей России
Котлякову Льву Константиновичу*

Благодарность

Уважаемый Лев Константинович!

От имени Центра диаспор Афганистана мы хотим выразить Вам свою благодарность за многолетнее плодотворное сотрудничество с Союзом писателей России. Афганские граждане очень ценят Ваш неоспоримый культурный вклад в деятельность нашего Центра. Мы благодарим Вас за участие и помощь в организации и многочисленных литературных и просветительских мероприятий, проводимых в стенах Центра, и желаем дальнейших успехов на Вашем творческом пути!

Президент
Центра диаспор Афганистана
генерал



Гулам Мокаммад Джалал

Чтобы родник творчества стал полноводной рекой

Итоги 2-го съезда писателей Подмосковья



18 и 19 августа 2018 года в городском округе Ступино в оздоровительном центре «Малюшина дача» на берегу реки Оки с большим успехом прошёл 2-й съезд писателей Подмосковья. Устроители съезда – Московская областная организация Союза писателей России (председатель Правления МОО СПР **Лев Котюков**) и её Ступинское отделение (председатель – секретарь Правления МОО СПР **Владимир Леонов**) и благотворительный общественный фонд «Достоинство» (директор – **Сергей Беляев**). Съезд не смог бы состояться без активной поддержки принимающей стороны – администрации и Совета депутатов городского округа Ступино (финансирование съезда) и Министерства культуры Московской области.

Накануне съезда министр культуры Московской области **Оксана Косарева** подчеркнула: *«Наши писатели – наша гордость, потому что своим творчеством они создают славу Подмосковья и России. Очень важно помочь литературному движению нам местам».*



Когда в 2013 году Российское литературное собрание, проходившее при участии Президента России **Владимира Путина**, не смогло объединить отечественных писателей, представлявших разные творческие союзы, подмосковные писатели решили это сделать самостоятельно в масштабах Московской области. И в январе 2015 года прошёл трёхдневный 1-й съезд писателей Подмосковья, организованный Московской областной организацией Союза писателей России (МОО СПР), Министерством культуры Московской области и администрацией городского округа Ступино. Тогда впервые на одной площадке собрались писатели, состоящие в разных (порой жёстко конкурирующих между собой) творческих союзах, а также предста-





Секретарь Правления МОО СПР Владимир Зайцев и зам. председателя МОО СПР Игорь Витюк представляют участникам съезда издания МОО СПР, в том числе: книгу Льва Котюкова «Любовь невозможная», журнал «Поэзия. XXI век от Р.Х.», антологию православной лирики «Наше бессмертие» (справа)



Зам. руководителя балашихинского ЛИТО Галина Романова (слева) представляет журнал «Балашиха: голоса сердец», рук. ЛИТО «Родники» Владимир Леонов (2-й слева) и рук. детской студии «Роднички» Галина Леонова (справа) – издания Ступинского ЛИТО, зам. председателя МОО СПР Сергей Антипов (3-й слева) – книги издательства «Серебро слов»

вители муниципальных литобъединений, не состоящие в творческих союзах. То есть – это был объединительный съезд всех писателей Подмосковья без деления на идеологические и эстетические предпочтения.

И вот три года спустя состоялся 2-й съезд писателей Подмосковья, в котором участвовало более 150 литераторов, состоящих в различных творческих союзах страны и представлявших 52 муниципальных образования Подмосковья.

В холле пансионата «Малюшина дача» были представлены выставки книг ступинских писателей, книг лауреатов губернаторских литературных премий им. Р.Рождественского и М.Пришвина, изданий Московской областной организации Союза писателей России и подмосковного издательства «Серебро слов», стены украшали картины художников из коллекции Ступинской галереи «Ника», а «Струнный квартет» Ступинской филармонии исполнял классические мелодии. Участникам съезда при регистрации вручали новый выпуск полноцветного альманаха «Литературное Подмосковье» (формат А4, 312 стр.), программу съезда, авторучку и блокнот с логотипом съезда.

Официальные приветствия в адрес съезда направили:

– депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, известный писатель **Сергей Шаргунов**;

– Министр культуры Московской области **Оксана Косарева**;

– председатель Комитета по вопросам образования, культуры и туризма Московской областной Думы **Олег Рожнов**;

– председатель Международного сообщества писательских союзов **Иван Переверзин**;

– председатель Московской областной организации Союза писателей России **Лев Котюков**.



Президиум съезда (слева направо): руководитель ЛИТО «Родники» Ступинского района, секретарь Правления МОО СПР Владимир Леонов, зам. председателя МОО СПР Игорь Витюк, заместитель министра культуры Московской области Инга Морковкина (выступает с приветственным словом), председатель Совета депутатов городского округа Ступино Павел Челпан, глава городского округа Видное Ленинского района Моисей Шамаилов, депутат Московской областной Думы Андрей Голубев

К участникам съезда с приветственным словом обратились заместитель министра культуры Московской области **Инга Морковкина**, председатель Совета депутатов городского округа Ступино, секретарь местного отделения партии «Единая Россия» **Павел Челпан**, депутат Московской областной Думы **Андрей Голубев**, глава городского округа Видное Ленинского района **Моисей Шамаилов**.

Вёл заседания заместитель председателя Правления МОО СПР, Заслуженный работник культуры Российской Федерации **Игорь Витюк**. Он рассказал, что в следующем году Московская областная организация отметит своё двадцатилетие. До 1999 года подмосковные писатели состояли в объединённой Московской писательской организации, а затем по требованию Минюста России создали подмосковную писательскую организацию, которую с 1999 года возглавляет известный русский поэт **Лев Константинович Котюков** – Заслуженный работник культуры России, лауреат Патриаршей литературной премии им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, государственной литературной премии Центрального Федерального округа России, Большой литературной премии России, областной губернаторской литературной премии им. Р.Рождественского и многих других международных и всероссийских премий. Именно благодаря руководству Л.К. Котюкова в Подмосковье была создана система литературных объединений, работающих под эгидой МОО СПР, учреждены многие подмосковные литературные премии, стал выходить журнал «Поэзия» и коллективные альманахи подмосковных поэтов.

Игорь Витюк отметил, что в подмосковных муниципальных образованиях работает более 100 литературных объединений и клубов, объединяющих более 3 000 человек. Для координации их деятельности в 2009 году был образован



Совет литературных объединений, который возглавляют секретари Правления МОО СПР **Алексей Зименков** (Видное) и **Владимир Леонов** (Ступино). В муниципальных образованиях были созданы отделения Московской областной организации Союза писателей России (в настоящее время их – 32).

МОО СПР учреждены и ежегодно вручаются: Золотая Есенинская медаль (за верность традициям русской культуры и литературы), Большая серебряная медаль Николая Гумилёва (за верность творческим традициям Серебряного века) и «Лауреат Нобелевской премии Иван Бунин» (за мастерство – продолжателю традиций классической литературы); а также областные литературные премии: «Золотое перо Московии», имени Ярослава Смелякова (совместно с администрацией г.о. Дзержинский), имени Евгения Зубова (совместно с администрацией Ленинского района), имени Андрея Белого (совместно с администрацией г.о. Железнодорожный), имени Николая Огарёва (совместно с администрацией г.о. Химки), имени Гавриила Державина (совместно с администрацией г.о. Фрязино), имени Елены Слободенюк (совместно с ЛИТО» Радуга» Воскресенского района).

В 2003 и 2007 годах МОО СПР и Министерством культуры Московской области были проведены конкурсы литературных объединений «Литературное Подмосковье», на которых 1-е место занимало ЛИТО им. Ф.С. Шкулёва из г. Видное (руководитель – секретарь Правления МОО СПР **Алексей Павлович Зименков**). Кроме него, лучшими литературными объединениями Московской области в настоящее время являются: «Родники» из Ступина (руководитель – секретарь Правления МОО СПР **Владимир Артёмович Леонов**); «Радуга» им. Лажечникова из Воскресенска (руководитель – член Правления МОО СПР **Леонид Анфиногенович Дудин**); «Угреша» из Дзержинского (руководитель – член Правления МОО СПР **Елена Николаевна Егорова**); «Клуб Егорьевских литераторов им. С.А.Есенина» (руководитель – член Правления МОО СПР **Леонид Николаевич Зенин**); «Крылья» из Жуковского (руководитель – член Правления МОО СПР **Татьяна Дмитриевна Максименко**); ЛИТО им. Дмитрия Кедрина из Мытищ (руководитель с 1966 года, старейший руководитель ЛИТО в стране – член Союза писателей России **Юрий Яковлевич Петрунин**); «Волшебная строка» из Наро-Фоминска (руководитель – **Геннадий Михайлович Козлов**); «Химки» (руководитель – член Союза писателей России **Владимир**

Николаевич Захаров); «Орфей» из Шатуры (руководитель – член Правления МОО СПР **Лидия Павловна Жарова**); «Метафора» из Балашихи (руководитель – член Союза писателей России **Александр Павлович Глотин**).

Практически во всех муниципальных образованиях области выходят ежегодные альманахи с произведениями членов ЛИТО. А в ряде муниципальных образований на средства администраций выпускаются полноценные периодические литературные издания:

- ежемесячная газета «Литературный Воскресенск» (Воскресенский р-н);
- литературные страницы в муниципальных газетах;
- журнал «Балашиха: голоса сердец» (4 раза в год);
- ежегодник «Коломенский альманах»;
- ежегодник «Подольский альманах».

Работа с детьми и юношеством – одно из приоритетных направлений деятельности МОО СПР, местных отделений в муниципалитетах и литературных объединений на местах. С 2003 по 2008 год под руководством и при финансовом участии Министерства культуры Московской области проводился областной литературный детско-юношеского конкурс «Подсолнушек». Участники фестиваля награждались подарками и дипломами на итоговых мероприятиях, а их лучшие произведения публиковались в одноимённом сборнике.

В связи с прекращением финансирования конкурса «Подсолнушек» инициативу по проведению детско-юношеских конкурсов взяли на себя:

- Ленинский муниципальный район, проводящий ежегодный межрайонный детско-юношеский конкурс «Люблю тебя, мой край родной!» (организаторы – Межпоселенческая библиотека Ленинского р-на и ЛИТО им. Филиппа Шкулёва);
- городской округ Дзержинский, проводящий открытый детско-юношеский конкурс «Юная муза Угрешы».

Ежегодно проводятся семинары для литературно одарённых детей и подростков Подмосковья (всего было проведено 36 семинаров, в которых участвовало около 1500 человек (школьники, руководители детских студий, учителя, методисты, представители Министерства культуры МО). Большая часть семинаров проводилась в Детской библиотеке им. К.И. Чуковского в пос. Переделкино (организаторы – Межпоселенческая библиотека Ленинского района, ЛИТО им. Филиппа Шкулёва и МОО СПР).

Литературная учёба для подмосковных писателей - это, прежде всего, ежегодные семинары и презентации в Московской областной организации Союза писателей России, а также областные семинары, организуемые литобъединениями на местах.

Лидером здесь является Ленинский район. ЛИТО им. Ф.С. Шкулёва при поддержке районной администрации, совместно с Межпоселенческой библиотекой Ленинского района и Московской областной организацией Союза писателей уже 17 лет проводят ежегодные семинары для членов ЛИТО и студий Подмосковья (места проведения семинаров – г. Видное, пос. Переделкино, музей-заповедник «Горки Ленинские»). Всего проведено – 17 семинаров, в которых приняло участие более 500 литераторов из Ступина, Каширы, Жуковского, Пушкино, Шатуры, Химок, Раменского и др. городов). Руководили семинарами: председатель Правления МОО СПР, главный редактор журнала «Поэзия» **Лев Константинович Котюков**, заместитель председате-

ля областной организации **Игорь Евгеньевич Витюк** (Пушкино), главный редактор газеты «Московский литератор» **Иван Юрьевич Голубничий**, секретари и члены Правления МОО СПР **Алексей Павлович Зименков** (Видное), **Владимир Артёмович Леонов** (Ступино), **Владимир Иванович Зайцев** (Раменское), **Лидия Павловна Жарова** (Шатура) и др.

С 2015 года эти семинары стали проходить не только в Ленинском районе, но и по другим литературным местам Подмосковья: в 2015 г. – в Доме-музее Паустовского в Тарусе, в 2016 – в Государственном литературно-мемориальном музее-заповеднике А.П. Чехова «Мелихово», в 2017 – в Ступино, в 2018 – на даче В.Маяковского на Акуловой горе в Пушкино, в 2019 г. семинар пройдёт в Шатуре. Программа семинара включает в себя знакомство с достопримечательностями муниципального образования (в т.ч. литературными), методический семинар и литературный мастер-класс.

Для координации работы подмосковных ЛИТО и вовлечения в литературные проекты не только членов Союза писателей России, но и членов других творческих писательских союзов, была предложена новая форма работы – литературный съезд писателей Подмосковья, который проходит уже во второй раз.

Московская областная организация Союза писателей России при финансовой поддержке Международного сообщества писательских союзов (председатель – **Иван Иванович Переверзин**) издаёт:

- журнал «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова» (2-3 раза в год);
- журнал «Московия литературная» и одноимённую газету (по мере наличия денежных средств),
- ежегодный альманах «Золотая строка Московии. Антология одного стихотворения»;
- альманах «Литературное Подмосковье» – совместно с Московской губернской универсальной библиотекой за счёт средств Министерства культуры Московской области

Также были выпущены:

- антология православной лирики «Наше бессмертие», одобренная Издательским Советом РПЦ (в антологию вошли стихи современных поэтов о Боге и вере);
- антология «Казачий крест» – стихи о казачестве, доблести и чести;
- антология «Казачка», в которую вошли стихи поэтесс казачьего сословия.

Главный редактор всех этих изданий – председатель МОО СПР **Лев Котюков**.

Учитывая, что Московская областная писательская организация не имеет источников дохода, то расходы по изданию берут на себя наши близкие партнёры:

- Международное сообщество писательских союзов (правопреемник Союза писателей СССР, в него входят писательские союзы бывших республик СССР и ряда зарубежных стран), председатель – **Иван Иванович Переверзин**;
- издательство «Серебро слов», президент – зам. председателя МОО СПР **Сергей Сергеевич Антипов**.

Таким образом, сейчас у МОО СПР есть издательство с самыми низкими в московском регионе ценами на издание книг, а книги издательства «Серебро слов» поступают в книжные магазины «Библио-Глобус», ЛитРес, Озон, сеть магазинов «Читай-город» и др. Наконец-то, у наших писателей появилась возможность качественно и недорого издавать книги, которые поступают на книжный рынок

В нынешнем году впервые в своей истории МОО СПР участвовала в книжном фестивале «Красная площадь» (с 31 мая по 3 июня), представив на главной площади страны книги наших авторов и издания МОО СПР.

Важной вехой в истории МОО СПР стал переезд в новый офис – в историческое здание Дома Ростовых, где располагается Международное сообщество писательских союзов. Ранее мы арендовали комнату у Московской городской организации СП России, но затем лишились её. Поэтому мы обратились к председателю Международного сообщества писательских союзов **Ивану Ивановичу Переверзину**, и он нам дал в безвозмездное пользование современное помещение из двух комнат в Доме Ростовых (усадьбе Соллогуба) – объекте культурного наследия федерального значения. **Адрес нашего представительства в Москве теперь – ул. Поварская, 52 (с тыльной стороны Центрального Дома литераторов).** Наш новый телефон +7(495) 691-45-24.

В конференц-зале Дома Ростовых мы проводим презентации книг и журналов, а также семинары и конференции. Деятельность МОО СПР активно представлена в социальных сетях. В частности, на сайте издательства «Серебро слов» есть страница организации. На сайте Международного сообщества писательских союзов публикуются новости нашей литературной жизни. Также новости МОО СПР можно читать в сетях «Фейсбук», «ВКонтакте», «Твиттер», «Живой журнал».

Успешная работа Московской областной писательской организации была по достоинству отмечена во время торжественной церемонии открытия съезда. Под аплодисменты делегатов заместитель министра культуры Московской области Инга Евгеньевна Морковкина за большой вклад в подмосковную литературную жизнь вручила Благодарственные письма министра культуры Московской области **Владимиру Леонову, Алексею Зименкову, Сергею Антипову, Татьяне Маскименко, Елене Егоровой, Игорю Витюку, Юрию Петрунину, Геннадию Козлову, Владимиру Захарову, Лидии Жаровой и Льву Котюкову** (в связи с его отсутствием Благодарственное письмо было передано в Правление МОО СПР).



Заместитель министра культуры Московской области Инга Морковкина награждает Благодарственными письмами министра культуры Московской области Алексея Зименкова (фото – слева), Татьяну Маскименко (в центре) и Сергей Антипова (справа)



Заместитель председателя Правления МОО СПР Игорь Витюк вручает награды Московской областной организации Союза писателей России Павлу Челпану (слева), Моисею Шамаилову (в центре) и Владимиру Леонову (справа)

После от этого Игорь Витюк по поручению председателя МОО СПР Льва Котюкова наградил знаками Московской областной организации Союза писателей России председателя Совета депутатов городского округа Ступино **Павла Челпана**, главу городского округа Ступино **Веру Назарову**, главу городского округа Видное Ленинского района **Моисея Шамаилова**, руководителя ЛИТО им. Ф.С. Шкулёва Ленинского района **Алексея Зименкова** и руководителя ЛИТО «Родники» г.о. Ступино **Владимира Леонова**.



С приветственным словом выступает председатель Совета депутатов городского округа Ступино Павел Челпан

Громкими аплодисментами было встречено выступление председателя Совета депутатов городского округа Ступино **Павла Ивановича Челпана**. Объясняя причины, которые побудили администрацию и Совет депутатов содействовать проведению 1-го и 2-го съезда писателей Подмосковья в Ступино, он сказал, что не хлебом единым мы живы: «Люди нуждаются в красоте, и творцы прозы и поэзии должны нести свои произведения читателям, как родник несёт чистую воду лесам и лугам, и всем тем, кто в них обитает. Творцы прозы и поэзии должны способствовать возникновению гармонии в душе человека, так как только она делает его подлинно счастливым. В Ступине понимают важную роль творческого искреннего слова, и поэтому мы говорим: если на нашей земле 1000 человек станут заниматься литературным творчеством, полюбят родной язык – очень хорошо. Если их будет 2000 – поддержим. Если подмосковные литераторы захотят провести у нас свой съезд в следующем году – будем рады!».



К участникам съезда обращается глава городского поселения Видное Ленинского района Моисей Шамаилов

Глава городского поселения Видное Ленинского района Московской области, Заслуженный работник культуры Российской Федерации **Моисей Исаакович Шамаилов** рассказал о том, что до избрания главой города он 34 года отработал в сфере культуры в г. Видном, в том числе 13 лет – начальником Управления по делам молодёжи, культуре и спорту администрации Ленинского района. К слову, это единственный случай в стране, когда профессиональный работник сферы культуры был избран на политическую должность (известные артисты, ушедшие в политику – это другая категория). Он рассказал, как администрация района даже в самые тяжёлые годы конца 90-х – начала нулевых помогала литераторам. Как в 2002 году совместно с Московской областной организацией Союза писателей России была учреждена первая в Московской области литературная премия – имени местного поэта Евгения Зубова. И лишь спустя

несколько лет в Подмосковье появились губернаторские премии им. Р.Рождественского и М.Пришвина. Тогда же видновчане начали проводить «Зубовские чтения» в память поэта-земляка, ежегодные литературные семинары в Переделкино (до 2012 года этот писательский посёлок входил в состав района) для взрослых и детей. Администрация всегда находила деньги на издание художественных и краеведческих книг. И неслучайно в 2007 году Министерство культуры и МОО СПР признали ЛИТО им. Ф.Шкулёва лучшим в Подмосковье, а город Видное получил статус литературной столицы Подмосковья. Моисей Шамаилов рассказал и о тонкостях корректной подготовки документов в сфере культуры, чтобы иметь возможность оказывать помощь местным писателям в издании книг и проведении мероприятий. На вопрос председательствующего на съезде Игоря Витюка о том, готов ли он поделиться своим опытом разработки нормативных документов в интересах поддержки литературы на муниципальном уровне, Моисей Исаакович ответил утвердительно. После чего руководители литобъединений Ленинского р-на Алексей Зименков и городского округа Ступино Владимир Леонов, а также заместитель директора Московской губернской универсальной библиотеки Ольга Кубышкина выразили готовность вместе с И.Витюком участвовать в создании соответствующего методического пособия для руководителей ЛИТО и сотрудников муниципальных органов культуры

От имени регионального парламента собравшихся приветствовал депутат Московской областной Думы, председатель Комитета по вопросам охраны здоровья, труда и социальной политики, член Союза писателей России **Андрей Голубев**. Он отметил не только творческие достижения подмосковных писателей,



Выступает председатель Комитета по вопросам охраны здоровья, труда и социальной политики Мособлдумы Андрей Голубев

Алексей Зименков объяснил, что секрет успехов шкулёвцев связан с тем, что среди них есть не только несомненно одарённые люди, но также и те, кто готовы на общественных началах вести большую организационную работу. Огромную часть работы, связанную с литературными проектами, берет на себя районная Межпосленческая библиотека (директор – Татьяна Лукашёва). На их осуществление администрация Ленинского района каждый раз выделяет необходимые средства. Начинания ЛИТО им. Ф.С. Шкулёва находят постоянную поддержку у МОО СПР и Министерства культуры Московской области, а также заместителя директора Московской губернской универсальной библиотеки **Ольги Кубышкиной**.

Из года в год свои лидирующие позиции в Московской области подтверждает Ступинское литературное объединение «Родники», которым руководит Заслуженный работник культуры Московской области, секретарь правления Московской областной организации Союза писателей России **Владимир Леонов**. Сегодня в состав ЛИТО «Родники» входят 15 городских и сельских кружков и студий, объединяющих более 150 человек, 36 из них приняты в Союз писателей России.

но и их гражданскую активность, участие во всех областных проектах и начинаниях.

Андрей Голубев также поделился своим опытом поддержки творческих литературных объединений в Кашире, где уже третий год с помощью областного депутата проводится межрегиональный литературный конкурс «Звёздное перо» совместно с ЛИТО «Зодиак»; о литературной премии проведённой Мособлдумой среди молодых литераторов Подмосковья в честь 75-летия Битвы за Москву; об оказываемой депутатами помощи в издании книг местных писателей и краеведов; о проводимой уже более 5 лет совместно с издательством «Книжный мир» акции «Книгодар», в рамках которой депутат помогает обновлять книжные фонды библиотек.

Далее Игорь Витюк попросил руководителя ЛИТО им. Ф.С. Шкулёва Алексея Зименкова и руководителя ступинского ЛИТО «Родники» **Владимира Леонова** рассказать о том, как в их муниципальных образованиях организована литературная жизнь.



Алексей Зименков



Владимир Леонов

На счету «Родников», рассказал собравшимся руководитель, более 400 побед на конкурсах и 24 литературных премии от муниципального до международного уровня, а также 34 губернаторских стипендии.

Эти достижения, подчеркнул Леонов, стали возможны благодаря поддержке со стороны руководства городского округа Ступино: администрации, Совета депутатов и Комитета культуры. Особую благодарность Владимир Артёмович высказал председателю Совета депутатов городского округа **П.И. Челпану** и главе округа **В.Н. Назаровой**. Несмотря на занятость производственными и социальными проблемами, они во главу угла своей работы ставят духовное развитие ступинцев, понимая, что только высокодуховный, культурный человек может стать настоящим творцом во всех сферах жизнедеятельности. Благодаря финансовой поддержке в Ступине проводится уже второй съезд литераторов, выпущено 25 коллективных альманахов и не один десяток авторских сборников.

Заместитель директора Московской губернской универсальной библиотеки, Заслуженный работник культуры РФ **Ольга Павловна Кубышкина** представила недавно вышедший за счёт финансирования Минкультуры Московской области полноцветный альманах «Литературное Подмосковье» (312 стр., тираж 2000 экз.), который поступил в муниципальные библиотеки области. Она поблагодарила писателей за активное участие в работе над альманахом и в особенности Алексея Зименкова, Алексея Плотникова и Игоря Витюка, которым в подготовке альманаха к печати активно помогали сотрудники губернской библиотеки Елена Григорьева и Людмила Максимова, выполнявшие функции выпускающего редактора и ответственного секретаря. Ольга Кубышкина предложила сделать выпуск альманаха ежегодным (в настоящее время Минкультуры области не определилось со сроками выхода альманаха). Кроме того, она считает, что необходимо возобновить практику ежегодного издания альманахов с произведениями всех номинантов на губернаторские премии им. Р.Рождественского и М.Пришвина, поскольку это мотивирует литераторов участвовать в конкурсе, даже если они понимают, что пока не достигли уровня, позволяющего претендовать на звание лауреата. Также она предложила Министерству культуры М.О. изготовить комплекты лауреатских медалей обеих литературных премий и вручить их лауреатам прошлых лет.



Заместитель директора Московской губернской универсальной библиотеки, Заслуженный работник культуры РФ Ольга Кубышкина

Опытом работы своих ЛИТО на пленарном заседании поделились: **Лидия Жарова** (руководитель ЛИТО «Орфей», г. Шатура), **Леонид Зенин** (руководитель ЛИТО Егорьевского р-на), **Зоя Корниенко** (зам. руководителя ЛИТО Воскресенского р-на) и **Александр Ларин** (руководитель ЛИТО г. Серпухова).



Заместитель председателя МОО СПР, президент подмосковного издательства «Серебро слов» **Сергей Антипов** в своём выступлении рассказал, что идея создать своё издательство возникла как ответ на завышенные цены на издательские услуги в Москве и Подмосковье, на невозможность малоизвестному автору представить свои книги на полках магазинов. Теперь издательство «Серебро слов», располагающееся в Коломне, издаёт более ста наименований книг, альманахов и журналов в год. Мы плодотворно сотрудничаем с Московской областной организацией Союза писателей России и Международным сообществом писательских союзов, – продолжил С.Антипов. – Наши книги представлены в сети книжных магазинов «Читай-город», «Библио-Глобус», в интернет-магазине «Озон». На

сайте издательства регулярно проводятся творческие конкурсы, победители которых получают право на бесплатное издание авторского сборника. Именно так нам удалось «открыть» несколько очень талантливых писателей, которые не только издали у нас несколько книг, но и вступили по рекомендациям членов редакционного совета издательства в Союз писателей России. За несколько лет таких человек у нас уже больше десяти. Сегодня, когда я смотрю на некоторых уже достаточно известных писателей, мне радостно осознавать, что свой путь они начинали у нас в «Серебре Слов», и что нам удалось им реально помочь. Сергей Антипов пригласил подмосковных писателей работать с издательством «Серебро слов».

После завершения пленарной части съезда были проведены семинары по жанрам:



Руководители семинара прозы Александр Торопцев (слева) и Владимир Шигин (справа)

– проза (руководитель – доцент Литинститута им. А.М. Горького **Александр Торопцев**, ему помогал ведущий редактор военно-художественной студии писателей Минобороны России, Заслуженный работник культуры России **Владимир Шигин**);

– поэзия (руководитель – заместитель председателя Правления МОО СПР, Заслуженный работник культуры России **Игорь Витюк**, ему помогли секретарь Правления

МОО СПР, Заслуженный работник культуры Московской области **Владимир Леонов**, руководитель секции драматургии и отдела по работе с творческой молодёжью МОО СПР **Николай Антонов** и руководитель ЛИТО г. Домодедово, член СПР **Александр Вырвич**).

– детская литература и детское творчество (руководитель – руководитель семинара по детской литературе Литинститута им. А.М. Горького **Александр Торопцев**, ему помогал руководитель детско-юношеской литературной мастерской «Слово» Ленинского района **Алексей Зименков**).

Перед началом семинара прозы своим опытом писательской работы поделились **Александр Торопцев** и **Владимир Шигин**, осветив в своих выступлениях тему «Как писать современную духоподъемную прозу, чтобы при этом она заинтересовала издателей».

На семинаре прозы свои рассказы для обсуждения представили: Татьяна Буланкина (Видное), Юрий Егоров (Видное), Григорий Гаслов (Видное), Татьяна Триленко (Одинцово) и Борис Тропин (Одинцово).



Свой новый рассказ читает Григорий Гаслов (г. Видное, на фото – слева), а свои новые стихи – Максим Глазун (г. Ступино, на фото – справа)

На семинаре поэзии обсуждались стихи, которые прочли следующие авторы: Тамина Куковкина (Ступино), Владимир Бордюков (Раменское), Наталья Мягкова (Ступино), Лидия Жарова (Шатура), Максим Глазун (Ступино), Андрей Тернов (Кашира), Павел Морозов (Кашира), Владимир Меньшиков (Видное), Павел Сушко (Дмитров), Александр Ларин (Серпухов), Александр Трушин (Шатура), Вячеслав Гаврилов (Шатура), Андрей Цуприк (Балашиха), Елена Туманова (Домодедово), Валерий Скальский (Щёлково), Александра Зубкова (Ступино), Михаил Коваленко (Шатура), Лариса Канева (Домодедово), Анатолий Стебалин (Ступино), Татьяна Чистякова (Ступино), Екатерина Смирнова (Ступино), Елена Базанова (Ступино).



Свои стихи читают юные ступинские поэты Полина Хомутовская (10 лет) и Георгий Ермаков (14 лет)

С особенной теплотой зал встретил юных поэтов – воспитанников ступинской студии «Роднички» (руководитель – член Союза писателей России **Галина Георгиевна Леонова**). Свои стихи для обсуждения представили: Полина Хомутовская (10 лет), Лилиана Флоря (12 лет), Вероника Заикина (14 лет), Георгий Ермаков (14 лет), Светлана Ванян (13 лет) и



Слева направо: Наталья Хомутовская, Лилиана Флоря, Татьяна Микрюкова – руководитель Жилёвской литературной студии "Берёзовка" Ступинского литературного объединения "Родники", Виктория Палади, Георгий Ермаков, Светлана Ванян, Полина Хомутовская, Вероника Заикина, Анна Ермакова, Галина Леонова – руководитель детской литературной студии "Роднички" и литературной студии "Художественное слово" Ступинского литературного объединения "Родники"

Виктория Палади (17 лет). Александр Торощев, руководитель детского семинара, порекомендовал взрослым поэтам учиться у детей непосредственности, умению удивляться и видеть необычное в самом обыденном.

Насыщенной была и культурная программа съезда:

– перед началом съезда звучали классические мелодии в исполнении «Струнного квартета» Ступинской филармонии;

– на церемонии открытия прозвучала песня «Гимн городу Ступино» (слова **Владимира Леонова**, музыка **Елены Кардаш**) в исполнении солистки Ступинской филармонии, Заслуженной артистки Республики Молдова **Светланы Мареевой** и Муниципального ансамбля песни и танца «Русский стиль» Ступинского Культурно-творческого центра (художественный руководитель – **Елена Кардаш**);

– в перерыве пленарного заседания свои песни «Родина», «С моей Россией», «Мама и папа» представлял поэт, композитор и исполнитель, Заслуженный артист Московской области **Сергей Евдокимов**;



Муниципальный ансамбль песни и танца «Русский стиль» и Заслуженный артист Московской области Сергей Евдокимов (фото справа)





Оркестр народных инструментов Ступинской филармонии «Мелодии России»

– вечером в первый день съезда состоялся трёхчасовой концерт, подготовленный оркестром народных инструментов Ступинской филармонии «Мелодии России» (руководитель – **Алексей Сысоев**, солистка – **Светлана Мареева**) и ансамблем песни и танца «Русский Стиль» Ступинского Культурно-творческого центра (художественный руководитель – **Елена Кардаш**).

Завершился съезд подведением итогов и принятием Резолюции (приводится после статьи).

Разъезжались участники съезда, переполненные впечатлениями и творческими планами. Спасибо, Ступино!



Фотографии на память о 2-м съезде писателей Подмосковья



**«Сколько же очарованья
В красках Ступинской земли!
Их до нового свиданья
Мы с собою унесли»**,

– таким экспромтом напутствовал коллег при расставании поэт из г. Видное, член Российского союза писателей **Дмитрий Углев**.

Алексей ПЛОТНИКОВ, член Правления Московской областной организации Союза писателей России;
Оксана МОСКАЛЕНКО, член Союза писателей России.

**Фотографии: Татьяна КОСИНОВА, Галина ЛЕОНОВА,
Оксана МОСКАЛЕНКО, Галина РОМАНОВА, Павел СУШКО**

РЕЗОЛЮЦИЯ 2-го съезда писателей Подмосковья

19 августа 2018 г.

Городской округ Ступино Московской области

Писатели, представляющие 52 муниципальных образования Московской области, благодарят губернатора и Министерство культуры Московской области за реализованные в настоящее время меры по поддержке литературы в Московской области:

– ежегодно проводятся конкурсы на присуждение московских областных литературных премий имени Роберта Рождественского (поэзия) и Михаила Пришвина (проза и краеведение);

– продолжается присуждение стипендий губернатора Московской области выдающимся деятелям культуры и искусства (60 тыс. руб. в год, обычно в число стипендиатов входят 1-2 литератора) и молодым талантливым авторам (36 тыс. руб. в год, обычно в число стипендиатов входят до 5 молодых литераторов);

– вышло два номера альманаха «Литературное Подмосковье» (2015 и 2017 годы) в прекрасном полиграфическом исполнении – полноцветные и на глянцева-ой бумаге. Финансирование осуществляло Минкультуры, содержательное наполнение обеспечивала Московская областная организация Союза писателей России, организационную работу по сбору материалов – Московская губернская универсальная библиотека.

В то же время есть ряд вопросов, которые требуют скорейшего решения:

1. Отсутствует финансирование дальнейших выпусков альманаха «Литературное Подмосковье», учреждённого Министерством культуры Московской области. Просим ежегодно выделять средства на его издание. Тем более что такое поручение давал в январе 2014 года губернатор Московской области А.Ю. Воробьёв.

2. Не решён вопрос с знаками отличия (медалями) лауреатов московских областных литературных премий им. Р.Рождественского и М.Пришвина. Целесообразно изготовить по 50 экземпляров медалей для каждой премии, вручить старым лауреатам, а в дальнейшем вручать новым лауреатам (этого тиража хватит на ближайшие 20 лет). Расходы составляют до 100 тыс. руб. на изготовление тиража 50 экз. каждой медали.

3. Возобновить существовавшую до 2016 года практику издания малым тиражом (200-300 экз.) ежегодных альманахов с произведениями номинантов, выдвинувших свои произведения на соискание литературных премий им. Р.Рождественского и М.Пришвина (по 2 страницы на человека). Отсутствие таких альманахов снижает интерес к конкурсам начинающих авторов, поскольку они понимают, что не могут претендовать на победу, а другой мотивации к участию нет. Общие расходы на выпуск двух альманахов не превысят 100 тыс. руб.

4. В Московской области отсутствует программа книгоиздания художественной литературы. Мы предлагаем программу-минимум – за 3-4 года издать две серии книг: Библиотечку лауреатов литературной премии им. Р.Рождественского и Библиотечку лауреатов литературной премии им. М.Пришвина. Программа-максимум – дополнительно к этим сериям ежегодно издавать 5-10 наименований художественных книг (авторских и коллективных сборников) подмосковных авторов

5. Организовать в муниципальных библиотеках продажу книг местных авторов на комиссионных началах.

6. Обязать муниципальные библиотеки закупать не менее 20% книжного фонда у подмосковных авторов.

7. Ввести в государственное задание для муниципальных библиотек пункт по организации работы любительских творческих объединений – ЛИТО муниципального образования (с ежемесячными заседаниями), назначить в библиотеках ответственного за эту работу сотрудника (руководителя ЛИТО в штате библиотеки).

8. Возобновить проведение и финансирование областного детско-юношеского литературного конкурса (в трёх возрастных группах с 6 до 18 лет) под эгидой Минкультуры области с выпуском сборника произведений лучших участников конкурса (поэзия, проза, эссеистика).

9. Возобновить на постоянной основе (раз в три года) проведение конкурса на лучшее ЛИТО Московской области.

10. Привлекать подмосковных писателей для участия в праздниках, организуемых Министерством культуры Московской области в литературных усадьбах-музеях Подмосковья.

11. Обеспечить хотя бы минимальное, но регулярное (не реже одного раза в месяц) присутствие подмосковных писателей на радио и телевидении Подмосковья.

Отклики участников 2-го съезда писателей Подмосковья



Меня радуют творческие достижения подмосковных писателей, но и их гражданскую активность, участие во всех областных проектах и начинаниях. В течение двух дней подмосковные писатели обсуждали итоги работы, планы на будущее и сформулировали свои предложения для дальнейшего совершенствования системы поддержки литераторов в Московской области, которая, по словам выступающих, благодаря личному вниманию губернатора А.Ю. Воробьева является одной из лучших в стране. Особые слова признательности были высказаны в адрес властей Ступинского округа и председателя ступинского ЛИТО Владимира Артемовича Леонова.

Андрей ГОЛУБЕВ,
председатель Комитета по вопросам охраны здоровья, труда и социальной политики Московской областной Думы, член Союза писателей России



Писатели слетелись с разных равнинных уголков Подмосковья на одну высокую гору Съезда на «Малюшиной даче». Крылатый съезд писателей!

Ирина ЛЕОНТЬЕВА,
член Союза писателей России, организатор ЛИТО «ГРАНИ», Шатура

Встреча состоялась! В тёплые августовские выходные 18-19 числа, недалеко от города Ступино прошёл съезд писателей со всего Подмосковья. Во встрече приняли участие поэты и прозаики из большинства литобъединений области. Порядка 200 человек.

Хозяева съезда приняли своих друзей на территории живописного оздоровительного центра «Малюшина Дача», который поразил гостей чистейшим воздухом и красивейшими видами на реку Оку (в которой некоторые даже осмелились искупаться).

На встрече представители литературных объединений узнавали друг о друге, делились опытом, обсуждали общие проблемы и совместно определяли пути их решения.

19 Августа прошли семинары детского творчества, прозы и поэзии, в которых приняли участие и поделились своим творчеством и взрослые писатели, и младшее поколение.

На прощанье участники обменялись контактами, сердечно поблагодарили хозяев встречи за тёплый приём и договорились, что такие встречи будут чаще!

Павел СУШКО,

член Молодёжного творческого объединения «Студия «Автор», г. Дмитров



18-19 августа при активной поддержке председателя Правления Московской областной организации Союза писателей России Льва Константиновича Котюкова в оздоровительном центре «Малюшина дача» прошёл 2-й съезд подмосковных писателей.

Организаторами проделан титанический труд по подготовке и организации съезда. Хотелось бы поблагодарить за эту работу Льва Константиновича Котюкова, Игоря Евгеньевича Витюка и работавших непосредственно в Ступино Владимира Артёмовича Леонова и Галину Георгиевну Леонову, а также руководителей Ступинского района и должностных лиц, участвовавших в мероприятии.

На съезде были рассмотрены самые насущные и первоочередные проблемы дальнейшего развития литературного процесса Подмосковья. Судя по программе и рассмотренным вопросам, организаторы съезда серьёзно подготовились, изучив и проанализировав действительное положение дел в литературном творчестве и литературных коллективах. Были затронуты вопросы государственной поддержки литературного творчества, в первую очередь финансирования издания книг и функционирования литературных объединений.

Сергей Сергеевич Антипов выступил с разъяснением порядка издания книг в издательстве «Серебро слов» и поддержки талантливых авторов. Немаловажное значение имеет также информационная поддержка литературного творчества, которая пока оставляет желать лучшего.



Поделились опытом руководители ведущих ЛИТО области. Были сформулированы некоторые «рецепты», сглаживающие остроту рассматриваемых проблем. Отрадно отметить, что съезд достаточно много уделил внимания детскому творчеству. Плодотворно прошли и семинары по секциям «проза», «детское творчество», «поэзия». В этом плане съезд стал не только форумом, на котором решались организационные вопросы, но и высшей школой творчества. Кроме изложения теоретических основ творческого мастерства, на практике при чтении и последующем разборе литературных произведений были продемонстрированы основные принципы создания качественных литературных произведений. Неоценимый вклад в этом аспекте внесли критические замечания признанных мастеров слова И.Е. Витюка, В.А. Леонова, А.П. Торопцева, Н.Н. Антонова.

Интересно отметить, что уже после окончания официальной программы работы первого дня съезда в свободное, можно сказать, личное время стихийно создавались неформальные группы из представителей различных ЛИТО, на которых по кругу читали стихи на различные темы. И первой темой, негласно принятой участниками, стала тема Великой Отечественной войны, – памяти героического подвига советского народа.

Был продемонстрирован высокий уровень стихов собравшихся поэтов. Он был существенно выше, чем средний уровень отдельно взятых литобъединений. Это говорит о том, что на съезд прибыли достойные делегаты.

С моей точки зрения съезд прошёл успешно. Для меня он заметно раздвинул границы творческих возможностей. Полагаю, что съезд дал мощный импульс всем его участникам для дальнейшего совершенствования.

Александр ЛАРИН,
член Союза писателей России,
председатель ЛИТО «Серпейка», г. Серпухов



Оздоровительный Центр «Малюшина дача» – живописное место, расположенное недалеко от реки Оки!

Гостеприимные хозяева! Благоустроенная территория!

Были созданы прекрасные условия для проведения форума литераторов Подмосковья! Каждому участнику было предоставлено всё необходимое для работы: программа съезда, блокнот, ручка.

В подарок от ЛИТО «Родники» (г. Ступино) каждый получил альманах с произведениями местных литераторов.

Организована замечательная концертная программа! Получили огромное удовольствие от выступления артистов Ступинской филармонии!

Авторы имели возможность знакомиться, общаться, обмениваться печатными изданиями.

В свободное время можно было отдохнуть в уютном номере жилого корпуса, погулять, посидеть в беседках в тени деревьев (с погодой нам повезло). И

конечно же, прогуляться к реке Оке!

Хочу выразить огромную благодарность организаторам этого литературного праздника – Владимиру Артёмовичу Леонову и его супруге Галине Георгиевне Леоновой. СПАСИБО!

Дмитрий Углев
Член Российского союза писателей,
член ЛИТО им. Ф.Шкулёва, г. Видное



Больше ста литераторов, артистов, музыкантов и журналистов из разных районов Подмосковья собрались в эти выходные в замечательном уголке Ступинского района на 2-й съезд писателей Московской области. Стихи, песни, юмористические рассказы, – словно сказочные птицы поселились среди красивых сосен возле Оки. Среди героев этих произведений: яркий смешной попугай, рождённый фантазией юной участницы ЛИТО из г. Ступино, паренёк с Невского пяточка «в белой майке со значком», незадачливый пассажир метро с чужой найденной сумкой, смешной рыжий доктор с крыльями, как у ангела, лесная колдунья и былинные герои, много-много других самых интересных персонажей. А ещё звучала прекрасная музыка в исполнении ступинских музыкантов! Впрочем, нет, не правильно! Не звучала, а по-прежнему звучит вместе с яркими литературными сюжетами, надолго поселившись в сердца слушателей.

Этот форум очень важен в наше непростое время, и огромное спасибо людям, которые, приложив душу и силы, сделали его возможным. С благодарностью Ступинскому ЛИТО, организаторам и спонсорам съезда.

Юрий Николаевич ЕГОРОВ
член Союза писателей России,
доктор экономических наук, профессор, г. Видное



Спасибо за безупречно и чётко проведённое мероприятие!

Думаю, оно оказалось полезным и для тех, кого похвалили, и для тех, кого покритиковали.

Борис ТРОПИН,
руководитель студии «Резонанс»,
г. Одинцово

ТУЛЬСКИЕ СКРЕПЫ И ЗАСЕЧНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ РОССИИ

24 и 25 апреля в Туле состоялось примечательное событие – Культурный форум Центрального федерального округа «ИмПульс культуры» (Роль культуры в современном мире»).

Хорошо известно, что Тула – важнейший опорный пункт Большой засечной черты единого Русского Государства, а её кремль вошел в число первых регулярных крепостей и был при его строительстве рассчитан на активное применение огнестрельного оружия. Но не об этом, а точнее не столько об этом шла речь на двухдневном форуме, собравшем несколько сот представителей всей России. В великолепном зале Дворянского собрания говорили о спасении и сохранении великих культурных традиций в современной России. Здание Дворянского собрания примечательно. Об этом свидетельствуют мемориальные доски. Здесь в разные века и годы выступали (опустим великих революционеров!) Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.С. Хомяков, В.В. Маяковский, Н.Н. Асеев и другие выдающиеся литераторы (фото 1 и 2).

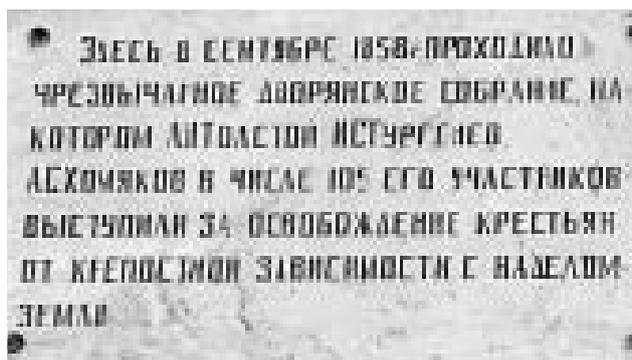


Фото 1



Фото 2

На прошедшем форуме запомнились яркие выступления современных деятелей культуры Николая Бурляева, Андрея Мерзликина, Аллы Суриковой, Ильзе Лиена, Ольги Кормухиной и других. Все они говорили в общем об одном – о сохранении национальных духовно-культурных скреп. Многие выступившие на пленарном и секционных заседаниях считают, что важен переносный смысл слова «скрепы». Это то, что скрепляет, соединяет, связывает в единое целое. То есть мысли художника, писателя, облеченные в слово также могут стать мощной национальной скрепой.

Итак, главной скрепой может стать творческая личность. Протагоровские слова о том, что "Человек есть мера всех вещей" актуальны всегда. Вспомним того же А.С. Хомякова! Обращаясь к России, он писал:

«Не дай ей рабского смиренья,
Не дай ей гордости слепой,
И дух мертвящий, дух сомненья
В ней духом жизни успокой».
(В альбом Вацлаву Ганки).

На высоком эмоциональном подъёме прошло секционное заседание в Тульской областной универсальной научной библиотеке под председательством народного артиста России Николая Бурляева. Тема ее «Современная проза и поэзия: имена, направления, тенденции» (фото 3).



Фото 3

В работе секции приняли участие более 120 человек, представители сферы культуры (поэты, прозаики, публицисты, журналисты, библиотечные, музейные и педагогические работники) Московской, Рязанской, Тульской, Калужской областей, г. Москвы и др.

В рамках секции обсуждались следующие вопросы:

- классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления;
- проблемы чтения в культуре информационного общества;
- современная литература в контексте патриотического воспитания молодежи;
- о необходимости системы защиты культурного суверенитета России;
- роль современных литераторов в сохранении духовно-культурных скреп;
- значения чтения как связующей нити поколений.

Выступили: статс-секретарь СПР Кренёв Павел Григорьевич, член правления Московской городской организации СПР Фролов Виктор Геннадьевич, заместитель председателя регионального отделения СПР Ашеко Людмила Станиславовна, член регионального отделения СПР Шестакова Наталия Алексеевна, член правления Московской Областной организации СПР академик РАН Ушаков Игорь Борисович, председатель регионального отделения СПР Купавская Раиса Николаевна, председатель Тульского отделения СПР поэт Жуков Николай Алексеевич.

Участники встречи подчеркнули неоспоримое значение книги, систематического чтения, как одного из основополагающих элементов российской культуры, важнейшего

инструмента сохранения российской идентичности, государственности, как ресурса развития интеллектуального потенциала нации. Вне зависимости от формы (формата), современная книга есть отражение духовной жизни народа. Участники секции выразили озабоченность по поводу падения интереса к процессу систематического чтения среди детей и подростков в эпоху углубляющегося информационного общества.

Выступающие отмечали важную роль в формировании гармонически развитой и духовно богатой личности художественной литературы, проведения регулярных встреч детей и взрослых с современными авторами, разными участниками литературной жизни страны и региона. В российском менталитете заложено, что «начитанность» или по крайней мере осведомленность о современном литературном процессе является важным свидетельством интеллигентности человека. А интеллигентность – это современный синоним достойного поведения и гуманистического образа мышления.

Оживленная дискуссия возникла при обсуждении темы «Современная литература в контексте патриотического воспитания молодёжи». Собственные «сценарии» развития ситуации участники секции предложили в ходе обсуждения проблемы «Необходима ли России система защиты культурного суверенитета страны?».

В принятом по работе секции решении участники считают необходимым:

1. О выведении государственной культуры из системы рыночных отношений.
2. Об установлении ответственности Минкультуры РФ и Общественного Совета при Минкультуры за выполнение государственной культурной политики.
3. О назначении на руководящие должности в творческие коллективы профессионально компетентных людей.
4. Об увеличении бюджета Минкультуры РФ.
5. Об обязательном подчинении всех региональных и муниципальных культурных ведомств страны решениям Минкультуры РФ.
6. Об обязательном согласовании руководством Минкультуры с Общественным Советом всех стратегически важных решений, бюджетного финансирования, кадровых назначений и политики Минкультуры в области кинематографии, театра и других сфер культуры страны.
7. О приведении деятельности государственных телеканалов и Фонда кино в соответствии с Основами государственной культурной политики.
8. О возвращении Роспечати и государственных телекомпаний в ведение Минкультуры РФ.
9. Предложить включить в критерий оценки эффективности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, утвержденный Указом Президента РФ от 21.08. 2012 №1199, критерий развития инфраструктуры чтения (доступности и распространённости библиотечного обслуживания), а также определенного минимума мероприятий по продвижению чтения.
10. Обратиться к руководителям региональных телевизионных каналов с просьбой рассмотреть вопрос о создании телевизионных и радио передач, посвященных чтению, местным авторам и региональному литературному процессу в целом.
11. Принятие закона о творческих организациях.
12. Издание современной литературной энциклопедии.
13. Проводить Дни российской литературы в регионах.

Прозвучали новые стихи Н.А. Жукова, посвящённые важнейшим событиям в мире и России. И.Б. Ушаков рассказал о деятельности Московской областной организации СПР под руководством Льва Константиновича Котюкова по увековечиванию богатейшего эпистолярного наследия святого праведного воина непобедимого адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова, 200-летие завершения земной жизни которого, отмечалось в прошедшем году в России и других странах. Короткое стихотворение выступившего было посвящено Тульскому форуму и его целям.

СКРЕПЫ

Скрепы духовные, скрепы железные,
Нужные нам, чтобы жить,
Скрепы для памяти душеполезные,
Если вас нет, то стране и не быть.

Сколько в вас силы и русского духа,
Держите храм и военные стены,
Вы бережёте наш Дом от разрухи,
Нежно храните Родины гены.

Скрепы культурные, скрепы духовные,
Вы всей истории главная нить,
В вечность несёте Руси родословные,
Будем же скрепы достойно ценить!

Модератор секции Николай Петрович Бурляев в завершение работы «сходу» блестяще наизусть зачитал стихотворение Николая Михайловича

«О, вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь! Внемлите
Простосердечный мой возглас!
Кто б ни был ты, одноплеменник
И брат мой: жалкий ли старик,
Её торжественный изменник,
Её надменный клеветник;
Иль ты, сладкоречивый книжник,
Оракул юношей-невежд,
Ты, легкомысленный сподвижник
Беспутных мыслей и надежд;
И ты, невинный и любезный,
Поклонник тёмных книг и слов,
Восприиматель достослезный
Чужих суждений и грехов;
Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все – не русской вы народ!

Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живёт, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью, к родине, не тот
Огонь чистейший, пламень ясный
Вас поднимает; в вас живёт
Любовь не к истине, не к благу!
Народный глас – он Божий глас, –
Не он рождает в вас отвагу:
Он чужд, он странен, дик для вас.
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша –
Ничто вам! Русская земля

От вас не примет просвещения,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестью своею
Не вам её преобразить,

Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрёт неверный ваш язык:
Крепка, надёжна Русь святая,
И русский бог ещё велик!»

Языкова «К ненашим», которое как никогда актуально и в наше время.



Фото 4

Форум завершился прекрасной экскурсией в великолепный Тульский кремль (фото 4). Многие участники выразили желание проводить форум на постоянной основе, сохраняя тем духовную засечную черту, созданную нашими предками в государстве российском и ее великой литературе.

На фото:

1 и 2 – мемориальные доски на здании Дворянского Соборания Тулы, где проходил культурный форум.

3 – Президиум секции «Современная проза и поэзия: имена, направления, тенденции». Слева направо: председатель Тульского регионального отделения СПР Николай Алексеевич Жуков. Народный артист России Николай Петрович Бурляев, директор Тульской областной универсальной научной библиотеки Татьяна Викторовна Тихоненкова.

4 – Участники форума в Тульском кремле. Слева направо: статс-секретарь СПР Павел Григорьевич Кренёв, член правления МГО СПР Виктор Геннадьевич Фролов, член правления МОО СПР Игорь Борисович Ушаков

*Игорь Ушаков
Николай Жуков
г. Тула*

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ... В ИСТРИНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

В канун Нового 2018 года в Истринской библиотеке имени А.П. Чехова состоялась первая выездная презентация книг членов Ассоциации Общественных Домов творчества писателей Московской областной организации Союза писателей России, названная «Наедине с природой». На ней жители Подмосковья и Москвы познакомились с новыми книгами Заслуженного писателя и поэта Московии, лауреата Премии Губернатора «Моё Подмосковье», президента Ассоциации Валентина Круговых и Заслуженного поэта Московии, Почётного драматурга Московии Владимира Кучеря.

Вел литературный вечер член Союза писателей России Владимир Иванович Кучерь. Он автор многих поэтических произведений – стихотворений, поэм, драм, награждён медалями А.В. Суворова «За вклад в культурное наследие России» и А.А. Брусилова «За веру, мужество и честь». Тонкий любитель и знаток природы, он запечатлел в своих стихотворениях и сонетах её многоликое богатство и красоту, свои походы на Крайний Русский Север (стихи «Костёр», «У водопада», «Первый снег» и многие другие).

В начале программы были зачитаны приветствия от Председателя Московской областной организации Союза писателей России Льва Котюкова – лауреата Государственной премии Центрального федерального округа РФ в области литературы и искусства, Заслуженного работника культуры РФ, а также от Президента Академии русской словесности, председателя Высшего творческого совета МОО СПР Григория Осипова. С сердечным приветствием от администрации Истры выступила директор МУК

Истринская ЦБС Татьяна Владимировна Вартанова. Она поблагодарила писательское сообщество за возможность открывать для читателей новые имена в литературе.

Презентация книги «Непокорённые» Валентина Круговых была представлена выступлениями читателей, учителей, учащихся школ, писателей и работников библиотек. Наталья Владимировна Богданова – учитель русского языка и литературы Костровской средней школы – приехала на презентацию со своими учениками. Они прочитали понравившиеся им рассказы, отрывки из повестей и высказали своё отношение к героям произведений.

Анастасия Ледовская выбрала рассказ «Белая голубка» и сделала его разбор, Вероника Королева – рассказ «Два брата – Мигель и Генерал», Кристина Феногенова – «Дружок», Алиса Писаренко – «Девочки сильнее всего растут во сне». Устами подростков произведения, написанные для них же, звучали убедительно.

Выступившая на вечере зав. методкабинетом Истринской библиотеки В.В. Королевич подчеркнула, что у библиотекарей к писателям Московской областной организации СП России своё трепетное отношение за организацию и проведение интереснейших научных чтений, посвященных юбилеям классиков русской литературы, и встреч с писателями. Эта встреча – очередное тому доказательство. Выставка книг, пред-



На фото: Валентин Круговых и Владимир Кучерь подписывают читателям свои книги.

ставленная Валентином Круговых, отразила ещё одну грань его таланта – яркая публицистика, литературоведение и поэзия. Он основатель, составитель, ответственный редактор многотомного историко-художественного «Космического альманаха».

Поэт Валерий Тихонов рассказал о просветительской деятельности Общественного дома творчества писателей им. К.Г. Паустовского МОО СПР, директором которого является В.В. Круговых, и прочитал своё новое стихотворение о встречах и работе писателей в этом доме.



На фото: Анастасия Ледовская читает полюбившийся рассказ «Белая голубка». Справа писатель Владимир Астафуров.

Владимира Кучерь представил свою книгу «От первого лица», включающую избранные стихи, поэмы, пьесы, среди которых особо следует отметить драму в стихах «Дочь Дантеса». Автор прочитал отрывок из этого драматического произведения – сцену окончательного разрыва Жоржа Дантеса со своей дочерью Леони. Узнав о том, что Дантес убийца великого поэта А.С. Пушкина, она не только клеймит отца, но и отвергает родство с ним.

Поэзия Владимира Ивановича – настоящее открытие для читателей. Особенно его «Корона сонетов», написанная в жанре, неподвластном современным поэтам. В ней все пятнадцать венков образуют единую структуру. Тематически данное произведение несёт социальную, религиозную, философскую и лирическую нагрузки.

На вечере выступали и читали свои стихи Заслуженные поэты Андрей Дебабов, Александр Сазонов, детский поэт Михаил Ерофеев и другие писатели. Авторы подарили свои книги библиотеке. Владимир Иванович Гусев, главный редактор журнала «Московский Вестник», доктор филологических наук, профессор подарил библиотеке свою книгу «97. Конец эпохи» и сборник стихов разных лет «Весна и зима».



На фото: Выступают Заслуженные поэты Андрей Дебабов и Александр Сазонов.

Присутствующие выразили пожелание как можно чаще встречаться с современными писателями в стенах этого замечательного храма литературы.

Валентин Круговых

День земляка в г. Весьегонске

С 27.07. по 29.07.2018 г. делегация МОО СПР пребывала в г.Весьегонске, самом северном городе Тверской области, расположенном на берегу Рыбинского водохранилища. Возглавил делегацию заместитель председателя правления МОО СПР, Президент Международной академии русской словесности Осипов Григорий Борисович. В состав немногочисленной делегации вошли Члены Союза писателей России: лауреат московской областной литературной премии им. Я.Смелякова Лариса Черникова и лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» Татьяна Суздальская. Творческая командировка делегации МОО СПР была приурочена «Дню земляка» и «Дню города» Весьегонска.

Очень тепло и радушно принимали московских гостей весьегонцы.

28 июля в городском парке, на берегу водохранилища проходил праздник дня города. Ярко и красочно были оформлены площадки всех поселений Весьегонского края, которые представляли своё творчество и рукоделие. Столы были уставлены сувенирами, поделками и прочей деревенской утварью. Развевались желтые флаги с эмблемой черного рака – символа г.Весьегонска. На летней сцене выступали самодеятельные артисты. Особое украшение праздника – ряженые аниматоры в разноцветных костюмах раков, которые прогуливались среди гуляющих в парке горожан, что придавало сказочное веселье празднику. Гулянья, музыка и представления продолжались до позднего вечера.

Утром 29 июля состоялась встреча с главой администрации Весьегонского района А.В Пашуковым и заместителем по культуре Е. Живописцевой. В кабинете главы управы, по случаю дня земляка, был накрыт праздничный стол, уставленный весьегонскими пирогами с черникой, клюквой, румяными ватрушками и другими вкусностями. Александр Владимирович поздравил всех присутствующих с праздником. За чаепитием обсуждались перспективы развития туризма в Весьегонском районе, говорили о насущном, поэты читали стихи.



Лауреат московской областной литературной премии им. Я.Смелякова Лариса Черникова представляет журнал «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова».

После застолья гости были приглашены в Салон «Русские ремёсла», где размещался краеведческий музей г. Весьегонска, который бережно собирают местные жители. Там и продолжился праздник в виде концерта, на котором выступили и московские поэты. Во время концерта, заместитель председателя правления МОО СПР Осипов Г.Б. поздравил всех гостей с праздником и торжественно вручил дипломы академика Международной академии русской словесности главе управы А.В.Пашукову и поэтам землякам.

Памятной медалью С.Я.Маршака была награждена Татьяна Суздальская, за издание детских книг «Разговорчивые буквы» и «Как-то спорили все ноты».

Лариса Черникова была награждена Дипломом заслуженного поэта России. Она представила гостям журнал «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова», а также альманах №1 «Казачка», который является приложением к журналу «Поэзия», главный редактор этих изданий заслуженный работник культуры, председатель Московской областной организации

Союза писателей России Лев Котюков. Лариса Черникова прочла стихи о Родине и родном крае, её с теплом принимали весьегонцы, как свою землячку, ведь она уже не впервые была на «Дне земляка» в Тверской области. Своими авторскими песнями порадовала гостей Татьяна Суздальская, особенно была отмечена песня о нелепо погибшем земляке Михаиле Круге.

После концерта все гости были приглашены на открытие, в честь «Дня военно-морского флота» памятной мемориальной доски контр-адмиралу Лапушкину Я.Я. (1904-1968), военно-морскому деятелю, контр-адмиралу, начальнику Гидрографического управления ВМФ СССР, который проживал в Весьегонском районе, деревне Титовское. Под звуки духового оркестра была торжественно открыта мемориальная доска, было сказано много теплых слов и воспоминаний земляков, сделаны фото.

Торжественное празднество «Дня земляка» и «Дня военно-морского флота» было продолжено в живописном месте, на природе, на берегу реки Молога. В свободной обстановке за изобильно накрытым столом продолжилось общение земляков, поэтов и гостей из Москвы. Еще раз были произнесены приветственные речи главы управы А.В Пашукова, Г.Б.Осипова и членов землячества. На берегу реки читала свои свежие стихи Т.Суздальская о впечатлениях и г.Весьегонске, которые были одобрены бурными аплодисментами. Царила теплая дружеская атмосфера.

Последний день пребывания в Весьегонске для нашей Московской делегации был очень насыщен. Во второй половине дня делегацию встречал в своем доме протоиерей Весьегонской православной церкви, поэт, член Союза писателей России Анатолий Симора. Очень тепло с открытой русской душой встречал батюшка Анатолий московских поэтов. В небольших перерывах продолжительной беседы и чтением стихов, руководитель московской делегации Г.Б Осипов вручил Анатолию Симору диплом Академика Международной академии русской словесности. Члены делегации обменялись с батюшкой Анатолием своими книгами, Лариса Черникова вручила ему альманах «Казачка», а Татьяна Суздальская подарила детскую книжку «Разговорчивые буквы», в ответ наши поэты получили книги Анатолия Симоры и его благословение.

За три дня пребывания в Весьегонске московской делегации членов МОО СПР, во главе с заместителем председателя правления МОО СПР Осиповым Г.Б была проделана большая творческая работа, а также было открыто два дома творчества Международной академии русской словесности, где теперь могут собираться поэты, художники, барды и все творческие люди для общения, вдохновения, выставки своих произведений и обмена творческим опытом. Ведь Весьегонский живописный и загадочный край богат не только лесами, березовыми рощами, чистыми реками, изобилием ягод, грибов, рыбы, раков, радушными и добрыми людьми, он полон чудес и вдохновения.



Члены делегации МОО СПР России на открытии мемориальной доски у дома контр-адмирала Лапушкина Я.Я. – Осипов Г.Б. с супругой, Черникова Л.Н., Суздальская Т.М.

Татьяна Суздальская

Содержание

ДРУЗЬЯ, ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ	3
Иван ПЕРЕВЕРЗИН (с. 4), Игорь УШАКОВ (с. 21), Людмила СНИТЕНКО (с. 30).	37
РУСЬ НЕИСТРЕБИМАЯ	63
Лидия ЖАРОВА (с. 38), Сергей ГАЗИН (с. 40), Валерий ШИТУЕВ (с. 43), Вячеслав ПОСТНИКОВ (с. 48), Андрей ДЕБАБОВ (с. 51), Михаил РУУШАН (с. 54), Владимир ЛОРИЯ (с. 56), Владимир ЗАЙЦЕВ (с. 59).	63
ЗОЛОТАЯ КОРОНА	110
Владимир КУЧЕРЬ (с. 63).	110
РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ	123
Анатолий СИМОРА (с. 111), Александр ПРИХОЖАНИН (с. 115), Элла КУЗНЕЦОВА (с. 119), Оксана МОСКАЛЕНКО (с. 121).	123
МАСТЕР-КЛАСС	135
Лев КОТЮКОВ (с. 124).	135
БОЛЬШОЕ В МАЛОМ	146
Эдуард ХАНДЮКОВ (с. 135), Игорь ШЕВЧЕНКО (с. 142).	146
ПЕСНЬ ЛЮБВИ	153
Валерий КИСЕЛЁВ (с. 147), Лариса ЧЕРНИКОВА (с. 150).	153
НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ	173
Елена БЕЛОВА: Олег Севрюков (с. 153), Сергей Газин (с. 163).	173
ПРОЗА ПОЭТОВ	212
Лев КОТЮКОВ (с. 173)	212
РУСЬ ПОЮЩАЯ	222
Игорь КУРИННОЙ (с. 212), Валерий БАТАЛОВ (с. 215), Наталия МАКСИМОВА (с. 220).	222
ДОРОЖНАЯ ТЕТРАДЬ	227
Сергей СОЛОВЬЁВ (с. 222).	227
ПОЭТЫ УРАНОВОГО ВЕКА	239
Олег СЕВРЮКОВ (с. 227), Нина АБРАШИНА (с. 231), Владимир БОРДЮГОВ (с. 233), Татьяна СУЗДАЛЬСКАЯ (с. 237).	239
ПОСВЯЩЕНИЯ	
Валерий ШИТУЕВ (с. 239).	

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ.....
Благодарность (с. 240).

ХРОНИКА НАШЕЙ ЖИЗНИ.....
Алексей ПЛОТНИКОВ, Оксана МОСКАЛЕНКО (с. 241),
Резолюция 2-го съезда писателей Подмосковья (с. 256),
Игорь УШАКОВ, Николай ЖУКОВ (с. 261),
Валентин КРУГОВЫХ (с. 266), Татьяна СУЗДАЛЬСКАЯ (с. 268).

Дизайн и верстка – Сергей Газин

Дизайн обложки – Эдуард Хандюков

Фото на обложке – Валерий Шитуев

*По вопросам распространения журнала
обращайтесь по телефону:*

8(495) 691-45-24

Журнал отпечатан
в ООО Издательство “Серебро слов”
Телефон 8(926) 433-33-99
E-mail: srebro.slov@gmail.com
Интернет-магазин на сайте:
<http://tvoyakniga.ru>

Формат 60x90 1/16
Гарнитура Baskerville Cyr LT Std.
Объём 16 п.л. Заказ №
Тираж 1000 экз.